

JYVÄSKYLÄ STUDIES IN HUMANITIES 20

Лилия Сиберг

“БЕЛЫЕ ЛИЛИИ”

ГЕНЕЗИС ФИНСКОГО МИФА В БОЛГАРИИ.
РОЛЬ РУССКОГО ФЕННОФИЛЬСТВА.
ФИНСКО-БОЛГАРСКИЕ КОНТАКТЫ И
ПОСРЕДНИКИ
С КОНЦА XIX ДО КОНЦА XX ВЕКА

JYVÄSKYLÄN YLIOPISTO

JYVÄSKYLÄ 2004

“БЕЛЫЕ ЛИЛИИ”

ГЕНЕЗИС ФИНСКОГО МИФА В БОЛГАРИИ.
РОЛЬ РУССКОГО ФЕННОФИЛЬСТВА.
ФИНСКО-БОЛГАРСКИЕ КОНТАКТЫ И
ПОСРЕДНИКИ
С КОНЦА XIX ДО КОНЦА XX ВЕКА

JYVÄSKYLÄ STUDIES IN HUMANITIES 20

Лилия Сиберг

“БЕЛЫЕ ЛИЛИИ”

ГЕНЕЗИС ФИНСКОГО МИФА В БОЛГАРИИ.
РОЛЬ РУССКОГО ФЕННОФИЛЬСТВА.
ФИНСКО-БОЛГАРСКИЕ КОНТАКТЫ И
ПОСРЕДНИКИ
С КОНЦА XIX ДО КОНЦА XX ВЕКА

JYVÄSKYLÄN YLIOPISTO

JYVÄSKYLÄ 2004

Editors

Erkki Peuranen

Department of Languages, University of Jyväskylä

Pekka Olsbo and Marja-Leena Tynkkynen

Publishing Unit, University Library of Jyväskylä

URN:ISBN9513919153

ISBN 951-39-1915-3 (PDF)

ISSN 1459-4331

ISBN 951-39-1446-1 (nid.)

ISSN 1459-4323

Copyright © 2004, by University of Jyväskylä

Jyväskylä University Printing House, Jyväskylä 2004

ABSTRACT

Siiberg, Lilia

'White Lilies': The Genesis of the Finnish National Myth in Bulgaria and the Role of Russian Fennophilia therein (on the Material of Cultural and Literary Relations between Bulgaria and Finland)

Jyväskylä: University of Jyväskylä 2004, 284 p.

(Jyväskylä Studies in Humanities

ISSN 1459-4331; 20)

ISBN 951-39-1915-3

Finnish summary

Diss.

The aim of the work is to research cultural and literary connections between Finland and Bulgaria that have not been studied before. These quite small countries are geographically distant from each other and have big cultural and social differences. Hence, a limited amount of material could be expected. An Unexpected discovery was that in Bulgaria there is a very positive national image about Finnish people; in a way the Bulgarians are fennophiles. The methodology was extended to include the cultural side using the terms world picture, national character, cliché and stereotyping. The first stereotypes were apparently already in place before the first official contacts between the two countries: the North and the South.

The first contact between these countries started dramatically: during the Russian-Turkish War 1877-1878 nine hundred Finnish volunteers participated in the relise of Bulgaria. The soldiers readily published their diaries and memoirs, whose main point was that "we" were at war "there". Direct literare connections started from year 1896. Various authors were of interest in Bulgaria according to clearly defined cultural, ideological and educational needs of the young country.

D. Bozhkov dedicated his tinne to the enlightenment of the Bulgarian people through publishing in Bulgarian the books known Russian public figure and fennophile G. Petrov. All the basic traits of Russian finnophilia were reflected in the book of G. Petrov "V stranata na belite lilii. Finlandia – Suomi" (1925): Finland was a small country, poor in natural resources, the home for poor, but persistent people ardently loving their fatherland and ready to die for it. Whereas big Russia, according to the thinking of the "progressive" intellectual of those times, received criticism as the oppressor, the opposite of the "white Evangelical lilies" – the Finns. The material follows the ideological code of an idealized model, the genesis of the national myth. This gives new approaches to the mechanism of the internal descriptions of national image and to the mechanism of the external perception of the country.

From the Finnish point a vising, there has been los interest in Bulgaria. During the national liberation movement, before 1917 the novel "Pod igoto" by I. Vazov was translated into finnish three times.

Keywords: Finnish-Bulgarian contacts, inter-cultural communication, national image, national myth

Author's address

FL Lilia Siiberg
Department of Languages
Russian Language and Literature
University of Jyväskylä Finland

Supervisor

Professor Erkki Peuranen
Department of Languages
Russian Language and Literature
University of Jyväskylä Finland

Reviewers

Professor Igor Černov
University of Tartu
Estonian

Docent Georgi Vălčev
Bulgarian Academie

Opponents

Professor Igor Černov
University of Tartu
Estonian

Docent Georgi Vălčev
Bulgarian Academie

*Tyttärilleni:
Sari-Maaret Sinikalle ja
Päivi Christinalle*

от автора

С 1973 по 1974 годы, изучая славянскую филологию в Хельсинкском университете, я училась болгарскому языку под руководством д-ра Георгия Вылчева. Он был первым, присланным по договору между Финляндией и Болгарией, преподавателем болгарского языка на кафедре славянской филологии в Хельсинкском университете. Он был прекрасным преподавателем, и его желанием было, чтобы мы все полюбили Болгарию и стали заниматься научной работой в области болгаристики. В фокусе его научных интересов была компаративистика, и прежде всего литературные связи между *малыми* народами. Его постоянной заботой было изучение культурных контактов между Финляндией и Болгарией. Я решила взяться за эту работу. Трижды я ездила в Софию для работы в архивах и библиотеках в краткосрочные командировки по приглашению БАН. Уже к 1980 году относятся мои первые наброски и публикации по теме "Литературные и культурные взаимоотношения между Болгарией и Финляндией с 1896 года по 1944 год". Однако обстоятельства не позволяли мне серьёзно засесть за работу. Только в 1990 году в связи с нововведением, которым поощрялась научная работа преподавателей университета, появилась надежда довести начатую работу до конца. А сделать это казалось необходимым: уже был собран большой материал, теме было посвящено много сил и раздумий.

В работе мне была оказана неоценимая помощь д-ром Георгием Вылчевым, который, предложив мне эту тему, не скупился давать помощь. Огромную благодарность я также выражаю тартускому учёному д-ру С. Г. Исакову, прочитавшему первый вариант моей работы ещё в 1981, а затем в 1997 году, и давшему мне практические советы относительно моей работы. Я глубоко признательна рецензенту д-ру И. А. Чернову, который не только внимательно прочёл мою работу, но и указал мне на новейшую литературу, которая помогла мне в решении некоторых проблем. Слова благодарности мне хотелось бы сказать переводчику болгарской поэзии поэту Тармо Манелиусу, который в 70-х гг. предоставил в моё распоряжение собранный им библиографический материал и всегда информировал меня о своих новых публикациях, д-ру Пертти Валтакари, прочитавшего мою работу и высказавшего ценные для меня мысли, а также д-ру Ээро Сувилехто, который всегда находил время поговорить со мной о болгарской литературе и Болгарии.

И, наконец, я выражаю чувство искренней благодарности профессору Эрки Пеуранену, руководителю моей работы, за оказанную мне конкретную помощь и коллегам, понимавшим трудности одновременной профессиональной и научной работы, всегда старавшимся облегчить мне нагрузку и неизменно проявлявшим ко мне дружескую симпатию, которая ценнее денег. Относительно последних следует сказать, что из-за возрастных цензов я не входила более в ту категорию учёных, которым дают на научную работу гранты.

Лилия Сибег

СОДЕРЖАНИЕ:

ABSTRACT

От автора

1	ВВЕДЕНИЕ	13
1.1	Предмет и задачи исследования	13
1.1.1	Изнченность вопроса	15
1.1.2	О терминах <i>малый народ</i> и <i>запоздало-ускоренное развитие</i>	20
1.2	Методологический аппарат исследования	22
1.2.1	Компаративистика	22
1.2.2	Проблемы рецепции и конкретизации	23
1.2.3	К вопросу картины мира, стереотипизации и национального образа.	27

Первая часть

2	АНАЛОГИИ И РАЗЛИЧИЯ В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ МАЛЫХ НАРОДОВ (на примере Болгарии и Финляндии) 33	
2.1	Подъём национального самосознания болгар и пути Болгарии к независимости (схема для сравнения)	34
2.2	Процесс развития национального самосознания и путь Финляндии к независимости (схема для сравнения)	40
2.3	Выводы: к типологии различий и общностей процесса развития народов малых стран: Болгарии и Финляндии.	52
2.3.1	Различия	52
2.3.2	Аналогии	54

Вторая часть

3	КОНТАКТЫ МЕЖДУ БОЛГАРИЕЙ И ФИНЛЯНДИЕЙ	59
3.1	О посредниках в финско-болгарских связях	59
3.1.1	Финский батальон в войне за освобождение Болгарии.	59
3.1.2	Роль Казимира Эрнрота в первом правительстве свободной Болгарии	64
3.1.3	Алексей Апостол - живая память о балканской эпопее.....	67
3.1.4	И.Ю. Миккола и его роль в научных и культурных контактах	68
3.1.5	Участие финна Г. Гебхарда в болгарской кооперативной деятельности	71
3.1.6	Александр Шишманов - друг семьи Микколы, переводчик	74
3.1.7	Посредники и популяризаторы как нить связующая народы	78
3.2	Рецепция болгарской литературы в Финляндии	82

3.2.1	Возникновение науки болгаристики в северной Европе	82
3.2.2	Болгарская культура и литература в финских изданиях энциклопедического типа	83
3.2.3	Иван Вазов в Финляндии	87
3.2.4	А. Йенсен о Пенчо Славейкове	89
3.2.5	Луиджи Сальвини о Пейо Яворове	91
3.2.6	Й.Йовков, Елин Пелин, А. Каралийчев и др. на финской почве	92
3.3	Рецепция финской литературы в Болгарии	95
3.3.1	Переводы Пяйвяринты и просветительские мотивы	95
3.3.2	Сантери Алкио, Юхани Ахо и социальные мотивы	98
3.3.3	Толстовство и Арвид Ярнефельт в Болгарии	100
3.3.4	Поэзия, фольклор и "Калевала"	108
3.3.5	Реалист Фр. Э. Силланпя в болгарской рецепции	114
3.4	О принципах выбора малым народом произведений для перевода	119
3.5	Контакты между Болгарией и Финляндией в 50-90-гг. XX в	121

Третья часть

4	ИСТОКИ ФИНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ОБРАЗА В БОЛГАРИИ	130
4.1	Характеристика финнов болгарскими реципиентами	130
4.2	К появлению метафоры <i>белые лилии</i> в финском дискурсе	131
4.3	Книга "В страната на белите лилии. Суоми - Финландия"	136
4.4	Г.С. Петров. О его жизни и мировоззрении	142
4.5	Русское феннофильство как источник феннофильства Г. С. Петрова	148
4.5.1	Фенномания и расизм	148
4.5.2	К рецепции финнов русскими	151
4.5.3	Русское феннофильство конца XIX и начала XX вв.	158
4.6	Диньо Божков и его роль в переносе феннофильства Г. С. Петрова на болгарскую почву	161
4.7	Опыт сопоставительного описания национального образа финна в картинах мира русского и болгарина	165

Четвёртая часть

5	К МОДЕЛИ ГЕНЕЗИСА ФИНСКОГО МИФА	172
5.1	К определению термина современный миф	172
5.1.1	Национальный миф как один из подвидов современного мифа	175
5.2	Опыт описания национальных образов болгар и финнов	178
5.2.1	Национальные черты болгар и их стереотипы в финской рецепции	178
5.2.2	Константы финского мифа в Болгарии	184
5.2.3	Поиск отличительных черт	191

5.3	О проблемах национального мифа	195
6	ЗАКЛЮЧЕНИЕ	203
6.1	Генезис финского национального мифа в Болгарии	203
6.2	Периодизация взаимоотношений Болгарии и Финляндии	210
	YHTEENVETO	214
	ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА	216
	Опубликованная	216
	Неопубликованная	234
	Архивные материалы	235
	БИБЛИОГРАФИИ	237
	Финская литература, переведённая на болгарский язык и статьи о ней до 1945 года	237
	Основные статьи о Финляндии до 1945 года	240
	Финская литература, переведённая на болгарский язык и статьи о ней с 1945 по 2000 год	242
	Основные статьи и книги о Финляндии с 1945 по 2000 год	255
	Болгарская литература, переведенная на финский язык и статьи о ней с 1910 по 2000 год	259
	Статьи и книги о Болгарии с 1906 по 2000 год	267
	Словари	274
	ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	275

1 ВВЕДЕНИЕ

1.1 Предмет и задачи исследования

Темой нашего исследования являются финско-болгарские культурные и литературные связи, а также изучение их специфических особенностей в ряду интеркультурных контактов. Наше исследование распадается на четыре равные по значимости части, в каждой из которых мы стремимся найти ответ на поставленные нами задачи. Первой задачей является изучение общественно-политического и культурного развития народов во время возникновения контактов и их динамики. Типологические сходства и различия в этих процессах помогут нам обнаружить причины своеобразия и уникальности сложившихся между Болгарией и Финляндией взаимоотношений. Перспективно было бы проследить не только взаимоотношения, но и провести сравнительные исследования генезиса литературных течений, таких например, как романтизм, реализм, символизм, неоромантизм и т. п., но это будет задачей других исследователей. Во второй части мы анализируем фактографический материал болгарско-финских литературных и культурных связей, заостряя внимание на вопросах рецепции. Придерживаясь хронологического порядка изложения материала, мы рассматриваем деятельность лиц финского происхождения, принявших участие в болгарских исторических событиях: на военном поприще (Финляндский батальон), дипломатическом К. Эрнрота (K. Ehrnrooth), научном - вклад в болгаристику И.Ю. Микколы (J.J. Mikkola), народного просветительства П. Пяйвяринты (P. Päivärinta), непротивленческого движения или толстовства А. Ярнефельта (A. Järnefelt), кооперативного дела Г. Гебхарда (H. Gebhard). Особое внимание будет уделено посредникам в отношениях между странами и первым публикациям писателей в обеих странах в течение первых пяти десятков лет взаимосвязей.

Далее следуют факты презентации Финляндии очевидцами Г. С. Петровым и Д. Божковым, Г. Гунчевым, Д. Боюклиевым. Героическая борьба финнов за свою родину в войне 1939 года будет также принята в нашем исследовании во внимание, как один из важных факторов, закрепивших положительную константу в национальном образе финна в Болгарии. Книги о Финляндии были написаны уже в послевоенное время А. Големановым (1967) и Е. Кирановой (1981), а в Финляндии в эти же годы было издано около десятка туристических брошюр о Болгарии С. Салокорпи, Е. Кондаковой и Т. Юлиненом (S. Salokorpi, E. Kondakov, T. Ylinen).

В процессе исследования выявился факт особой симпатии к Финляндии и финнам у болгар. Об этом свидетельствуют многие финские авторы, как например: Э. Кондаков, Т. Юлинен, С. Салокорпи, О. Талас, П. Юркянкаллио (O. Talas, P. Jyrkänkallio). Отголоски его можно найти и в книгах А. Големанова и Е. Кирановой, а также других болгарских авторов, о чём подробнее в ходе работы. Эту особую предрасположенность к финнам наблюдал лично автор данной работы при контактах с болгарскими во время своих научных поездок в Болгарию в 70-80-е гг. XX века. У финнов мы не находим особого выделения болгар из массы других этносов. Анализ исторических судеб обеих стран и литературных и культурных взаимоотношений будет проводиться с целевой направленностью найти и объяснить причины уникального явления симпатии и уважения болгар к стране далёкой и малоизвестной. Для воссоздания объективной исторической картины взаимоотношений и контактов важно понять, какие из них в действительности оставили след в сознании воспринимающей стороны и повлияли на национальный образ носителя привносимого народа. Анализу национального образа финна в болгарской рецепции на основании изученного нами материала будет посвящена третья часть работы.

Одной из важнейших тем является определение места книги Г.С.Петрова "В страната на белите лилии. Суоми - Финландия" (1925) в ряду констант, воздействовавших на создание финского национального образа в Болгарии. Роль русского интеллигента феннофила Г. С. Петрова из побочной, как человека, написавшего книгу в ряду с другими написанными о Финляндии статьями и книгами (а их было немало)¹, вырастает в главную, как посредника в переносе русских феннофильских взглядов на болгарскую почву, которые отразились в национальном образе финна в Болгарии. Вследствие этого нами кратко рассматривается история контактов русских с финнами с попутным выявлением специфических черт русского феннофильства и сходства русского феннофильства с болгарским.

---

¹ См. М. Бородкин "Финляндия в русской печати" Петербург 1902, 1915

В четвёртой части мы анализируем существующие на сегодняшний день теории современного мифа и, прежде всего, национального мифа, и теоретически обосновываем нашу гипотезу о наличии в картине мира болгар национального мифа о финнах. В заключении характеризуется модель генезиса и распада финского национального мифа и даётся периодизация контактов между Болгарией и Финляндией.

В процессе работы была собрана библиография, которая является наиболее полной на сегодняшний день. При работе над библиографией переводов болгарской литературы в Финляндии нам помогли материалы Тармо Манелиуса (Tarmo Manelius), а в библиографии переводов финской литературы в Болгарии - Георгия Вылчева и Ристо Койвисто (Risto Koivisto). Библиография дана как приложение к нашей работе. Фонетические системы финского и болгарского языков во многом отличаются друг от друга и трудностью при составлении библиографии стала ещё до конца не выработанная транскрипция болгарских букв на финский и наоборот. В разные времена давались разные рекомендации (Hyrkkänen 1975, Porola 2001) Многие имена писались по-разному: фамилия Päivärinta давалась по-болгарски как Пейверинт или Пайваринта, а фамилия Вълчев, например, имеет множество вариантов на латинице: Valtšev, Vultčev, Vältjev и т.п. Мы в библиографии будем придерживаться рекомендаций ISO, за исключением тех имён, которые широко известны в Финляндии и имеют свою традицию написания.

Даты жизни субъектов исследования, за исключением важнейших с точки зрения нашей темы, в целях избежания перегрузки текста числами, будут обозначены в именном указателе. Имена в русском тексте даются соответственно русской традиции написания, в болгарском тексте - болгарской традиции и в финском - на латинице. Для ясности финские имена при первом упоминании в тексте будут даны по-фински. Перевод финских цитат на русский сделан автором и при коротких цитатах он прямо следует за цитатой, а более длинные даны в ссылках после главы. Автор исходит из того, что цитаты на болгарском языке будут понятны читателю, знающему русский язык, и не переводит их, тем более, что они обычно предваряются фразами, раскрывающими их смысл.

1.1.1 Изученность вопроса

Вплоть до наших дней в научно-исследовательской литературе культурные и литературные взаимоотношения между Болгарией и Финляндией нашли весьма слабое отражение и они очень неполно представлены в библиографиях. Например, библиография "България в чуждата литература. 1917-1963" в трёх томах включает только три библиографические ссылки на издания на финском языке, из них верной оказалась лишь одна, библиографическая заметка о книге И.Ю. Миккола *Urslavische*

Grammatik, 1, Heidelberg 1950. Две другие заметки ошибочны: одна (4440) касалась эстонской книги, а другая (4364) - шведской. В Национальной библиографии Болгарии произведения двух писателей: Йоханы Сибелиус и Тилкена - отнесены к финским, хотя, согласно сообщению Финского литературного общества, имена таковых писателей им неизвестны. Библиографии финской литературы, переведённой на другие языки, по части переводов на болгарский, тоже далеко не полные (сравните нашу библиографию с библиографией 1979 года Haltsonen & Puranen 1979). Нами были *de visu* просмотрены картотеки национальных библиотек и архивов в Хельсинки и Софии, а также газеты и журналы, которые издавались в Болгарии с 1878 до 1945 года. В Болгарии это был период послеосвободительного национального культурного подъёма, который ознаменовался интенсивным ростом периодической печати и число названий достигает девяти тысяч.

Финские и болгарские архивы небогаты материалом о финско-болгарских контактах: в болгарских архивах нашлось несколько писем от проф. И.Ю. Микколы к известному историку Василию Златарскому, единичные письма, как например, учившегося в Мюнхене Сантери Анкерия (Santeri Ankeria) в Министерство просвещения с просьбой о разрешении приехать в Софию для работы над докторской диссертацией и т. п. В финских архивах самыми богатыми по связям с болгарскими оказались частные архивы И.Ю. Микколы, его жены Майлы Талвио (Maila Talvio псевд., ур. Winter) и Арвида Ярнефельта (Arvid Järnefelt). Государственные архивы Болгарии сохранили больше материалов об экономических связях и торговых отношениях. В Историческом архиве хранятся документы торговых отношений с 1933 по 1943 год: продажа винограда, табака, основного продукта болгарского экспорта. В них фиксируется деятельность финских бизнесменов, которые вывозили из Болгарии виноград, опиум, рициновое масло и, конечно, табак и пр. Менее полно передавались на хранение архивы общественных организаций, впрочем, в документах министерства культуры Болгарии сохранилась переписка обществ трезвости обеих стран по организации совместной конференции. В фондах министерства культуры хранятся документы, относящиеся к устройству этнографической выставки в Финляндии (1937) и др. странах². В действительности же контакты уже до 1945 года были гораздо теснее и об этом существуют косвенные свидетельства. В Финляндии можно, например, неожиданно обнаружить журнал "Теософия" болгарского теософского общества, факт, который напоминает исследователю, что издательства, особенно идеологические, обменивались

---

² Подобные этнографические выставки были организованы также в Праге, Варшаве, Стокгольме и Вене (БДА ф. 888 а.е. 235 (22.01.1938)).

своими изданиями и имели связи, но их архивы, особенно в период социализма в Болгарии (1945- конец 80-х гг.), хранились у частных лиц, так что современные болгарские архивы не открывают всей панорамы болгаро-финских взаимоотношений. Уже есть случаи, когда, казалось бы, исчезнувшие материалы стали доступными исследователям, как например, архив Г. С. Петрова и Д. Божкова - одних из главных субъектов в болгаро-финских контактах. Семья Д. Божкова в конце 90-х гг. XX века в послеперестроечное время предоставила свой архив с бумагами Д. Божкова и Г.С. Петрова Дечко Лечеву, исследователю и издателю книги Г. Петрова "В страната на белите лилии. Суоми - Финландия" в 1992 году. В 2000 году с этим архивом познакомилась финская исследовательница Марина Витухновская и приобрела рукопись на русском языке произведения Г. Петрова "В стране белых лилий"³ для Государственного архива Финляндии. Лучше обстоит дело с финскими лингвистическими исследованиями, поскольку профессор славистики Хельсинкского Университета Йоуко Линдстедт (Jouko Lindstedt) поддерживает на страницах Интернета библиографию работ по славистике, в число которых входят работы и по болгаристике. Существуют довольно обстоятельные обзоры истории финской славистики В. Колари и П. Песонена (Kolari 1985, Песонен 1995), а также краткие обзоры развития болгаристики как в Финляндии (Линдстедт 1981, Вълчев 1981а), так и в других скандинавских странах. (Вълчев 1981б,в, Гранес 1980, 1981, Дончев 1967, Хулт 1981 и пр.) Нить финско-болгарских контактов, начиная с 1878 года, участия финского батальона в Русско-турецкой войне 1877-78 г. и до сегодняшних дней, в течение вот уже более ста лет никогда не прерывалась. Однако линия контактов очень тонка, и временами переходит в пунктир (1878-1896, 1945-1960). В течение ряда лет после Второй мировой войны Финляндия была для обыкновенного болгарина "твърдо далечна и почти непозната". (Големанов⁴ 1967: 71)

Средства массовой информации уделяют мало внимания далёкой и относительно спокойной и благополучной Болгарии. В каталоге АРТО, в Интернете, ок. 200 библиографических заметок о статьях в финских периодических изданиях за несколько десятков лет. От sporadических статей до 70-х годов, до двух-трёх - в 70-е и начале 80-х гг. и в связи с

---

³ Здесь в дальнейшем мы называем книгу Г.С. Петрова: "В стране белых лилий" - условно, так как русское название её неизвестно и болгарское "В страната на белите лилии. Суоми - Финландия" дано книге переводчиком Д. Божковым.

⁴ Книга Алеко Големанова "Среща с Финландия" была опубликована издательством "Международна политика" в связи с интенсификацией дипломатических и экономических взаимоотношений между Болгарией и Финляндией. Министры иностранных дел обменялись визитами (1965, 1966) и в 1967 г. Болгарию посетил президент Финляндии Урхо Кекконен.

перестроечными переменами в Болгарии с середины и конца 80-х годов XX века публикуется до 10-20 статей в год. Современные авторы обнаруживают интерес к болгарской народной и популярной музыке, спорту, сельскому хозяйству (их мы оставим в стороне), но о некоторых интересных с культурологической точки зрения статьях мы упомянем, а статьи, касающиеся литературы и культуры будут приведены в нашей библиографии. Небогат болгарскими именами и фонд национальной библиотеки Фенника: всего 117 библиографических ссылок. Тем не менее обе страны органически присутствуют в картине мира своих жителей, и образы стран и народов имеют в картинах мира свои специфические черты и коннотации.

Современникам обычно представляется, что важнейшей нитью, связывающей Болгарию и Финляндию, является туризм. Во времена социализма - это, прежде всего, были поездки финнов к тёплому Чёрному морю. Целям развития туризма служит большая часть книг, популярно излагающих основные факты болгарской истории, экономики и культуры, а также несколько небольших словарей. В период политического и экономического сближения стран, начиная с 60-х гг., о Болгарии вышло с десяток книг: Bulgarian kasvot 1964, Ylinen 1968, 1971, 1975, 1978, Kondakov 1983, Salokorpi 1985, 1986, 2000 и др. Все они спонсировались болгарским правительством и "Балкантуристом". В Болгарии Финляндию популяризировали, как уже говорилось, книги А. Големанова (1967) и Е. Кирановой (1981).

К 1945 году, период который находится в фокусе нашего исследования, вышло всего несколько книг: Калле Вянанена (Kalle Väänänen) Bulgaria, maa ja kansa (1913), Олли Нуорто (Olli Nuotrto) Balkania autossa ja auton alla (1930), в которой одна глава посвящена Болгарии, и книга профессора В. Мансикка Bulgaria: lyhyt yleiskatsaus (1937), приуроченная к болгарской этнографической выставке в Хельсинки. В Финляндии в конце прошлого века в печати существовал "болгарский период", связанный с Русско-турецкой войной 1877-78 г., когда в сражениях за освобождение Болгарии в Русской армии принимали участие и финские бойцы, дневники и письма которых публиковались в прессе и издавались отдельными книгами. Там корни популярной песни "Balkanin vuorilla" (На Балканских горах), рассказывающей о трудной жизни финских воинов: paljon on kärsitty vilua ja nälkä / Balkanin vuorilla taistelesaan¹, а также десятков других песен, которые пелись финскими воинами (Hiisivaara-Hela 1983). Кстати, существует междометие, выражающее удивление: "voi turkkilainen!" (ох, ты турок!) истоки которого, пожалуй, можно отнести к временам той же войны. Мотивы участия финнов в освободительной войне имеются в некоторых финских фильмах и литературных произведениях. События 1877-78 года относятся к

наиболее изученным в финско-болгарских контактах (см. Ehrnrooth 1967. 2 p. 2002, Hiisivaara 1968, Нувämäки 1964, Mikkola 1934, 1938, Laitila 2001 и др.).

Изучается документальная беллетристика участников войны 1977-78 года и в других странах, например в Румынии (Флореа 1978) и, конечно, в Болгарии (Дудевски 1978). Дневники и письма финских воинов с болгарской стороны исследовал Г. Вылчев в работе "Финландски дневници и мемоари от 1877-78". Эта небольшая по объёму книга является первым исследованием о финско-болгарских взаимоотношениях. Особую ценность ей придают определение жанра и литературных достоинств дневников. В них находят своё отражение рецепция финскими солдатами болгарской действительности того времени. Они стали содержанием "болгарского периода" (Вълчев 1978: 380) от 1877 до 1900 в финской прессе, когда в Финляндии подробно освещались события на Балканах и в Болгарии.

Серьёзных компаративистских исследований о финско-болгарских литературных и культурных связях до недавнего времени не было, существовало лишь несколько статей популяризирующего характера (см. работы Г. Вълчева 1993, 1994, Белчева 1971, С. Пяйвярине 1995, R. Koivisto 1995, L. Siiberg 1980, 1981a, 1981b, 1989, 1990, E. Suvilehto 1988). В 1999 году Г. Вылчев опубликовал книгу "Финландците за нас и ние за тях. От края на XIX до края на XX в.", в которой он переиздал свою работу "Финландски дневници и мемоари от 1877-1878 г.", дал портретные этюды финских болгаристов И.Ю. Микколы, Й. Линдстедта, Э.Сувилехто, Л. Сиберг, Т. Манелиуса и Р. Койвисто, а также краткий обзор переводов на болгарский язык произведений Алексиса Киви, Пааво Хаавикко, Ф.Е. Силанпя и Мики Валтари (Aleksis Kivi, Paavo Haavikko, F.E. Sillanpää, Mika Valtari) и, более подробно, "Калевалы". Г. Вылчевым дана также краткая хронологическая (по десятилетиям) библиография переводов финских книг на болгарский язык и статей о них от 1896 до 1999 года.

В то же время в обеих странах проведено множество компаративистских исследований. Достаточно хорошо изучена Финляндия в её взаимоотношениях с англоязычными культурами: США и Англией: (Virtanen 1988, Kero 1967, 1996): (Kovala 1991, 1992, Sajavaara 1986, Sarajasó1957), Германией (Klinge 1989), а также соседними, "знакомыми" странами: скандинавскими и Россией (Lappalainen 1975, Laurila-Helmann 1989, Peuranen 1986, Некрасов 1993, Tihmeneva 1986, 2001, Tihmeneva & Peuranen 1985, Тихменева 1998), а также, например, с Чехией (Fárová & Kulkki-Nieminen 1996), Венгрией (Varpio & Nage 1990). Менее изучены отношения с Португалией (Lappi-Seppälä 1986), Японией (Pigg 1986), Китаем (Saarti 1986) и т. д.

В Болгарии основательно изучены связи с Англией (Русев 1978), Германией (Андреева-Попова 1985, Бързакова 1979, Минкова 1985, Радонов

1979, и т. д.), Польшей (Pullat 1980), Эстонией (Исаков 1969, 1970, 1983, Вылчев 1993, 1994, Маамяги 1997), Швецией (Дуйчев 1980) в основном, в экономической и политической плоскости. И если до 70-х гг. были ситуации, что в болгарской историографии исследования "в областта на културните взаимоотношения" были малоисследованы (Костова 1979:588), то эти лакуны стремились заполнить. Эти книги не всегда были систематическим изложением культурных взаимоотношений, а лишь являлись сборниками статей на темы, находящиеся в разных плоскостях культурной и экономической жизни⁵. Контакты между Болгарией и близлежащими странами: Грецией (Жечев 1978), Венгрией (Ракоши 1980, Попиванов 1980), Румынией, и, в особенности, со славянскими (Конев 1966, "Славянските литератури в България" 1988, Злыднев 1985 и пр.) изучены достаточно подробно, составлены антологии и библиографии материалов и документов, но как уже говорилось, контакты между странами географически отдалёнными друг от друга, малыми народами пока реже привлекали внимание учёных и поэтому существуют белые пятна неисследованных или малоисследованных территорий. К белым пятнам относятся взаимоотношения и контакты между Финляндией и Болгарией. Тема уже открыта на научных финско-болгарских семинарах и болгарско-скандинавских симпозиумфх, а также на симпозиуме финско-болгарских культурологов в Софии (1987). В последнее время у финских и болгарских учёных имеются совместные проекты исследований (см. например, Housework 1992, Kanerva 1996, Two cultures coming together 1-3, 1996, Suoninen 1989, Linko 1987 и др.) и, когда изучаются те или иные проблемы народов Балканского полуострова, как например: Balkan 2000 (1997, 1999), то и Болгария всегда оказывается в этой связи в поле зрения учёных.

1.1.2 О терминах *малый народ* и *запоздало-ускоренное развитие*

Одним из ключевых терминов в нашем исследовании будет термин: *малый народ*. Компаративисты предлагают также термины *малочисленные народы*, *небольшие народы* и пр. В компаративистике этими терминами обозначают те европейские этносы, которые по разным объективным историческим причинам находились в течение сотен лет под чуждым владычеством. Их можно условно разделить на две группы: одним в процессе национально-освободительного движения удалось освободиться и создать своё национальное государство (к ним относятся Финляндия и Болгария), а другие продолжают оставаться частью какого-либо

---

⁵ В Болгарии изданы сборники по литературным и культурным взаимоотношениям: българо-немски..., българо-руски..., българо-унгарски..., българо-румънски... и т.п. Точнее названия данных компаративистских исследований см. в главе "Использованная литература".

государственного образования. Первые имели аналогичную судьбу своего национально-культурного развития: с процессом распада империй они получили широкую возможность заявить о себе и начать целенаправленно развивать свою письменную, литературную и культурную традицию. Никаких иных импликаций в термин *малый народ* нами не вводится.

Одним из используемых нами терминов является *запоздало-ускоренное развитие* малых народов. Его разработал известный русский литературовед, болгарин по происхождению, Г.Д. Гачев, внёсший огромный вклад в исследование компаративистики и проблемы культурной антропологии своими книгами о национальном образе мира (смотрите подробнее в главе 5.2.4). Учёными было обнаружено, что раз кем-то открытое быстрее усваивается другими субъектами. В своей книге "Ускоренное развитие литературы" (1964) Г.Д. Гачев проследил этот феномен в культурах малых народов, назвав его запоздало-ускоренным развитием. Завоеватели не считались с интересами коренного населения, а наоборот, стремились ассимилировать его. Как следствие этого, национальная культура завоёванного этноса выпадала из общего процесса культурного развития европейских (объектами нашего исследования являются только европейские страны) стран, и синхронность с европейскими культурными достижениями у малых народов нарушалась. Факт нарушения синхронности культур делается релевантным только в том случае, если принимать за точку отсчёта европейскую культуру, как это принято в современных культурологических работах. Мы воспользуемся этой точкой отсчёта, от которой легко отталкиваться, так как периоды европейской культуры общеизвестны, но оговоримся, что европоцентристская модель мира, с некоторыми вытекающими из этого умозаключениями, как например, о передовых и отсталых культурах, вызывает у нас возражения.

Итак, финны и болгары - наряду со многими другими малыми народами - имели общую типологическую черту: "ускоренное развитие" литературы и культуры, быстрый подгон их под европейские стандарты. Культура малых народов имеет замедленное развитие в силу актуальных причин: иностранное иго, иногда отдалённое от европейских культурных центров географическое положение, внутренняя закрытость и т. п., затем, когда эти препятствия устраняются, народ оказывается в "магнитном поле" современности и быстро растит свой культурный потенциал, подключаясь к окружающим стандартам жизни (Гачев 1964: 3). Г.Д. Гачев напоминает, что ускоренное развитие было замечено уже В. Г. Белинским, который сказал в своё время о России: "Мы вдруг переживаем все моменты европейской жизни, которые на Западе развивались последовательно" (Гачев 1964: 8-9). За время XIX и начала XX столетия они освоили европейские литературные течения от просветительства к романтизму, от

наивного реализма к критическому реализму. Именно поэтому финская и болгарская литературы в типологическом развитии более сопоставимы между собой, а также, например, с латвийской или словацкой литературами, или литературами других малых народов, чем например, с соседней шведской, с которой обычно сопоставляют финскую литературу. Учеными проводятся сравнительные исследования генезиса литературных направлений малых народов (Цанев 1978, Горский & al. 1983 и т. д.)

1.2 Методологический аппарат

1.2.1 Компаративистика

Межлитературные контакты, типа разных сообщений и упоминаний в прессе, конкретные связи писателей и литературных деятелей, переводы, если они выполняют информационную функцию, литературно-критические и историко-литературные работы и обзоры, которые не оставили видимого следа на литературном процессе и на национальной литературе, принято называть *внешними контактами*. Кстати, известный словацкий компаративист Диониз Дюришин в своей обширной работе "Теория сравнительного изучения литературы" к внешним контактам относит и национальные мифы (Дюришин:1979:103-113). Когда же осуществляются непосредственные межлитературные контакты, в которых взаимодействие национальных литератур обнаруживается в литературном процессе, то появляется возможность делать типологические обобщения, в которых в литературной компаративистике используется термин *внутренние контакты* (Дюришин:1979:113-118). Материал, которым располагает исследователь контактов между малыми, далеко отстоящими друг от друга странами, чаще всего относится к внешним контактам.

В истории компаративистики отношение к изучению внешних контактов менялось. Интерес к ним был характерен для позитивистских и постпозитивистских периодов. Некоторыми учёными (Жирмунский 1961, Георгиев 1978) подобные исследования назывались "фактографическими", и ценность их для науки ставилась под сомнение, по сравнению с работами, рассматривающими типологические сходства и различия литератур, т.е., по словам Бояна Ничева, когда двигаются от поверхности процесса к её сущности (Ничев 1978: 32). С методологической точки зрения фактографические исследования представляют начальную стадию научного изучения вопроса. Сбор материала является отправной базой сравнительного рассмотрения и первичной его систематизации, давая, таким образом, основу и предпосылки для исследования собственно литературной проблематики связей (Дюришин 1979: 103) и определения их

специфики. "Позитивистский" период в истории компаративистики сослужил неоценимую службу сравнительному изучению. Научное рассмотрение внешнеконтактного материала особенно актуально в тех национальных литературах, где позитивистский метод не получил сколько-нибудь серьёзного развития и часто неизвестны самые основные факты. (Дюришин 1979: 107) В этом же ряду стоит изученность контактов Финляндии и Болгарии.

Довольно часто перед исследователем возникает проблема выбора и его предостерегают при исследовании контактно-генетических связей и внешних контактов от опасности увлечься фактографией "когда не знаешь, где поставить точку и каким количеством конкретных наблюдений можно ограничиться" (Горский 1975: 201), исследователю напоминают также о том, что направленность исследования должна диктоваться "степенью эквивалентности явлений". (Дюришин 1979: 103) Однако, в нашем случае отказываться, практически, не от чего, наоборот, из-за малочисленности, каждое из свидетельств проявленного интереса или контакта самоценно и заслуживает того, чтобы он был зафиксирован. Это является также причиной того, что при рассмотрении внешних контактов будут браться оба его подтипа одновременно как *литературные* контакты, так и *внелитературные*, и из них, прежде всего, культурные и научные контакты. Малое количество контактов Финляндии и Болгарии придаёт каждому контакту, будь он на культурном, дипломатическом или экономическом уровне, особую выпуклость и повод для умозаключений. В нашем случае, когда речь идёт о генезисе национального мифа, все эти контакты дополняют друг друга, позволяя воссоздать тот процесс взаимоотношений между финским и болгарским народами, который привёл к этому редкому в компаративистике явлению национального мифа.

1.2.2 Проблемы рецепции и конкретизации

Изученный нами материал литературных и культурных связей Болгарии и Финляндии в силу некоторых уникальных особенностей в межкультурных взаимоотношениях этих стран, подход к изучению контактов находится в пространстве смежных наук литературной и культурной рецепции. Малочисленность чисто рецептивного материала, с одной стороны, а с другой, наличие в нём некоторых ярко выраженных черт, как например, положительного образа финнов, поставило нас перед новыми методологическими трудностями. Во-первых, предлагаемые до сих пор модели исследования литературной и культурной рецепции слабо соотносятся друг с другом, часто противоречивы и по ним трудно придти к конкретным выводам или гипотезам (Segers 1985: 116, см. также сб. "Проблемы на сравнительного литературознание" 1978). Во-вторых, обычно модели разрабатываются в территориальных границах более тесно

соприкасающихся, чем в нашем случае, когда страны географически отдалены (Takala 1982) и контакты спорадичны. В-третьих, долгий период контактов, начавшихся с 1878 года, находится за рамками современности. Проблемы, стоящие перед исследователем, изучающим историческую рецепцию и историком сходны, тем более, что методология *исторической рецепции*, в основном, разрабатывалась при изучении исторических взаимосвязей с великими писателями и большими литературами и ей присущи такие термины, как: влияние, воздействие, взаимовлияние⁶ и пр., которым нет места в сравнительном изучении литератур Болгарии и Финляндии. Исследователями отмечалось лишь заимствование И. Вазовым мотива у И.Л. Рунеберга (Цанева 1992), делались попытки найти аналогии между “Калевала” и “Крале Марко” (Иванова 1985а,б). Что же касается переводов толстовца А. Ярнефельта на болгарский язык, то здесь воздействуют идеи русского писателя Л.Н. Толстого как на финских, так и на болгарских писателей (Nokkala 1958, Порочкина 1983, Бошнаков 1978). Методом исторической рецепции можно воспользоваться лишь частично из-за почти полного отсутствия письменных реакций читателей и, если некоторые реакции были зафиксированы, то это были особые читатели, те, которые были в состоянии свидетельствовать о своём понимании (Segers 1985: 54). Учёные продолжают вполне эффективно разрабатывать и систематизировать предмет, цели, проблематику и методику изучения литературных связей и рецепции, в которых даётся ряд практических методологий (Кишкин 1992, Varpio 1981,1982), однако имеющийся у исследователя материал в каждом отдельном случае создаёт свои ограничения для их использования, но и открывает возможности для собственных научных инноваций.

В фокусе нашего внимания будут личные связи между авторами, контакты между издательствами и обществами, а также переводы литературы и их рецепция в литературной критике. Исходя из простейшей схемы литературной коммуникации:

писатель - текст - посредник - читатель (Segers 1985: 129)

на основании имеющегося у нас материала, можно констатировать, что самая неизвестная константа это - *читатель*. Само собой разумеется, что не всё, напечатанное о Финляндии, читалось всеми болгарами. *Гипотетический* читатель входит в узкий круг интеллигенции, которая, читая финские тексты, интересовалась не всегда даже самой страной и его народом, а той идеологией, популяризировать которую стремились его современники *посредники* межкультурных отношений. Посредники, к ним

---

⁶ См. например “Взаимосвязи и взаимодействия национальных литератур”, М.,1961. Георгиев, Емил, Основни на общото и сравнително литературознание, в “Проблеми на сравнителното литературознание” БАН, София, 1978, с. 5-30.

мы относим издателей, критиков, известны гораздо лучше. К сожалению, переводчики часто скрываются за псевдонимами, раскрытие которых затруднительно, а подчас и невозможно. *Писатели и их тексты* - это величины, которые являются *данными* в нашем уравнении. Однако писатели функционируют в социокультурном, национально-историческом и литературном дискурсах своей страны, вследствие чего эксплицитные литературно-культурные и общественные установки позволяют нам воссоздать *горизонт ожиданий* (Jauss 1970: 176-177), бывший как у читателя, так и посредника своего времени. Подчас литературный текст не является синхронным по отношению к тем же культурно-историческим дискурсам рецептирующей страны, так что основой для нашего рецептивного исследования служат известные величины - *посредники* - толстовцы, Д. Божков, феннофил Г.С. Петров и др.

Слово рецепция обозначает способ восприятия литературы (текста), которое происходит в рамках культурной системы воспринимающего читателя. Значение и ценность объективно не заключается в самом тексте, поскольку они придаются тексту читателем в определённой ситуации, в дискурсе которой происходит *конкретизация* артефакта⁷ (Varpio 1982: 8-10) Ситуативность является постоянной величиной при оценке роли рецептируемого произведения, как это особенно наглядно проявилось в конкретизации книги Г.С. Петрова "В страната на белите лилии. Суоми-Финландия" болгарами, о чём будет подробно сказано ниже. Вполне логично, что издатели печатают тексты близкие им по мировоззрению. Мировоззрение таких писателей, как например, П. Пяйвяринты и А. Ярнефельта, основательно исследовано и известно: их творчество было направлено на то, чтобы сделать человека и общество лучше. Просветительские мотивы были свойственны интеллигенции конца XIX - начала XX веков. Мотивы деятельности издателей и журналов созвучны творчеству печатаемых ими финских писателей: они манифестируются в подзаголовках периодических изданий или в предисловиях к публикациям. Разные культурно-политические установки посредников на синхронном уровне диктуют обращение к текстам идеологически адекватным направлению периодического издания, а выпадение писателя из поля зрения периодического издания на диахронном уровне показывает перемены, происшедшие в идеологической установке журнала или в культурной ситуации страны.

Известными величинами в нашей работе являются тексты и издатели, а читатель-реципиент, объект их деятельности, слабо выражен и

---

⁷ Всё природное есть антипод артефакта. Культура - сокровищница созданных человеком объектов, артефактов. "Артефакт - образование или процесс искусственного происхождения" (Гуревич 1996:15).

практически неизвестен. Вышеприведённая схема приобретает иную диспозицию по значимости:

П р о с в е т и т е л и	п р о с в е щ а е м ы е
писатель, текст, посредник	читатель

Деятельность известных констант (писатель, текст, посредник) направлена на неизвестную константу: читатель, реципиент. В дидактической рецепции эстетические и литературные нормы не являются главными, на их место встают этические нормы, что чётко просматривается в процессе выбора авторов и их произведений. В критических статьях как финских, так и болгарских авторов того времени довлеет не литературоведческий, а социальный или даже культурологический подход, так как оказывается внимание почти лишь только быту народа и общественным условиям в странах, как это чётко прослеживается в рецензиях на публикацию книг Силланпя (об этом в гл. 3.3.5 мы скажем подробнее).

Своеобразным во взаимоотношениях Финляндии и Болгарии является то, что, хотя мы редко слышим рецептивный отклик современника контакта, конкретизации артефакта, - тем не менее исследователь видит результат: кумулятивное накопление положительных экспликаций о финнах, отмеченное многими более поздними и даже современными финскими авторами. Проиллюстрируем это на нескольких примерах из текстов финских авторов. Финн Онни Талас, служивший до Второй мировой войны в Болгарии послом (1934-1940), пишет:

"Joka kerran hän [Bulgarian kuningas] osoitti Suomea kohtaan aiivan erikoista kiinnostusta tiedustellen minulta tarkalleen, miten asiat Suomessa edistyvät" [подч. Л.С.](Talas 1960: 266),
 -"Matkallamme saatoimme todeta, että Bulgarian kansa suhtautuu Suomeen erittäin ystävällisesti" [подч. Л.С.](Talas 1960: 280)²

Авторы послевоенных изданий для туристов также отмечают существующее у болгар положительное мнение о финнах и особо уважительное отношение к ним:

-"Kun bulgaari kuulee sinun olevan Suomesta, hänen kasvoille ilmestyy iloinen, ystävällinen ja kunnioittava ilme. Hän tietää tarkalleen, mistä olet ja minkälainen" [подч. Л.С.](Kondakov 1983: 15)
 -"hyvä, jopa liiankin hyvä, kuva suomalaisten rehellisyydestä" [подч. Л.С.] (Ylinen 1978: 5)
 -"Bulgarialaiset suhtautuvat ystävällisesti kaikkiin ulkomaalaisiin, mutta suhtautuminen suomalaisiin on tavallista sydämellisempää" [подч. Л.С.] (Ylinen 1978: 5)³

О причинах этой симпатии и уважения авторы строят самые разные предположения: во-первых, участие финнов в войне 1877-78 года: "Yleisesti

näyttää olevan tiedossa, että suomalaistakin verta on vuodatettu Bulgarian vapauden hyväksi” (Talas 1960: 280), “Kun bulgarialainen kuulee, että hänen juttukumppaninsa on suomalainen, hän alkaa heti puhua niistä suomalaisista, jotka taistelivat Venäjän ja Turkin sodassa 1877-1878 Bulgarian puolesta” [подч. Л.С.](Salokorpi 1985: 115, Kondakov 1983: 15)⁴. Юлинен согласен с Таласом (Ylinen 1978: 5). Но в другом месте Талас опровергает важность участия финнов в освобождении Болгарии среди причин доброго отношения к финнам:

“Suomi nautti Bulgariassa aivan erikoista suosiota. Vähäiseksi osaksi tämä johtui siitä, että Suomen kaarti oli Turkin sodassa taistellut Venäjän joukoissa Bulgarian vapauden puolesta. Mutta tämä oli enää vain verrattain harvojen tiedossa, joten se ei paljoakaan voinut vaikuttaa asiaan”. [подч. Л.С.](Talas 1960: 267)⁵

Юлинен находит и другие причины симпатии болгар к финнам, в частности, сходную историческую судьбу народов, а также географическое положение (скорее всего Юлинен имеет в виду положение между Востоком и Западом [Л.С.]), доброжелательность одного малого народа к другому. (Ylinen 1978: 5). Одной из важнейших причин авторы считают книгу “о стране белых лилий”, автором которой является некий писатель Петров. Сами жители Финляндии скорее привыкли говорить не о стране белых лилий, а о стране тысячи озёр или болот. Этот вопрос будет подробно рассмотрен нами в третьей части нашей работы.

1.2.3 К вопросу о картине мира, стереотипизации и национальном образе

Анализ особенностей межкультурных контактов, приведших к созданию положительного национального образа финна заставил нас выйти за рамки межкультурных контактов в область наук, которые занимаются сравнением ценностных и поведенческих систем, психологических особенностей адаптации к природной среде, традиций. Вследствие этого работа переросла из компаративистской работы отчасти в культуральноантропологическую, с присущими ей терминами и концептуальным аппаратом: национальный образ, картина мира, стереотипизация.

В результате исследования культурно-исторических, научных, личных и литературных контактов, нам удалось выявить в финской и болгарской рецепции некоторые конкретные черты как финнов, так и болгар, которые в межнациональном общении интегрировались в общую модель мира. Понятие *модель мира*, или по-другому, *картина мира*, по В.Н. Топорову, есть “сокращённое и упрощённое отображение всей суммы представлений о мире внутри данной традиции, взятых в их системном и традиционном аспекте [...] мир есть результат переработки информации о среде и самом человеке, причём “человеческие” структуры и схемы часто

экстраполируются на среду" (Топоров 1982а:161). Модель мира конкретизирует во времени и в географическом пространстве артефакты культуры, литературы, народов. "Модель мира реализуется в различных семиотических воплощениях, ни одно из которых не является полностью независимым, поскольку все они скоординированы между собой и образуют единую универсальную систему, которой они и подчинены" (Топоров 1982а:161). Модель мира включает не только "историческое" предание, но и средство объяснения настоящего и будущего. Она включает в себя, в частности, пространственно-временные параметры, причинные и этические. Этические содержат в себе нравственные установления по принципу бинарности, что желательно и что недозволено, что своё, что чуждо, что есть добро, а что зло и т.п. (Топоров 1982а:162)

В дальнейшем мы будем использовать равнозначный, в настоящее время чаще употребляемый термин: *картина мира*. Пользуясь понятием картины мира, мы, практически, получаем возможность ответить на такие вопросы как: какие черты народ приобретает в зависимости от географического расположения (Takala 1982:1-18) соответственно бинарным категориям север - юг, исторической судьбы, величины своей территории и численности населения, порабощённый это народ или завоеватель, маленький - большой и пр.

Следует уточнить понятие "картина мира" и отграничить его от понятий "мировоззрение", "взгляд на жизнь" (или "жизненный кругозор, мир"). Этническая картина мира представляет собой особым образом структурированное представление о мироздании, характерное для членов того или иного этноса, которое с одной стороны, имеет адаптивную функцию, а с другой - воплощает в себе ценностные доминанты, присущие культуре данного народа" (Лурье 1997: 45). В картине мира наиболее сильно выражена когнитивность, структура познания: ясность - неясность картины, соответствие с действительностью, связь с соответствующими картинами других людей. Всё это тесно связано и базируется, как уже говорилось, на оценочных категориях. В то время как *мировоззрение* более соотносится с человеческой деятельностью, которое направлено на решение вечных проблем: как родился мир, кем управляется, куда мы идём, место человека в космогонии, цель жизни и пр., а понятие *жизненный кругозор* включает в себе решения о своей собственной жизни, её задачах и целях. Картина мира имеет тенденцию к пониманию целостности. Ничем не взаимосвязанный набор представлений не является картиной мира (Takala 1982: 8).

В ходе работы мы покажем, что образ финна можно трактовать как цельный, нашедший свою нишу в модели мира болгарина, тогда как у финнов о болгарях нет целостного представления, которое могло бы занять

своё место в картине мира. Картина мира является неким центром, основой для мышления и отношения как к информации вообще, так и деятельности человека. В современном мире поступающая по разным каналам информация расширяет картину мира до глобальных и даже космических масштабов. О недостатках и ошибках в ней бывает невозможно узнать в обычной среде и сфере деятельности человека, так как картина мира бывает намного шире, чем сфера деятельности человека. Связи между картиной мира и деятельностью человека обуславливают то, что картина мира накладывается не единичным человеком и не на единичное лицо, а принадлежит группе или коллективу, с одной стороны, и прилагается к группе или коллективу, с другой стороны. Величина групп может меняться от нескольких человек до целого народа и касаться представлений от самых узких и конкретных и до глобальной величины. (Takala 1982: 12)

Научное исследование национального характера, то есть психологических особенностей различных народностей, связано с именем Ф.Боаса и развито американскими учеными в 40-е гг. XX века. В рамках эволюционистской теории, сложившейся в XIX веке, прогресс рассматривался как прямолинейный процесс перехода от простого к сложному. Финляндия за короткий срок пришла к тем достижениям, которые показали выставки в Париже в 1900 и в Хельсинки в 1910 годах. Быт стал помогать лучше справляться с теми специфическими проблемами, которые ставит перед человеком окружающая среда. Это вынесло финский народ в мнении окружающих на неожиданно высокий культурный уровень.

Если картина мира - это взгляд члена культуры на внешний мир, то концепция *национального характера* касается взгляда на культуру со стороны внешнего наблюдателя (Лурье 1997:87). Национальный образ финна в Болгарии запечатлелся в коллективе, массово. Живя вместе, люди создают культуру, которая содержит некую картину мира и это знание накапливается и передаётся из поколения в поколение. Картина мира есть не только картина внешнего мира, но и картина о себе самом и своём отношении к внешнему миру. С изменением картины мира а неё входят или из неё выпадают кусочки действительности, ранее получившие свою значимость по каким-то причинам, но позднее это значение потерявшие и выпавшие из активной памяти и, параллельно, из картины мира, как это случилось в Болгарии, например, с толстовцами и писателем А. Ярнефельтом. В современной науке трактовка культуры всё более отходит от эволюционистской и психологической и становится более семиотической, т.е., культура рассматривается как система поведенческих стереотипов или система моделей поведения человеческой группы, включающей идеалы, концепты и знания. (Лурье 1997:93)

Разносторонность контактов позволяет использовать разные подходы, наравне как и культуро-центрированный подход, когда исследование национального характера идёт через культурную продукцию: литературу, искусство, философию: так знакомство с эпосом "Калевала" оставило в картине мира болгар свой отпечаток о национальном образе финна. Насколько состоятельно сопоставление героев "Калевалы" с современным финном трудно сказать. Тут возникает новое понятие "гений нации" и то, каким образом он выражает ценностные доминанты в отдельном представителе данной нации. (Лурье 1997: 69-70)

Каждая личность "инкультурирована" в ту группу, к которой она генетически или по другим причинам относится. Она учится распознавать систему оценочных критериев и норм и чувствовать их своими. Особенности той или иной культуры складываются в определённую символическую систему, которая при сравнении и контактах с другими группами ощущается как своя. Это называется *этнической идентификацией*. Чувство идентичности со своей культурой человек использует, вступая в контакт и строя представления о другой культуре. Идентифицироваться можно по внешним, легко отличаемым чертам: одежде, языку, строительной культуре, еде и способу её принятия. Финские воины в 80-х гг. XIX века описали это как "не своё", так как символика другой группы во многом отличалась от своей, противоположная сторона контакта воспринималась как чужая. Идентификация происходит также исходя из относящихся к культуре основных этических ценностей, - на основании которых проходил процесс стереотипизации финна. Отличающиеся черты становятся материалом для анализа, при котором классифицируются символы чужой системы. Этот процесс обычно называют *этнической стереотипизацией*⁸ (Saressalo 1983: 83-84). Он строится на критериях идентификации, которые могут быть, например, парами *идеального* и *неидеального*. Эти критерии окрашены представлениями, мировоззрением, идеологией своей группы. Качества представителя этнической группы переносят на всю группу. Элементы чужой культуры стереотипизируются отражёнными своей культурой, и по этому отражению можно сделать выводы, какими чертами себя награждает группа (этническая, идеологическая и пр.). Например, по идеализации финнов, видно, что болгары себя столь идеальными не полагают. Но с другой стороны, не имея этих идеальных черт в своём национальном характере, болгары не смогли бы опознать их у финнов, Тезис, что у социальной группы существует правило создавать о себе положительно оцениваемые отличия от других групп (Платонов 2001:118)

---

⁸ Стереотип - это схематизированная модель, программа поведения, упрощенный образ какого-либо явления, фиксирующий лишь некоторые, иногда несущественные черты (Платонов 2001: 309).

в данном случае, оценке финнов болгарами, не работает, у них существует потребность во внешней группе, выступающей как носитель собственных идеальных, почти недостижимых ценностей и норм (Платонов 2001:120) и, таким образом, становящейся “зеркалом” этноса, отражающем высокие идеалы данного этноса. В этой связи уместно использовать термин *менталитет* этноса, что значит “образ мышления, общая духовная настроенность человека, группы”⁹. Слова *менталитет* и *ментальность* употребляются в тождественном значении¹⁰. В последнее время более распространено слово *менталитет*, значение которого Лурье определяет следующим образом; “нематериализуемая составляющая традиции” или “совокупность сознательных и бессознательных установок сопряжённых с традицией” (Лурье 1997: 44-45).

В нашей работе мы взяли один узкий пласт: Финляндия глазами болгар и Болгария глазами финнов. Картина мира содержит как *когнитивные* черты, получаемые от различных презентаций, так и *оценочные*: опасность - безопасность, свой - чужой, хороший - плохой и т. п., финская константа воспринимается как известная величина, связанная с чувством симпатии. В третьей части нашей задачей является, опираясь на понятия *картина мира* и *национальный образ*, выявить стереотипы в картине мира болгар и финнов и описать национальный образ финна и болгарина. При выявлении значимости и взаимосвязей фактов в контактах болгар и финнов на болгарской почве обнаруживаются такие закономерности в национальном образе финнов, что термины *стереотип* и *стереотипизация* недостаточны при характеристике этого явления. Понятие стереотип вполне работает в культурологической и смежными с нею областями науки, но стереотип - это только дискретный фрагмент, в то время как “абerrация видения иноязычной культуры” иногда создаёт столь обобщающую картину, что пришлось бы выстраивать своеобразный “стереотипический тезаурус”, разноуровневую (бытовую, политическую, антропологическую, психологическую) систему стереотипов, чтобы охватить абerrацию видения культуры, которая проявляется на всех уровнях рецепции (Елистратов 1994: 6-7). В.С. Елистратов предлагает использование термина *миф* “в рабочем порядке”, мы же предпочитаем термин *национальный миф*, так как он понимается Д.Дюришиным и К. Крейчи. В Болгарии, на наш взгляд, возник *финский национальный миф*, генезис которого будет рассмотрен нами в четвёртой части нашей работы, там же мы подробнее коснёмся концептуальных вопросов современного мифа и его подвида национального мифа.

---

⁹ Определение “Краткой философской энциклопедии”. Прогресс. М. 1994.

¹⁰ См. “Культурология. XX век. Энциклопедия в двух томах. СПб. Университетская книга. 1998.

Итак, мы пользуемся концептуальной терминологией нескольких исследовательских областей (компаративистики, теории рецепции, исторической этнологии, культурной антропологии, мифа). Вне рамок задачного исследования остаётся научная полемика вокруг содержания и терминов этих наук, мы пользуемся только достижениями этих наук постольку, поскольку они являются необходимыми терминологическими ключами для решения поставленных нами исследовательских задач.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

2 АНАЛОГИИ И РАЗЛИЧИЯ В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ МАЛЫХ НАРОДОВ (на примере Финляндии и Болгарии)

На первый взгляд, может показаться, что географически и этнически далеко отстоящие друг от друга народы, не могли и не могут иметь аналогичных черт в своем историко-культурном развитии. Но вникая внимательнее в историю Болгарии и Финляндии, совершенно очевидно выступают сходные явления в принципиально своеобразном историческом культурном и литературном генезисе этих народов. В этом контексте обнаруживаются черты сходства, в частности, в запоздало-ускоренном развитии финского и болгарского литературных течений XIX в., в расцвете национального романтизма, сепаратистских течениях. Сказанное можно отнести и к некоторым другим малым народам с небольшими хронологическими отклонениями. Болгария (а также румыны, сербы, словены, венгры и др.) подпала под турецкое иго в XIV в., финны под шведское в XIII веке, как и, например, эстонцы в начале XIII в. - под иго немецких рыцарей. Позднее некоторые народы в результате военных действий или политических интриг оказывались в зависимости уже от других европейских народов: словены и венгры от Австрии, эстонцы и финны от России и т.п. Знаменательно, что более долгое немецкое влияние не было преодолено в Эстонии даже после присоединения её к России в начале XVIII в. (Исаков 1969: 21) Эта черта присуща также истории финнов, которые остались под духовным и экономическим протекторатом шведов независимо от присоединения к России. Болгария сделала всё, чтобы раз и навсегда на всех уровнях социальной жизни оторваться от Турции. Исторические пути в разное время привели страны к независимости: Болгарию в 1878 году (полную самостоятельность от вмешательства европейской политики в свои внутренние дела Болгария ощутила в 1908 году, со времени провозглашения себя царством), а Финляндию - в 1917 г. Ниже мы рассмотрим процесс культурно-

исторического становления национального сознания обоих малых народов с целью выявить типологически сходные и отличные черты.

2.1 Подъём национального самосознания болгар и пути Болгарии к независимости (схема для сравнения)

Сопоставляя историю Болгарии и Финляндии прежде всего бросаются в глаза различия. Болгария, как государство, имеет более долгую письменную историю по сравнению с Финляндией, летоисчисление Болгарского государства начинается с 681 года. Финляндия же (хотя национальный эпос "Калевала" и открывает огромные глубины истории народа) на карте современного мира появилась только в 1809 году. Этноним Болгария происходит от малочисленного тюркского племени завоевателей, которое ассимилировалось с коренным тракийским и славянским населением. Финляндия же имеет название в соответствии с проживающим этносом. Письменность пришла к болгарам намного раньше: уже к 863 году двумя братьями монахами Кириллом и Мефодием была выработана славянская азбука для перевода Библии и отправления богослужений на родном языке славян. Царь Борис принял христианство в 866 году и христианство вошло в мировоззрение болгарина органически через родной язык, вследствие чего картина мира болгарина слагалась на почве христианства. Христианство на финской территории распространялось с XII века, вначале на латыни и позднее, с приходом лютеранства, на шведском языке, на финский язык Новый завет был переведён лишь в 1548 году, а вся Библия - в 1642 году. Климент Охридски уже в IX веке выучил 3 500 болгар в священнослужители. Болгарская архиепархия была в 870 году подчинена Константинопольской, что предопределило влияние греческо-католической церкви в Болгарии. Рим долго не соглашался официально признать славянский язык из-за догмы триязычия, но в 967 году Рим уступил, позволив служить литургию на славянском языке. Это был огромный скачок вперёд: славянский язык встал в ряд "святых" цивилизованных языков, а славяне вышли на международную арену теоретически равными с греками и римлянами.

В 983 году славянский язык был признан государственным языком Болгарии. С X века в Болгарии существовала литература, которая была представлена агиографиями, апокрифами, переводами с греческого. История перевода в Болгарии исчисляется столетиями. Сохранилась также полемическая статья в защиту славянской письменности "За буквите", автором которой был монах Черноризец Храбр (X в.). Византия переменила своё отношение к славянскому языку и вернулась к догме триязычия после завоевания Болгарии (1019 г.): славянские книги стали

безжалостно уничтожаться. Но поскольку в 988 году произошло Крещение Руси, то церковно-славянский язык сохранил свои позиции и на нём проходят богослужения для десятков миллионов православных христиан. На период с 1019 по 1185 падает расцвет философской мысли в Болгарии. Одновременно со стремлением к аскезе и отшельничеству (св. Иван Рылский) зарождается в X-XI веке собственно болгарское религиозное течение (подкреплённое богословскими работами) *БОГОМИЛЬСТВО*. Это разновидность манихейства, носящее название своего зачинателя, попа Богомила. В частности, богомилы считали, что Бог создал невидимый мир, а Сатана - видимый. Это давало им повод не подчиняться ни церковной, ни светской земной власти. После освобождения из-под власти Византии - после покорения Константинополя крестоносцами в 1204 году - Болгария переживает новый период интенсивного роста культуры. Столица Болгарии Търново становится центром православия. Весь этот период продолжается первое болгарское влияние на Русь и на другие православные страны Сербию, Валахию, Молдовию. Это благотворное для развития болгарской культуры время было прервано в 1393 году, когда страна подпала под турецкое иго.

Часть населения постепенно обратилась в мусульманство, но основная часть осталась верной своей православной вере, которая свято хранилась в болгарских монастырях. Болгары подвергались опасности потерять свой национальный менталитет с двух сторон: от турецких завоевателей, которые стояли во главе общественной жизни, а также от греков, стоящих во главе религиозной жизни. "Турското иго" продолжалось 500 лет до 1878 года и за это время народ забыл своё славное прошлое. Память о ней возродилась только в первой половине XVIII века, когда Паисий Хилендарский написал "Историю славеноболгарскую" (1762). Поскольку у болгар была славная история, то радетели за национальное освобождение Болгарии апеллировали не столько к будущему, сколько к прошлому своего народа. 1762 год принято считать началом нового периода болгарской истории, периода национального возрождения (1762-1878). Паисий описывает идеализированный образ болгарского народа, с симпатией пишет о сильных царях. Человек для него - представитель нации. Паисий поучает свой народ подняться и из раба стать болгаринном, а не подделываться под турка или грека, забывая свои обычаи, свой язык (см. Паисий Хилендарски 1972). Значение проповеди Паисия для пробуждения национального сознания болгар неизмеримо. (См. например, Гачев 1964, Злыднев 1997). Книга распространялась в списках. Первый список был сделан уже в 1765 году Софронием Врачанским. Списков обнаружено более 60 экземпляров (Злыднев 1997:224).

Знание болгар о своём прошлом отличает национальное самосознание болгар и финнов. Независимое прошлое финнов не было письменно засвидетельствовано, и поэтому оно не могло стать обоснованием для

возможной будущей независимости, как это было у болгар: да будем столь же велики и славны, как когда-то были. Шаги к возрождению национального самосознания, приведшие к независимости, предпринимались легально, посредством последовательных реформ к улучшению положения коренного населения со стороны властей. “Калевала” в 1832 году напомнила финнам о своём былом величественном прошлом, но оно было слишком далеко в мифическом времени.

В быту селянина того времени, будь то болгарин или финн, можно найти много общего. Крестьяне жили, в основном, разрозненно, возделывая свои поля, ухаживая за животными, в общении между такими же сельчанами в горизонтальном пространстве. Но как только селянин выходил за пределы своего быта, то в вертикальной иерархии он встречался с чужеземцем. Финн со шведом, после 1809 года это мог быть, довольно редко, русский, а болгарин - с турком. Оторванность финна от национальных корней в общественной жизни была гораздо более глубокой, чем у болгарина. В церкви у финна пастором мог быть швед, плохо знающий финский, а у болгарина священник всё же был болгарин и национальная общественная жизнь текла в Болгарии была на болгарском языке. Деятельность Паисия, а позднее Софрония Врачанского проходит в плоскости национальной культуры, на болгарском языке и доступна любому болгарину. В Финляндии же полемика о финнах в основном шла по-шведски, оставляя, таким образом, в стороне сам предмет полемики, финский народ. Труды Софрония Врачанского охватывали как религиозные, так и общественные вопросы и просвещение. Он составил два Видинских сборника (1802) текстов для школьного обучения. В православной славянской России Софроний видел возможного освободителя Болгарии уже во время русско-турецкой войны 1806-1812 года. Финнам рассчитывать было не на кого, а собственные силы были невелики, что очевидно служило сдерживающим моментом в стремлении к политической независимости. Кроме того, финское население в автономном княжестве получило много привилегий (освобождение от налогов в пользу метрополии России, от службы в русской армии и пр.) и поэтому вопрос о независимости пока не стоял столь остро.

О тяжести турецкого ига и униженном положении не только людей и болгарского языка, но и самой православной церкви Софроний Врачанский красочно рассказывает в своём “Жизнеописании” (1803). Желая пробудить в порабощённых болгарях чувство собственного достоинства Софроний говорит, что мы такие же люди *как все*: греки, армяне, евреи, европейцы, и спрашивает, а они все разве не такие же люди, как и мы? (см. Софроний Врачанский 1976). У финнов на полстолетия позднее это прозвучало в ином ключе: мы не шведы, русскими мы быть не хотим, так будем же финнами. Точности ради следует заметить, что эти слова приобретают разное значение в зависимости от того, стоит ли за ними человек финской или

шведской крови, в последнем случае в них можно услышать коннотацию чувства ущемлённой гордости: *что ж, делать нечего, надо смириться и стать финном*, а с другой стороны, типичное для европейца пренебрежение к русским и нежелание им быть.

Г.Д. Гачев показывает, как развитие болгарской литературы в XVIII века повторяет цикл древней и средневековой литературы, восстанавливая литературную преемственность. Сначала появляются религиозные произведения: "Неделник" Софрония Врачанского (1806), Константин Огнянович излагает в стихах "Житие св. Алексея человека Божия" (1833), апокрифические, продолжающие богумильскую традицию, как например, Хаджи Кырчовский "Слово исказанное заради умирания" (1814). В этом тождестве литературных форм в Болгарии в XV и XIX вв. ученые видят следствие того обстоятельства, что в эпоху турецкого завоевания так же, как и в начале эпохи национального возрождения, перед болгарам стояли одинаковые проблемы: сохранение нации, веры, языка. Переживание порабощения у болгар трагично: действительность как бы замерла на месте со времени завоевания. Религиозное сознание работает теперь не на себя, не на религию, а оно несёт новую, светскую национально-православную идеологию. Некоторые служители церкви (Неофит Рыльский, Неофит Бозвели) ведут просветительскую деятельность. Другие порывают с церковью и начинают новое поприще просвещения и воспитания народа в школах (Петър Берон). В 20-е гг. XIX века средоточием культурной жизни делается школа. Берон опубликовал в 1824 году "Букварь с различными поучениями", в котором последовательно проводятся просветительские идеи. Первыми болгарскими учёными историками стали Спиридон Палаузов, работавший в столичных университетах России и профессор Харьковского университета Марин Дринов, которые исследовали начальный период болгарской истории и отношения с Византией.

Нельзя сказать, чтобы Турция совершенно не занималась благоустройством в своих колониях. В 1839 году был провозглашён Гюльханский хаттишериф (постановление), который давал равенство перед законом всем подданным султана независимо от веры и национальности, - но осуществление закона на деле оказалось трудным. Зато он дал легальную возможность болгарам пестовать своё национальное дело, которое к тому времени уже набирало силу. Необычайно сильно воздействовал на национальное самочувствие болгар труд русского учёного Ю. И. Венелина¹¹ "Древние и нынешние Болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к Россиянам" (1829). В книге допущен ряд погрешностей, но болгары представлены в

---

¹¹ Венелин родился в Наги Таба, в Закарпатской Украине, бывшей в то время территорией Венгрии и получил среднее образование в венгерской гимназии (Ракоши 1980: 395).

этой книге как народ, от которого пошёл письменный язык и религия и который родствен россиянам. Это подготовило почву для русского влияния в Болгарии (Злыднев 1997: 224). С этого времени началась переориентация с греческого влияния на славянское, на русское. Так, обрусевший и постоянно живший в Одессе купец, родом из Габрова, В. Априлов, до 30-х гг. XIX в. считал себя греком и принадлежал к греческой гетерии, прочитав книгу Ю.И. Венелина, открыл для себя свою родину и после этого начинает неустанно работать на её благо. Он является инициатором первого училища на живом новоболгарском языке в Габрове (1835). Рядом с просветителями (учёными, священнослужителями и писателями) встаёт новый тип борцов за освобождение родины: трезвые буржуазные торговцы, практики: К. Фотинов, И. Богоров, Г. Раковский и др. Они вкладывают свою энергию, практичность, деньги в духовное развитие родины. В. Априлов, в частности, не ценил фольклор своего народа, "безделки", но обнаружив, что европейцы ими интересуются, стал собирать их, чтобы обратить внимание европейцев на болгар, на их тяжёлое, угнетённое положение: до тех пор Европа была занята, в основном, освободительной борьбой Греции и, в меньшей мере, Сербии.

Многие будущие болгарские деятели получили образование в России, в частности, в Ришельевском лицее и Одесской духовной семинарии (Н. Геров, Д. Чинтулов, З. Княжеский). Они питали к России симпатию и возлагали на неё свои, связанные со свободой родины, надежды. Правда, в 50-е годы возникли противоречия с Россией. Болгары стремились освободиться из-под владычества греческой церкви, в то время как Николай I поддерживал её, стремясь усилить православную церковь, рассматривая её как опору в своей борьбе против Турции на Балканах. С другой стороны, постоянные враждебные отношения между Турцией и Россией укрепляли в болгарях Одесской эмиграции антитурецкую направленность. В политических стихах Н. Герова и Д. Чинтулова есть призыв к вооружённой национально-освободительной борьбе. Стремление просветить народ привело возрожденческих деятелей к народу, знакомству с его обычаями, стала идеализироваться простота народного быта и жизни. Фотинов на страницах журнала "Любословие" ратует за образование крестьянской женщины, как воспитательницы детей, будущих граждан Болгарии. Н. Геров, Д. Чинтулов, а также Неофит Бозвели достигли такой творческой свободы и нестандартности идей и форм, что с появлением их произведений можно говорить о зарождении художественной литературы в Болгарии. В 50-60-х гг. XIX в. появляется поэт Петко Славейков - художник слова в духе нового времени, созвучный уровню европейской эпохи. Он проходит в своём творчестве путь от увлечения религиозно-житийной литературой к гедонистической, в духе Ренессанса, к романтическим поэмам и, наконец, социальной и гражданской лирике. Таким образом, за пару десятилетий, 30-40-е годы XIX века, в Болгарии

были представлены в произведениях черты от возрожденческих к просветительским и от них к сентиментальным и романтическим. Ускоренное развитие и вызываемое им наложение одной ступени на другую становится для Болгарии традицией, которая сказывается на всём дальнейшем развитии болгарской литературы (подробнее см. Игов 1991).

Болгарское освободительное движение имело ещё одну черту, которая отличает её от финской: с середины XIX века имелась массовая эмиграция деятелей национально-освободительного движения, и, соответственно, публикации и прессу за рубежом: в Румынии, России, Греции. Драматическими были порывы к свободе в Болгарии и на Балканах вообще. Каждый раз бунты и восстания болгар кроваво подавлялись турецкими властями, делая из борцов, отдавших жизнь за освобождение родины, всеми почитаемых жертв - мучеников за свободу. Благодарные потомки назвали их именами города, сёла и улицы в Болгарии. Одним из последних было восстание 1875 года, описанное И. Вазовым в "Под игото". Жестокое подавление этого восстания стало одним из поводов к освободительной войне 1877-1878 года. В автономной Финляндии за национальные права боролись парламентскими способами и нам известна только одна жертва Э. Шауман, который убил губернатора Финляндии Н.И. Бобрикова (1904).

После освобождения Болгарии в 1878 году представители культуры, просветители болгарского народа встали во главе молодого государства и приняли активное участие в политике (Пенчо Славейков), причём некоторые совершенно отошли от литературы (Д. Чинтулов, В. Друмев). Если доосвободенческая общественно-культурная жизнь проходила под эгидой национальной идеи, то и после освобождения она придерживалась утилитарных патриотических идей, чтобы решить экономические, политические и просветительские проблемы болгарского народа. М. Цанева говорит об "институционализации" болгарской интеллигенции, вошедшей в государственные структуры, более того, она отмечает, что дух бескорыстности и жертвенности интеллигента освободительного периода сменился практицизмом и меркантильностью, вновь легко могла разгореться "партизанская война" за должности и ставки. (Цанева 1988: 16-17) Когда не оказалось общего врага, начались разборки между собой.

Процесс дифференциации между общественно-политической жизнью и литературной заканчивается к концу 80-х гг. XIX века. Болгария, всё время отстававшая в XIX в. от развитых в индустриальном отношении стран Европы, вдруг в 90-е годы XIX в. оказывается впереди многих из них по размаху социального движения и его влияния на литературу. С развитием современного буржуазного общества на замену национально-освободительных лозунгов встаёт лозунг "равенство, братство и свобода". Возникает марксистская эстетика и литературная критика (Д. Благоев) и пролетарская литература (Г. Кирков и Д. Полянов), линия литературы

рабочего движения (Хр. Смирненский, Н. Вапцаров). Но больших высот достигает идейно не ангажированная, реалистическая литература (В.Георгиев и др.), символизм (П. Яворов, П.Ю. Тодоров).

Отношения Болгарии и её бывшей метрополии Турции урегулировались с приходом к власти Мустафы Кемала, названного "отцом" турков - Ататюрком. Турция после поражения в Первой мировой войне была на грани попасть под влияние победительниц - стран Антанты. В 1923 году султан был свергнут и Турция стала республикой во главе Мустафой Кемалом, девизом которого было "мир в стране, мир в мире". Ататюрк прекрасно знал Болгарию: будучи там сотрудником посольства Турции, он с 1913 г. по 1918 г. дослужился до чина генерала. За всё время пребывания у власти он постоянно дипломатично подчёркивал свою симпатию к Болгарии и необходимость дружественных и торговых отношений с ней. Равноправные отношения сложились у Болгарии и с Грецией. Сегодня Болгария высоко оценивает свою в трудной борьбе достигнутую национальную политическую и духовную независимость, но в перестроечное время выяснилось, что старые раны не совсем зажили и болгары не забыли исторической несправедливости и турецкое меньшинство испытало на себе недружелюбие коренного населения (см. Bulgaria: turkkilaisvähemmistöä sorrettaan 1987, Airola 1993, Simsir 1988, Saukkomaа 1989). Более сложными оказались отношения Финляндии с Россией, а вернее, с Советским Союзом: от вполне сознательного воспитания антирусских чувств в с 1917 по 1923 год (Karemaa 1998, Immonen 1987, Pihkala 1997) до апогея ненависти к русским во время войны 1939 года (Jaakkola 1940), внешнего дружелюбия в период советскогвлиния на Финляндию, и вполне корректных дипломатических отношений с Российской Федерацией с конца XX века.

2.2 Процесс развития национального самосознания и путь Финляндии к независимости (схема для сравнения)

Финская письменная история начинается с проникновения христианства на территории, заселённые финно-угорскими племенами. Христианство пришло сначала с востока через посредство славян в Карелию и по-прежнему православие является на этой территории самой большой конфессией. Шведский король Эрик и епископ английского происхождения Генрих в 1155 году предприняли крестовый поход, чтобы обратить язычников - финнов в христианство, так что с запада стало распространяться католичество. С этого времени история финнов рассматривается в связи со шведской историей. Шведские короли сумели к 1293 году закрепить свои владения вплоть до Карелии, где они

столкнулись с интересами новгородских князей. В 1323 году впервые были начертаны границы между Швецией и Русью, которые фатально разделили финнов на две финские субкультуры: православную, остававшуюся под российским культурным воздействием, и католическую (позднее лютеранскую) - под шведским влиянием. Финляндия входила в Швецию под названием: Восточная провинция - Остерландия с административным центром Або (Турку).

Финские историки называют шведскую провинцию этого времени Ruotsi-Suomi или просто Suomi для того, чтобы отделить историю собственно финской территории от истории метрополии - Королевства Швеции. Этот вполне необходимый ракурс изучения, к сожалению, приводит к ряду недоразумений. Так например, в финских источниках можно прочесть, что русский князь или царь пошёл *Suomea vastaan* 'на Финляндию', хотя общеизвестно, что Россия воевала не с Финляндией, а со Швецией. Подобный узус, на наш взгляд, не оправдан также и потому, что Швеция и её Восточная провинция отнюдь не были унией двух более или менее равноправных государств, как например, той же Швеции с Польшей или Польши с Литвой, или Австрии с Венгрией. С таким же успехом мы могли бы говорить об Турко-Болгарии (Турко-Греции, Турко-Сербии или Англо-Индии и пр.) и воспринимать все войны России, направленные против Турции (даже войну за освобождение Болгарии 1877-78 г.), как войны против Болгарии. Как результат этого узуса факт превращения провинции в автономное княжество, то есть действительно в административно-территориальную единицу, - не получал должной значимости и позволял свекоманам занижать достижения российского периода, завышая заслуги шведского периода в оформлении финской государственности.

До Реформации при католических церквях были школы, в которых у детей была возможность обучаться на шведском и латинском языке. С протестантизмом на первых порах эта возможность была утеряна, пока Микаэль Агрикола (*Agrikola Mikael*) не написал и издал Азбуку финского языка (1542), чтобы научить народ читать слово Христово. В 1686 г. в церковном уставе появился параграф о недопущении к причастию и венчанию не умеющих читать, что заставило население учиться грамоте. Однако на финском языке издавалось очень мало литературы и, в основном, только религиозная. Выбившиеся "в люди" финны брали себе шведскую фамилию и использовали шведский язык, что было условием для продвижения в жизни и по службе. Это вносило черту национального самоуничижения в картину мира финнов, которая продолжает имплицитно присутствовать в финской ментальности, как это артикулируется финнами: "*suomalaisilla on heikko itsetunto*" 'У финнов слабое чувство собственного достоинства'. Сплошь и рядом происходил произвол над финноязычным народом, не понимавшим господ. Особенно вторая половина XVIII века

знаменовалась высказываниями о необходимости шведизировать финское население, но с другой стороны, в связи с распространением просветительских идей у лучших представителей высших сословий (шведского происхождения) появляется интерес к народу и начинают звучать голоса за право финских крестьян на просвещение и человеческую жизнь. Это явление укрепилось с романтизмом, питавшим интерес к национальной самобытности народов. Одним из первых защитников финнов, первым феннофилом был Даниель Юслениус (Daniel Juslenius) (XVII в.), написавший на латыни "В защиту финнов". Он отстаивал право финского народа жить не стыдясь, на свой манер и наравне с другими народами. Первая финскоязычная газета Suomenkieliset Tieto-Sanommat (1776) просуществовала только один год.

Самым тягостным для положения местного населения финнов были постоянные войны шведских королей (за которыми стоял сам римский престол, стремившийся распространить католичество в ущерб православию) с Новгородом, позднее Московией. Во-первых, войны происходили на территории финского населения, кроме того мужчины должны были служить в армии, оставшиеся дома женщины, старики и дети не справлялись с сельскохозяйственными работами за короткое финское лето. В шведской армии было 2/3 финнов, которые теряли жизнь за интересы шведских королей, воюя по всей Европе. Когда Русь бывала ослаблена: во времена татаро-монгольского ига, Смутного времени, то шведы доходили вплоть до Новгорода и даже приближались к Москве. Но как только русское государство крепло, то шведы вновь оттеснялись к Выборгу, как это было в 1570-1595, 1609-1617 гг.

Для того, чтобы понять тяжесть войн для финского населения, коротко скажем о них. Не касаясь более ранних периодов продолжим с XII века, упомянем, что войны велись не только с Россией, но и с южными и западными соседями. Густав II Адольф принял участие в европейской 30-летней войне (1630-1658 гг.), где финны прославились как хаккапелиты (производное от слов: *hakka päälle suomen poika* 'Давай бейся, финский парень' и принесли много побед короне. Швеция увеличила свою территорию. Для покрытия расходов население обременялось всё новыми налогами, строились крепости, а на лучшие земли Восточной провинции время от времени переселяли шведов. С 1694 по 1697 годы случились тяжелейшие климатические условия: небывалый холод летом и тёплые зимы. Начался голод. От голода и болезней вымерло 150 000 человек, т.е. третья часть населения восточной провинции. Но в 1697 году к власти пришёл 15-летний воинственный Карл XII. Несмотря на ослабленную долгим периодом неуражая страну он начал свои походы, которые были вначале даже победоносны, пока Пётр I не разбил его под Полтавой в 1709 г. Русские войска прошли всю Финляндию до Ботнического залива, где в городе Ништадте (*Uusikaupunki*) был подписан мирный договор в 1721

году. В 1741 году при правлении Фредерика I Швеция вновь начинает военные действия против России и терпит полное поражение к 1743 году.

Считается, что впервые мысль об отделении от Швеции запала в душу финляндцам в 1742 году, когда царица Елизавета Петровна послала местной аристократии Манифест с предложением отделиться от Швеции и под защитой России создать свободную с собственным законодательством страну. Елизавета хотела создать буфер между Россией и Швецией, чтобы прекратить перманентные войны на северо-западной границе России. Предложение было принято не всеми знатными лицами, хотя у многих из них и была обида на Стокгольм, откуда на важные и денежные должности назначались шведы из Швеции. Кроме того, в провинции при земельных переделах часть земель забирало государство, а также расходы на армию в провинции были выше. В 1788 году, когда Екатерина II вела войну против Турции, Густав III решил повысить свою популярность победоносной войной и выступил против России. В его планы входило окружить Санкт-Петербург, нападая на него с земли и моря. Поход оказался безуспешным и высшие чины армии сочли, что необходимо заключить мир (заключен в 1790 г.) Семеро из них собрались в местечке Лийккала и отправили Екатерине II письмо с предложением мира. В Петербург отправился Ян Ягерхорн, который на аудиенции просил Екатерину II содействовать в стремлении Финляндии к независимости. Осторожная Екатерина II не предпринимала никаких шагов.

Создалось движение за независимость восточной провинции, зачинателем которой был блестяще образованный аристократ Г. Спренгтпортен (Göran Magnus Sprengtporten). По мысли Г. Спренгтпортена, Финляндия должна была состоять под протекторатом Российской империи, имея юридический статус наподобие северо-американского штата. Спренгтпортен пользовался большим авторитетом у офицерства и его идеи распространялись и поддерживались прежде всего в их среде. Заговорщики собрались в Аньяла (так наз. Аньяльский союз), где около полутораста офицеров подписались под письмом к королю, заявив о своём недовольстве ведением войны. Обсуждалась проблема независимости в рамках спренгтпортеповских идей. П р и с о е д и н е н и е Финляндии к России произошло спустя 18 лет. Наполеон заключил Тильзитский союз (1807) с Александром I, который должен был принудить Швецию закрыть для Англии порты. Александр I оговорил присоединение Финляндии к России. Густав IV Адольф не подчинился этому договору, решив защитить свои владения, но безуспешно. Война была проиграна, и в 1809 г. был подписан мирный договор, на основании которого к России отошли даже некоторые, считавшиеся исконными, шведские территории. В 1809 г. в городе Порво царём Александром I было провозглашено "возведение Финляндии в ранг нации". Спренгтпортен был назначен первым генерал-губернатором автономного княжества Финляндии.

Большую роль играл другой радатель блага Финляндии, бывший, не в пример Спренгпортену, до конца верным подданным шведского короля - Густав Мориц Армфельт (Gustav Moritz Armfelt), тем не менее Г. Армфельт был удостоен дружбы Александра I и в период автономии он занимал самые высокие должности, неизменно борясь за укрепление статуса автономии. Г. Армфельт добился расширения территории княжества на восток с присоединением некоторых частей так называемой старой Финляндии.

Среди причин, по которым финнам была дана автономия и другие привилегии называют, в частности, либерализм и высокие благородные идеалы царя, желание привлечь сердца новых подданных, влияние М.М. Сперанского, политикой которого было устройство пограничных владений империи на основе самоуправления, чтобы гарантировать их верность короне, а также подготовительную работу Г.М. Спренгтпортена.

Русские государи дали своим финским подданным много приоритетов: столицу Гельсингфорс (Хельсинки) в 1812 г., местные органы правления (1809 г.), беспошлинность, свою валюту (1863), изучение финского языка и переход на использование финского языка (дополнительно к шведскому) в органах правления (1863) и т.п., так что весь XIX век был, на административном уровне, как бы подготовкой автономной Финляндии к полной независимости. Самое главное: страна наконец-то обрела мирный период от 1809 до 1914 года, который обеспечил более чем трёхкратный прирост населения: от 850 000 до свыше трёх миллионов человек. Противостояние было не столько между финнами и метрополией, сколько между русской администрацией и постколониализаторскими притязаниями шведских баронов.

Правительством поощрялась промышленность, к 1862 году была проведена железнодорожная ветка от Петербурга до Хямеенлинна, к 1856 году построен Сайменский канал, способствующий лесосплаву и торговому судоходству, для которого усиленно закупались суда. Тампере называли финским Манчестером. Крестьяне и рыболовы прибрежных шхер имели в русских городах, а прежде всего в Петербурге, прекрасный рынок сбыта. На Всемирной выставке в Париже 1900 года Великое княжество Финляндии было представлено собственным павильоном. Было дано высочайшее дозволение оставлять собираемые налоги на нужды княжества. О присутствии России практически говорило лишь наличие пограничных гарнизонов.

В Гельсингфорсе были выстроены прекрасные здания: Сенат (ныне там находится Совет министров), Собор св. Николая (ныне кафедральный собор). Созданный в Гельсингфорсе Александровский (по-другому: Александринский) университет получал от российского правительства огромные дотации. Для учёных открылась Сибирь, и туда отправлялись экспедиции для изучения родственных финно-угорских племён и

картографирования мест финского "исхода", как это считалось наукой того времени. Для укрепления положения финского языка во время правления Николая I в университете был открыт лекторат финского языка (1828), а позже профессура (1850). В 1831 г. основано Финское литературное общество. Университетская библиотека получила право на обязательный экземпляр (1828), благодаря которому там находятся уникальнейшие коллекции изданий на языках народностей, населявших российскую империю, а также русские книги и периодика, хранящиеся в Славянской библиотеке. С 1840 года было выдвинуто требование о владении чиновников финским языком. Университет подготовил отечественных чиновников, развернувших ту деятельность по реорганизации финской государственной администрации в 60-х годах, которая так восхитила русских феннофилов. Русский писатель Г.С. Петров в книге "В стране белых лилий", о которой подробно сказано ниже, говорит о деятельности Ю.В.Снельмана и снельманцев, ставя её в пример другим народам.

Ю.В.Снельман (Johan Wilhelm Snellmann) завершил отделение философии (1831) и, мечтая заняться научными изысканиями, стремился получить должность на кафедре философии. Но судьба распорядилась иначе. Непокладистый характер, критическое отношение к школярской университетской системе обучения и засилию немецкой философии, и, вероятно, фенноманские взгляды - надолго перекрыли ему путь к университетской карьере: он стал профессором только в 1856 году. Основной философской работой Ю.В.Снельмана считается "Учение о государстве" (*Läran om staten*, 1842). Взгляды Ю.В.Снельмана на государство были консервативные: он был за семью как ячейку общества (КЕ 5: 155,157), ратовал за любовь к отечеству и работу на благо его, а значит и всего народа. Он говорил, что правовое устройство государства не является случайным, но есть плод работы лучших умов нации. Действуя против закона гражданин делает преступление против святости национального гения. (КЕ 1934, 5: 157)

Ко времени юности Ю.В.Снельмана уже прозвучала мысль о независимой финской нации. А.И. Арвидсон (Adolf Ivar Arwidsson) призывал финский народ к пробуждению и просвещению, утверждая, что язык большинства народа должен иметь правовой статус (КЕ 1934, 5:154). Ю.В.Снельман критиковал за равнодушие к делам страны, образовательная и экономическая жизнь которой не могли стать лучше, прежде чем шведоязычная верхушка не начнёт заботиться о финском народе и обучение не будет проходить на финском языке. (КЕ 1934, 5: 156) Регулярно финские газеты начинают выходить лишь с 1820 года в Або *Turun Viikko-Sanomat* и в третьем по значению городе Оулу - *Oulun Viikko-Sanomat*. В 1843 году Ю.В.Снельман, работая директором школы в Куопио, начинает там издавать две газеты (1844): на финском языке *Maamiehen ystävä* и на шведском *Saima*. Поскольку нет нации без языка,

говорил он, то язык это критерий существования нации и, исходя из этого принципа, он сформулировал программу фенномании: "Ei kukaan, jolla on terve järki, kiellä, että suomi on Suomen kansalliskieli, ruotsi Ruotsin" (KE 1934, 5: 159)⁶.

Круг фенноманов всё ширился¹², вскоре на финском языке стали писаться литературные произведения. С 30-х гг. XX в. начинается подъём собственно национального романтизма, который связан прежде всего с именем Элиаса Лёнрота (Elias Lönnrot). Неутомимый фольклорист исходил Карелию и собрал материал, на основании которого издал финский национальный эпос "Калевала" (1-е изд. 1835 г., 2-е - 1849 г.). Эпос поднял национальное самосознание финнов, увидевших себя как носителей древнейшей культуры. "Калевала" вызвала горячий отклик во всём мире и на сегодняшний день эпос переведён на 146 языков мира¹³.

Выход страны на высокий уровень развития возможен только в том случае, если языком просвещения будет финский язык, считал Ю.В.Снельман. Ему виделось, что борьба идёт между финским и русским языком, в том, что шведский язык уйдёт в историю он не сомневался (KE 1934, 5: 159-160). Однако, в стране уже создалась прослойка шведов, являвшихся давними поселенцами Финляндии, которые крепко держали в своих руках как экономику, так и административное управление в княжестве.

Становление финноязычной культуры шло быстрыми шагами вперёд, окрыляемое поддержкой правительственных законов России. С 1863 года финский язык стал официальным языком (ранее предполагалось это сделать в 1893 г.) наряду со шведским. Этим новшествам способствовала свободололюбивая политика Александра II, а преградой на пути развития финноязычной культуры, по словам крупного финского историка М. Клинге было: "отсутствие интеллектуального потенциала в Финляндии, а не консервативная правительственная политика" (Клинге 1990: 78). Чтобы решить эту проблему в 60-х гг. в городе Ювяскюля была открыта Семинария (ныне университет) для подготовки учителей с финским языком преподавания. В Финляндии было основано собственное кадетское училище. Из 3 000 закончивших его офицеров 400 дослужилось до генеральских и адмиральских чинов. "Высокий уровень подготовки, полученный ими [офицерами] на разных постах в армии самой могущественной, наверное, страны мира [России], позволили им принести в Финляндию такой опыт и знания, которые во многом позволили Финляндии избежать интеллектуальной изоляции, иногда угрожающей маленькой стране"

¹² См. об этом I. Liikanen *Fennomania ja kansa. Joukkojärjestäytymisen läpimurto ja Suomalaisen puolueen synty*. Historiallisia tutkimuksia 191, Helsinki, 1995.

¹³ Общеизвестно, что эпос "Калевала" оказал воздействие на творчество многих писателей, в частности, Лонгфелло и Толкина.

(Клинге 1990: 71) Выпускником училища был К. Эрнрот, о котором будет подробно сказано в главе 3.1.1-3.1.2. Там же начинал своё служебное поприще генерал Карл Густав Маннергейм, дважды вставший в трудное для Финляндии время (1917 г. и 1944 г.) во главе страны.

Второе направление в финской культуре представляют писатели Й. Л. Рунеберг, Ц. Топелиус и Ф. Сигнеус, которые писали на шведском языке. В их произведениях патриотическое чувство, защита родины рассматриваются как добродетель. То, что отечеством финнов владеют шведы и в войнах они защищаются шведские интересы, остается у этих писателей без внимания. Учёными (см. например, Цанева 1992) отмечается своеобразие этого патриотизма, который обращён на отечество, как на конкретный географический регион с той красотой пейзажа, к которой уроженец привык и которая трогает его сердце. Национальное самосознание финнов оказывается в тесном сплетении с интересами финских шведов и поэтому приобрело скорее географически-административный характер. Самосознание финнов ещё было нечётко артикулировано как уникальная и независимая от шведского влияния языковая и духовная единица. Весь XIX век в ключе эволюционистской теории обсуждался расовый вопрос, по которому финны были отсталой нацией, никогда не имевшей своего государства и неспособной к управлению государством. Этими идеями руководствовались шведские партии, которые одинаково презрительно относились как к финнам, так и к русским:

Kuvaus venäläisistä saattoi olla hyvin kielteinen. Väitettiin, että he eivät ole psyykkisesti euroopalaisia eivätkä aasialaisia. Heiltä puuttuu tasapainoisuutta ja loogisuutta, joskin he ovat älykkäitä. He ovat jäljitelleet länsimaisuutta ja irtautuneet itämaalaisten apatiasta, mutta heiltä puuttuu kestävyyttä ja tervettä järkeä. He ovat sekarotua. (Kemiläinen 1994: 166, 260)⁷.

Таким образом, шведоманы и викинги выходили не людьми, которые цепко держались своих интересов, а рыцарями, защищающими финнов от русских варваров.

В литературе наряду с романтическими зарисовками финской природы даются идеализированные картинки жизни бедного, но трудолюбивого финского народа, готового всегда встать рядом со шведоязычными прапорщиком Столем и Свенем Дувой против восточного врага¹⁴. Стихи Й.Л. Рунеберга "Край родной", переведённые на финский язык, стали гимном Финляндии. То, что финский национальный фольклор, записанный Э. Лёнротом, сохранился только на территории Карелии, но не центральной и западной Финляндии красноречиво показывает, насколько сильно финское национальное сознание нивелировалось под влиянием шведской

---

¹⁴ Й.Л. Рунеберг *Сказания прапорщика Столя* (т. 1-2, 1848-1860).

культуры. С другой стороны, посредством шведов ускорился процесс синхронизации финской культуры с европейской культурой, хотя принадлежность финнов к европейской культуре ещё долго ставилась под вопрос¹⁵.

Вплоть до 1917 года в Финляндии была полная возможность для легальной парламентской борьбы за свои интересы. В конце XIX века в стране илет активная партийная жизнь. Фенноманская партия Ю. Коскинена (Yrjö Koskinen) имела программу по укреплению финского языка, культуры и экономики. Она представляла также ценности и интересы крестьянского населения. В 1890 году партия распалась на две части: старофиннов в главе с Ю. Коскиненом (газета "Uusi Suometar") младофиннов (газета "Päivälehti", с 1906 года "Helsingin Sanomat"), которая стала привносить идеологию классового противостояния и силовой борьбы. Основная часть сейма, дворянство и буржуазия из приморских районов принадлежала к либеральной партии, которая слилась с Викингской группой. Они стояли за шведским национальным идеалом, оппозиция которых "против языковой группы фенноманов была в большей части продиктована желанием защитить чистоту финской культуры" (Клинге 1990: 85). Это звучит очень абсурдно, но продолжение этой фразы объясняет истинное его содержание: "и озабоченностью за культурные связи с Западом" (Клинге 1990: 85).

Политическая игра "реального" политика Отто Бисмарка, объединившего Германию, по сути была целенаправленно враждебной России, хотя и прикрывалась дипломатическими отношениями (Tiainen 1992), поэтому, когда Финляндия стала клониться к Германии, то в России стали критически смотреть на автономные привилегии Финляндии, верхи которой стремились к сближению со Швецией и Германией. В 1898 году генерал-губернатор Н. И. Бобриков согласно российской политике этого времени предпринял попытки пресечь вовлечение Финляндии в европейскую политическую игру, требуя изучения русского языка в школах, а также использования русского языка вместо шведского в государственной администрации, а также для русских равных прав с другим населением княжества. Если турки не раз кроваво подавляли болгарские восстания, то в Финляндии, наоборот, дискриминация русского населения закончилась только в 1912 году: они получили право принимать участие в политической жизни княжества. Профессора кафедры истории Финляндии, Скандинавии и России в 60-е гг. XIX века совершенно не знали русского языка и требование о владении русским языком как необходимым для занятия должности, воспринималось шведскими профессорами как грубая русификация (Sarajas 1968: 57) Период с 1898 до 1904 г. в

---

¹⁵ См. об этом подробнее Aira Kemiläinen *Suomalaiset, outo Pohjolan kansa. Rotuteoriat ja kansallinen identiteetti*. Helsinki.. 1993.

Финляндии называют периодом "великого угнетения". В 1904 году Н.И. Бобриков был убит студентом Эугеном Шауманом (Eugen Schauman), который почитается как национальный герой Финляндии.

Особое привилегированное положение Финляндского Княжества вызывало у многих русских общественных деятелей недовольство, обсуждался так называемый *финский вопрос*, с требованием или приравнять права княжества с российскими или же российские с финскими. Отголоски финского вопроса дошли до Болгарии и проблеме было посвящено несколько статей в престижном журнале "Български преглед": "Руския царизъм и "Финландия" (1898), Драганов А. "Финландския въпрос" 1908 и пр.

В Финляндии росла не столько политическая борьба, сколько борьба за экономическое равенство внутри Финляндии: недовольство деревенской бедноты: безземельных арендаторов (торпари) и батраков. В результате волнений 1905 г. Николаем II Октябрьской конституцией (1906) было дано Финляндии всеобщее право на выборы, и финские женщины первыми в России и во всей Европе получили право голоса. Период с 1909 по 1916 год известен, как "второй период угнетения". Сенат финского княжества постоянно выходил с разными требованиями к царю, так как царь был высшей инстанцией в делах княжества: мог аннулировать решения парламента (сменившего с 1906 г. сословный сенат). Одним из требований был отказ финской молодёжи служить в русской армии во время Первой мировой войны, о чём была послана царю петиция, подписанная полумиллионом меловек. "В этих условиях появилось стремление, особенно в шведоязычных кругах, искать контакты со Швецией, а после начала Первой мировой войны - с Германией" (Клинге 1990: 96) даже до такой степени, что *suomenkielisten isänmaanystävien elämä tuli "yhdeksi helvetiksi", kun maan ruotsalaiset huusivat aina "emämaata" apuun!* (Kemiläinen 1994: 373)⁸.

Произведение И. Вазова "Под игото" (Ikeen alla) было переведено на финский язык и издано именно на волне национально-освободительных настроений в 1910 году, затем в 1913 г. и вновь переиздано в 1917 году.

Мемуары очевидцев в 20-е годы XX в. проникнуты идеализацией благородной немецкой помощи в освобождении от русского гнёта. (Новикова 1997: 108, Klinge 1989) Однако документально подтверждено, что поддержка германским правительством финского сепаратизма была продиктована практической целью: ослабить противника - Россию. Германия во время Первой мировой войны в январе 1915 года организует секретные курсы для подготовки финских добровольцев, которых вначале было около 200 человек (в общем обучение прошло около 2 000 человек). Эти люди, по логике военного времени, были по существу предателями и, естественно, преследовались русским правительством соответственно законам военного времени. И.Н. Новикова показывает, как Германия

спекулировала на национальных стремлениях финнов, когда понятие "независимое финское государство" встречается лишь при вербовке финнов в егерский батальон. Егери служили в немецкой армии, но разочарование в искренности немцев привело к волнениям, и поэтому в 1916 году они были отправлены с Рижского фронта в тыл. Наиболее ценным приобретением этой авантюры времён Первой мировой войны было то, что 27 Королевский Прусский егерский батальон, состоявший из финнов, стал фундаментом национальной армии Финляндии. (Новикова 1997: 110-111).

Финляндия пришла к независимости парламентским путём. Летом 1917 года финский парламент взял на себя полномочия царя. Председатель Временного правительства А. Керенский в ответ распустил парламент. Во главе с П.Е.Свинхувудом (Pehr Evind Svinhufvud) организуется Сенат независимости, который предложил на годосование Декларацию независимости Финляндии, которая была принята небольшим большинством голосов (100 : 88) 6 декабря 1917 года, который стал Днём независимости Финляндии. Зарубежные государства отказались признать независимость Финляндии прежде, чем это не будет сделано Россией. Ленинское правительство, следуя принципу "проиграть страну, но удержать власть" 31.12.1917 признало независимость Финляндии первым, после чего все страны одна за другой признали Финляндию в качестве независимого государства.

Только после этого события в Финляндии приняли драматический оборот и привели к кровопролитию. Радикально настроенные левые социалисты (красные), надеясь на революцию в Финляндии, не хотели отрываться от социалистической России и захватили власть в Хельсинки. Сенат бежал в Ваазу. (См. например Raavolainen 1974) К. Г. Маннергейму, дослужившего до звания генерала в Русской армии, было поручено командование белыми. По просьбе сената германская дивизия захватила Хельсинки. Шуриин кайзера (Фридрих Карл Гессенский) был избран стать королём Финляндии. К. Г. Маннергейм, назначенный регентом республики, высказался против прогерманских настроений. Им же была подписана Конституция 17 июля 1919 г., которая в силе до сих пор. Большевики, укрепившись у власти, хотели "раздуть мировой пожар" и забрать обратно Финляндию, Прибалтийские страны, Польшу, но когда это не удалось, ленинцы откупились территориями: по условиям мира 1920 года Финляндии были переданы Печенга и Лапландия¹⁶.

После получения независимости разгорелась "языковая" борьба. Шведоязычные лица занимали ключевые места в администрации страны, что со всей очевидностью показывало, что финское большинство

---

¹⁶ После перемирия 1944 г. Сталинское правительство потребовало их обратно.

(пропорция была примерно 1:9) не имело влияния в стране (Kemiläinen 1994: 179) и неудивительно, что победили требования меньшинства (Kemiläinen 1994: 181). Шведский язык был признан за второй официальный язык Финляндии, а это значило, что в административной и культурной сфере он был первым. По-прежнему финну нужно было знать шведский язык общаясь с интеллигенцией страны: судьи, врачи, учителя и т. д. и слушая лекции в учебных заведениях, что не могло не ставить препятствий на пути финнов к карьере, а шведам обеспечило множество престижных профессий. Цифры, что в 1920 году на 1000 финнов приходилось 8 школ, а на тысячу шведов 28 школ красноречиво говорят о степени доступности образования для финна и шведа (Kemiläinen 1994: 180).

"Ns. tavallinen suomalainen kansa ei kuitenkaan suhtautunut venäläisiin sotilaisiin ihailevasti, - но О. Каремаа добавляет: *jatkuvasti toistetut stereotypiat [о солдатах Л.С.] kuitenkin olivat hiukan yllättävästi positiivisia*"⁹ Ещё в 1915 году Николая II, Великого Князя Финляндии, встречали с энтузиазмом и верноподданическими настроениями (Karemaa 1998: 43). Но решение Керенского распустить парламент, и всё шире проникающей в финское сознание (в частности, через егерское движение) расистской теории (Karemaa 1998: 13-17), началось нагнетание антирусских настроений и русофобии среди "простого народа", приведшей к тому, что именно русский в национальной мифологизации занял нишу антипода и врага (см. подробнее Karemaa, 1998). Словом, отношение финского народа к метрополии видоизменялось, приняв, уже после освобождения, форму внешней соседской лояльности, но внутренней настороженности, страха и неприязни. В то же время большую симпатию можно наблюдать в сторону более ранней и долговременной метрополии Швеции. Но, как говорит финский русист Пекка Песонен : "*Kulttuurisiteet Ruotsiin säilyivät paljon kiinteämpinä*" 'культурные отношения со Швецией всегда были более тесными' (Pesonen 1991: 108).

В Финляндии после провозглашения независимости от России осталось сильное присутствие шведоязычной культуры, в то время как Болгария пошла чисто национальным путём, отбросив и турецкое и греческое влияния. Язык, на котором нация мыслит, через призму которого воспринимает мир, есть источник и гарант истинно национального самосознания, по мнению болгарина. (Цанева 1992)

Шведоязычные писатели творили на шведском языке, исходя из своей модели мира, используя финский географический материал и финнов. Согласно шведской модели мира герои-финны этих писателей имеют заведомо прошведские и антирусские настроения. Жизнь и настоящие интересы финнов были показаны писателями - финнами позднее уже в XX веке и там шведы рассматриваются скорее, как чужеродный элемент, а не родной, приобретая кличку *hurtti* (см. произведения финских писателей,

как например, Вяйно Линна и др.). Финнам должны были бы быть одинаково противопоставлены завоеватели будь то шведы или русские. Поскольку шведское дворянство владело огромными “латифундиями”, то, практически, оно являлось непосредственным антагонистом финских крестьян. По логике, у финнов была причина испытывать к России прошлого века симпатию¹⁷, если же она не звучит в полной мере, то скорее всего это чувство было перекрыто нелюбовью шведов, составляющих основную массу интеллигенции и создающих общественное мнение. Негативное прозвище русских *ryssä* шведского корня, а не производное от финского: *venäläiset*. С точки зрения нашего исследования о создании национального мифа заслуживает внимания диссертация Оути Каремаа, которая показала, как в Финляндии за пять лет (1917 - 1923) был создан негативный стереотип русского, как врага, угнетателя и паразита¹⁸ вопреки распространённому мнению, что это результат войны 1939 года.

2.3 Выводы: к типологии различий и общностей процесса развития малых стран Финляндии и Болгарии

2.3.1 Различия

Первой важной отличительной чертой культурно-исторического процесса Финляндии и Болгарии является начало своих исторических путей с разных точек *хронологического* счёта. Итак, Болгария была независимым государством с 681 до 1393 года, болгары имели письменность с 863 г., приняли христианство в 866 году и с 983 года болгарский язык является государственным языком и, наконец, в 967 году славянский язык был признан Римом как богослужебный язык. Финны имеют более короткую письменную историю. Христианство стало привноситься с XII века на чужом языке, финский букварь был создан в 1542 г. и финский язык получил статус государственного (наряду со шведским) в 1863 году. Правда, напечатанный впервые в 1832 году эпос “Калевала” показал насколько древними являются корни финского народа и как велика духовная культура финнов. Борцы за освобождение Болгарии апеллировали к прошлому, страстно отстаивая своё право на будущую свободу, финны впитывали право на самоопределение наций как философскую истину.

---

¹⁷ Уже говорилось о лояльности финнов к России во время польского восстания и войны 1853-55 года. По воспоминаниям и письмам финских участников войны 1877-78 года видна их симпатия к монарху, см. нашу работу гл. 5.2.1.

¹⁸ См. книгу Jalmari Jaakkola *Suomen historian ääriäivät*, 1940, в которой все негативные стереотипы о России получили своё крайнее выражение.

В Болгарии освобождения добивались *кровавопролитным* путём, за свободу погибло множество героев-жертв. В Финляндии стремились к законодательному расширению автономных прав, приведших, в конечном счёте, к независимости, как только метрополия оказалась ослабленной собственными политическими раздорами. Финляндия стала независимой на основании парламентского голосования.

В Финляндии до включения её в состав России существовала укоренившаяся традиция шведоязычной культурной жизни, которая не рассматривала себя как антагонистическую по отношению к зарождающейся финноязычной культуре. То, что культура шведской метрополии, ответвившаяся на территорию Финляндии, признаётся за финскую, позволяет, во-первых, отсчитывать начало финской культуры по более ранним хронологическим параметрам, а во-вторых, включать шведоязычных писателей (Й.Л. Рунеберга, Ц. Топелиуса и др.) в классику финской национальной литературы. Можно предположить, что этот факт послужил причиной того, что бума финноязычных изданий в прошлом веке не было и прирост их обуславливался возникающей культурной ситуацией и спросом, перегнав по количеству изданий шведоязычную литературу только к концу XIX века. Само по себе значительное явление, но всё же это не соответствовало пропорции финноязычного и шведоязычного населения в княжестве (примерно 9:1).

В признании шведоязычной литературы и культуры за национальную культуру Финляндии состоит резкое историко-типологическое отличие болгарской культуры от финской. На болгарской почве включение туркоязычной литературы (или культуры), произведённой представителями турков за 500 лет проживания на географической территории Болгарии, в болгарскую литературу (и культуру) представляется невозможным, как и невозможно культурное двуязычие (см. подробнее, Цанева 1992) Правда, в Финляндии проявлялось неприятие к языку и культуре более поздней метрополии, России, но это противостояние происходило более со стороны шведоязычной интеллигенции, а не финского народа. Для финнов до сих пор изучение шведского языка является обязательным и на нём говорят на уровне культурной и политической жизни. Нам думается, что этот факт можно сопоставить с постколониальным явлением, наблюдаемым и в других освободившихся странах, практикующих двуязычие. В Болгарии метрополия Турция рассматривается однозначно как завоеватель и угнетатель, срок распространения турецкой власти на болгарскую территорию как иго, а освобождение от турецкого рабства - это не только освобождение территории, но и освобождение духовной культуры и языка, как её носителя. Болгарское возрождение "най-тясно свързва проблема за националното съзнание с езика". (Цанева 1992: 22)

Болгарскому народу не пришлось в период национально-освободительной борьбы побеждать расистские теории и утверждения о

неспособности создать своё национальное государство, им нужно было только вспомнить о своём былом величии и национальном достоинстве. Классовая и экономическая борьба началась позднее и стояла отдельно от проблемы национального освобождения. Она была внутринациональной. В Финляндии не было жертвенной борьбы против метрополии России. Пробуждение финского национального сознания и просвещение народа шло легальными путями и, в основном, в консенсусе с русской администрацией - и с этой точки зрения всё происходило гораздо легче, чем в Болгарии. Явное доказательство в эпосе и эпосом “Калевала” способности финнов к высоким духовным достижениям, не убедило шведской стороны, и она отстаивала своё право на приоритеты в пользу самих же финнов. Тот идеал, к которому стремились Ю.В.Снельман и Ю. Коскинен: один народ, один язык - не осуществился. Был выбран компромисс: два государственных языка, две культуры. Было ли это решение правильным, как оно повлияло на самосознание финнов, а также финских шведов - вопросы достойные глубокого культурно-антропологического исследования.

Роль России *двоякая*: она выступает по отношению к Финляндии как метрополия, но, после 1917 года, она же стала гарантом независимости Финляндии силой ленинского декрета. По отношению же к Болгарии Россия однозначно являлась освободительницей. В число освободительниц попала и Финляндия, которая имеет за это вечную славу в Болгарии.

2.3.2 Аналогии

Как в Болгарии так и в Финляндии периоды чужеземного ига были *долговременными*, продолжаясь в течение пяти-шести веков, но независимости оба народа достигли почти в одно и то же время. Финляндия - в 1917 году, Болгария же освободилась частично в 1878 году, однако провозгласила себя независимым государством только с присоединением Восточной Румелии в 1908 году. Именно эта схожесть “Rinnakkaisilmiöt” культурно-исторического развития отмечалась некоторыми финскими авторами. Во-первых, “kansojen kärsimä pitkäällinen ja raskas sorto vieraan ikeen alla” ‘пережитое народами долгое чужеземное иго’, во-вторых, “vapautuminen sorrionalaisuudesta ja tarmokas, määrätietoinen työskentely vapautensa lujittamiseksi” ‘освобождение от порабощения и энергичная целенаправленная деятельность во имя укрепления своей свободы’, в-третьих, неустанный труд финнов и болгар “hyvinvointinsa sekä kulttuurinsa edistämiseksi” ‘для развития благосостояния и культуры’. (Suomen sotilas 1938: 65)

Общим для малых народов является и озабоченность своим менталитетом, когда ставится *вопрос о месте своей культуры* по отношению к Европе. Вопрос, подобный заданному на страницах журнала

"Българите европейци ли са?" (ж. "Изток" 1925, № 18: 2) много раз повторен в культурной дискуссии малых стран, в частности, Болгарии и Финляндии.

Очевидна *поликультурность* малых стран, причём эта поликультурность разная внутри своей нации, что их отличает от федеративных государств. Финляндия, например, делится на западную с элементами шведского культурного влияния и лютеранства и на восточную с элементами русского, вернее, православного влияния. Это разные культуры и финны чётко отличают восточных разговорчивых карелов от строгих и малословных западных финнов, хотя обе культуры и базируются на финском национальном менталитете. Культурологи находят глубокие культурные различия даже между населением этих территорий. Финляндия и Болгария, находясь под влиянием культуры народа-завоевателя, а также имея географическое расположение на пограничной территории между сильными культурами, соответственно: Россия - Швеция, Турция - Греция, впитали в себя элементы чуждых культур. В XIX веке в период романтизма начался поиск своих чисто национальных корней. Влияние русской культуры изучено слабо (см. Sarajas 1968), но оно прослеживается в лексике, фольклоре, "Калевале", наличию в Финляндии православия и пр.

В последнее время и Финляндия и Болгария имеют ещё одну общую проблему, так как ощущают себя между Европой и Россией. В 1997 году в Болгарии была проведена на эту тему научная конференция, которая была призвана обобщить болгаро-русско-европейские отношения и найти свою позицию между этими политическими силами¹⁹. В Финляндии этот вопрос не затихает и наблюдается сильное стремление к Европе.

Общим для малых народов является и то, что основную роль в популяризации их литератур и культуры играла *периодика* (Lindeman & Meller 1982, Kinnunen 1979). Болгарская периодика возникла и развивалась с середины минувшего века. Отдельные опыты издания альманахов, газет и журналов были и раньше, но сильный рост, спонтанность, бурная хотя и кратковременная жизнь периодических изданий наблюдалась только в начале XX века. В различных городах и по инициативе деятелей с самыми разнообразными политическими и культурными интересами начинают издаваться газеты и журналы. Богатая периодика обнаруживает страстное радение болгарской интеллигенции (часто это были учителя, получившие образование в России) о своей отчизне и её будущем. Большую роль в публикации играет то, к какому течению относится орган печати. В дальнейшем, говоря о переводах, подробнее будет сказано о направлениях тех изданий, которые

---

¹⁹ България между Европа и Русия. Научна конференция 10-11 октомври. Българска сбирка 1997.

интересовались Финляндией или же привлекали финских авторов иллюстрировать свои идеи. Сегодня трудно установить количество читателей тех или иных журналов или газет. Однако существует опыт, который подсказывает нам, что гипотетический читатель ежедневной газеты - более широкий, чем читатель научного или идеологически окрашенного журнала. Исходя из этого можно сделать умозаключения о круге читателей и известности финских писателей в болгарской среде. Так, имя, почитаемого в среде толстовцев и много печатающегося в их органе "Възраждане", А. Ярнефельта могло оказаться менее известным для рядового болгарина, чем имя Ё. Линнанкоски (Johannes Linnankoski), одна и та же новелла которого несколько раз перепечатывалась в популярных изданиях. Имя Сантери Алкио (Santeri Alkio), с единственным переводом из его творчества "Баща им в Америка" (1897), напечатанным в журнале "Ново време" стало известнее среди лиц, стремящихся к социальным преобразованиям, чем лиц, стремящихся к внутреннему совершенствованию, читающим Ярнефельта. В нашей библиографии лишь малая доля отдельных публикаций изданных отдельными книгами, что лишний раз указывает на роль периодики для знакомства с культурой малого народа.

Наращивание культурного потенциала и выход в ряд европейских стран произошло в обеих странах *в течение прошлого века*. В особенности это касается финноязычной литературы и культуры. Общей чертой является также *синхронный выход на арену мировой культуры* с первых лет XIX века. При этом расширяются не только культурные горизонты читателя небольшой страны, но и он сам привлекает к себе внимание европейских издателей и читателей. *Переводная ориентация* связана с идейно-тематическим и жанровым обогащением родной литературы и культуры (Kinnunen 1979) и не всегда первыми переводят классиков. Однако во всех более молодых культурах есть стремление познакомить свой народ со всемирно известными писателями. В Болгарии, как и Финляндии, во время национального возрождения, начиная с первых десятилетий прошлого века, переводились как античные произведения, так и прославленные европейские классики, такие как Дж. Свифт, В. Шекспир, В. Гюго, Ч. Диккенс, В. Гёте, А.С. Пушкин, Л.Н. Толстой и т. д. Причём переводы часто делались лучшими писателями страны: П. Р. Славейковым, А. Разцветниковым, П. Яворовым, Н. Лилиевым, Гео Милевым, а в Финляндии, в частности, Майлой Талвио, Эйно Лейно, Пентти Саарикоски и т. д. С конца прошлого века в Болгарии в круг болгарских литературных интересов попадает наряду со шведской и норвежской (А. Стриндберг, К. Гамсун, Г. Ибсен) также финская литература. Переводятся писатели, которые пользовались популярностью и издавались за рубежом: в России, Германии, Франции, такие как П. Пяйвяринта А. Ярнефельт, Ю. Ахо, Ц. Топелиус. Первым финским писателем, переведённым на болгарский язык,

был Пяйвяринта (1896), а первым болгарским писателем, переведённым на финский язык, был И. Вазов (1906) на десять лет позднее.

Россия и русский язык долго были основными посредниками при болгарском общении с западно-европейской литературой (Чернокожев 1984:189, Минкова 1985). Первые переводы финской литературы на болгарский язык делались через язык-посредник: русский, немецкий и, иногда, французский. Только в 70-е годы появляются переводы непосредственно с финского и, соответственно, с болгарского языка на финский. Эту традицию зародили переводчики Г. Вылчев, К. Сувилехто, Б. Парашкевов, В. Топшков на болгарской почве и П. Валтакари, Т. Юлинен Т. Манелиус, К. Сирасте и др. - на финской.

Г. Вылчев, занимаясь уже несколько десятилетий сравнительным литературоведением на материале малых европейских народов, отмечает, в частности, устойчивый *демократизм*, малых народов, который является следствием их исторической судьбы, а также их национальной и языковой изоляции. Контакты между малыми народами заслуживают изучения и их необходимо изучать также потому, что в картине мира этих народов заключено знание о *сопоставимости* друг с другом, во-первых, по величине, а во-вторых, по значимости в ряду стран мира. Отношение к большим европейским народам, а конкретнее к их литературам и культурам было и, пожалуй, остаётся отношением ученика к учителю, младшего к старшему, малого к большому, слабого к сильному, т. е. *не с равных позиций*. Взаимоотношения же между культурами малых народов происходят *с равных позиций* (см. подробнее Вълчев 1993), именно поэтому изучение контактов между малыми народами имеет особый интерес.

- 1 Много мы испытали холода и голода, / сражаясь на Балканских горах...
- 2 Каждый раз он (царь Болгарии) уделял Финляндии совершенно особое внимание, детально расспрашивая меня, как обстоят дела в Финляндии [подч. Л.С.](Talas 1960: 266), Во время поездки мы заметили, что болгарский народ относится к Финляндии особенно доброжелательно [подч. Л.С.](Talas 1960: 280).
- 3 Когда болгарин узнаёт, что ты приехал из Финляндии, на его лице появляется радостное, дружелюбное и уважительное выражение. Он точно знает, откуда ты и какой.[подч. Л.С.](Kondakov 1983: 15) Хорошее даже слишком хорошее представление у них о финской честности [подч. Л.С.](Ylinen 1978: 5) Болгары относятся дружелюбно ко всем народам, но к финнам дружелюбнее обычного [подч. Л.С.] (Ylinen 1978: 5).
- 4 По-видимому, общеизвестно, что и финская кровь была пролита за свободу Болгарии (Talas 1960: 280).
- 5 В Болгарии к Финляндии питают совершенно особенную симпатию. Небольшая доля заслуги была в том, что Финский батальон во время войны с Турцией в рядах Русской армии принимал участие в освобождении Болгарии. Но редко кто ещё помнил об этом, поэтому оно не могло влиять на это явление" [подч. Л.С.](Talas 1960: 267).
Когда болгарин узнаёт, что его собеседник финн, то он тотчас же начинает говорить о тех финнах, которые воевали во время Русско-турецкой войны за Болгарию [подч. Л.С.](Salokorpi 1985: 115, Kondakov 1983: 15).
- 6 Никто, обладающий здравым смыслом, не может спорить с тем, что финский язык - это язык Финляндии, а шведский - Швеции (KE 1934, 5: 159).
- 7 Образ русского мог быть очень негативным. Утверждали, что психически они не являются ни европейцами, ни азиатами. Они неуравновешаны и у них отсутствует логика, хотя они и неглупые. Они подражают западу и избавились от восточной апатии, но им не достаёт выдержки и здравого смысла. Это смешанная раса (Kemiläinen 1994: 166, 260).
- 8 Жизнь финских патриотов превратилась в ад, потому что живущие в стране шведы постоянно призывали на помощь свою родину-мать (Kemiläinen 1994: 373).
- 9 Так называемый, обыкновенный финн не относился к русским солдатам с восхищением, - и добавляет: но постоянно повторявшиеся стереотипы о них были неожиданно положительными (Karemaa 1998: 23).

3 КОНТАКТЫ МЕЖДУ БОЛГАРИЕЙ И ФИНЛЯНДИЕЙ

3.1 О посредниках в финско-болгарских связях

3.1.1 Финский батальон в войне за освобождение Болгарии

Борцам за свободу Болгарии в середине XIX века удалось организовать целую сеть ячеек сопротивления по всей стране и в соседних странах, прежде всего Румынии и России. Многие борцы за свободу были вынуждены эмигрировать в европейские страны, прежде всего в Румынию¹ или Россию. Из этих стран шла помощь освободительной борьбе, в частности и оружием. Мнения внутри освободительного фронта на будущее своей родины расходились: целью одних было сделать из Болгарии независимую страну с республиканским правлением, а других - конституционную монархию. В 1875 году вспыхнуло, но тотчас же было жестоко подавлено турками, всеобщее народное восстание: карательные отряды турок сожгли до тла сотни деревень и городов, около 30 000 людей были убиты. Имена тех, кто отдал свою жизнь делу освобождения родины высоко почитаются в стране: Любен Каравелов, Христо Ботев, Васил Левски и многие другие.

События 1875 года вызвали в Европе сочувствие к болгарам. В Европе зорко следили за развитием событий на Балканах, пресса освещала Восточный вопрос, а европейские политики и государи искали выгоды для своих стран. Английской империи было выгодно, чтобы Турция не распалась, Австро-Венгрия была готова пожертвовать целостностью Турецкой империи с тем, чтобы присоединить к себе Боснию и Герцоговину, Германия была за возникновение новых балканских стран,

---

¹ Румыния была в то время вассалом Турции, но обладала широкой автономией.

чтобы расширить сферу своего влияния и получить новые рынки сбыта. (Косев 1972: 47-48, см. также Peltonen 1962) В России существовали разные мнения по болгарскому вопросу. Очень сильным было панславистское движение, которое мечтало об объединении под короной сильной Российской империи славянских народов, а вследствие этого было за подавление антироссийских мятежей поляков, с одной стороны, и за начало освободительной войны с Турцией, с другой. Им противостояли политики, считавшие, что Россия должна прежде всего позаботиться о доведении alexandrovских реформ до конца, позаботиться о своём народе. Существовало опасение, как бы Россия не стала дойной коровой для славянских "братьев". Александр II, известный как царь-освободитель, принял решение помочь болгарским борцам, родственному славянскому православному народу, в освобождении от иноземного ига и кровопролитные события 1875 года послужили толчком к войне с Турцией. Сборы начались с 15.11.1876 года, а 24 апреля 1877 года война была объявлена. Русская общественность отнеслась с огромным энтузиазмом к "крестовому походу" за освобождение братского народа от рабства.

Россия вела войну одна. Её поддерживала Румыния, которая полностью порвала к этому времени связь с бывшей метрополией Турцией, и германская дипломатия. В 1876 году канцлер Отто фон Бисмарк открыто заявил болгарским делегатам Марко Балабанову и Драгану Цанкову, что если война будет, то её будет вести Россия, а Германия окажет ей дипломатическую поддержку (Косев 1972: 57-58) Остальные страны осудили начало войны, хотя по её окончании, после победы России, все европейские страны собрались на Берлинской конференции делить дивиденды. (Косев 1972: 62-63) Силы турков вскоре иссякли и они попросили перемирия, которое было подписано 31.1.1878 года, а 3.3.1878 года в Сан Стефано был подписан сепаративный мирный договор.

По Конституции, предложенной Александром II и принятой 28.4.1879 года, Болгария стала конституционной монархией. Конституция была самой демократической по тому времени. Каждый болгарин имел право на выборы с 20 лет, была гарантирована полная свобода совести и запрещена цензура. Долго велась борьба за сферы влияния на Балканах. Вначале победило, можно сказать, русское крыло: царём Болгарии стал Александр фон Баттенберг, племянник русской императрицы. В кабинет министров были назначены представитель России генерал Казимир Эрнрот и Австро-Венгрии - знаменитый чешский историк, знаток истории Балканского полуострова, приват доцент Венского университета Константин Иречек. Время правления Александра Баттенберга оказалось коротким. Внутренние и международные политические интриги, недовольство и беспорядки в самой Болгарии - заставили его отказаться от трона 9 августа 1886 года. Вместо него трон был предложен Фердинанду Сакс-Кобург-Готскому (по-

другому: Кобургский), который в своей политике ориентировался на Австро-Венгрию и Германию. Широко известны слова Отто Бисмарка, сказанные по этому поводу: Россия выиграла войну, но проиграла в дипломатии². Болгарские историки отмечают отсутствие сочувствия к поработанным странам и хищнические настроения относительно освобождённых территорий:

... Русско-турската война през 1877-1878, която донесе освобождението ни. Но от момента, в който българската национална революция запали Източния конфликт, нашият народ изпусна инициативата в освободителното дело и представи съдбата си на чужди сили, без да е в състояние да ги контролира. (Косев 1972: 66-67)

Непосредственные контакты Финляндии с Болгарией отсчитываются со времён русско-турецкой войны 1877-78 года³. В русской армии принимал участие Его Величества Лейб-гвардии Третий стрелковый Финляндский батальон количеством более 800 бойцов. Кроме них было 85 человек безоружных: оркестр, врачи и санитары, полевая больница. Батальон был частью XI Пехотной дивизии под командованием генерала финского происхождения Казимира Эрнрота⁴. Третий стрелковый батальон Финского военного округа, как видно по названию, был одним из батальонов, сформированных по национальному составу (и командный состав и солдаты). Ю.В. Снельман удивлялся тому, что большинство финнов одобряло эту войну и от всей души было готово бороться за христиан против турок (Kylävaara 1978: 13). Участие финского батальона

---

² Напомним, что после победы России над Турцией на созванной Отто Бисмарком в Берлине конференции по окончательному мирному договору от 8 февраля 1879 года Британская империя добавила к своим владениям остров Кипр, а Россия лишь вернула Бессарабские провинции, которые она вынуждена была на основании Парижского договора отдать Румынии в 1856 году в результате неудачной войны с Османской империей. Кроме того, России было назначено 300 млн. рублей контрибуции, в то время как во время войны погибло 172 тыс. русских солдат и война стоила 500 млн. рублей. Австро-Венгрия в своё время получит Боснию и Герцоговину. Мечта о Великой Болгарии в 4,5 млн чел. и площадью в 164 кв. м. не осуществилась: границы, отмеренные Болгарскому княжеству, включали только 1 850 000 жителей и 64 кв. м. площади (Ehrnrooth 1967: 140-141).

³ Кстати, в финском батальоне принимал участие доброволец лейтенант С. Кристенсен, первый норвежский очевидец Болгарии. Kylävaara 1978: 63, Вълчев 1981: 257)

⁴ Принимая во внимание кратковременность войны (ок. 11 месяцев) следует заметить, что дивизия не принимала участия в тяжёлых операциях: "Sodan aikana Ehrnrooth joutui olemaan tapausten keskuksesta syrjässä, sillä XI jalkaväkidivisioonan osalle oli tullut rintamalohko, millä taistelutoiminta puoleksi vuodeksi rajoittui käytännöllisesti katsoen pelkkään tiedusteluun ja silloin tällöin tapahtuneisiin vähäisempiin laukaustenvaihtoihin" 'Во время войны Эрнрот оказался в стороне от центра военных действий, так как XI пехотная дивизия оказалась расположена в той части фронта, где её задачей была разведка и временами перестрелка с врагом.' (Ehrnrooth 1967: 31).

в русско-турецкой войне материально не коснулось финского народа, тем не менее участие в войне проникло в сознание финского народа. Г. Вылчев объясняет это тем, что участие в войне:

"намери спонтанно разбиране сред народа, и може да се каже, укрепи националното самосъзнание, гордостта от такава ангажираност в голямата политика, сред големите европейски сили. Това е първата самостоятелна проява на финландската външна политика. Тази осъзната съпричастност в решението на световните проблеми повдига самочувствие на финландците, укрепва вярата им във възможностите за самоуправление". (Вълчев 1993: 9-10)

Г. Вылчев совершенно верно высвечивает положительное влияние факта участия в русско-турецкой войне на укрепление национального самосознания финнов, хотя его мнение о самостоятельности первого проявления финской внешней политики можно оспорить, так как война все же велась Россией.

Прибывшие с севера 900 финнов стали реципиентами быта и политической ситуации южной страны, иначе, страны "солнечного", а значит получившего лучшую долю, юга. Первый контакт оказывается актом освобождения болгарского народа финнами, в числе других национальных военных объединений, например, эстонского⁵ (см. Исаков 1969, 1970), от поработителей. Это окрашивает военные события и участников освобождения в собственных глазах в возвышенно-романтические тона. Грамотность среди некоторых участников войны была на таком уровне, что они оставили письма и дневниковые записи о своих впечатлениях. В конце прошлого века в Финляндии печатались новости о балканских событиях, статьи, знакомящие с историей Болгарии, воспоминания участников событий и песенный фольклор⁶. В опубликованных 1880 году песнях и стихах времён турецкой войны (см. Niisivaara-Hela 1983) превалирует позиция: "наши" трудности, испытания, воспоминания о ходе различных боёв, потери и победы, тоска по родине и оставшимся там жёнам, невестам, матерям, сёстрам и, естественно, тоска воинов по далёкой родине: воины даже построили себе сауны. (Kylävaara

---

⁵ Контакты Эстонии с Болгарией также начались с русско-турецкой войны, с эстонских воинов в Русской армии. Русско-турецкая война находит многообразное отражение в эстонской печати, журналах, газетах, народных календарях: статьи о положении в Болгарии, её сельской жизни и социальных условиях. Десятки песен с болгарской тематикой обогащают эстонский фольклор. Эстонский поэт Петер Якобсон написал стихи о Балканах, ставшие народными песнями: "Процаване с гр. Сливен" "Смъртта на естонския войник в България", "На брега на р. Марица (Българска девойка)" (Вълчев 1978: 382)

⁶ Опубликованы книги следующих авторов: Janhunen 1880, Krohn 1878, Lindgren 1878, Fennander 1878, 1895, Jernvall 1881, Lindfors 1883, Varen 1898, Wahlberg 1878 и др., а также газетные статьи: Ahomäki 1899, Kulta 1898, Ranta 1890 и др.

1987: 120-121). О Болгарии говорится мало - это чуждое незнакомое пространство, в котором функционирует конкретное "я" или действуют "мы". Финские учёные позднее не раз возвращались к этим записям и событиям (Huhtala 1935, Нувämäки 1964, Hiisivaara 1968, Kylävaara 1978), но всегда с точки зрения "мы - финны", т.е. в оппозиции "мы - они" в центре внимания были "мы".

В рамках задач, поставленных в нашей работе, нет необходимости углубляться в уже широко изученные события русско-турецкой войны. В числе 120 000 воинов русской армии 900 человек было крупницей, но её заслугам отдано должное и в Болгарии никогда не забывали о финском вкладе в освобождение Болгарии (см. L.W. Polttopiste 1981 № 10: 6)

Нас эти события интересуют с точки зрения восприятия финскими воинами болгарской природы и болгар. Воины обращали внимание на пейзаж, находили его экзотичным и прекрасным, но время шло к зиме и более солдат заботило то, что природа не баловала их. Началась зима, сначала пошли дожди, потом выпал снег. Солдаты мёрзли, мало кто в такой ситуации был в состоянии восхищаться занесёнными снегом горами. Обоз временами запаздывал и давал знать о себе голод голод. Солдатам самим приходилось добывать провиант у местных жителей. (Kylävaara, 1978: 60, 69) Это позволило солдатам сделать ряд наблюдений над местным населением. Финны заметили, что жители гор доброжелательнее, чем жители долин, которые бывали столь неприветливыми 'ynseät', что воинам приходила в голову мысль, зачем мы здесь. (Kylävaara, 1978: 61). Зато в селе Враждебне, где воины после боя потушили пожар, люди пытались благодарно целовать освободителям руки и были гостеприимны, выносили хлеб и соль, мясо, табак. Подробно описываются деревенские и городские жилища. (Kylävaara 1987: 81-84, 99-101, 106, 109-110) Было замечено также, что освободившиеся болгары начали мстить туркам и солдаты даже жалели беженцев: тысячи селян-турок снялись с мест и бежали от русской армии и мести болгар (Kylävaara 1987: 84, 96-97), отмечается грязь и неустройство в послевоенных деревнях (Kylävaara 1987: 116-117)

Финский батальон дошёл до знаменитых бастионов Горного Дубняка, в покорении которых он сыграл видную роль. В сражениях погибло 24 человека, ранено было 100 человек (от ран умерло 16), 148 человек умерло от болезней и трое пропало без вести. (Suomen sotilas 1938: 127). Несмотря на малочисленность дивизии и небольшое количество погибших на поле боя, память об участии финнов в освобождении Болгарии живёт в обеих странах и по сей день. Ээро Сувилехто так объясняет это явление:

"Suomalaisten panos tuli kuitenkin merkillisen hyvin bulgarialaisen tietoisuuteen; se sai eräänlaista symbolista arvoa. Tämä perustuu mm. siihen, että suomalaisten toiminta nähtiin jotenkin pyytettömänä. Heidän osallistumistaan ei varmasti

sanellutkaan samanlainen valtiollinen tai poliittinen intressi kuin muilla sodan osapuolilla" (Suvilehto 1988: 3)¹.

Иван Златев уже в наши дни, в 1997 году, в статье "Финландци в освобождението на България", призывает помнить этот вклад финнов:

"разстоянията са победими от добротата и волята.[...]... и те и ние знаем, че кръвта им не е била проливана напразно и че загиналите им другари почиват в гостоприемна страна, заслужаваща техния подвиг. Да не ги забравяме!" (Златев 1997: 15)

3.1.2 Роль Казимира Эрнота в первом правительстве свободной Болгарии

Губернатором Болгарии был назначен князь А. М. Дондуков, а К. Эрнот в течение пятнадцати месяцев был помощником и советником первого Болгарского князя Александра и входил в правительство Болгарии на разных должностях. Казимир Эрнот родился в имении Сеэста в 1833 году в богатой дворянской семье. Закончив Кадетский корпус в Хамине, он учился в артиллерийском училище в Михайловском и, наконец, в Императорской военной Академии, диплом об окончании которого он получает в 1856 году, уже после боевого крещения на Кавказе. Он быстро сделал блестящую военную карьеру: принял участие в "усмирении" горцев на Кавказе в 1856-1860 году, с 1861 по 1873 год он с небольшими перерывами служил в Польше. После участия в Русско-турецкой войне 1877-1878, К. Эрнот пребывает на политической и дипломатической службе в Болгарии до 1881 года, для чего ему пришлось уволиться из русской армии. Генерал Эрнот, по словам Миккола, согласился без особого энтузиазма занять эти политические, скорее даже дипломатические посты (Mikkola s.a.: 3).

Перед К. Эрнотом были новым правительством Болгарии поставлены задачи, во-первых, укрепить армию и жандармерию, во-вторых, упорядочить судебное производство, искоренить взяточничество и произвол. К. Эрнот занимал посты министра военных дел, а также министра внутренних дел и министра иностранных дел, а одно время также и пост премьер-министра. Фактически он имел полную власть в Болгарии, частично благодаря своим личным качествам. Он решительно наводил порядок в стране: усмирял волнения, ограничивал бюджет, увольнял лишних чиновников в раздутом государственном аппарате. Он проводит новшества круто, но, несмотря на это, вызывает у коллег, по воспоминаниям Константина Иречека, большое уважение к себе честностью и неподкупностью (Mikkola s. a.: 1-10). Более всего всех поражали его прямота и бескорыстие. Наибольших заслуг он добился, как министр военных дел (Mikkola s.a.: 6-7, Niskanen 1964: 15). Он с высоким

профессионализмом создаёт армию Болгарии и даже вкладывает в это дело свои личные средства. Он твёрдой рукой проводит меры по водворению законности. Когда, в трудной ситуации, у Александра Баттенберга возникла мысль о роспуске Народного собрания и концентрации власти в своих руках, то К. Эрнрот этой идеи не принимает: в Болгарии есть Конституция и действовать следует в её рамках. Он добивается от Народного собрания в Свиштове чрезвычайных прав для Александра Баттенберга на случай беспорядков⁷ в стране, и только после закрытия Народного собрания 13.7.1881 года, он покидает Болгарию. Народное собрание и лично Александр Баттенберг благодарят его за деятельность на благо Болгарии (Mikkola s.a.: 10)

Следует отметить, что оценка деятельности К. Эрнрота была и остаётся очень противоречивой. С точки зрения демократических сил позиция К. Эрнрота была консервативной. Он защищал монархию и интересы царя Александра II, используя почти диктаторские методы против сторонников демократического метода правления (Suvilehto 1988: 3). Э. Сувилехто, возможно, прав, однако, оценивая деятельность К. Эрнрота, не следует забывать, что положение в Болгарии было очень сложным. В России были свои трудности, революционеры разных расцветок пытались организовать беспорядки и в 1881 году при очередном покушении царь-освободитель был убит, так что Россия не всегда имела возможность уделять внимание болгарскому вопросу. Австро-Венгрия пыталась взять Болгарию под свою сферу влияния, Турция не хотела потерять Восточную Румелию. В самой Болгарии шла борьба между двумя фракциями распавшейся либеральной партии. Одна, возглавляемая Драганом Цанковым, была согласна на компромиссы, а вторая, руководимая Петко Каравеловым и Петко Славейковым, не шла ни на какие уступки, требуя демократии и выполнения конституции.

Генерал К. Эрнрот без сомнения является одним из финнов, игравших самую видную роль на политической арене Европы. Существует мнение, что когда Александр Баттенберг⁸ отказался от болгарской короны, то у Александра III были якобы планы назначить на его место К. Эрнрота. Магнус Эрнрот говорит, что это мнение ошибочно. Оно является результатом неправильно понятой фразы Герберта фон Бисмарка, написавшего, что он с удовольствием одобряет генерала К. Эрнрота на роль единственного правителя Болгарии, забыв добавить: "*als einzigen regenten fur Bulgarien*" [подч. Л.С.] (Ehrnrooth 1967: 294). Фердинанд Кобургский, сменивший Александра Баттенберга, опасаясь влияния католицизма,

---

⁷ 19.9.1883 года Александр Баттенберг был этих полномочий лишён, и премьер-министром стал либерал Драган Цанков.

⁸ Александр Баттенберг погиб на охоте в 1893 г.

сближается с православными странами: Николай II стал крестным отцом его сына, наследного принца, позднее царя Бориса (1894-1943).

Вернувшись из Болгарии К. Эрнрот служил в Петербурге статс-секретарём Великого Княжества Финляндии и, наконец, и. о. канцлера Александринского университета (1887-89). В отставку он вышел в 1891 году. Профессор И.Ю. Миккола помнил К. Эрнрота, канцлера университета, давшего ему положительную рекомендацию на поездку в Россию в Харьков, где Миккола встретился с Марином Дриновым, учёным-историком, профессором Харьковского университета. М. Дринов лично знал К. Эрнрота и К. Иречека, и, таким образом, косвенно повлиял на написание И.Ю.Микколой заметок об Эрнроте. Роль К. Эрнрота в болгарской политике не забыта финскими историками и упоминается каждый раз в связи с событиями 1877-78 гг. Знаток Болгарии Э. Сувилехто отмечает в культуре болгар особенно сильную историческую память:

Muisto suomalaisista vapaaehtoisista ei elä vain diplomaattien juhlapuheissa, vaan on säilynyt myös laajemman yleisön mielessä. Historiallinen tietoisuus on Bulgariassa yleensäkin hyvin vahva, historia on erikoisella tavalla suorastaan osa jokapäiväistä elämää (Suvilehto 1988: 3)².

Не забыты заслуги К. Эрнрота и в Болгарии нашего времени. Когда в постсоциалистической Болгарии резко возросла преступность, то в январе 1995 года Росен Тахов вспомнил об Эрнроте (ошибочно называя его Йохан) в статье "Бандитите бесени публично през 1880 г. Финландецът ликвидирана организираната престъпност в България за 6 месеца" (Тахов 1995).

Банды разбойников, рассказывает Р. Тахов, терроризировали население, в особенности, юго-восточных районов Болгарии, в которых было объявлено военное положение, так как банды были вооружены и вступали в боевые схватки с усмирителями. Военному министру К. Эрнроту были даны чрезвычайные полномочия в июле 1879 года. Ему безоговорочно подчинялись военные и гражданские власти территорий, находящихся на военном положении, ему давалось право предавать военному суду жителей, обвиняемых в сотрудничестве с разбойниками, он имел право устранить с должности чиновников (вплоть до окружных, если они подозревались в связях с разбойниками, как это случилось в Шумене и Разграде). Р. Тахов приводит характеристики современников, показывающие К. Эрнрота со стороны: "железен мъж" (слова К. Иречека), "от Ернрот всички трепереха [...] Уловените бандити са съдени по къса процедура и моментално са бесени. За да имат възпитателен ефект, екзекуциите са публични". (Тахов 1995: 24) Некоторые депутаты Народного собрания боялись, что чрезвычайные полномочия, данные К. Эрнроту, могут привести к произволу, но этого не произошло, и в конце октября Народное собрание аннулировало военное положение в связи с тем, что в

стране "е установено спокойствие". Самые большие оптимисты считали, что на это уйдёт один - два года, но К. Эрнрот справился с положением за 6 месяцев. "...щастливите депутати се надпреварват да благодарят на избавителя". Р. Тахов завершает свою статью словами, что когда 27 апреля 1881 г. К. Эрнрот сел в кресло премьер министра "тогава е извършен преврат и твърдата финландската десница поема изцяло съдбите на българската държава" [подч. Л. С.]. (Тахов 1995: 24). В ситуации борьбы с преступниками такие оценки, как *железний човек* и *твёрдая рука*, относятся к позитивным позициям моральных бинарностей. Любопытно, что деятельность Финляндского батальона и генерала русской армии К. Эрнрота воспринимается вне русского контекста, хотя его присутствие в Болгарии было не свободным волеизъявлением, а прямым следствием балканской политики России.

Добрую память о себе оставил в Болгарии также русский офицер, швед, выходец из Финляндии Август Александр Ярнефельт (August Alexander Järnefelt). Закончив кадетскую школу в Хамине, он продолжил образование в Петербургской академии на геодезическом отделении. Он получил задание картографировать Болгарию и с 1877 по 1879 год он картографировал 140 000 кв. м. Болгарии, её северную часть. Болгарские географы, как например, профессор географии Софийского университета Диньо Канев, основатель Болгарско-финского общества, высоко оценивают его работу (Kanев 1989). А. Ярнефельт - отец писателя Арвида Ярнефельта (Fogelberg 1989), о котором подробно скажем в главе 3.3.4.. Мы специально напомнили о роли русского государства и шведской крови Эрнрота и Ярнефельта, которые могли бы спорить за право приписать себе достоинства упомянутых выше деятелей, но они остались за финнами, по территориальному принципу.

3.1.3 Алексей Апостол - живая память о балканской эпопее

В Финляндии в течение полувека жил Алексей Апостол⁹ (1866 Афины - 1927 Хельсинки), по-болгарски Апостолов. Сирота Алексей был усыновлён Финляндским полком и привезён в Финляндию. На параде в Хельсинки 9.5.1878 он шагал в рядах второй роты. Капитан взял его под своё попечение, дал ему образование и даже отправлял его на учение за границей. Мальчик был очень музыкальным и в 12 лет был взят в войсковой оркестр, существовавший с 1818 года. Там Алексея обучал дирижёр Адольф Леандер (Adolf Leander). Алексей закончил лицей и после этого двухгодичное музыкальное училище (1888). В 1890 году он был

---

⁹ В1981 году планировался совместный болгаро-финский телевизионный фильм об А. Апостоле (сценарий Иван Гунчев, консультант Георги Вылчев), оставшийся неосуществлённым.

назначен дирижёром в Лаппеенранта, а в 1899 году на место ушедшего в отставку Леандера дирижёром оркестра Гвардейского финского батальона. (Huhtala 1935) В 1901 году он в качестве протеста против начавшейся русификации подал в отставку. Апостол со всей энергией отдался музыкальному делу. Он открыл музыкальный магазин, фабрику духовых инструментов, органную фабрику, а также нотное издательство. Он создал духовой оркестр (около 80 человек), который вызывал восхищение своим исполнительским мастерством как в Финляндии, так и за её пределами. Кроме того, он был заместителем директора (1912-1918) и в течение трёх лет экономическим директором Хельсинкской филармонии. Апостол был руководителем различных музыкальных фестивалей и сводных любительских оркестров Финляндии. Ему удавалось быстро объединить их, и о нём говорили "Apostol on taikuri" 'Апостол - волшебник'. (Kull 1980: 3), в течение трёх десятков лет он был членом музыкальной комиссии правления общества "Svenska folkskolans vänner". Его учеником был, в частности, известный финский композитор, дирижёр и певец Георг Малмстен (Georg Malmsten).

Со времени получения независимости Финляндии А. Апостол встал во главе оркестра Белой гвардии, а затем становится первым дирижёром армии независимой Финляндии. Он организует полковые оркестры и воспитывает для них дирижёров. В 1920 году он получил звание майора. Современники помнят его высокую профессиональность, врождённую утончённость и страстный южный темперамент "...hän usein kertoi, että Bulgaria oli hänen kotimaansa" 'Он часто говорил, что Болгария его родина' (Kull 1980: 4). А. Апостол писал музыку и делал аранжировки для военного оркестра. Его деятельность положила начало финской военной музыке и придала ей свой колорит. На выставке "100 лет финской военной музыки" (1980) было много экспонатов об А. Апостоле, в частности, его мундир, альбом с фотографиями, кортик и пр., а также фотография, снятая в Петербурге во время возвращения батальона, когда Алексею было 12 лет. Через личность А. Апостола память об освободительной войне, "мы" в Болгарии" непосредственно присутствовала в течение десятков лет в сознании населения Финляндии. Он как бы соединил своей биографией два хронотопа: освобождение Болгарии и Финляндии.

3.1.4 И.Ю. Миккола и его роль в научных и культурных контактах

Иосиф Юлиус Миккола (Jooseppi Julius Mikkola, по старой русской традиции: Иосиф Андреевич), языковед, специалист по сравнительной грамматике славянских языков. Один из самых известных учёных-славистов Финляндии, он, как это ни странно, в университете славянских языков не изучал. Правда, в программу его обучения входило несколько

новых и древних языков, начиная с санскрита, а также сравнительное языкознание. Лишь после окончания университета в 1889 году он поехал в Петербург, чтобы под руководством известного младограмматиста Ф. Ф. Фортунатова¹⁰ изучать славянские языки, тогда же он изучает литовский язык. Датский учёный-компаративист Вильгельм Томсен предложил ему работать над русско-финскими языковыми контактами. В 1895 году И.Ю. Миккола защитил по этой теме диссертацию и становится более известен как славист, так как его работа внесла большой вклад в славистику, чем в угро-финскую науку, с которой он начинал свою научную деятельность. Он изучает польский язык и в 1896 году едет на северное побережье Польши, где записывает язык словинцев, забытый после Первой мировой войны, так что заметки Микколы имеют незаурядную ценность. В 1900 году Миккола назначается на должность профессора славянской филологии³. Вершиной его научной деятельности является исследование "Die Cronologie der turkischen Donaubulgaren" (1913), в котором он предлагает хронологический ключ, позволяющий точно датировать события, происходившие на Балканах, во времена ханов, говоривших на тюркском языке и имевших восточный календарь времени.

В 1918 году в Болгарию с миссией о просьбе признать независимость Финляндии правительством было решено послать профессоров И.Ю. Микколу и Яло Калима. Болгары со свойственной им импульсивностью и умением быть благодарными за те добрые дела и интерес, которые проявлялись к ним в мире во время и после освобождения от турецкого ига, приветствуют пребывание профессора И.Ю. Микколы в Болгарии. Газета "Дневник" посвящает статью в честь приезда Микколы под заглавием "Един мил на България гост. Професор Микола за българската наука", которая заканчивается словами: "Българският народ, се счита особено щастлив, че можа да види г. професора в своята среда и лично да му засвидетелствува своята дълбока благодарност". ("Един мил..." 1918) Наследный принц Борис тепло принял профессора. Он был знаком с именем И.Ю. Микколы и его работой уже со школы. (Kiparsky 1966: 4)

И.Ю. Миккола написал книгу о литературе славянских народов "Slaavilaisten kansain kirjallisuus" (1906), которая и до наших дней является в университетах пособием материалом при изучении славянских

---

¹⁰ Ф. Ф. Фортунатов дал (8.12.1894) рекомендацию для назначения Микколы в 1895 году доцентом славянской филологии. Она хранится в архиве проф. Э. Н. Сетяля (VA) В ней говорится, что: "Книга д-ра Joos. J. Mikkola "Berührungen zwischen den westfinnischen und slavischen Sprachen, I" свидетельствует, по моему мнению, о хорошем знакомстве автора с русским языком и другими славянскими языками, а также и с языками балтийскими, знание которых очень важно для слависта. [...] Я признаю поэтому д-ра Mikkola вполне способным занимать доцентуру славянских языков и убеждён в том, что в его лице славянское языковедение приобретает талантливого, сведущего и добросовестного учёного".

литератур. Поражает интенсивность общения И.Ю. Микколы. От него идут нити, положившие начало многим плодотворным контактам между Финляндией и Болгарией и культурными деятелями многих других народов, в частности, славянских. В этом ему помогала жена, известная писательница Майла Талвио. В воспоминаниях и исследованиях о них, к сожалению, контакты с Болгарией освещены предельно мало. В Государственном архиве Финляндии в материалах И.Ю. Микколы и М. Талвио можно видеть длинные списки писавших им лиц с разных концов света, среди них немало болгарских фамилий. Одним из корреспондентов И.Ю. Микколы является Васил Златарский, выдающийся учёный медиевист, написавший основополагающий труд по болгарской истории в четырёх томах. В. Златарский был иностранным членом Societe Finno-ougrienne. В Архиве Болгарской Академии Наук (АБАН) в фонде В. Златарского хранятся семь писем И.Ю. Микколы к нему и черновик письма В. Златарского к И.Ю. Микколе. Переписку В. Златарский и И.Ю. Миккола ведут на русском языке, и она лишена интимности близких друзей, которые присутствуют, например, в переписке семейства Микколы с семейством Шишмановых (см. ниже гл. 3.1.6). С В. Златарским - это переписка коллег, увлечённых историческими и языковедческими проблемами, в основном, из области этимологии. Коллеги полемизируют о дне Крещения Болгарии, которое было И.Ю. Микколой приурочено к лету, маю-июню 866 г., а В. Златарским к сентябрю 865 года (письмо от 28 декабря 1923 г.). 9 августа 1924 года . В ответ на сообщение И.Ю. Микколы, что статья В. Златарского напечатана в *Journal de la Society Fenno-ougrienne*, В.Златарский благодарит за ту заботу, которую И.Ю. Миккола проявил без его ведома:

"Вчера получил я оттиски с моей заметки о болгарском летоисчислении. Я не знаю, как мне извиняться перед Вами за большое беспокойство, причинённое Вам этой заметкой, и как, с другой стороны, благодарить Вас за не меньшие хлопоты и заботы как по переводу¹¹, так и печатанию её. Ведь это была только объяснительная заметка, предназначенная специально для Вас, который прекрасно знаком с литературой вопроса, и потому знаете, на чём основываются мои отдельные выводы. Если бы я знал, что вы отдадите ей такое важное значение и удостоите её такую гласность, то я бы не пропустил, по крайней мере, литературу...". (АБАН ф. 9. 1713)

В. Златарский добавляет ещё несколько слов, уточняя смысловое содержание и этимологии, которые вызывают у него сомнения. И.Ю. Миккола отвечает сразу же по получении письма 23 августа 1924 года (АБАН ф. 9. 1714) и даёт по памяти некоторые трактовки, обещая "отыщу

---

¹¹ Переводсделан с немецкого др-м Буссениусом из Лейпцига, стажирующимся при И.Ю. Микколе [прим. Л. С.]

свои записки напишу больше". Следующее письмо датировано 24 августа 1924 года (АБАН ф. 9. 1715) "в спешке написал глупости о ..." и пр. Учёные обмениваются оттисками своих статей и книгами. В. Златарский посылает И.Ю. Микколе второй том "Болгарской истории". И.Ю. Миккола 6.9.1927 отзывается на подарок словами: "Вместе с тем от души поздравляю Вас с завершением новой части этого крупного monumentum aere perennius. Чистое наслаждение читать этот труд! Теперь другим легко подойти к изучению древне-болгарской истории" (АБАН ф. 9. 1911), и добавляет "К сожалению, не имею теперь, чем реваншировать". И.Ю. Миккола благодарит (письмо от 28.12.1923 г.) за выборы его в члены-корреспонденты Болгарского Археологического института: "Меня научная жизнь Болгарии очень интересует". (АБАН ф. 9. 9. 1692) В свою очередь, В. Златарскому высылается приглашение принять участие в сборнике в *Annales de l' Academie des Sciences de Finlande, serie B*, издаваемом к 50-летию И.Ю. Микколы. И.Ю. Миккола - единственный финн, который представлен в книге Нурижана "Приятелите на България".

И.Ю. Миккола рекомендует В. Златарскому финского кооперативного деятеля Ганнеса Гебхарда короткой запиской без даты, скорее всего 1931 год, поскольку именно тогда Г. Гебхард прибыл в Болгарию:

"Многоуважаемый коллега!

Пользуюсь случаем, посылаю Вам сердечный привет со своим коллегой, профессором Hannes Gebhard'ом ("отцом кооперативного движения" у нас), который по поручению Лиги Народов и по инициативе Болгарского правительства познакомится с кооперативным делом в Болгарии для открытия причин кризиса земледельческого хозяйства. Рекомендую его Вам горячо. Искренно преданный Вам, J. Миккола" (АБАН ф. 9. 2488)

3.1.5 Участие финна Г. Гебхарда в болгарской кооперативной деятельности

Ганнеса Гебхарда называли отцом кооперативного движения Финляндии. Он посвятил всю свою жизнь, как он сам выражался, "возвышению и усилению земледельцев Финляндии" (Alanen 1964: 143). Г. Гебхард был полемистом и первое боевое крещение на страницах печати он принял в 1892 году, когда шло заселение государственных лесов. Крестьянам давались бесплатно наделы до 300-400 и даже 1 000 га земель на севере, богатом лесом и Г. Гебхард предлагал свои методы, которые могли бы облегчить крестьянам процесс освоения новых местностей. Юридические права арендаторов и возможность их превращения в мелких землевладельцев, сельские кооперативы, история этих вопросов, положение крестьян в Финляндии, Скандинавии и других европейских странах - стояли в центре его внимания. Во многом результатом именно его деятельности стала организация первого в Финляндии кооперативного

общества "Пеллерво" в 1899 году. Тогда же вышел в свет большой труд Г. Гебхарда "О кооперативах за рубежом", благодаря которому он получил известность как в самой Российской империи, так и в других странах, как выдающийся специалист в этой области. С именем Г. Гебхарда начинают считаться, но поскольку он был человеком категорических мнений¹², то наживает себе многих противников: профессуры на сельскохозяйственном факультете Хельсинкского университета он добивается только в 1909 году. О нём можно сказать как о Ю. В. Снельмане, что любовь к делу заставляла его бороться (Alanen 1964: 263).

Г. Гебхард был членом множества отечественных и международных комиссий и обществ, а также Международной ассоциации кооперативных обществ, организованной в Лондоне в 1895 году. Г. Гебхард и организованное им кооперативное дело в Финляндии вызывали восхищение у современников. Немецкий кооперативный деятель Зееринг пишет в стиле времени о роли кооперативов и радетеле за кооперативы Г. Гебхарде:

"Se asettaa talouden yhteisen hyvän palvelukseen, herättää yhteishenkeä ja vahvistaa siten oman toiminnan iloa [...] Tällaiseen aikaansaannokseen saattoi päästä vain mies, jolla ei ollut ainoastaan selvä järki ja epätavallinen organisaatiokyky, vaan myös puhdas sydän täynnä kiihkeätä rakkautta kansaansa, epäitsekkyyttä ja tuota häikäilemätöntä energiaa, jolla hän puolusti sitä, mitä piti oikeana. Vain syvä siveellinen tunto saattoi herättää nuo siveelliset voimat, jotka nyt suorittavat osuustoiminnallisia tehtäviä arkisessa työssä, uskollisina velvollisuuksilleen, rehellisinä ja alttiina" [подч. Л. С.] (цит. по Alanen 1964: 290-291)⁴

Характеристика Зееринга, как и Б. Янчулева, которая будет приведена ниже, относится только к личности Г. Гебхарда. Мы считаем уместным привести эти длинные цитаты здесь, поскольку подчёркнутые нами в цитатах черты характера часто повторяются при характеристике финских деятелей, так что они становятся стереотипными и переносятся на всех финнов вообще. Характерные черты субъекта накладываются на народ и рассматриваются как типичные для всего этноса. Сам Г. Гебхард замечал недостаточную чистоплотность в кооперативной жизни Финляндии и перед смертью задавался вопросом о том, достаточно ли в земледельцах-финнах моральной силы для поддержания кооперативной деятельности:

"Onko meidän maalaisväestössämme moraalista ryhtiä, niin että se lähtee puhdistamaan osuustoiminnan kaikesta epämoraalisesta ja siten saamaan siihen

---

¹² Например, Г. Гебхард пишет в журнале *Valvoja* в 1899 г.: "Kansantaloudellinen sivistys on maassamme vielä uskomattoman alhainen niissäkin kansankerroksissa, jotka käyvät sivistyneistöstä" 'Знания по части народной экономики поразительно низки даже в тех слоях общества, которые у нас полагают за образованных' (Alanen 1964: 206). Неудивительно, что это его оппонентам не нравилось.

oikean osuustoimintahengen vallitsemaan, sellaisen, jota Pellervo-Seuran ensi aikojen johtomiehet tarkoittivat?" (Alanen 1964: 478)⁵.

Этический дискурс на стыке веков был наполнен любовью к народу, просветительской помощью народу и бескорыстным жертвенным желанием работать во имя народа, готового идти за своим учителем и претворять его идеи в жизнь. Личность Г. Гебхарда полностью вписывалась в эти рамки. В 1909 и 1910 годах на 10-летнем юбилее кооперативного общества "Пеллерво" в гостях у финнов побывали русские кооператоры и нашли, что пример финнов можно было бы использовать в русской кооперационной деятельности. (Alanen 1964: 291)

В 1930 году по просьбе правительства Болгарии, желавшего внести новую оживляющую струю в сельскую кооперативную деятельность, Лига Наций в качестве специалистов направляет в Болгарию для изучения недостатков в работе кооперативов двух специалистов финна Г. Гебхарда и чеха В. Трейбала. Уже летом 1931 года Г. Гебхард и В. Трейбал проводят подготовительную работу и предоставляют отчёт со своими рекомендациями Лиге Наций. Лучшее всего о плодах работы Г. Гебхарда в Болгарии говорит письмо доктора Б. Янчулева году вдове профессора Г. Гебхарда в 1934 :

"Minulla oli erikoinen onni oppia läheisessä yhteistyössä tuntemaan suuri vainaja, joka ennen kaikkea muuta pyrki totuuteen ja lausui aina ilmi sen, mitä ajatteli. Professori Hannes Gebhard oli osuustoimintaliikkeessä selvän ja yksinkertaisen rakenteen, säästävällisen hallinnon ja tehokkaan tarkastuksen kannattaja[...]. Lausun täten ilmi useiden henkilöiden kunnioituksen tunteet professori Gebhardin muistoa kohtaan ja pyydän Teitä ottamaan vastaan heidän kiitollisuutensa" [подч. Л. С.] (цит. по Alanen 1964: 292)⁶.

Финн Г. Гебхард поставил кооперативное движение Болгарии на новые рельсы, чем внёс "замечательный вклад" в обновление кооперативов Болгарии. Болгарин Янчулев выделяет у финна Г. Гебхарда черты: "стремление к истине", "говорил прямо то, что думал", "требовал" (т.е. требовательность), экономичность: "простая структура", одним словом, экономное правление и эффективный контроль. Слова "его идеи укоренились в Болгарии" можно интерпретировать также, что память о Г. Гебхарде (финне) живёт в Болгарии, и, что важно: "сотрудники чувствуют к его памяти глубокое уважение и благодарность". Выше было сказано, что соотечественники Гебхарда в связи с его полемическим характером пытались не допустить его к профессорскому креслу, в Болгарии же его прямота и требовательность получают высшую оценку. Но и Г. Гебхард полюбил болгар:

"В лице Gebharda Болгария приобрела ещё одного друга. Он в интимном кругу возмущается тем, как "победители" обращаются с Вашим отечеством - но об этом

пока мало, пока Gebhard выполняет поручение Лиги наций" (Миккола, Ф. Златарского 9. 2265)

Побывал в Болгарии с рекомендациями от И.Ю. Миккола (22.7.1938) к профессору Ст. Младенову также Сантери Анкериа (Santeri Ankeria) (АБАН. Младенов, ф. 154). В своё время С. Анкериа учился во Львовском университете и слушал там лекции слависта К. Куева по болгарскому языку. С. Анкериа уже бывал в Болгарии вместе с Г. Гебхардом по приглашению Министерства Сельского хозяйства Болгарии 28 мая 1931 г. Христо Пеев, кооперативист, желающий посетить финские министерства, связанные с сельским хозяйством, и познакомиться с деятельностью аграрных банков и кооперативов Финляндии пишет, что в Болгарии действуют некоторые агрокружки, принявшие за модель финский кооперативный опыт и название: "белые лилии". "Eine Gruppe von Bulgaren mit dem Herausgeber dre "Belite Lilyi" haben den Wunsch, Ihr Vaterland zu besuchen". Здесь, естественно, возникает вопрос, что за "белые лилии"? На это вопрос мы ответим в главе 4.4.2, а сейчас отметим лишь насколько органична для Х. Пеева мысль о финнах - белых лилиях.

3.1.6 Александр Шишманов - друг семьи Микколы, переводчик

Одним из интереснейших болгарских корреспондентов супругов Миккола был Александр Йонков Шишманов, переведший со шведского языка на болгарский произведения М. Талвио, Р. Шилдта и С. Салминен. Другие его переводы нам неизвестны, кроме перевода Вернера фон Хайденстама "Ендимион" на русский язык (ж. "Современный мир" 1918 год). А. Шишманов родился 30.1.1889 года в городе Горна-Ореховица (где бывали финские воины в 1878 г.). В качестве стипендиата Министерства просвещения он поехал в Петербург и там закончил Восточный факультет Петроградского университета в 1914 году по специальности арабско-персидские и турецко-татарские языки и литературы. Он прекрасно знал также славянские языки. Кроме родного болгарского, он владел польским и русским, на котором он написал ценную статью "Собрание восточных рукописей в Софии"¹³. Он знал также шведский язык и интересовался эсперанто. Ему хотелось заниматься наукой и ему повезло: из-за войны он не смог выехать по месту назначения на должность драгомана (переводчика) в Бейрут при болгарском консульстве, куда он был определён министром иностранных дел с 20 ноября 1914 г., а временно работает в Национальной библиотеке Болгарии в Восточном отделе.

---

¹³ Опубликована в "Записках Восточного отделения Императорского Археологического общества, т. 23.

И.Ю. Миккола и А. Шишманов познакомились в 1911 году (письмо Шишманова к И.Ю. Микколе от 30. 11. 1939), в студенческие годы Шишманова, когда он наезжал из Петербурга в Финляндию. Первое, сохранившееся в архиве И.Ю. Микколы, письмо написано из Турку¹⁴ 5 июня без указания года (предположительно 1913 г.) по поводу комплектования университетской библиотеки болгарскими книгами. По письму видно, что этот вопрос между А. Шишмановым и И.Ю. Микколой уже обсуждался до этого. А. Шишманов сожалеет, что вынужден беспокоить уважаемого профессора, но для того, чтобы Министерство просвещения Болгарии выслало книги, запрос должен быть направлен туда самим Микколой. Для облегчения труда деликатный А. Шишманов прилагает заготовку запроса. Одним из аргументов служит, что: "понеже имаме достаточно студенти, които се занимават специално с бълг[арски] език". В марте 1915 года А. Шишманов просит отпуск "по частным причинам" и едет в Петроград, где его ждала невеста Мария Йосифовна. В 1916 году А. Шишманов живёт в Петрограде и усердно занимается исследованием восточных рукописей под руководством выдающегося арабиста И. Ю. Крачковского, заканчивая свою статью о восточных рукописях, находящихся в Софийской библиотеке. Два оттиска этой статьи (вторую для передачи профессору Сетяля) он высылает И.Ю. Микколе.

Эта счастливо начавшаяся поездка превратила жизнь А. Шишманова в трагедию. Со вступлением Болгарии в Первую мировую войну на стороне Германии (1916) А. Шишманов с женой оказались на территории России как гражданские пленники. В той же ситуации, кстати, оказались болгары-толстовцы, вынужденные скитаться по революционной России в поиске возможности вернуться на родину (см. письмо Х.Досева к А.Ярнефельту, архив SKS). После октябрьского переворота 1917 года границы красной России закрылись, и Шишмановы вынуждены были остаться на её территории. В 1918 году он с женой (у Шишмановых не было детей) уезжают из Петрограда в имение родителей Марии недалеко от г. Полоцка и советско-польской границы. Там они жили безвыездно по 1930 год. В связи с коллективизацией он, как "кулак" был отправлен на вечное поселение на север куда-то между Котласом и Архангельском. В 1932 году он перебрался в Вологду и начал предпринимать шаги с целью возвращения в Болгарию. В 1934 году Болгария и СССР заключают дипломатические отношения. Наконец, Шишмановым удалось получить паспорт от болгарского посольства в Варшаве и они едут в Москву, чтобы подготовить переезд на родину. В Москве в болгарском посольстве он был привлечён на службу, как человек, знающий местные условия и язык, хотя

---

¹⁴ Шишманов даёт обратный адрес: Turku, Kunnallis sairaala, E. Ekström, где, очевидно, он пребывал в гостях у Y. Ekström - эсперантиста.

советские власти отнеслись к этому выбору отрицательно¹⁵. В марте 1935 года он вступает на должность писаря при Болгарском посольстве в Москве с окладом в 80 долларов.

Счастливым оборот в судьбе позволяет ему возобновить знакомства и с финскими друзьями. Но ГПУ его не забыло. По дороге домой из бани 14. 9. 1937 г. он был схвачен на улице агентами ГПУ, и приведён на Лубянку, где его задержали на 16 дней. А. Шишманов продолжает: "Не ме биха, не ме изтезаваха, но има нещо по-тежко и по-гнусно от физическото насилие. Стана ми известна тайната на прочутите "самопризнания". (Шишманов, 17. 4. 1938). Восемь дней Марии Йосифовне ничего не сообщали о судьбе мужа, категорически отрицая его арест. Ей советовалось искать мужа в моргах, как жертву несчастного случая. А. Шишманов просит И.Ю Микколу не разглашать этого события, что и понятно. Советские власти вскоре потребовали его экстернирования, так что 7 декабря 1937 года он с женой выехал в Болгарию. По дороге в Болгарию Шишмановы посетили И.Ю Микколу. В Софии¹⁶ они тепло вспоминают о встрече на даче у И.Ю Микколы, в окрестностях Турку. Но ещё не зажили травмы от советской жизни: "За положение в СССР много се пише и говори, но за съжеление действителността там, безправното положение на населението и не само на кореното, но и на чуждите поданици, надминава всички измислици". (Шишманов, 17. 4. 1938) По возвращении на родину А. Шишманов продолжает работать в Министерстве иностранных дел в Отделе печати теперь в должности редактора по польской и русской печати. Он пишет И.Ю Микколе, что возобновил связи со своими старыми приятелями, среди которых был писатель и художник Николай Райнов, профессор Художественной Академии, кстати, побывавший на Тибете, где познакомился с Н. Рерихом.

А. Шишманов с огромной радостью воспринимает присуждение финскому писателю Ф. Э. Силланпя нобелевской премии, с чем поздравляет И.Ю Микколу и Майлу Талвио:

"счастлив сообщить вам, что, как видно из прилагаемой вырезки, это было своевременно отмечено и нашей печатью, хотя в довольно скромном виде и неполно [...]

Я так свыкся с Вашей страной и полюбил её, что считаю своим моральным долгом [подч. Л. С.] познакомить болгарское общество с финляндской литературой [...]

К сожалению, финским языком я не владею, но хочу верить, что это не будет особым препятствием, так как я хочу сделать перевод пользуясь шведским языком

---

¹⁵ Сведения почерпнуты нами из расследования, проведённого вследствие поступившего на Шишманова доноса (досье Шишманова, хранящееся в архиве МИДа Болгарии № 28249).

¹⁶ Отправлено из Софии, где Шишмановы проживали на улице 6 септември кв. 3 у Г. Гайдарова.

[...] К тому же шведский язык так популярен в Финляндии, что я думаю переводы на шведский с финского языка наверное не будут хуже, чем переводы на другие европейские языки". (Шишманов, 30. 11. 1939)

А. Шишманов к этому времени уже имеет серьёзные заболевания: гипертония и атеросклероз в тяжёлой форме. Однако он решительно берётся за дело и обращается к И.Ю Микколе с просьбой выслать шведско-русский и шведско-немецкий словари, а также похлопотать, чтобы Силланпя дал право на перевод своих произведений ему, а "я постараюсь самым добросовестным образом справиться со своей задачей". А. Шишманов добавляет: "К сожалению, я должен предупредить, что, принимая во внимание условия нашего книжного рынка, эта затея может принести больше моральную, чем материальную пользу". Планы о переводе Силланпя у А. Шишманова не осуществились. Его опередили переводы Е. Кирчевой и И. Сокеровой, о которых ниже в связи с переводами на болгарский язык произведений Ф. Э. Силланпя. Но А. Шишманов перевёл, как уже упоминалось, произведения М. Талвио, Р. Шилдта и С. Салминен, Эти переводы он делал, проживая в Стокгольме, куда был откомандирован на должность редактора в Болгарское посольство. 25 сентября 1944 года он транзитом посещает Хельсинки. Назначение в Швецию спасло А. Шишманову жизнь. Когда Советская Армия пришла в Болгарию, то его начальник, министр иностранных дел Димитр Шишманов, однофамилец, сын известного учёного И. Шишманова, был расстрелян. 1944 и начало 1945 года супружеская пара проживает в гостинице (на Дроттнинггата, 83) в Стокгольме. А. Шишманов хотел бы продолжить знакомство с проф. Эйно Ниеминеном, а также он просит И.Ю Микколу, чтобы тот рекомендовал его какому-нибудь шведскому слависту, как некогда, в 1911 году тот познакомил его со славистом Альфредом Йенсенем.

А. Шишманов планирует переводить болгарскую беллетристику на шведский язык. Он не жалуется на трудности, но даёт понять о них: "може би [переводы] не само да задоволи моето тщеславие, но и да ми принесе известни материални облаги в днешните трудни и несигурни времена" (18.3.1945). 14 мая 1945 года приказом Министерства иностранных дел он, как и весь персонал посольства, был освобожден от должности. Естественным решением для людей, которых уже преследовало ГПУ, было не возвращаться в социалистическую Болгарию. Тёплая связь с семейством Миккола продолжается, обе стороны жалуются на болезни. Шишмановым удалось после семимесячной безработицы как-то устроиться: Александр работает в Nordiska Museet, а Мария ходит играть на пианино за 50 йоре в час. С родины Болгарии приходят только "неутешительные вести", связи с родственниками в Польше редки. Шишмановы живут, по словам Александра, следуя пословице "день и ночь - сутки прочь" (13. 4. 1946).

3.1.7 Посредники и популяризаторы как нить, связующая народы

Трудно переоценить значение преподавателей, приезжающих по обмену в университеты разных стран, которые обучая своей культуре и одновременно знакомясь с культурой страны, становятся культуртрегерами, связывающими сеть контактов культуры разных народов мира¹⁷. Одними из таковых были Жан-Луи Пере (Jean-Louis Perret) и Луиджи Сальвини (Luigi Salvini). Они явились не только создателями прямых контактов (Сальвини между Финляндией и Италией, а Пере между Финляндией и Швейцарией и Францией), но и послужили посредниками в финско-болгарских контактах. Пере, как пропагандист финской литературы за рубежом, заслуживает того, чтобы о нём сказать подробнее.

В Финляндию он приехал в качестве гувернёра в 20-х гг. XX века. С 1923 года он работает при посольстве Франции, в 1927 г. защитил лицензиатскую работу и с 1928 года начал работать преподавателем французского языка в Хельсинкском университете и Коммерческом училище. Вначале он выучил шведский, а позднее - финский языки настолько хорошо, что начал переводческую деятельность. Он перевёл около 30 произведений с финского языка на французский, в том числе, "Калевалу". Он прожил много лет в Финляндии, прекрасно знал быт и культуру страны. Пере издал также несколько книг о Финляндии. Его книга "La Finlande en guerre" (Suomi sodassa 1940), призывающая Европу защитить маленькую Финляндию от советского нападения, а также статьи военного времени привели к тому, что после заключения мира с СССР финские коммунисты добились его отставки из университета. Конец жизни Пере провёл в Швейцарии. (Lehtonen 1999: 38)

Луиджи Сальвини начал работу в университетах Хельсинки и Турку в 22 года, будучи чуть ли не сверстником своих студентов. Со всем пылом молодости и своей талантливой натуры он завязал знакомства со студентами и профессорами, в частности, с И.Ю. Микколой и его женой Майлой Талвио, был принят в их доме. Позднее супружеская пара бывала у него в Италии. Его лекции были захватывающими, а трудоспособность - поразительной. Л. Сальвини был полиглот, знающий не только индо-европейские языки, но и финский, эстонский и венгерский. Л. Сальвини в 30 лет знал 16 языков. Он переводил с 15 языков на итальянский для сборника *Orfeo - lirici di tutto il mondo*, в частности, с ряда славянских языков: польского, украинского, чешского, хорватского, словенского. Его

---

¹⁷ О важности обмена преподавателями с точки зрения завязывания контактов и знакомства культур, особенно малых народов, говорит Й. Линдстедт: "...изучаване на български във Финландия - или на фински в България - не е хоби, а културна дейност с голямо значение" (Линдстедт 1981: 317).

основной специальностью была болгаристика (см. Нурижан 1940, Дончев 1981, Петканов 1981). Вскоре он начал писать о финской литературе и переводить с финского языка. Л. Сальвини познакомил финского читателя с болгарским поэтом П. Яворовым. В предисловии к сборнику своих стихов, вышедших к 100-летию "Калевалы" Л. Сальвини пишет:

"Tullessani tänne aloin heti kirjoittaa suomeksi [...] Minusta tuntui silloin niinkuin olisin syntynyt tässä maassa ja nyt palaisin isänmaahani takaisin ja vielä kieltä tuntemattomana minusta tuntui kuin olisin ollut samaa sukua, mieltä ja henkeä kuin tämä kansa. Suomen maa, kansa, luonto, elämä ja kieli puhuivat ensi päivästä sielulleni aivan niinkuin minun oman maani luonto, elämä ja kieli" (цит. по Tuulio 1965 :382)⁷

Позднее, начиная с 70-х гг., популяризаторами Финляндии в Болгарии стали болгарские преподаватели в Хельсинки: Г. Вылчев, Б. Парашкевов, Е. Тодорова, Т. Шамрай и др. и финские преподаватели в Болгарии: Э. Сувилехто, С. Пяйвяринне, Р. Койвисто внесли свой вклад в финско-болгарские контакты¹⁸

Одним из активных посредников в культурном сотрудничестве между Болгарией и Финляндией, пропагандистом болгарской культуры был болгарский консул в Финляндии Калле Юхо Петтер Куусинен. Родившийся 25.11.1889 в Сортавале К. Куусинен был бизнесменом, совладельцем А/О "Куусинен" и активным деятелем на поприще поддержания финноязычной культуры и образования. Болгарским консулом в Финляндии он был с 1936 по 1942 год. При его активном участии и материальной поддержке были организованы выставки художницы О. Шехановой, концерты П. Райчева, Л. Владичерова, Д. Стоянова. Одним из важнейших мероприятий была организация болгарской этнографической выставки в Хельсинки, которая проходила с 24 ноября до 12 декабря 1937. С болгарской стороны за неё отвечал сотрудник Этнографского музея Болгарии Христо Томов Вакарелски (по-русски Вакарельский), выдающийся этнограф, написавший десятки книг и статей о болгарской музыке, изобразительном искусстве и быте. В своей речи на открытии выставки он сказал, что в каждой вещи есть частица болгарской души, что выставка - это привет от болгарского народа финскому народу (US 319: 11).

На выставке в Хельсинки было представлено свыше 500 экспонатов: одежда, украшения, резьба по дереву, вышивка, кружева, ковры, розовое масло, керамика, медная посуда, музыкальные инструменты, а также физические и экономические карты Болгарии и увеличенные снимки её достопримечательностей. Выставку открыл министр просвещения, который упомянул об участии финских воинов в освобождении Болгарии "Turkin sodan yhteiset muistot" "Общие для нас воспоминания о турецкой

---

¹⁸ Сейчас (мы надеемся временно) обмен преподавателями между Болгарией и Финляндией прекращен.

войне' (US 319: 11) На открытии выставки присутствовали жена президента г-жа Каллио - патрон выставки, - министры, финские высокопоставленные лица, а также послы и представители посольств многих стран. Выставку посетило около 2 500 человек, и она вызвала в финской прессе живой отклик и интерес к Болгарии. Газета "Ууси Суоми" (Uusi Suomi = US) отмечает тонкость и красоту рукоделия, свидетельствующих о трудолюбии, бережливости, стремлении болгар сохранить наследие отцов. Автор статьи говорит, что Болгария "on siitä onnellinen maa" 'из счастливых стран', где хранятся традиции. (US 322: 23) "Хельсингин саномат" (Helsingin sanomat = HS) дважды возвращается к теме выставки с довольно обширными статьями, в которых не жалеет эпитетов для описания необыкновенного богатства народного творчества болгар: "Kansantaiteen omaperäinen rehevyys" 'своеобразная яркость народного искусства', "käsien runous" 'поэзия рук', "lystikät" 'забавные' богато украшенные вязаные носки из толстой нити и пр. (HS 319: 8) Тюуни Вахтер (Tuuhni Vahter) написала содержательную статью в журнале "Котилиеси", сопоставив болгарские художественные мотивы и способ использования материала, металла, шёлка и украшений в болгарских экспонатах рукоделия с финскими и карельскими и нашла среди разных способов много схожего (Vahter 1938: 20-21). Финнов восхитило то, что Болгария оказалась страной богатой старины и традиций рукоделия. Не редки были и броские заголовки о Болгарии как стране роз и долгожителей. Ruusujen ja satavuotiaitten maa" 'Страна роз и столетних' (HS 317: 8)

Этнографская выставка дала представление о Болгарии как южной и благополучной стране. На выставке была возможность приобрести вещи и, в частности, жена президента г-жа Каллио купила болгарский ковёр. Болгарская выставка в Финляндии была пятой в ряду подобных выставок: венгерской, румынской, югославской и латвийской, но превзошла их по количеству материала и чёткости организации (Вакарелски ф. 177, 888). В организационный комитет входил известный архитектор Й. Сирен (J. Sirén), инженер А. Брумер (A. Brumer), этнографы К. Вилкуна (K. Vilkuuna), Т. Вахтер (T. Vahter), К. Нурдман (G. Nordmann), слависты Я. и Э. Калима, И.Ю. Миккола и В.Мансикка. Организация выставки оказалась возможной благодаря активному содействию и материальной помощи председателя комитета К. Куусинена: "Работници и автомобили от него-вата фирма са били винаги и безплатно на разположение при уредба на изложбата и приемане на материалите" пишет в 1938 году министр народного просвещения Ив. Г. Ионев, премьер-министру, подавая прошение на орден организаторам выставки с финской стороны К. Куусинену

и В. Мансикке¹⁹ (ЦДА ф. 1027: 181). Вакарельский посвящает пятидесятилетнему юбилею Куусинена статью:

"...Този човек, като български консул се е проявил като голям приятел на България и голям почитател на българския народ. Малкото сравнително връзки на финландците с българите в миналото - преди освободителната война - са били в състояние да създадат у него една обич към българите каквато може да съществува към близък роднина. Неговото консулство е резултат само на любов много поотрано съществувана към нашия народ, който той е изучавал най-грижливо" (Вакарелски 1939).

Самое активное участие в организации юбилейных мероприятий принимали секретарь посольства Болгарии Г. Шишков и его жена, художница О. Шеханова²⁰. Они во многом содействовали профессору В. Мансикка, который побывал в Болгарии в 1936 и 1937 году и написал небольшую и прекрасно оформленную книгу "Болгария", выход которой был приурочен к открытию этнографической выставки. В посвящённом освобождению Болгарии номере журнала Suomen sotilas (1938) помещены отрывки из неё. Для юбилейного номера В. Мансикка перевёл на финский язык болгарский гимн.

1937-38 годы - 60 летие освобождения Болгарии - был вторым болгарским информативным пиком в Финляндии (см. например US 1937: 319, 322, HS 1937: 317, 319) Тогда же ведутся переговоры с финским документалистом Мякиненем о его приезде в Болгарию для культурно-антропологических съёмок. (БДА ф.888: 173, 4.7.1938). Suomen sotilas 'Финский воин' (1938: 5-7) совершил культурное деяние, посвятив когнитивной репрезентации Болгарии огромный номер в сто страниц.

Библиотекарь Суло Халтсонен уже в 50-е гг. оказал неоценимую помощь болгарскому переводчику Нино Николову в переводе "Калевалы". Николов вспоминает, что именно Халтсонен посвятил его в тайны калевальских рун "седмици от живота си ми посвети": показывал этнографические сокровища университетской библиотеки, водил по музеям, скороговоркой повторял старинные заклинания, объяснял жизнь и мифы карел, финнов и лапландцев, рисовал детали конской упряжки и т.д., а также знакомил с финской народной мудростью "человек может быть беден, но его жизнь - никогда". (Николов 1994: 8)

---

¹⁹ В. Мансикка принимал участие в комитетах по организации соответствующих выставок других стран и имел за это награды югославского, чехословацкого, румынского, литовского, латвийского и эстонского правительств.

²⁰ Стараниями Шишковых в Болгарии был показан финский фильм в 1939 году.

3.2 Рецепция болгарской литературы в Финляндии

3.2.1 Возникновение науки болгаристики в северной Европе

Интерес к Болгарии у скандинавских славистов вначале основывался на изучении русистики и на интересе к старославянскому языку. Преподавание русского языка началось в Финляндии уже в 1812 году, когда в Турку в Åbo Academi была основана должность лектора русского языка. После пожара в Турку в 1927 году академия была перенесена в Гельсингфорс (Хельсинки). В Хельсинкском университете была учреждена личная профессура русского языка в 1828 году, в задачи которой входило обучение чиновничества русскому языку (Песонен 1995: 227). С 1941 года учреждена должность профессора истории, славистики и русского языка и литературы. Самым значительным из первых профессоров был Я.К. Грот (1841-1852), который первым заинтересовался русско-финско-шведскими литературными контактами. В 1900 г. основана кафедра славянской филологии. Первое научное исследование²¹ по болгаристике связано с именем И.Ю. Миккола, славистические исследования которого знаменуют конец прошлого и первую половину XX века финской славистики. В 1920 году в независимой Финляндии создали кафедру общей славянской филологии, значительно уменьшив долю русского языка. Сравнительным языкознанием, заимствованиями между славянскими и финно-угорскими языками занимался и другой известный славист Яло Калима, написавший свои первые работы в 10-х гг. XX века. В. Мансикка принес широкую известность труд о древней религии восточных славян (1922). И.Ю. Миккола, Я. Калима и В. Мансикка не раз бывали в Болгарии и поддерживали тесные отношения с болгарскими коллегами. Однако, проблемы новоболгарского языка не входили в круг их научных интересов. В Болгарии бывал и полонист Эйно Ниеминен. О связях с Болгарией В. Кипарского, одного из ведущих славистов Финляндии, у нас нет сведений. Современный болгарский язык стал предметом изучения на кафедре славистики только с 1970-х гг. значительно оживив культурные контакты между странами, а литературные переводы, наконец, стали делаться с оригиналов. В настоящее время должность профессора славистики занимает болгарист Йоуко Линдстедт и это оказывает влияние на количество работ, посвященных болгаристике.

Заметим, кстати, что самым первым вне Болгарии, созданным специально для изучения болгарского языка был "Институт за български

---

²¹ Библиография работ финских славистов см. Lindstedt в Интернете, а также статью Колари "Suomen slavistikan vaiheita". (Kolari 1985: 23-25).

език" при Лейпцигском университете (1906). Институт был организован известным немецким учёным Густавом Вайгандом. Вайганд уже в 1884 году проявил интерес к современному болгарскому языку, быту болгар и их истории. Вайганд опубликовал грамматику болгарского языка (1917), которая сделала доступным изучение болгарского языка в Европе. (Радонов 1979: 307) Г. Вайганд вместе с К. Иречком сделали много для популяризации Болгарии в Европе. Одним из первых учёных из скандинавских стран, заинтересовавшийся новоболгарским языком, был шведский славист Альфред Йенсен. Благодаря ему в Упсале должность профессора славистики была основана уже в 1891 году. Йенсен в конце прошлого века перевёл на шведский язык известных болгарских писателей: Христо Ботева, Ивана Вазова ("Под игото" 1894 г.), Пенчо Славейкова и др. (Хулт 1981: 306). Таким образом, прямые литературные контакты с Болгарией зародились в Швеции раньше, чем в Финляндии. Развитие собственно науки болгаристики начинается в скандинавских странах после Второй мировой войны. Лекторат болгарского языка в Хельсинки был открыт в 1970 году (Линдстедт 1981: 316), а в Швеции и Норвегии уже в 60-е годы, в Дании с 1964 года (Пенкова 1981: 311). Роман "Под игото" был переведен на норвежский язык в 1896 году, но за ним не последовало других переводов из болгарской литературы (Гранес 1981: 307). С 1979 года проводятся болгаро-скандинавские научные симпозиумы.

3.2.2 Болгарская культура и литература в финских изданиях энциклопедического типа

Энциклопедии и истории литературы часто являются первыми источниками сведений о культуре и литературе именно малых народов, часто оставаясь единственными источниками на долгое время, поэтому их важность для рецепции велика (Laitinen 1985). В географической энциклопедии (Maantieteelisia kuvaelmia, 1906) Болгарии посвящено пять страниц (28-33). Авторы не ограничиваются описанием прекрасного болгарского пейзажа, но и напоминают, что там "Suomen kaarti sai tulikasteensa" 'Финский батальон получил боевое крещение' (Maantieteelisia kuvaelmia, 1906: 31), а также дают характеристику болгарскому народу, в которых ставят болгар перед сербами по энергичному характеру и некоторым другим свойствам (Maantieteelisia kuvaelmia, 1906: 33). Авторы сообщают, что:

Bulgaaria on pidetty, etenkin ennen kuin hän sai itsenäisyyden, typeränä ja raakana, mutta tämä arvostelu on kohtuuton. Tosin hän ei ole yhtä vilkas kuin romanialainen, eikä yhtä neroollinen kuin kreikkalainen, mutta hänen älyynsä liittyy sen sijaan maltillinen harkitseminen, joka runsasti korvaa nuo puuttuvat ominaisuudet (Maantieteelisia kuvaelmia, 1906: 29)⁸

Одной из интересных книг о Болгарии и ее народе является книга Калле Вяанянена *Bulgarian maa ja kansa*, которую он составил из книг других авторов. Эта книга также полна симпатии к болгарам и полна веры в их будущее. Скорее всего, эта симпатия вызвана событиями 1877-8 годов, очевидцами которых некоторые финны были. Тут следует напомнить о "болгарском буме" 80-х гг. XIX века, когда в печати публиковались дневники и воспоминания финских воинов. Вяанянен приводит факты, показывающие, как болгары стремятся к образованию: школ в Болгарии в 1841 году было только 13, а в 1898 году 4 686. Он не раз подчёркивает высокую мораль болгар по сравнению с другими народами. Болгарию мало знают, говорит он, и чаще всего болгар характеризуют отрицательно, но Калле Вяанянен решительно берёт болгар под защиту:

Useimmiten kuvataan raakaan ja sivistymättömäksi talonpoikaiskansaksi... mutta hän kestää ponnistuksia ja on oivallinen työmies. Synnynnäinen arvokkuus ja jonkinlainen ylimyksellinen käytös tekevät bulgarialaisista hyvin miellyttäviksi. Bulgaari on hyödyn ja käytännön ihminen, ahkera ja säästäväinen. Hänen älynsä ei ole niin loistava, mutta selvä ja terävä. (Väänänen 1913:10-11)⁹

К. Вяанянен утверждает, что у болгар более высокая мораль: *Ei ilotyttöjä Sofian kaduilla. Elämän tavat ovat kohtuulliset ja yksinkertaiset.* 'На улицах Софии нет женщин лёгкого поведения. Обычаи болгар простые и неприязнительные' (Väänänen 1913:12). *Sivelisyys on sangen korkea. Varkaudet ovat maaseudulla harvinaisia, viinurit eivät ota liika rahaa itsearvontunnosta, kirosanojen käyttö ei ole tavallista.* 'Мораль очень высокая. В деревнях воровство - редкость, торговцы вином никогда не обсчитывают от уважения к себе, бранные слова редки' (Väänänen 1913:16-17). К. Вяанянен обращает внимание на положение болгарских женщин: *Bulgarialainen nainen osallistuu kursailematta keskusteluun. Nainen on miehensä auttaja eikä hänen orjansa* 'болгарская женщина бойко вступает в разговор. Жена является помощницей мужа, а не его рабыней' (Väänänen 1913:15).

К. Вяанянен ставит в упрек западным странам, что они разделили Болгарию на части, *mutta antoi ihanten tehdä työtä ja tulemaan voimakkaaksi*, но зато 'они дали идеал работать и стать сильными' (Väänänen 1913:4) *Tältä kansalta voimme odottaa suuria näytteitä päämääränsä saavuttamiseksi* 'от этого народа мы можем ожидать великих деяний в исполнении своей цели' (Väänänen 1913:5).

В обеих книгах есть исторические ошибки и в них замечен след распространённого в это время расистского подход: описание формы головы и тела и пр. Однако среди описываемых народностей, авторы ставят болгарский народ выше других по своим морально-этическим

достоинствам, которые во многом тождественны характеристикам финнов: честность, трудолюбие, уважение к женщине.

В 1905 году в Финляндии издаётся многотомная история литературы *Yleinen kirjallisuuden historia* на финском языке. В четвёртом томе этого энциклопедического по характеру издания помещён раздел *Slaavilaisten kansain kirjallisuus*, написанный "aikaansa juohevaan tyyliin" 'в свойственном для этого времени возвышенном стиле' И.Ю. Микколой (Kolari 1985: 12). Им даётся краткий обзор истории славянских народов, а затем глубже рассматривается литературный процесс каждого народа в отдельности в том числе болгарского.

Дополнительно к "болгарскому буму" финской прессы (1878-1900) статья И.Ю. Микколы даёт первое представление об истории культуры и литературы Болгарии. Самые ранние сведения из славянских народов существуют о болгарях, потому что они жили рядом с культурным центром Византией "ja sentähden tuli heistä myöskin vanhin sivistyskansa slaavilaisten joukossa" "и поэтому они стали самым ранним цивилизованным народом среди славян" (Mikkola 1905: 394). И.Ю. Миккола начинает историю болгарской литературы с принятия христианства болгарским князем Борисом I и образования царства его сыном Симеоном и создания славянской письменности братьями Кириллом и Мефодием. Их справедливо называют первыми "панславистами", говорит И.Ю. Миккола, и, возможно, все славянские народы получили бы христианство от Византии: "jollei länsimainen papisto olisi nostanut hätähuutoa ja rientänyt juurruttamaan roomalaista kristinoppia ainakin länsi-slaavilaisiin ja muutamiiin etelä-slaavilaisiin kansoihin" 'Если бы западные священнослужители не подняли крик и бросились внедрять католическое христианство среди западных и некоторых южных славян' (Mikkola 1905: 396). Расцвет болгарской культуры продолжался до XI века, до тех пор, когда победившая Византия не превратила её в свою провинцию. Через полтора столетия Болгария освободилась и даже расширила свои владения, но, как считает И.Ю. Миккола: "oli bysanttilainen vaikutus jo ehtinyt tukahuttaa bulgariaalaisten henkisen elämän itsenäisyyden" 'византийское влияние уже успело погасить самобытность болгарской духовной жизни' (Mikkola 1905: 397).

С сочувствием пишет И.Ю. Миккола о судьбе болгар, подпавших в 1393 году под турецкое владычество. С тех пор народ был под двойным чужеземным гнѐтом: государственным и экономическим - турецким, а духовным, церковным - под греческим: "jotka kilpailivat turkkilaisten kanssa bulgariaalaisten nylkemisessä" 'которые соревновались с турками в сдирании шкуры с болгар.' (Mikkola 1905: 397) Греческие священнослужители стремились огречить болгар. Болгарский язык был изгнан из церквей и в школах преподавание шло на греческом языке:

"menipä kreikkalainen pappisylimysten kansallinen raivo niinkin pitkälle, että suurissa määrin poltattivat vanhoja bulgarialaisia käsikirjoituksia. Vielä v. 1825 käski eräs kreikkalainen metropolitta kuljettaa Tyrnovon patriarkaattikirjastosta kaikki slaavilaiset käsikirjoitukset, joita oli kokonainen hevoskuorma [...] poltettiin roviolla. Bulgarialainen sivistys olikin jo katoamaisillaan jäljettömiin" (Mikkola 1905: 397)¹⁰

Болгарский народ, пребывавший под турецким игом и греческим духовным влиянием, совершенно исчез из картины мира европейцев: "Eivät edes ensimmäiset slaavilaisen kielitieteen tutkijatkaan tietäneet, että oli olemassa erityinen Bulgarian kieli" даже первые исследователи славянских языков не знали, что существует особый болгарский язык' (Mikkola 1905: 397)

Сербы ранее болгар осознали необходимость обозначить свои исторические ориентиры для поддержания, а вернее, возрождения своего национального самосознания. Только после того, как сербский историк Раич в 1758 году отправился на Афон, чтобы там в монастырских библиотеках найти материалы сербской истории, Паисий Хилендарский стал создавать свою "Историю старобългарску, о её народах, царях и святых". Большое внимание уделяет И.Ю. Миккола также делу Г. И. Венелина.

Болгарское литературное общество возникает (Константинополь 1856) на 25 лет позднее финского (1831). Новое Болгарское литературное общество было организовано на территории Болгарии в Брыле в 1869 г. С 1870 года издаётся журнал "Периодическое издание", в которой печатаются статьи по истории и фольклору. Из писателей И.Ю. Миккола упоминает писателей, борцов за свободу Болгарии: Петко Славейкова, Стефана Стамбулова, Любена Каравелова и Христо Ботева, посвящая каждому из них несколько строк. Миккола прежде всего обращается к биографиям писателей, которые связаны с освободительным движением и несут на себе печать жертвенного служения своему народу. До 1878 года они побывали в гайдуках, принимая участие в сражениях против турецких башибузуков (Х.Ботев, П.Славейков, С. Стамбулов). Одним из любопытных явлений болгарской литературы Миккола называет "Воспоминания" главаря гайдуков Панайота Хитова. Научившийся под старость лет грамоте Хитов описывает в романтическом стиле приключения гайдуков и их сражения против турок. Более подробно освещает И. Ю. Миккола творчество писателя Ивана Вазова (который во время написания статьи ещё был жив), Жизнь Вазова насыщена приключениями. Торговец-отец хотел, чтобы сын пошёл по его стопам и его поместили в школу изучать новогреческий и турецкий языки. Но юноше это не нравилось. Он писал стихи и, когда его послали в Румынию к родственникам, он подключился к революционному движению. Там будущий писатель познакомился с разными людьми от патриотов до разбойников, пишет Миккола, что дало ему материал для повести "Немили-недраги", позднее драматизованной под названием

"Хъшове"²² (1894). После русско-турецкой войны И. Вазов работал чиновником, но бросил эту работу, узнав, что башибузуки разрушили его родной город и зарубили отца, а мать с братом скрылись в монастыре. Он включился в работу Комитета по освобождению Восточной Румелии и в качестве его посланника приехал в Россию, где написал свой самый значительный роман "Под игото" (1888). И.Ю. Миккола отмечает также его лирику "Скитнишки песни" (1899) и баллады. К сожалению, И.Ю. Миккола не иллюстрирует свою статью о болгарской литературе переводными примерами, которые есть в его статьях о других славянских литературах. Мы подробно изложили статью И.Ю. Микколы, чтобы показать, насколько изложение материала полно сочувствия и симпатии к болгарам.

Следующая публикация о болгарской литературе появилась в книге *Slaavilaisten kirjallisuuksien kultainen kirja* (1936) под редакцией В. Траста. В ней о болгарской литературе не даётся ничего нового по сравнению с *Slaavilaisten kansain kirjallisuus* И.Ю. Микколы. Добавлены лишь несколько новых фактов, упущенных Микколой: первая газета вышла в 1846 году, в 1870 году болгарская церковь освободилась от греческой церковной зависимости, а также события, происшедшие уже после появления статьи И.Ю. Микколы: в 1908 г. Болгария стала независимым царством.

3.2.3 Иван Вазов в Финляндии

Знаменитый роман классика болгарской литературы Ивана Вазова "Под игото" был переведён на финский язык в 1910 году под названием: "Ikeen alla - kertomus Bulgarian sortokaudelta. Iwan Vazofin mukaan". Издатель: *Työväen Sanomalehtien Oy*. Переводчик не указан. В 1913 году издательство *Kirja* издаёт роман под названием "Ikeen alla" с указанием, что роман перевела с болгарского языка Тюуни Лейсио (*Tuuni Leisio*). Наконец, в 1917 г. выходит второе издание этой книги, но заглавие заменено более коммерческим "Vapaus ja rakkaus". В романе "Под игото" показывается настроение людей в родном городе И. Вазова, Сопоте, в самый канун русско-турецкой освободительной войны в 1876 году. Вазов пишет этот роман живя в Одессе, мысленно возвращаясь в родные места, к людям, которых знал, к совместной борьбе против турецкого ига. Стилистически роман окрашен в романтически-возвышенные тона, или, как говорит Веселин Тошков, написавший дипломную работу: "Iwan Vazovin romaani Pod igoto ja Tuuni Leision suomennos - Tyylivertailuja", что этот роман показывает силу духа болгарского народа и противостояние иноземному игу. Покорённый народ становится моральным победителем.

---

²² Миккола дал перевод "Hylkiöt".

Зверствам покорителей восстания Вазов противопоставляет человечность отстаивающих своё достоинство болгар (Toshkov 1974: 14).

Причину трёхкратного обращения к роману Вазова "Под игото" в Финляндии учёный-славист Юкка Хюрккянен видит в том, что в Финляндии в это время "също се проявяват силни стремежи към самостоятелност, такава тема е твърде близка до настроенята на финландския читател". (Хюркянен 1972: 71) Переводчица романа Тюуни Лейсио работала в редакции газеты "Suomen naisia" 'Финские женщины'. Она изучала славянские языки, прекрасно знала русский язык, насколько хорошо она знала болгарский - трудно сказать. В. Тошков и Ю. Хюрккянен оба считают, что анонимный переводчик издания 1910 года другое лицо. Ю. Хюрккянен в статье: "Някои наблюдения върху преводите на романа "Под игото" на финландския език" пишет: "смятам, че преводачът на превода от 1910 г. и на превода от 1913 г. не е едно и също лице". (Хюркянен 1972: 74) Переводчик издания 1910 г. подошёл к роману не как к художественному целому, а как к материалу, который можно использовать с идеологической целью: "On yritetty valita alkutekstin "tärkeimpiä" kohtia niin romaanin kokonaisuus on kärsinyt pahasti" '[при переводе] выбирались "важные" места романа, отчего пострадала цельность произведения'. (Toshkov 1974: 14) Поэтому В.Тошков не счёл возможным пользоваться в своей дипломной работе переводом 1910 года, а пользуется переводом Тюуни Лейсио (2 изд., 1917). Оба исследователя убедительно показывают, что несмотря на указание, что перевод сделан с болгарского языка, ясно видно сильное воздействие русского языка. Перевод с болгарского предполагал бы знание турецкого языка, настолько много турцизмов (194 слова) в языке романа (см. подробнее Михайлова 1980). Тошков заключает, что Тюуни Лейсио, вероятно, имела под рукой русский перевод, которым ей приходилось время от времени пользоваться. Переводить И. Вазова, по мнению литературоведа С. Игова, легче, чем Х. Ботева, который "има в бездната на неговото поетическо слово ценности, които не се поддават на превод", а проза И. Вазова "може да служи като национално-представително и в един много по-широк международен контекст, без да губи особено при превода". (Игов 1991: 16)

В период до Первой мировой войны часто не указывали переводчика, так что неизвестно, кому принадлежит перевод рассказа И. Вазова "Подпоручик Вълко. Разкази из сръбско-българската война (1886)" сделанный специально для "Хельсингин саномат" и напечатанный накануне Первой мировой войны (Kuinka Velko kävi sotaa. HS 31.08.1913), он оказался необыкновенно злободневным. И не только потому, что он был антивоенным, но и потому, что сербы и болгары в очередной раз оказались в противоположных лагерях. Вълко, простой крестьянин, прекрасно понимает, что если казармы - это школа, то война - это университеты:

“Mutta yhtä tämä yksinkertainen maalainen ei vain voinut käsittää: miksi serbialaiset ja bulgaarit taistelivat toisiaan vastaan?”. ‘только одного этот простой деревенский мужик не был в состоянии понять, почему сербы и болгары воюют между собой?’ (HS 1913 Nr 202: 13). Для крестьянина важно, чтобы солнце и дождь были вовремя, а раз он не понимает политиков, то это объясняется, конечно же тем, что он - простака.

"Епопея на забравените" (1881-1884) Вазова, посвященная героям и мученикам болгарского освобождения (В. Левски, Паисий Хилендарски, братья Миладиновы, Г. Раковски и др.). Книга на финский язык не переводилась. Но, как выявила исследовательница М. Цанева, произведение типологически связано с финско-шведской литературой. Вазов сам говорил, что "имал като модел "цикъл от оди" на шведския поет Рунеберг", называя Й.Л. Рунеберга (ошибочно?) шведским поэтом. Повидимому Вазов познакомился с творчеством Й.Л. Рунеберга будучи в России (Игов 1993: 30). Как известно, Й.Л. Рунеберг, со своей стороны, интересовался южнославянским сербским фольклором и переводил Вука Караджича на шведский язык. Поэтика сербских фольклорных песен оставила след в его поэзии. Среди феннофильски настроенных русских интеллигентов творчество Й.Л. Рунеберга нашло высокую оценку и его сравнивали с Пушкиным. Й.Л. Рунеберг был самым популярным, но и самым полемичным финским писателем в России. Патриотические (за шведскую Финляндию), антирусские мотивы цикла "Fänrik Ståls Sägner" (1860) вызвали в России полемику и цикл никогда не был переведён полностью на русский язык, а только фрагментами. (Laurila-Hellman 1989: 156). Популяризатор Й.Л. Рунеберга В. Головин находил у поэта общие черты со славянскими национальными поэтами прежде всего в их страстной любви к своей родине и печали по её страданиям. Однако он отмечал и глубинную разницу, если, например, у чешского патриотического поэта Яна Колара печаль оттого, что нет свободы, то у Рунеберга - из-за войн и суровой природы (Laurila-Hellman 1989: 124), так что можно предположить, что столь сильного чувства несвободы у поэта Й.Л. Рунеберга в автономном княжестве не было.

3.2.4 А. Йенсен о Пенчо Славейкове

В 1913 году, в год выхода романа "Под игото" И. Вазова была опубликована отдельная статья о болгарском поэте Пенчо Славейкове, первом, с которым финская читающая публика могла познакомиться подробнее. Журнал Finsk Tidskrift публикует статью шведского учёного Альфреда Йенсена, выдающегося слависта, переводчика и популяризатора славянской, а прежде всего, болгарской литературы о Пенчо Славейкове. А.Йенсен написал статью два года спустя после смерти поэта. Он высоко

ценил поэта и предлагал его кандидатуру на Нобелевскую премию (Игов 1991: 142-143). Из статьи читатель узнаёт о семье Славейковых, в которой уже отец Петко Рачев Славейков был видным поэтом периода национального освобождения. "Университетами" отца была сама народная жизнь на Балканах с восстаниями, борьбой и политикой, зато сын закончил гимназию в Софии, потом учился в Вене и Париже. Пенчо Славейков, увлекавшийся идеей "сверхчеловека" Фр. Ницше, вынужден был прожить жизнь, преодолевая боль и болезнь, от которой он умер в Италии. П. Славейков был в центре литературной жизни Болгарии: поэт, критик, директор Национальной библиотеки в Софии. В 1888 году выходит первый сборник его стихов "Момини сълзи", сразу же обративший на себя внимание читателей. В 1896 году из печати выходит сборник "Епически песни", который обнаружил в нём уже мастера. Самыми высокими по мастерству считаются поэтические сборники "Блянове"²³ (1907) и "На острова на блажените" (1910). В ней П. Славейков создаёт галерею двадцати героев - поэтов с портретно-критическими характеристиками (от талантливых до слабых) с примерами из их поэтического творчества. Произведение представляет собой редкую по жанру мистификацию, которая не скрывает автора, а показывает разносторонность его таланта. П. Славейков печатает в журнале "Мисъл" в период с 1892 по 1910 год свои путевые заметки, а также эссе об А.С. Пушкине, А.Мицкевиче, Ш. Пётефи, Г. Гейне. Кроме того, он переводит на болгарский язык Ницше "Так говорил Заратустра", произведения Тениссона, Шелли, Софокла и др. авторов. Он также начал издавать журнал "Язык и культура" (1907) по обновлённой орфографии, на страницах которого публиковались современные мыслители. П. Славейков ещё в 1891 году задумал национальную эпическую поэму "Кървава песен", которую публиковал частями с 1896 до 1910 года, но не успел закончить. Наряду с обширным и глубоким анализом творчества П. Славейкова особую важность для нас представляют переводы А. Йенсена на шведский язык - второй государственный язык Финляндии - стихотворений П. Славейкова, что позволяет нам говорить о первых переводах стихотворений П. Славейкова в Финляндии. Йенсен завершает свою статью словами, что, наряду с Вазовым, Славейков: "det nybulgariska tsardömet med den västerländska kulturen, och hans namn skall ej glömmas i den europeiska litteraturens historia" 'Его имя [поэта] современной Болгарии с западноевропейской культурой не будет забыто в истории европейской литературы' (Jensen 1913: 87, см. также Цанева 1992).

---

²³ Йенсен переводит название *Drömmen om lyckan*.

3.2.5 Луиджи Сальвини о Пейо Яворове

Итальянец-болгарист Луиджи Сальвини первым публикует статью на финском языке о болгарском поэте Пейо К. Яворове. Поэзия Болгарии в XIX веке, на взгляд Л. Сальвини, повторяла темы, заданные Вазовым и его современниками после освобождения: восхищение красотой природы, прелестью возлюбленных и отечеством. Эти три темы повторяются в творчестве всех писателей, совершенствуясь в форме и технике. Не было того понимания, что внешние впечатления зарождают движения души, которые должны быть выражены таинственными законами гармонии. (Salvini 1935: 201) Мало, кто сумел подняться до настоящих лирических стихов, в основном у поэтов звучит отношение к теме, а не искреннее сильное переживание. Существовало стремление по-новому осветить действительность через обращённость к прошлому: "Епически песни", "Кървава песен", "Чеда на Балкана" и пр. Только у П. Славейкова проявляется душевная мука, проблема ищущая разрешения, пишет Л. Сальвини, обращая внимание читателей на одинокого эрудита болгарского поэта С. Михайловского, отчуждённого, скептического. Литературная тоска - подобная "forma mentis" была чуждой народу Болгарии и даже её интеллигенции. Новый поэт должен был быть "luuta kansakunnan luusta, liha sen lihasta" 'кость от кости, плоть от плоти своего народа' (Salvini 1935: 202)

Такой поэт явился в лице П. Яворова. Л. Сальвини сравнивает Яворова с Эндре Адя, венгерским поэтом, который стоит в таком же соотношении к Шандору Пётефи, как П. Яворов к Х. Ботеву. Даже судьбы их были сходны: бедное происхождение, несчастная любовь. Такое сравнение могло помочь финскому читателю, так как литературные отношения с Венгрией были гораздо более тесными. Л. Сальвини подробно прослеживает становление поэта. П. Яворова сближает с Х. Ботевым страстность и романтическая любовь к отечеству - но, побывав в гайдуках и похоронив друга, он устремляется в русло славейковской поэзии, ломающей традиционные формы. За строками П. Яворова слышится меланхолия, находящая себе выражение в символических образах и его патриотизм расширяется до космических величин. Пессимизм П. Яворова происходит не от того, что мир не совершенен: в нём самом источник боли и неудовлетворённости. "Я" поэта оказалось слабым, его одиночество наполнено демонами, его слабость превращается в спиритуальный универсум. В этом проявляются общие черты с польским поэтом Ст. Пшибышевским. Любовь у Яворова преломленная: то исполненная возвышенной космичности, то плотской страсти и горечи обманутого. Сальвини приводит стихотворение "Песн за човеката", которая, на его взгляд, является синтезом творчества Яворова. (Salvini 1935: 209) Верным

последователем Яворова становится Димчо Дебелянов и по его следам идёт весь болгарский модернизм. Соприкосновение с французским символизмом научило П. Яворова музыкальности стиха, искусству повтора и гармонии, с огромным мастерством он создаёт атмосферу мистического ожидания и слова у него сверкают всеми цветами радуги. Но, говорит Л. Сальвини, несмотря на это, в глубине души он сохраняет наивность и чистоту. Он родился в болгарской деревне и вынес оттуда типические, национальные, фольклорные черты, которые культура не в состоянии уничтожить (Salvini 1935: 210). Сальвини отмечает, что Яворову не удалось достигнуть того совершенства в музыкальности, как Дебелянову, пластичности П. Тодорова, богатства образов Н. Лилиева, но он первым поборок три кита традиционной болгарской поэзии, внося в сознание болгар лиричность, мировую тоску и новое современное мировосприятие.

Статья Л. Сальвини о Яворове написана талантливо, эмоционально и содержательно, она даёт прекрасное представление о путях болгарской поэзии. В переводе А. Йенсена прозвучали отрывки из стихотворений П. Славейкова, дающих представление о богатстве его поэтической палитры: фольклорной "Ралицы" ритуально-обрядных "Коледари" (1903), современных "Гимны за смъртта свърхчовека", отрывков из героической поэмы "Кървава песен", лирического "Cor cordium" (1912), а в переводе Л. Сальвини - стихи П. Яворова - это единственные, по нашим сведениям, презентации стихов болгарских поэтов в Финляндии за период с 1878 года по 1944 год. Хотя болгарская литература и была представлена в Финляндии мало, но всякий раз она приходила в виде шедевров: произведений И. Вазова, П. Славейкова, П. Яворова, тогда как в Болгарии большее внимание было уделено писателям периферийным.

3.2.6 Йордан Йовков, Елин Пелин, Ангел Каралийчев и другие болгарские авторы на финской почве до 1944 года

В память болгарского писателя-классика Йордана Йовкова (1880-1937), умершего 15 октября, И.Ю. Миккола публикует статью *Bulgarian suurin kirjailija Jordan Jovkov on kuollut* (US 31.10.1937: 24). Жизнь на Балканах, говорит И.Ю. Миккола, научила уже с детства писателя *vaikeneminen ja havaitseminen* 'слушать и созерцать', прекрасный стилист и писатель, у которого по отношению к людям были "*hellyys ja siveellinen objektiivisuus*" 'нежность и моральная объективность'. На следующей странице помещён рассказ *Albena* ("Албена" 1927), перевод которого сделан, скорее всего, И.Ю. Микколой. Нужно сказать, что выбор более, чем удачный. Рассказ входит в цикл "Вечери в Антимовския хан", который называют одним из самых мудрых и философских произведений Й. Йовкова. Для Йовкова характерно восхищение духовным богатством

болгарского крестьянина. Любовь Албены к Нягулу (убившему её мужа) и её готовность не выдать возлюбленного и принять смерть за него, - потрясают деревенских жителей и они испытывают сострадание к её красоте и юности, к её жертве. Но как только Нягул, спасая возлюбленную, признаётся в вине - сердца поселян обращают своё сочувствие к нему, его жене и детям, а Албена в их глазах становится виновницей.

В 1942 году в девятом номере серии *Huvvää yötä* 'Спокойной ночи', издаваемом Вяйнё Хямеен-Анттила с 1934 по 1942 год, был напечатан второй рассказ Йордана Йовкова "Шибил" *Shibil* (1925). *Huvvää yötä* - это очень интересно задуманная серия, которая под видом лёгкого чтения перед сном знакомила финскую читающую публику с жемчужинами мировой литературы. В предисловии к последнему, десятому номеру в 1943 году, после смерти В. Хямеен-Анттила, Вернер Анттила сообщает, что за десять лет серия *Huvvää yötä* познакомила читателя с 283 писателями. К сожалению, в серии нигде не указаны переводчики произведений. На страницах этой серии были опубликованы рассказы лучших болгарских писателей: Елина Пелина, А. Каралийчева и Й. Йовкова.

В рассказе "Шибил" (1925) не менее высокая трагика, чем в "Албене". Это первый рассказ из цикла "Старопланински легенди", в который вошли 10 рассказов из легенд и преданий, собранных для писателя земляками родного села Жеравна. Разбойник (гайдук) Шибил влюбляется в селянку Раду и долгое время пытается противостоять чувству. Однако, не имея сил побороть любовь, он спускается в деревню к возлюбленной, невзирая на опасность для своей жизни. Девушка стала отвечать взаимностью на столь пылкую любовь молодца. Власть сговорились устроить ему засаду и убить. Но смелость, любовь и красота Шибила трогает даже сердце бая: "такъв човек не бива да умре!" и он решает помиловать его. Но отец Рады во имя своей семейной чести, не желает отдавать дочь за гайдука, и спешит дать знак полицейским. Бей опоздал, и полицейские застрелили Шибила. Девушка хотела заслонить Шибила от пули и тоже была убита.

Аннотации о писателях в серии *Huvvää yötä* очень коротки. Признаётся недостаток знания болгарской литературы: "*Bulgarian kirjallisuutta voi sanoa meillä tuntemattomaksi*" (Hämeen-Anttila²⁴ 1935: 248), но за это отсутствие знания и интереса к болгарской литературе финнов не критикуют, как это часто делают болгарские авторы, упрекающие свой народ в недостаточном усердии к знанию, например, Финляндии (ср. статью в журнале "Изток" 1925) Факты в аннотациях не всегда точны, так "*iältään se [bulgarialainen kirjallisuus] on meikäläisen kasvinkumppani*" 'по возрасту она [болгарская литература] наша

---

²⁴ Мы предполагаем, что аннотации написаны В. Хямеен-Анттила, поэтому ссылки будут сделаны на его имя.

сверстница' можно сказать лишь выпустив из внимания историю болгарской литературы до турецкого ига. Буквально в нескольких словах оценивается место писателя в болгарской литературе и стиль печатаемого рассказа. В аннотации к "Шибил" коротко сообщается, что болгарский фольклор более всего разрабатывает тему "гайдука", который не является обычным разбойником с большой дороги (Hämeen-Anttila 1942: 240). Уже в 1935 году, во второй книге серии *Huvää yötä*, появился рассказ писателя Димитра Иванова, который более известен под псевдонимом Елин Пелин. В. Хямеен-Анттила относит его к старшему поколению болгарских писателей, который с сочувствием описывает хорошо знакомую ему жизнь и духовность, но и хитрость болгарского крестьянина. Его рассказ *Piiriviskaalin Joulu* ("Андрешко") характеризуется как близкий финской традиции демократический мотив, когда начальство водят за нос, сходный с контрабандистскими историями финского писателя Вяйно Катая (Hämeen-Anttila 1935: 248) В рассказе пассажиром молодого-крестьянина извозчика Андрешки является окружной фискал, судья. По дороге выясняется, что судья собирается у одного бедного крестьянина реквизировать зерно за неуплаченный налог. Извозчик применяет хитрость (оставляет судью на ночь за деревней), чтобы успеть предупредить товарища и спасти его жито. Судья, который сам не испытывал жалости к крестьянам, сейчас умоляет Андрешку не оставлять его одного ночью под Рождество: "Eikö sinulla ole mitään sydäntä?" 'Неужели у тебя нет сердца?' К рассказам Елина Пелина в Финляндии вернутся в 60-х годах Юхани Конкка и Пертти Валтакари. Ими будут переведены рассказы *Rakkaudentunnustus*, *Toisessa maailmassa*, *Keväinen viettelys*, *Kolme ystävästärtä*, *Kiusaus*; *Roskia vaihdetaan luumuihin*; *Öinen vieras*. Все они были напечатаны в журнале *Kuluttaja* за 1962-65 годы.

В 1941 году внимание серии *Huvää yötä* привлекла повесть другого бытописателя крестьянской жизни, видного болгарского писателя Ангела Каралийчева *Se meidän Peshome*. В аннотации ошибочно указывается, что он первый болгарский писатель, напечатанный в серии *Huvää yötä*. Первым был Димитр Иванов (Елин Пелин). В нескольких фразах сказано о зарождении новой болгарской литературы, начиная от Василя Друмева до одного из писателей младшего поколения - Каралийчева. В основном указана традиция обращения к крестьянской жизни: (Hämeen-Anttila 1941: 308) Каралийчев прожил несколько лет за границей, но остался сыном крестьянина и был мастером изображать различные крестьянские типы:

"Eloisasti hän esittelee bulgariaalaisten maalaistyyppien piirteitä ja kirjoittaa hienovaraisia, koruttomia lapsitarinoita. Näytteessämme hän ytimekkäästi käsittelee kerskuvan suupaltin, jollaista eri maiden kirjallisuudessa tavataan hyvinkin runsaasti" [подч. Л.С.] (Hämeen-Anttila 1941: 308)¹¹

Мы подчеркнули слово *näytessämme*, 'в нашем примере' которое характеризует цели, поставленные серией и её редактором В. Хямеен-Анттила. В заслугу В. Хямеен-Анттила следует поставить то, что он в коротких аннотациях указывает место болгарского писателя, и находит параллели в их творчестве с писателями финской и других литератур.

Аналогичные "примеры" болгарских военных рассказов опубликованы в журнале *Suomen sotilas* 1938 Nr 5-7. По своему жанру военный рассказ показывает патриотизм, героизм и самоотверженность солдата, когда глядя в глаза смерти солдат преодолевает самого себя, превращаясь из обыкновенного парня в героя. Многими молодыми солдатами были прочтены рассказы Йордана Йовкова *Valkoinen eskadroona* (Белият ескадрон 1916), Елина Пелина *Vieras* и Нерчо Панева *Urho*.

С точки зрения нашей работы интересны аллюзии к ментальности болгар. Приведённые артефакты иллюстрируют во многом то, что финны уже знали после участия в Освободительной войне: патриотизм болгар, их свободолюбие, любовь к несчастной порабощённой родине, готовность к жертве ради неё, страстность в проявлении чувств и открытость в их выражении. Однако, отсутствует стереотипизация болгар, как представителей локоса "юга там "под солнцем юга" обычно относят к Италии и Греции, хотя Болгария географически расположена на тех же широтах и рекламирует себя как "страну роз". Мы полагаем, что этого не произошло по двум причинам: во-первых, в Финляндии было знание об испытанных финскими воинами холоде и голоде на полях войны, а во-вторых, поскольку в Болгарии не видели более богатого и раннего по сравнению с Финляндией культурного очага.

3.3 Рецепция финской литературы в Болгарии

3.3.1 Переводы П. Пяйваринты и просветительские мотивы

Первым переведенным на болгарский язык финским писателем был Пиетари Пяйваринта, который по типологии своего творчества решал просвещенческо-дидактические проблемы. В 1896 году были опубликованы сказка "Петю и Ханка" (*Pentti ja Inka* 1886), "Старата сиромахкия" (*Kontti-Anna* 1883) и повесть "Изгубен живот" (*Sortunut* 1886). Произведения эти были переведены известным болгарским учёным Беньо Цоневым с немецкого языка и напечатаны в журнале "Български преглед", престижном журнале, который издавался с 1893 по 1900 год. Б. Цонев участвовал в редактировании этого журнала, известного как "професорско" списание" (Авджиев 1989:16). Журнал занимался вопросами науки,

литературы и общественной жизни, ставил своей целью описать болгарскую жизнь на разных уровнях, от научных вопросов, истории страны и культуры, до народного быта. Там печатаются статьи знаменитых учёных Ив. Шишманова и Л. Милетича и др., рецензируются книги, даётся информация о заседаниях различных комитетов, освещаются проблемы других славянских регионов.

П. Пяйвяринта к этому времени был одним из самых популярных и переводимых писателей Финляндии, и имя его было известно в Германии, Франции, Англии и России. В прошлом веке его творчество было особенно актуальным как для финских, так и для европейских читателей, озабоченных нравственными и общественными вопросами своего времени. Для аграрной Болгарии П. Пяйвяринта, был особенно интересен, поскольку его герои представляли, в основном, сельскохозяйственную Финляндию. Пяйвяринта в своём творчестве уже отошёл от позиций позднего романтизма. Он делал тщательные зарисовки народного быта с сентиментальным уклоном. Писатель ищет пути к добру и нравственности в своих произведениях. Это было полностью в русле целевой направленности переводческой деятельности прошлого века в Болгарии, именно на это обращает внимание Б. Цонев, говоря, что Пяйвяринта представляет интерес для читателя из-за "хубавите си и високо нравствени повести". Б. Цонев был чужд модернистским поискам в литературе, он "застъпник на една традиционно-утилитарна реалистична естетика и критика, изградена под влияние на руската и западно-европейската мисъл" (Авджиев 1989: 16). В том же 1896 году "Изгубен живот" был переиздан в пятой книжке Битольской воскресной школы. Цоневым написано краткое предисловие к публикации, знакомящее с биографией и творчеством писателя. В публикации журнала "Български преглед" в сноске даётся идентичный текст без части, касающейся правописания. Требовательность учёного к точности видна хотя бы из такого факта, что Цонев, один из немногих, указывает точные данные публикации, с которой сделан перевод ("Finnische novellen", *Universal-Bibliothek*, 2938) - это было редкостью в то время. Благодаря тому, что Цонев был учёный, занятый проблемами орфографии болгарского языка, имя П. Пяйвяринты оказалось в центре научной языковой дискуссии. Практически обе публикации - это редакции одного и того же текста перевода, напечатанного в "Болгарском прегледе" по старым орфографическим нормам, а в Битольской книжке целиком по новым нормам, который учёный формирует на основе восточного диалекта: упрощённое правописание и употребление вошедшей в узус лексики вместо устаревшей. Имя писателя Pietari Päivärinta и место рождения Ylivieska даётся в "Болгарском прегледе" латиницей, а в Битольском издании имя предлагается в варианте Петър Пейверинта, но место рождения, по-прежнему, дано латиницей. Среди переводов, сделанных Б.

Цоневым, Пяйвяринта стоит в одном ряду с В.И. Гёте, В. Гюго, Э. Золя, А. Доде, А.П. Чеховым и другими классиками.

Времена меняются и меняется отношение к литературному произведению, а также к проповедуемым писателем этическим нормам. Произведения, почитавшиеся некогда за образцы мастерства, через 50 лет читаются как лёгкая (второразрядная) литература или же отменяются²⁵:

"Tuskin itsensätäydellistämisen ideat ja subjektiivisen kulttuurin korostukset, saati tietty elämänfilosofinen paatos, meitä enää paljoakaan liikuttavat". (Noro 1986: 9)¹²

Сегодня П. Пяйвяринта почти забыт как у себя на родине, так и повсюду. Интерес к нему в Финляндии падает уже до Первой мировой войны, но в Болгарии ещё в 1925 году издаются в журнале "Възраждане" его новеллы "Спътник" и "Изгубен живот" (1928), а в сборнике "Без маски" новелла "Мати сиромахът" (Puutteen Matti 1880) в 1934 году. Этот интерес можно объяснить тем, что известные слои интеллигенции ещё не видели завершённости в достижении не столько европейских, сколько общечеловеческих идеалов. Цель превращения обывателя в гражданина ещё не была достигнута и издатели продолжали воспитание своего населения, а прежде всего молодёжи, при помощи литературы, показывающей пагубность пьянства и необходимость жить по нравственным законам²⁶. Велась усиленная антиалкогольная пропаганда, причём Общества трезвости Финляндии и Болгарии имели связи. "Изгубен живот" переиздавался разными издательствами четыре раза (1909, 1917, 1928), судя по чему книга его была прочитана большим количеством читателей. Тот факт, что первым переводчиком был Беньо Цонев, известный языковед, член Болгарской Академии наук (до 1900 года Българско книжовно дружество), говорит о популярности Пяйвяринты среди современников. Германия и немецкий язык стали посредником первых переводов финской литературы на болгарский язык. Первым произведением переведённым с немецкого языка на болгарский (1825) было также сочинение в просвещенческом духе "Свещено цветообразование..." (1714) Йоханна Хюбнера: "той е свързан с църковната литература, но отразява нова, просвещенска линия в педагогиката: познатото съдържание на Библията е превърнато в средство за създаване на

²⁵ См. Предисловие Арто Норо к книге Георга Зиммеля "Философия моды".

²⁶ Второе издание повести "Изгубен живот" было в пользу Битольской воскресной школы, о чём Беньо Цонев сообщает в предисловии: "Като отстъпваме на драго сърце тоя скромн принос за в полза на Битолското неделно училище, желаем пълен успех на това учреждение, което си поставило такава благородна задача да снабдява широката българска публика с полезно и забавително четиво" (Цонев 1896: 6)

морално устойчиви хора, не религиозни съзерцатели, а дейни нравствени личности" (Андреева-Попова 1985: 60). Другими переводчиками Пяйвяринта были М[ария] Ненова ("Изгубен живот" 1928), К. И. Л. ("Изгубен живот", 1909, 1917), Т. Маринов ("Мати сиромахът", 1934). Переводчики "Старата сиромахкиня" 1896, 1909 и "Спътник" в "Възраждане" (1925) - не указаны.

В болгарской культурной жизни можно заметить устойчивость желаний просветить и образовать народ. П. Пяйвяринта вышел "из народа" и в этом его ценность для Б. Цонева, который высоко ставя Пяйвяринту, как писателя, ценит его ещё и за то, что он является прекрасным примером того: "как от прост човек, селянин и орач може да излезе знаменит писател" (Цонев 1896: 3). Б. Цонев к самым популярным произведениям Пяйвяринты относит "Епизод от голямата война / или Густав Адолф" (1867), сборник "Пастирски писма", "Семейни картини" (1876) и приравнивает П. Пяйвяринту к лучшим писателям Европы: "в реда на добрите писатели не само в отечеството му, но и в целия европейски свят" (Цонев 1896: 4). Б. Цонев рекомендует писателя болгарской читающей публике словами:

"Финна психология, дълбоко и прочувствено схващане на живота, увлекателно разказване - отличават повестите на тоя фински народен поет и ги поставят на ред с най-добрите подобни литературни произведения. Всички случки и лица, рисувани в тях, ни изпъкват истински и живо пред очите. Чудна е дарбата на тоя писател да създава отделни характери. И още по-чудна е неговата любов към истина, честност и нравственост - за това секи ще се увери, като прочете тая повест" (Цонев 1896: 4).

Обилие переводов сентиментальных повестей П. Пяйвяринта подтверждает наблюдение Гачева о том что: "...русской словесности противопоставлено такое обильное слезотечение (оно выглядело бы слащавым и сентиментальным), а болгарской - нет" (Гачев 1988: 151).

3.3.2 Сантери Алкио , Юхани Ахо и социальные мотивы

Вторым по времени переведённым на болгарский язык финским писателем после П. Пяйвяринты был Сантери Алкио. Его рассказ "Баща им в Америка", напечатан в журнале "Ново време" в 1897 г. Название журнала характерно: журнал был задуман как "месечен преглед на умствения и обществен [подч. Л. С.] живот". С. Алкио был не только писатель-гуманист, но общественный и политический деятель. В произведениях С. Алкио излагает свои социальные концепции с попыткой художественного обобщения. Герой переведенного на болгарский язык рассказа, Мико Вареслахти, ищет выход из своей безнадежной нищеты и решает эмигрировать в Америку, с которой он связывал мечты "за всевъзможно щастие, каквото неверваше да постигне в своето отечество" (Алкио 1897:

844), а потом вызвать к себе семью. Но времена его пребывания были "лоши в Америка и той не е могъл да се застои на каква да е работа дори и в Америка, а пък на туй отгоре и дълго време лежал болен". (Алкио 1897: 846) Америка не разрешила того бедственного положения, в котором он жил со своей женой и тремя детьми, а усугубила его. Этим рассказом С. Алкио подаёт голос против социального неравенства и хочет сказать, что не эмиграция, а другие пути установления социальной справедливости следует искать: радикальные перемены в экономике, законодательстве, которые дали бы возможность обыкновенному труженнику выбраться из нищеты. Не только из Финляндии, но и из многих европейских странах, в том числе и из Болгарии, была массовая эмиграция в Америку. Перевод вновь сделан посредством немецкого, а переводчик скрылся за нерасшифрованным псевдонимом Е. Переводчик обращает внимание на стиль автора, использует просторечие и диалекты.

Деятели, интерес которых был направлен к человеку через общественные события и которые искали причины несчастий и нищеты человека в общественном неустройстве, группировались вокруг исторического и общественного журнала "Българска сбирка". Главным редактором был известный общественный и культурный деятель - славянофил Стефан С. Бобчев. Журнал также ставил своей задачей знакомить читателей с мировой литературой. Он играл значительную роль в культурной жизни Болгарии. Имя Юхани Ахо болгарский читатель впервые встретил в этом журнале. Ю. Ахо является классиком финской литературы. Как реалист, мастер описания природы и проницательный наблюдатель жизни своих современников, он неоднократно привлекал внимание болгарской периодической печати. "Женитба" (Sipolan Aapron kosioiretki, 1883), напечатанная в журнале "Българска сбирка" 1898) открывает его путь в Болгарию. Особый интерес вызвал рассказ Ю. Ахо "Заселище" (Uudisasukas, 1891), переведенный на болгарский язык и перепечатанный в различных изданиях. (1903 г. "Вести", 1928 г. в "Литературни новини" под названием "Поселище"). В 1909 г. "Южна България" поместила перевод рассказа "Дървото на нечистата съвест" (Рахан omatunnon puu, 1899). Журнал "Възраждане" публикует два фельетона Ахо "Ти гасиш, аз запалвам" (1929) (Sammuta sinä, minä sytytän! 1900), "Малки и големи" (Pienet ja suuret, 1900). Возможно, что журналу "Възраждане" интерес к творчеству этого писателя был подсказан Арвидом Ярнефельтом, который близко знал Ю. Ахо и сам активно сотрудничал в этом журнале. Ю. Ахо относился с уважением к идеям толстовцев, хотя сам им не был. В числе корреспондентов Ю. Ахо были В. Чертков, Л.Н. Толстой и Н.Н. Страхов.

Внимания заслуживают переводчики Юхани Ахо. В 1898 г. это был П. Вълков (псевд. П. Бакалов), известный культурный деятель, в 1929 г. - "Ц-

в", т. е. Иван Цанев, которого мы знаем также, как переводчика А. Ярнефельта и автора статей об этом писателе. Перу переводчика Ненова принадлежит статья "Финска литература", в которой он освещает творчество А. Ярнефельта, А. Киви и Ю. Ахо.

3.3.3 Толстовство и Арвид Ярнефельт в Болгарии

Арвид Ярнефельт был наиболее печатаемым автором в Болгарии. Его произведения публиковались, в основном, в журнале "Възраждане" Это был журнал болгарских толстовцев и носил подзаголовок "Списание на обновляване на живота в светлината на разума и любовта" и просуществовал с 1907 по 1936 год. Среди журналов Болгарии того времени - 28 лет - это завидно долгий возраст, свидетельствующий об исключительной жизненности общины, а также о популярности журнала среди болгарской интеллигенции. (Георгиев & Ватова 1994: 283) Первые годы он выходил в Бургасе, а позднее - в столице Софии. Редактором и основателем журнала был известный культурный деятель Стефан Андрейчин.

Знакомство болгар с творчеством писателя Ярнефельта произошло на почве русского толстовства и непосредственно связано с Л.Н. Толстым и Ясной Поляной. Произведения финского писателя воспринимались в Болгарии через призму толстовства и поэтому необходимо сказать несколько слов о болгарских "непротивленцах", как они себя чаще всего называли. Толстовство начало распространяться в Болгарии с конца XIX века, чему способствовали тёплые отношения между Болгарией и Россией после освобождения Болгарии. Большая часть болгарской интеллигенции получила образование в России и владела русским языком. Молодёжь (среди которых петровец Диньо Божков, толстовцы Христо Досев и Георги Стоилов Шопов, социалист Д. Благоев и т. д.) с готовностью воспринимала русские культурные и идеологические течения. Г. Шопов ещё в 1903 г. организовал журнал "Лев Н. Толстой", который занимался публикацией переводов произведений Л.Н. Толстого. Шопов собственноручно распространил около 700 присланных Чертковым брошюр Л.Н. Толстого.

Группа толстовцев во главе с Досевым в 1906 году основала коммуну недалеко от Бургаса в селе Алан-Кайряк (теперь Ясная Поляна), где жила плодами собственного труда, питаясь вегетарианской пищей и стремясь жить соответственно учению Л. Н. Толстого о непротивлении злу насилием. Для пропагандирования непротивленческих идей и вегетарианства была куплена дешёвая типография. По русскому примеру было организовано издательство "Посредник", которое, кроме журнала "Възраждане", издавало газету "Свобода", а также занималось книгоиздательством. Десяток изданий "Ново слово", "Ново общество", "Ясна поляна" "Факел", "Живот", "Съюз", "Вегетариански преглед",

“Свободне възпитание” и др., исповедовали учение Л. Н. Тостого и организовали толстовские коммуны во многих болгарских сёлах. (Георгиев & Ватова 1994: 267). За недостатком переводов произведения Л.Н. Толстого читались в подлиннике. Первые переводы на болгарский были сделаны 1884 г., а начиная с 1889 почти ежегодно выходят все знаменитые романы Л.Н. Толстого. Сам Л.Н. Толстой относился к славянофильству и панславизму отрицательно по ряду проистекающих из его мировоззрения причин, несмотря на то, что именно в славянстве он видит “обновителя жизни” в будущем. На этой проблематике мы здесь останавливаться не будем. Упомянем об этом лишь для того, чтобы отметить сложность отношения Толстого к другим славянским народам и на очень многоплановый вопрос рецепции Л.Н. Толстого, в частности, в Болгарии. Его фигура подчас становится в центре идеологической борьбы в стране (Порочкина 1983: 33, 74) Ниже подробнее говорится о восприятии толстовства и финского писателя А. Ярнефельта с точки зрения их идеологических последователей в Болгарии. Нетрудно предположить, что эта рецепция полна восторгов и положительных отзывов.

Толстовство распространилось во всех европейских странах, а также в Америке, в Японии, Индии. Махатма Ганди, вождь мирного освобождения от великобританского колониализма, открыто признавался, что он последователь Л.Н. Толстого. (Георгиев & Ватова 1994: 267) Журнал “Възраждане”, в котором печатался А. Ярнефельт, стал одним из самых значительных журналов непротивленческого движения и публиковал своих единомышленников со всего мира, и это делало е журнал интернациональным²⁷. Журнал наряду с Л.Н. Толстым печатал произведения русских писателей Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, В.Г. Короленко, И.С. Тургенева, А.И. Куприна и др., а также иностранных: Рабиндраната Тагора, В. Гюго, Б. Пруса и других. Рядом с этими знаменитыми именами стоят имена финских авторов Юхани Ахо (два произведения) и Арвида Ярнефельта (три произведения). Георгиев и Ватова не выделяют в своей работе А. Ярнефельта. Он, как и Ю. Ахо - одно из упомянутых имён в статье Л. Георгиева и П. Ватовой (1994: 279) А. Ярнефельт был одно время в составе редакции журнала (1908). Попечением издательства отдельно изданы три книги А. Ярнефельта.

Болгарские толстовцы, сотрудники журнала, такие как Христо Досев, поэт Н. Желев, филолог-германист Иван Цанев, Данчо Ив. Вапцаров и его жена Мария Скороходова (первый муж Х. Досев) поддерживали прямые отношения и с Л.Н. Толстым, и с А. Ярнефельтом. (Скороходова 1934: 210) В 1920 г. журнал печатает обширную статью Ивана Цанева "Наченки на

---

²⁷ Л.Н. Толстой говорил об этом журнале: “Только и есть единственный журнал в нашем духе” (Цит. по Порочкина 1983: 85).

едно литературно течение", в которой освещается история толстовства в Болгарии:

"У нас толстоевската истина и литература дойдоха малко по-късно и требовало е доста упорен труд, за да обземе тя малко по-широк кръг от нашето общество. Едва когато се събраха млади сили и положиха основите на издателство и списание "Възраждане" можа да се даде по-мощен тласък на течението. С упорито постоянство хората около "Възраждане" групираха и събраха около си повече работници. И тепърва в страниците на това списание се появява и заработва художествена литература с Толстоевски мироглед. Тепърва тук се появяват и работят творци на изящна литература в Толстоевска насока" (Цанев 1920: 183).

Л. Толстого И.Цанев нарича "нов Прометей на човечеството", мощен и гласът на който звучи и ще звучи по всемо земноу шару не зная препятствия (Цанев 1920: 178), он сравнява писателя с дубом, в околностите на който расте младенец, още слаб в творческом отношении, но в околностите на своим родоначальником. Критик перечислява следующих русских писателей-толстовцев: А. П. Барикова, И. Ф. Наживин, С. Т. Семёнов, Фёдор Поступаев, И. Горбунов-Посадов, А. Хирьяков и другие: "Те всички не са мощни художници, но има между тях и единици вече с име. Най-мощният и най видният между тях е финландецът Арвид Ернефелт" [подч. Л. С.]. (Цанев 1920: 178). "От всички Ернефелт е вече оформил своята крупна фигура на писател и е добил признание". (Цанев 1920: 183) Годом по-късно, в 1921 г., И. Цанев в ж. "Възраждане" печата нову обширну статью, на етоу раз посвещену только А. Ярнефельту²⁸. И. Цанев начинае с епизода, который показывае всеобщу любовь и признание А. Ярнефельта у себя на родине. Путешествующий по Финляндии В. Брусянин откривае в доме селянки библиотеку. Хозяйка с особу любовью показывае книги Арвида Ярнефельта: "А ето... това са книги от нашия писател Арвид Ернефелт. Той е последовател на Толстоу" /.../ финландката гледала книгите с блажен израз в очите и говорила: "Видите ли, - и ний си имаме наш Толстой!"²⁹ (Цанев 1921: 173) Автор подчеркивае, что Ярнефельт заслужил писательское имя не только как толстоуец, но имее премию Финского литературного общества за 1905 год и являеся одним из крупнейших писателей-реалистов Финляндии.

А. Ярнефельт произхоу от аристократической семьи с богатыми культурными традициями. Его отец известнй картограф Александр Ярнефельт. Один из его братьев, Эеро, - художник, другой, Армас, - композитор. Главное в биографии Арвида Ярнефельта - это его приход к вере в 1891 году, духовнй перелом, приведший его на путь, который

²⁸ Цанев Ив. "Арвид Ернефелт" (по К. Тиандер). *Възраждане* 1921:6, 173-181.

²⁹ Арвид Ярнефельт считался финским Толстым, Хенри Давид Торо - американским, Христо Досев - болгарским и т. д.

показал "яснополянскийят писател и философ" Л. Н. Толстой. Произошло радикальное изменение в мировоззрении А. Ярнефельта, отражённое в произведении "Моето пробуждено" (Herämiseni, 1894). И. Цанев восхищается матерью писателя, оказавшей решающее влияние на формирование мировоззрения писателя. Эта женщина, жена генерала, собственноручно помогала сыну в хозяйстве, когда у того были трудности - сын не признавал наёмный труд, - вызывая этим удивление окрестных крестьян. И. Цанев указывает на произведения, которые написаны под сильным влиянием Л.Н. Толстого. Так, в "Съдбата на човека" (Ihmiskohtaloja, 1895), чувствуется воздействие повестей Л.Н. Толстого "Три смерти" и "Смерть Ивана Ильича", "Самуел Кроел" (Samuel Croëll, 1899) - рассказ о человеке, который нашёл душевный покой, приняв решение отвечать на зло добром, "Братя" (Veljekset, 1900), "Елена" (Helena, 1902), "Учение на роба" (Orjan oppi, 1902). Однако: "особено изящно, поетично, с дълбок трагизъм идеята за несъпротивление на злото намира изображение в знаменитата му пиеса "Тит, разрушителят на Иерусалим" (Цанев 1920: 179), в которой А. Ярнефельт даё нову трактовку старой истории, "сумел да извлече от него съвсем ново съдържание". Духовная борьба Тита, колеблющегося между языческими представлениями и поучениями своего злого гения Беренисы³⁰, с одной стороны, а с другой: христианского учения, настоящей любви и близости к Богу раба Лизимаха - заканчивается победой добра и христианства, отказом от власти и, наконец, возле смертного одра Тита духовно прозревает и его жена. Типичным выразителем толстовских национальных идей является и Хенрик из романа "Братя": "Хенрик се стреми да бъде човек без национални предрасъдъци. Той изгражда в себе си любов към чуждите хора. Той иска да се слее със световната душа, да бъде мъничка капка в необятния вечен океан на човечеството". (Цанев 1921: 177) И. Цанев высоко ставит идею Л.Н. Толстого, о том, что человек прежде всего представитель человечества земного шара, а уже потом национальности.

Главная героиня Елена из одноимённого рассказа А. Ярнефельта призвана иллюстрировать заповедь Христа "не клясться" вовсе: "се отрече от принудително причастие и църковен брак, раздава заедно с мъжа си грамадно си имение на селяните и слиза от плещите на селяните". [подч. Л. С.], (Цанев 1921: 177). И. Цанев напoминает и о других пленительных женских образах в новеллах А. Ярнефельта, таких как Марта из "Децата на земята"³¹ (Maamon lapsia, 1905), Грета из "Грета и нейният господар" (Greeta ja hänen herransa, 1905). И. Цанев ставит А. Ярнефельта на видное место в мировой и финской литературе, в особенности, за высокий

³⁰ В переводе 1918 г. и др. имя жены Тита: Вереника.

³¹ Была переведена в 1934 году под названием "Чада на земята".

нравственный накал. Исходной точкой видения внешнего мира А. Ярнефельтом является “отвлечената идея. Това налага печат върху всичките му произведения” [подч. Л. С.] , но писатель не жертвует художественной правдивостью: “хармонично преплита морални и художествени елементи, което придава особена прелест на творенията му”. (Цанев 1921: 176). В сказке "Деца на светлината и на щастие" ("Възраждане" 1921) мышь говорит о человеке, что он намного богаче одарён Богом, и как человек за этот дар более ответствен перед Ним: "Човекът е нещо по-високо от най-високото, което една мишка може да си представи, следователно един бог. [...] никой, даже най-слабият, нема нужда да се крие в тъмнината, но всички смело и сигурно могат да се движат в най-ясна светлина..." (Ярнефельт 1921: 171). Человек, на которого другие животные смотрят с завистью и боязнью, который "един бог", должен стать достойным даров Бога, стать поистине дитём света и счастья, лишённым низких помыслов, животных влечений, - чтобы священное трепетание низших животных перед ним стало оправданным. Национальный театр в 1924 году предполагал поставить "Смерть" Ярнефельта на музыку Яна Сибелиуса (Архив SKS ф. Ярнефельта, Райков 21.9.1924).

Ещё более интенсивными делаются связи с Финляндией после того, когда после революции связи с Россией прервались. Стоян Георгиев и Иван Цанев пишут 30.5.1921 совместное письмо на русском языке к "дядюшке" Ярнефельту:

"Когда буря нагрянет и затуманит глаза людей, они теряют возможность отыскивать своих близких, хотя они и не перестают думать о них. Только что пережитая война порвала связь между людьми и поставила нас в невозможность что-либо знать о наших идейных друзьях. И теперь, когда буря понемножку стихает, нужда что-нибудь узнать и восстановить общение с друзьями особенно сильно чувствуется". (Архив SKS, ф. Ярнефельта)

Книгоиздательство "Възраждане" предполагает издавать произведения А. Ярнефельта и в дальнейшем, но, поскольку никто не владеет финским, то издательство нуждается в полном собрании сочинений А. Ярнефельта на русском языке. Уже готовы болгарские переводы произведений Ярнефельта, сделанные с русского языка: "Родина" (пер. проф. П. О. Морозова), "Дети земли" (пер. Марии Благовещенской) и "Три судьбы" (пер. Ад. Пулькинена). Кем сделаны переводы на болгарский язык в письме, подписанном издателем "Възраждане" и Иваном Цаневым, не сообщается. В 1928 году с перерывом в 10 лет Ярнефельт сообщает о себе своим болгарским друзьям толстовцам. К этому времени толстовское движение в Болгарии окрепло. По С. Георгиеву и И Цаневу (письмо от 30.5.1921), "деятельность идёт усиленным темпом и всё более крепнет и воодушевляет нас". Был создан кооператив "Посредник" (по примеру московского, рагромленного после революции (Гюдюлев 12.11.1928), кроме журнала

"Възраждане" издавалась газета "Свобода"³², а также было своё книгоиздательство. Претерпело изменение и само название движения: "чтобы подчеркнуть христианскую основу учения" оно стало называться "*свободные христиане*". Борис Гюдюлев 28.11.1928 сообщает А. Ярнефельту и печальные новости: потеря связи с русскими братьями³³, аресте (по заграничным газетам) В.Г. Черткова, И.И. Горбунова-Посадова после митинга толстовцев, организованного в честь 100-летнего юбилея Л.Н. Толстого, где они выступили за отмену смертной казни, против ограничения свободы и др. В этой ситуации болгарские толстовцы считают особенно важным, что восстановилась связь с А. Ярнефельтом, бывшим в своё время одним из первых сотрудников журнала в 1908 году. Б. Гюдюлев просит сочинения А. Ярнефельта на русском или болгарском языке, чтобы опубликовать их или переводы. В 1932 году, в год смерти писателя, повесть "Три съдби" публикуется отдельной книжкой. Обращает на себя внимание художественно выполненная обложка, графиком, скрывшимся за псевдонимом Д. Д. В 1934 году на внутренней стороне обложки журнала "Възраждане" из номера в номер помещалась реклама:

"До всички абонементи!

(...) Не след дълго време ще излезе от печат и обещаната трета премия: "Чеда на земята" от Арвид Ернефелт, познат на нашите читатели писател, който с право носи прозвището "Толстой на Финландия".

Журнал прекратил существование в 1936 году, и после этого к творчеству А. Ярнефельта в Болгарии не обращались. Пьеса "Смърт" (1914, *Kuolema* 1903) которая была первым произведением, переведённым на болгарский язык и занимает центральное место в творчестве А. Ярнефельта. Об авторитете А. Ярнефельта как писателя в Болгарии говорит тот факт, что престижное книгоиздательство "Хемус" в своей серии "Универсална библиотека" (в ней издавались В. Гёте, М. Метерлинк, И.С. Тургенев, А. Стриндберг, М. Горький, Елин Пелин и мн. др. знаменитые писатели) издала отдельной книгой пьесу "Тит, разрушителят на Иерусалим" (1918, *Tiitus* 1910). Книге предпослано предисловие об авторе по статье финского литературоведа В. Таркиайнена³⁴.

Этот факт, на наш взгляд, является ещё одним веским аргументом в пользу того, что страной-посредником публикаций являлась Россия.

---

³² Существует библиографическая ссылка на статью, которую нам не удалось найти: Наживин, Ив. "Финландският писател Арвид Ернефелд". в-к *Свобода*, 1929 № 268: 3.

³³ О разгроме толстовцев см. хотя бы книгу Марка Поповского "Русские мужики рассказывают... Последователи Л. Н. Толстого в Советском Союзе 1918-1977". Лондон 1983.

³⁴ Предисловие идентично статье в сборнике "Финская литература" (1917), изданном под ред. М. Горького и В. Брюсова.

Можно предположить, что круг читателей Ярнефельта в Болгарии ограничивался людьми, которых объединяла общая идея Л. Н. Толстого о христианской любви. Б. Гюдюлев пишет, что многим известны отзывы о романах Ярнефельта в ж. "Възраждане" сами же романы "читали только несколько друзей" (Гюдюлев 12.11.1928). Исключение составляет, возможно, пьеса "Тит, разрушителят на Иерусалим", которая продавалась отдельной книжкой, и можно предположить, что круг её читателей был гораздо шире.

Первые переводы произведений А. Ярнефельта сделаны Н. Желевым - поэтом, толстовцем. Перевод "Смерти" был сделан с немецкого языка, на наш взгляд, очень неплох, с чувством стиля и интонации. Приведём, например, слова матери, когда в предсмертный час она завещает сыну: "И защо трябва друг да остане и за нея скърби? Да, защо требват изобщо тия изпитания? Трѣбва да човек да ти даде отговор за живота, обичний Павле" (Ернефелт "Смърт" 1914: 8) Она даёт наказ сыну: "така обичай всички също и чуждите, тъй както мене обичаш" (Ернефелт "Смърт" 1914: 11). Смысл этих слов чисто толстовский: перед жертвенной любовью и служением людям отступает смерть: "Всички ще обичам - целия свет - и ако тя ми се поклони - в любов - тогава съм винаги при тебе - и ти при мене" (Ернефелт "Смърт" 1914: 16)

Предполагают, что под псевдонимом *И-ов*, и *Ив. В-в* скрывается Иван Вазов. Пьеса "Тит - разрушителят на Ерусалима" (1918) была переведена Ив. Т. Мариновым (-1935)³⁵, одним из первых болгарских вегетарианцев. Он служил моряком, работал в банке, но в конце концов, вернулся в деревню к своему брату, где помогал тому в уходе за овцами. "Здесь он достиг на своята вътрешна същност, която беше доброта, трудолюбие и веселост". Будучи очень чувствительным к бедности, он оказывал многим беднякам помощь. Всю жизнь он прожил в одиночестве, будучи внутренне одиноким, однако на его похоронах было "многолюдно и почитательно, хвала и поклонение". Псевдоним *П. Г. П.* (перевод "Деца на светлината и на щастието" 1921) раскрыть не удалось. Перевод сделан с немецкого языка.

Л. Георгиев и П. Ватова упрекают журнал "Възраждане" в тенденциозности, "уредниците му не различават ценностите на идеята от художествените достойнства", в идейной последовательности, "която се превръща в ограниченост", что журнал не принял участия в процессе развития болгарской литературы, выражающей "най-мъчителните търсения на неспокойния българския дух" и пр. (Георгиев & Ватова 1994: 269, 272). Журнал, на самом деле, на всём протяжении своего существования оставался верен своей идее и говорил о тех ценностях, которые более нуждаются в искренности и пытливости, а менее в развитии

³⁵ См.: "Ив. Т. Маринов". Некролог. 4.4.1935. *Възраждане* 1934-1935:8, 254-255.

и поисках новых литературных форм. Тем не менее Л. Георгиев и П. Ватова признают роль журнала в распространении иностранной литературы в Болгарии, в публикации мемуарной литературы о Л. Н. Толстом и "на огромния диапазон на световните учения на любовта" (Георгиев & Ватова 1994: 284).

Само собой напрашивается вывод, что писатель Арвид Ярнефельт стал известен в Болгарии как представитель толстовского непротивленческого движения, на основании личного знакомства. Имя финского писателя и болгарских пропагандистов было объединено силой идей Л. Н. Толстого. Контакты, осуществляемые толстовцами на идейной почве, имели следствием знакомство с далёкой северной страной. Не будь общей абстрактной идеи, знакомство с конкретной страной Финляндией не осуществилось бы в такой мере. Таким образом, толстовские идеи не только имели морально-этическое значение, но и внесли культурный вклад в литературу своей страны, расширив географические рамки картины мира у болгар. Популяризация имени А. Ярнефельта влекла за собой популяризацию Финляндии и, таким образом, явилась одной из важнейших вех на пути развития болгаро-финских литературных и культурных взаимоотношений. В силу своей идейной ангажированности А. Ярнефельт перестаёт печататься, когда его единомышленники вынуждены были прекратить перед Второй мировой войной свою деятельность. Обычная судьба идейно связанных художников, не показывающих жизнь, которая сама по себе интересна и загадочна, а применяющих готовые формулы к действиям героев, тем, фактически, бесконечно упрощая и моделируя своих героев, делая их неинтересными читателям, жизнь которых проходит в живом творческом процессе и менее всего согласно теоремам. Поскольку другие газеты и журналы, по нашим сведениям, никак не реагировали на переводы произведений А. Ярнефельта, то статьи И. Цанева являются чуть ли не единственными фактами рецепции. И. Цанев же опирается на статьи профессоров финской литературы В. Таркиайнена и К. Тиандера - что приводит к тому, что болгарин получает адекватную финнам и русским картину творчества Ярнефельта.

Переводились и некоторые другие финские писатели, но к сожалению, мы не располагаем ни одним фактом болгарской рецепции этих авторов. Несколько рассказов Ёханнеса Линнанкоски были популярными в Болгарии: рассказы "Усмивката" (Нуту, 1911) и "Дневник", напечатаны в первый раз в 1925 г. Шесть раз перепечатывался рассказ "Целувката" (Suudelma, 1901), в качестве лёгкого чтения для газеты. Лучшее произведение писателя "Песен за червеното цвете" (Laulu tulipunaisesta kukasta, 1905) издано в 1943 г. в популярной и престижной библиотеке "Златни зърна" в переводе с французского языка Марией Орлиновой. Дважды было опубликовано произведение писательницы

Хельми Сетяля (Helmi Krohn) "Детето на скръбта" (Surun lapsi, 1905) в 1912 и 1918 г. Произведения Р. Шилдта "Капризите на любовта" (1942), Майлы Талвио "Любов" (1942) и Салли Салминен "Катерина" (1943) со шведского языка в переводе А. Шишманова были опубликованы в самый разгар войны и в прессе мы о них откликов не обнаружили.

3.3.4 Поэзия, фольклор и "Калевала"

Финская поэзия в период до второй мировой войны и почти десятилетие после неё была мало представлена. В авторитетном журнале "Болгарская сбирка" было помещено в 1902 году стихотворение, подписанное "от Р-га", то есть Й. Л. Рунеберга, "Възпоминание" (1902) (Till trånaden 1826) в рубрике "Из чуждите певци" с отметкой "финландски поет". Переводчиком был поэт и переводчик Иван Арнаудов, выбравший типичное для романтического стиля стихотворение о том как, повзрослев, человек теряет все надежды и иллюзии детства, а затем разочаровывается уже и в самой жизни и в своих устремлениях и смерть становится ему столь же мила, как некогда детская колыбель. Приведём небольшой отрывок:

О, що е шумни свет, на славата палата,
сравнен със хижата, де ази се родих
.....
Далеко от света и хорските елини,
Ще се преселя аз във другата родина -
Във гроба, - както в люлката през детски дни.

Перевод одного стихотворения Рунеберга можно отнести к той сильной струе романтики, которая была обозначена переводами И. Ф. Шиллера и Г. Гейне. Их переводчиками были Петко Славейков, Л. Каравелов и др. Л. Каравелов знакомился в России "по време на престоя му в Русия" (Минкова 1985: 248) с теми авторами, которых он переводил и пропагандировал. Приведённые слова дают нам смелость предположить, что, хотя не всегда имеются прямые свидетельства (как в случае с Л. Каравеловым и И. Вазовым), имена финских авторов, таких как Й.Л. Рунеберг, Ю. Ахо, Ё. Линнанкоски, Ц. Топелиус становились известны болгарам через Россию: или прямо из печатных изданий или же оттого, что они были на слуху в их окружении. Например, через друга Я. К. Грота М. П. Погодина, который был известен каждому болгарину, учившемуся в России (Минкова 1985: 248).

В 1925 году финскую поэзию презентует журнал "Изток", поместив статью без подписи "Финската поезия" (1925,1: 3) Это, по нашим сведениям, единственная обзорная статья, обращающаяся к финской поэзии в довоенный период: "Уеденени в своя далечен север фините

създаха своята култура сами, благодарение на оная силна индивидуалност, която е основна техна черта". [подч. Л.С.] Уверенность в сильной индивидуальности наталкивает на догадку, что за появлением статьи кроется публикация в этом же году книги Петрова "В стране белых лилий". Эта догадка получает подтверждение ниже во фразе, в которой сетуется на то, что болгары ничего не знают об истории, а тем более о сочной богатой поэзии "която в страната на многото езера и белите лилии е източник на изобилна красота" [подч. Л. С.]. По нашим наблюдениям, именно после публикации книги Г. Петрова метафора *белые лилии* включается в финский дискурс. Автор тут же критикует свой народ, как это часто бывает в Болгарии, за необразованность, незнание финской поэзии рассматривается как невежество, являющееся чертой болгарской национальной ментальности: "ние не познаваме и не искаме да познаем поезията на съседите си, а камо ли на онзи далечен студен север". Статья не подписана, так что вполне может быть редакционной. В этом журнале печатался Стилиян Чилингиров - один из больших болгарских писателей, который интересовался Финляндией. Однако, было бы смелостью однозначно приписывать статью ему. В статье прослеживаются уже знакомые читателю характеристики Финляндии: её молодость, её в прошлом угнетённое положение: "До преди 1801 година шведският език и култура слагайки своя отпечатък върху Финландия, беха смогнали да обезличат голема част от самородната финска поезия". Тем не менее в ней отдаётся должное писавшему на шведском языке Рунебергу, автору "на финската марселйеза", борцу, просветителю и поэту. Отмечается роль М. Агриколы, называются имена Ф. Сигнеуса, Эйно Лейно, Э. фон Квантена. Наибольшей похвалы удостоился Ц. Топелиус, патриот, знающий душу своего народа: "неговата любов и вера са любовта и верата на един цел народ, който сам изгради и висшата си чест и ония добродетели на които целото човечество може само да завижда" [подч Л.С.](1925, 1: 3). Как пример в статье даётся четверостишие "лучшего финского поэта" Ларса Стенбека, в интимной скорби которого кроется нота мировой скорби, которой поэт не может избежать:

Пролет за миг ще се весне
Цъфта щът плахи цветя
Гробът ми в бурите бесни
Кой знай ще види ли тя . . .

"Изток" - седмичник за обществен живот и литература - печатался на хорошей бумаге и был богато иллюстрирован. Вскоре после статьи о финской поэзии журнал знакомит своих читателей и с финским искусством, публикуя статью "Юхо Рисанен, Андерс Цорн - северни художници". Были помещены также иллюстрации картины Ю. Рисанена

"Финландска селянка" и "Шведски ковач" А. Цорна. В статье отмечаются декоративные работы Ю. Риссанена и его близость к французскому художнику Ж.Ф. Милью: "Ако Миль проповеда чрез картините си върху лошата съдба на селянина, Рисанен приема тежкия труд и страданияето като природен закон и обработка своите селски сюжети с здрава простота и наивност" (1926, 23: 2).

Из финского фольклора на болгарский язык в 30-х гг. XX века было переведено несколько сказок "Горският великан" (1935), "Замъкът на съкровищата" (1937), "Конникът без глава" (1935, 1940), "Смелият княз" (1937), "Феята от синия извор" (1936), "Хвърковият кон" (1938), Они были изданы в сериях сказок для детей, которые бесчисленным количеством издавал детский писатель и издатель Владимир Рангелов. Со сказкой "Сампо Лапландчето" (Samppo Lappalainen) Ц. Топелиуса болгарские дети познакомились в 1918 году. Сказка к тому времени была переведена уже на многие языки мира.

О финском эпосе "Калевала" в Болгарии впервые написал Гунчо Ст. Гунчев³⁶, который ещё будучи студентом в 1922-23 гг. посетил Финляндию. Он завязал в Финляндии важные для себя знакомства, о чём говорит посвящение статьи "Калевала" Айно Хойве. (Гунчев 1923: 106) Он побывал в национальной художественной галерее "Атенеум", где иллюстрации Акселя Галлен Калелы к эпосу "Калевала" вызвали в нём огромное восхищение, а в национальном историческом музее на него оказало большое впечатление помещение, посвящённое "Калевале" (стаята на Калевала). Прислушайтесь, пишет он, и вы услышите шум лесов и водопадов и еле слышное пение струн финского национального струнного инструмента "кантеле". (Гунчев 1923: 109) Гунчев даёт краткое содержание финского эпоса, отличие которого от других эпосов в том, что он воспеваает не царей и военачальников, войны и кровопролития, - а "могъществото на песента и на словото", владение сутью "на вродени думи" (Гунчев 1923: 108). Переводчик "Калевалы" на болгарский язык Нино Николов также считает одной из ценных особенностей эпоса то, что он ставит выше мудрость (победа Вяйнямёйнена над Йоукахайненом) и мастерство: создание Сампо - как способ достижения земных благ и мира (Николов 1992: 4). В 1923 году Г. Гунчеву известны феннофильские мнения. Заметим, что статьи Диньо Божкова о Финляндии появились уже в 1910 и 1914 годах. В то время эти положительные статьи не вызвали бурной реакции среди читающей публики, но молодой студент - географ прочитал их более внимательно. Только этим можно объяснить, что на уровне этических и эстетических бинарностей автором даются оценки комплиментарные

---

³⁶ Г.Ст. Гунчев с 1929 г. преподаватель гимназии, а с 1937 г. доцент кафедры географии историко-филологического факультета Софийского университета.

финнам и, в основном, в превосходной степени: "Чародейната природа на мистериозни север е дарила тази страна на хилядите езера, с природни хубости, правещи я една от най-красивите местности на земята. Но ако природата в Финляндия би могла да съперничи със своите хубости, то населението и би могло още по-успешно да прави това със своята култура" [подч. Л.С.]. И дело не в том, чтобы автор данной работы сомневался в возможности быть очарованным от финской природы или восхититься благоустроенностью страны, но общеизвестно, что именно в период пребывания Г. Гунчева в стране, в истории Финляндии происходили сильные потрясения, залечивались раны гражданской войны и экономика становилась на новые рельсы - об этом у Г. Гунчева нет ни слова.

Г. Гунчев приводит слова известного датского лингвиста Расмуса Раска, что "финландският език е един от най-хармоничните и най-съвършените на земното кълбо" [подч. Л.С.] (Гунчев 1923: 108). "Калевала" как продукт духовной жизни нации даё Г. Гунчеву повод для размышлений о финском народе: всё, к чему прикасался царь Мидас становилось золотом, пишет Г. Гунчев, а "всичко до което се допре финландецът - става поезия" "Богатството на финландската народна съкровищница е неизчерпаемо" (Гунчев 1923: 106): во-первых, он отмечает, что "Калевала" - единственный в прямом смысле народный эпос, так как является творчеством целого народа даже в том смысле, что один человек не в состоянии удержать в памяти более 22 000 стихов. В 1923 году, по мнению Г. Гунчева, Финляндия переживает национальный триумф, освободившись от русской политической зависимости, а от шведской - духовной - она освободилась уже в прошлом столетии [подч. Л.С.] (Гунчев 1923: 106-107). Через двадцать лет Г. Гунчев уточняет, что финны всё ещё зависят в культурном отношении от шведов, всякий образованный финн говорит по-шведски, финский язык - это язык народа. "Пошведена" интеллигенция, на взгляд Г. Гунчева, только после публикации "Калевалы" обратилась к финскому языку и создала богатую литературу на финском языке. (Гунчев 1940: 552) Г. Гунчев придаёт эпосу огромное значение:

"Във времената на подтисничество, на безнадежна неравна борба за съществуване, която е прекарала Финляндия под чуждото иго, тя ["Калевала"] е била духовния капитал, който е подхранвал във финландския народ, надеждата за по-святло бъдеще, тя единствено е била знака на това, което никога не може да се ограби от него. Защото финландският народ можеше да изчезне, но никога не ще се забрави, че той създаде "Калевала". (Гунчев 1923: 108)

Ставшие клише и повторяющиеся фразы: "подтисничество", "чуждото иго" по-святло бъдеще", "безнадежна неравна борба" - есть одна из причин симпатии к Финляндии. Северная, далёкая, маленькая, бедная, но... создавшая вечно ценное для культуры человечества (Гунчев 1923: 108). Болгарские учёные не забывают отмечать засилие шведской культуры:

"всички книги се издават на шведски, а преводите и книгите на финландски се свеждат до Библията и част от църковна книжнина" (Иванова 1985б: 112). "Калевала" положила начало национальному возрождению финнов. Тем более придаётся значения тому, что день "Калевалы" (23 февраля) широко отмечается в Финляндии, проводятся конференции и семинары. То, что в Финляндии проводился большой симпозиум по случаю 150-летия "Калевалы", по мнению Р. Ивановой, означает, что "эпопея та не престанала да вълнува потомците на създателя си, да изпълнява онази важна роля, която е изпълнявала в дните на своето рождение" (Иванова 1985б: 113). "Калевала" есть не только прошлое страны, но и "часть от съвременното на финландския народ, негово духовно богатство и гордость". Мифическое время есть оправдание сегодняшних обычаев, моральных норм и правил и культа. История - светское время - разрушается мифом и замещается сакральными измерениями. Не нужно накладывать друг на друга миф и историю, а лучше прислушаться к тому, что говорит миф о человеке, который живёт в мифическом времени (Иванова 1985б: 113-114). Небезынтересным было бы прислушаться к мифу и изучить национальный образ финна по эпосу-мифу "Калевала", и сопоставить его с современным национальным образом финна.

Начало финского "возрождения" по времени совпадает с болгарским возрождением, когда болгарские деятели также обратили своё внимание на болгарский фольклор. Болгарские "юнашки песни" активно собирались и записывались в середине прошлого века. Письменная форма позволила им сохраниться и оказать влияние на болгарскую художественную литературу, иначе они исчезли бы из памяти болгарского народа, так как стали чуждыми современному развитию исторического и поэтического сознания. (Иванова 1985а: 45) Идея объединения юнашских песен вокруг главного героя Крали Марко существовала в XX веке в Болгарии и не была забыта в наше время. В 1955 году ещё считали, что возможно составить национальный эпос на фольклорной основе. (Иванова 1985а: 44)

Причиной того, что песни о Крали Марко не были воплощены в эпос не только в том, что не нашлось болгарина, который бы это сделал, так как это сделал Элиас Лёнрот. Сравнивая эти фольклорные произведения, Р. Иванова находит, что финский эпос имеет свои характерные черты, отмеченные уже Е.М. Мелетинским (Мелетинский 1963), прежде всего его мирный характер: борьба идёт лишь из-за Сампо, долженствующего принести благоденствие всему народу, трудовые мотивы, а также мирное продвижение прибалтийско-финских племён на север. Архаический характер - важнейший элемент в "Калевала": зарождение земли, первый посев, первая лодка, первое кантеле и пр., - которые делает для людей их demiург Вяйнямёйнен, связывающий эпос в единое целое, несмотря на сложность и полистадиальность эпоса. (Иванова 1985а: 45) Болгарский же

юнашский эпос легко связать со временем, утверждает Р. Иванова. Его прототипом был властитель Прилепы - король Марко (XIV век), будучи вассалом османских поработителей, он погиб, сражаясь против своих единоверцев в 1371 году. Бесспорно, что за Крали Марко кроется и более древний образ, так как юнаки борются и против демонических существ, в юнашском эпосе явно выступают старинные верования и риты. Все сюжеты песен, даже свадебные, воинственны и конфликтны. На наш взгляд, юнашки песни скорее можно сопоставить с русскими былинами, так как там тоже можно обнаружить хронотоп и даже узнать реальных героев; князей, бояр, купцов, но герой русской былины всегда на стороне своей Родины и готов защищать Святую Русь и веру против её врагов.

Р. Иванова делает вывод, что Вяйнямёйнен имеет прометеевский дух, связанный с похищением света для людей и их просвещением, а болгарский эпический герой носит специфику повторяющегося действия, которое совершается каждый раз, когда народ теряет что-либо. (Иванова 1985а: 46-47) Обычно это добывание жены (благосостояние) или воды (весна, освобождение воды ото льда). Но если свадебное шествие Краля Марко встречает на пути врага³⁷ и должно победить его, вследствие чего свадьба кончается боем, то в финском эпосе соперничество между Вяйнямёйненом и Илмариненом кончается мирно. Отвергнутый старый Вяйнямёйнен показывает свою мудрость и магическую силу народу и улаживает его песнями. Р. Иванова, отмечая многостадийность (разные времена и разные циклы накладываются друг на друга) обоих эпосов, приходит к выводу, что "Калевала" более целостна по сравнению с циклом о Крале Марко. Сложность судьбы болгарского народа на пути к этнической общности, которая образовалась из нескольких компонентов и прежде всего тракийской, славянской и праболгарской и многовековое турецкое иго придало песням о Марко сложный и противоречивый характер, лишивший болгар возможности создать свой, подобный "Калевале", эпос. (Иванова 1985а: 49) Николов также сожалеет о том, что никто не объединил разрозненных фольклорных произведений о Крале Марко и Мастере Маноле (Николов 1992: 4), поскольку миф, в частности, "Калевала" дал финскому народу импульс к золотому веку финского искусства. Над темами "Калевалы" работали художники Эеро Ярнефельт, Аксель Галлен-Каллела, им были инспирированы стихи Эйно Лейно и музыка Яна Сибелиуса - свой болгарский эпос мог бы послужить подобному творческому импульсу.

Переводчик Нино Николов, который посвятил переводу "Калевалы" годы жизни и глубоко проник в символику эпоса, в интервью Юха

---

³⁷ Обычно это Муса Касаджия, Черен Арапин или Филип Маджарин, которые имеют по три, семь или девять змеиных сердец.

Вирккунену признаётся, что был вынужден решить труднейшие переводческие проблемы: выбор правильного пласта лексики, чтобы чувствовалась древность эпоса, но и была понятной современнику, от полной рифмы пришлось оказаться она делала слишком напевной и отвлекала читателя от содержания. Очевидно, перевод получился неплохой, так как из тиража в 2 500 экземпляров продано уже 2000 книг. В частности, наряду с духовностью, знанием магии, умением залечивать раны и всей пронизывающей эпос космогеничностью, Нино Николов отмечает ценность "Калевалы" как энциклопедии жизни наших предков:

Kalevala on ensyklopedia, kansan elämän haku- tai tietotieos, ensyklopedia sanan syvimmässä ja varsinaisessa merkityksessä - aikoina, jolloin sanat kärsivät erittäin suuren inflaation ja etääntyivät erittäin kauas alkuperäisestä merkityksestään. Kalevala oli ja on erittäin hyvä sanojen alkuperäisten merkitysten ja sisällön opettaja. Monet sen sanoista ovat häipyneet tavallisesta kielestä, kielen nykyisyydestä, mutta kun pääsemme niiden juuriin, alkuperään, pääsemme samalla tunkeutumaan ihmisen alkuperäiseen ja konkreettiseen ajatteluun, aikaan ennen kuin sivilisaatio tulvi yli. Kalevala antaa meille elämän alkuperäisen melodian... (Virkkunen 1995: 103)¹³.

"Калевала" со своей стороны привнесла в оценку финского народа много положительных оценок: "богатството на финландската народна съкровищница е неизчерпаемо". Вяйнямёйнен имеет прометеевский дух, связанный с похищением света для людей и их просвещением, миролюбие: соперничество между Вяйнямёйненом и Илмариненом кончается мирно. Отвергнутый старый Вяйнямёйнен показывает свою мудрость и магическую силу народу и улаживает народ песнями. (Гунчев 1923: 106)

3.3.5 Реалист Ф. Э. Силланпя в болгарской рецепции

К творчеству Франса Эмиля Силланпя (1888-1964) в Болгарии обратились только после присуждения ему Нобелевской премии в 1939 году. В 1939 году Финляндия была в сложнейшей политической обстановке в связи с территориальными претензиями СССР, и, когда 30.11.1939 года начинается война с Финляндией, то это обусловило огромное количество публикаций о Финляндии в болгарской прессе. В них неизменно проявлялась симпатия к маленькой стране, оказавшейся объектом произвола политической игры сильных государств: СССР и Германии. На этом фоне становится понятным то состояние эйфории, в которую впадает болгарская пресса, при известии, что нобелевская премия 1939 года была присуждена именно финскому писателю. Правда, впервые отрывок из произведения "Зимна ноц в Финландии" был напечатан в 1933 году, но тогда имя Ф.Э. Силланпя ещё не прозвучало и не запомнилось. Сейчас же новость облетает все газеты и тепло комментируется. Газета "Зора" публикует статью известного писателя Светослава Минкова. "Едно тържество на Финландия. Франс

Емил Силанпее - новият лауреат на нобелевата премия за литература". ("Зора" 1939 № 6127: 6) Читателите на газетата "Зора" Минков кратко знае с биографията на Ф.Э. Силанпя, а също и с неговите най-известни произведения. В романа "Живот и слънце" (Elämä ja aurinko 1916) той отбелязва лиризма, младите хора в него "са надарени с кротки и мечтателни души, които се подчиняват на властния зов на земята, за да се слезат накрай с могъщата душа на вселената. Те не са нищо друго, освен човешки растения, които природата отглежда наред с безброй зелени клетки". ("Зора" 1939 № 6127: 6) Черта на близост до природата и сливаемост с нея е открита от Минков изключително точно.

Кратки обзори за творчеството на писателя с биографични данни и снимки се публикуват в "Подем" ("Подем" 1939 № 154), вестник "Вечер" ("Вечер" 1939 № 29) в своето съобщение цитира телеграма, с която Шведската Академия и Ф.Э. Силанпя: "Академията Ви определя тазгодишната Нобелева премия за литература и ще Ви благодари, ако може да узнае дали я приемате" - и отговор на Ф.Э. Силанпя: "Дълбоко съм трогнат. Благодарен съм за името на моята страна и за моя чест и за готовност да приемам наградата". В този номер ("Вечер" 1939 № 29) съобщава, че вестникът скоро ще издаде "един от най-хубавите романи на Силанпя (Силя - Silja)" (Nuorena nukkunut 1931), който и беше публикуван през 1941 г. По Минков, това "пластично съвършенство и блесъкът на израза на този селски епос ще останат ненадминати" и образът на Силя "е най-трогателният и най-изящният в финландската книжнина" (Минков 1940: 6)

Българските издателства действат с завидна оперативност. Изборът пада на романа "Свещена нищета"³⁸ (Hurskas kurjuus 1919): той излиза през 1940 г. веднага в два авторитетни издания. Едно излиза в библиотеката "Световни автори. Известни съвременни романи" в превод на Елисавета Кирчова, а вторият - в серията "Избрани произведения на световната литература" в превод на Ирина Соколова. Двете преводачки преведели произведението от френски език. Трудно е да се определи, кой от тях успял по-рано на книжния пазар, но ако се съди по броя на отзивите в печата, първият излизал преводът на Соколова, който предизвикал отклик, в то време, когато изданието в превод на Кирчова било незамечено. Двете преводачки разполагали с голям преводачески опит. Според библиографията "Речник на българската литература", за

---

³⁸ В статиите за названията на двата преведени произведения на Ф.Э. Силанпя, както и за другите, дадени по-български първоначално под различни названия, преди да им се закрепят постоянни, използвани от нас, названия: "Светлата мизерия"; "Силя" под названията: "Млада смърт", "Ранна смърт", "Силя слугинята", "Починала малничка" (Вълчев), а също и "Същества през летната нощ", "Хора в летна нощ" и пр.

Кирчевой числится более ста названий переводов, за Сокеровой несколько меньше. Критик Петр Драгоев, единственный, который коснулся качества перевода, замечает: "Преводът, който ни е дала Ирина Сокерова е един от най-сполучливите преводи на български. Тоя превод свидетелствува не само за отличното познаване на български и френски език, от който е преведен романа, но и за една завидна литературна сръчност". ("Млад кооператор" 1940 № 13-14: 16) Традиционно считается, что издание в переводе И. Сокеровой лучше. Поскольку оба перевода сделаны с языка-посредника, то трудно сделать анализ качества перевода с точки зрения близости к авторскому тексту, что и не входит в наши задачи. Но можно показать для сравнения стиль двух переводчиц. И. Сокерова, очевидно, пользовалась какой-то дополнительной информацией, так как финские имена переведены у нее ближе к финскому произношению. Ниже мы используем сокращения ЕК - Елисавета Кирчева и ИС - Ирина Сокерова:

ЕК: "Юси или Юха, или Ян Тойвола - според регистрите за гражданското състояние, Йохан Абрахам Бенжаминпойка, - беше стар голтак с отблъскваща външност" (с. 7).

ИС: "Юсси или Юха или Янне Тоивола, а според гражданските списъци Йохан Абрахам Бенжаминпойка беше беден стар човек с отвратителна външност (с. 7).

Бенжаминпойка ближе к финскому произношению, чем *Бенжаминпойка*, которое прямо указывает на французский источник. *Юсси* с удвоенным "с" и форма имени "*Янне*" ближе к оригиналу по написанию, чем написание *Юси* и *Ян*. С другой стороны, удвоенные согласные по правилам болгарского правописания, обычно, не используются. На наш взгляд, прямая речь передается И. Сокеровой фразами, которые ближе к устной речи. Язык Е. Кирчевой экспрессивнее, многословнее и синтаксические конструкции у нее сложнее по сравнению с И. Сокеровой, язык которой прост, что делает ее перевод более легким для восприятия и приближает его к стилю автора, язык которого, несмотря на богатство и выразительность, чурается излишних красот.

Что же узнает болгарский читатель нового из той информации, которая дается в предисловиях к книгам, а также газетных и журнальных статьях о Финляндии? Читатель узнает о безотрадной жизни финского крестьянина, и чтобы возможно наглядно продемонстрировать это, мы позволим себе ниже привести довольно длинные цитаты.

Писателем С. Минковым было написано предисловие к переводу И. Сокеровой, оно идентично уже упомянутой, напечатанной в газете "Зора", статье. Жан-Луи Перре³⁹, много лет живший в Финляндии и прекрасно

³⁹ Jean-Louis Perret "La Finlande" (1931) и "Panorama de la littérature contemporaine de Finlande" (1936) имелись в Народной библиотеке в Софии и были доступны болгарским читателям.

знакомый с её литературой, был известен более в университетской среде Болгарии, чем широкой публике. Е. Кирчева, исходным текстом которой был перевод романа на французский язык (Sillanpää F.-E. Sainte Misere. Rieder. Paris 1928) Жаном-Луи Пере, воспользовалась, написанным Ж.-Л. Пере предисловием. В нем излагаются краткие биографические данные о Ф.Э. Силланпя, рассказывается о тяжелом бедном детстве в семействе, которое питалось только картофелем и хлебом. Из-за бедности семьи у писателя были трудности с получением образования. Он объясняет также значение фамилии Силланпя *конец моста*, связанной с расположением родительского хутора, находящегося в "почти девственная природа на осамотената местност". Пере обрисовывает в нескольких фразах основные черты творчества писателя, останавливаясь на публикуемом произведении, и, опосредованно, на быте крестьян. Нами подчеркнуты слова, которыми характеризуются неприглядность жизни и классовая борьба финского крестьянина, вследствие его неравноправного и бедственного положения:

"Силанпе се интересува главно от бедняците от дребните арендатори, на каквито и сам той е син. Той се отличава особено в предаването на атмосферата на гористите усамотени области на Финландия. Човек и природа си сътрудничат в дейността, това са два живи елемента. Докато първата книга на Силанпе се развиваше всред едно хубаво лето, под горещото слънце, по-сетнешните му произведения придобиха по-мрачен тон. Гражданската война през пролетта на 1918 г. направи от Силанпе социален поет, който се вглежда в душите на селяните пролетарии. "Свещена нищета" е биография на един беден арендатор, разстрелян към края на гражданската война. Тая книга е една от най-добрите от този писател. В нея се чувства, че авторът е изучавал биологията: той анализира лицата си като учен, който разкъсва едно растение. В класовата борба той е станал изразител на обезправените, с напълно безпристрастно гледище, без политически умисъл, с единствената цел да помогне, щото тия хора да бъдат разбирани, зачитани и обичани." [подч. и жирн. шрифт Л. С.], (Пере 1939: 6)

В предисловии написанном С. Минковым и предпосланном к изданию романа "Свещена нищета", в переводе Сокеровой, Ф.Э. Силланпя также характеризуется прежде всего как реалист. Нами подчеркнуты некоторые слова, которые, как и в отрывке из предисловия Ж.-Л.Пере, показывают, что бедность, нищета и социальное неравноправие существовали в Финляндии ещё в начале XX века:

"Веднага сред народния бунт, той чувствава необходимостта да изрази подтиснатото си настроение в редица разкази. Тогава, в 1919 г., излиза и най-значителният му психологичен роман "Свещена нищета" Главният герой на романа е простият малоимотен селянин Юха Тоивола. Той е най-пропадналият измежду ближните си, един мрачен лумпен сред човешкото общество. Авторът проследява с епично спокойствие детския живот на тоя представител на бедните, съпровожда го на всека крачка в задушното и скръбното всекидневие. Когато героят загива най-сетне в размириците на гражданската война, неговата съдба става символ. Низвергнатият човек е окръжен с ореола на истинско величие." [подч. Л.С.] (Минков 1940: 6)

Именно реализъм и знание селска животна в творчествe Ф.Э. Силланпя подчеркват се всички български рецензенти. Литературовед Димитр Бабев⁴⁰ в обзорна статия "Нобелевата награда за литература" даже полага, че именно познания Силланпя в областта биологии позволили ему создать "онази биологична, дълбоко оригинална концепция за света, която е силно легнала в духа на неговите съчинения" и продължава:

"малко са писателите, [...] които да могат да кажат толкова разнообразни неща, да изобразят толкова разнообразен живот из областта на едно малко селско пространство, както това е сторил в своите произведения Силанпе. Той е изворът на инстинкта, отдето ни се разкриват тайниците на човешката душа". (Бабев 1939:1253)

Опирайся на мнение финских исследователей, в частности, Л. Вильянена, Д. Бабев указывает на влияние К. Гамсуна, М. Метерлинка и А. Стриндберга в раннем творчестве Ф.Э. Силланпя, обнаруживает философские концепции Марселя Пруста и Жюлья Ромена, но не отказывает Ф. Э. Силланпя в оригинальности и самостоятельности (Бабев 1939)

Журнал "Млад кооператор", соответственно профилю этого журнала, уделяет много внимания социальным переменам в селе, которые отразил писатель:

"с отзивчиво социално съзнание, което му позволява да обхване смисъла на обществените борби и да открие зависимостта между личната съдба и обществения живот. Сблъскването на хората помежду им като носителите на противоречиви интереси е дадено като една сурова необходимост на самия живот без каквато и да било следа на превзет и книжен догматизъм". [Подч. Л.С.] (Драгоев 1940)

Петр Драгоев отбелязва важността природата в творчествe Ф.Э. Силланпя:

"Твърдо непосредно у автора е чувството за природата, която той възприема като една жива и могъща сила, властно влияеща върху развитието и живота на човека - от ранното му детство до самата му смърт. Тъкмо от това преклонение на автора към природата блика она светъл и нежен лиризм, който смекчава иначе суровата всекидневна атмосфера, всред която се разгъва драмата на Юха". (Драгоев 1940)

Показ реалной жизни финского крестьянина потенциально должен был заинтересовать читателя селскохозяиственной Болгарии. Следовало бы ожидать, что картина финского быта (в трактовке Ф.Э. Силланпя) оставит более глубокий след в памяти болгарского читателя, войдет в сферу внутренних контактов, отразится на картине мира. Но, как мы покажем ниже, этого не случилось и попытаемся ответить, почему не случилось.

---

⁴⁰ Статия подписана Б. По библиографии Института литературы БАН это Димитър Бабев.

Итак, на фоне переводов второразрядных писателей финской литературы, перевод творчества Ф.Э. Силланпя, как одного из крупнейших реалистов, был новым шагом в литературных связях между Болгарией и Финляндией. Начавшаяся война отвлекла общественное внимание от творчества Ф.Э. Силланпя. Вышедшая годом позднее книга "Силя или една кратка съдба" никакого резонанса, по нашим сведениям, не получила. Литературный критик Л. Люлински в статье о Ф.Э. Силланпя, сообщает, что в Болгарии опубликовано два произведения писателя, коротко передавая их содержание. В "Силье - слугине" Силланпя анализирует женскую душу - нежную и отзывчивую, последовательную и верную и раскрывает "нежните трепети на женското сърдце, пламенното увлечение на едно селско момиче, преплетено с нерадостните му дни на слугуване у чужди хора" ("Млад кооператор". 1942 № 13-14: 12 Люлински). Перевод был сделан Луксой Данаиловой, язык-посредник не указан. Книга вышла в серии "Знаменити романи" тиражом 8 000 экземпляров. Обращает на себя внимание обложка прекрасно выполненная художником А. Жендовым. Имя Ф.Э. Силланпя появится вновь на страницах болгарской прессы 26 лет спустя, когда газета "Вечерни новини" (1977:7864) напечатает юмористический рассказ "Странно увлечение".

3.4 О принципах выбора малым народом произведений для перевода

Исследователями отмечается любопытный фактор воздействия на национальную литературу совсем не гениальных личностей и писателей. Так польская литература воздействовала на русскую в XVII веке, а не в XIX, когда имела гениальных творцов, влияние русской на чешскую происходило интенсивно в XIX веке: "не считая Пушкина, наибольшее воздействие на неё оказывали не гениальные русские писатели" (Горский 1975: 218). Горский приходит к выводам, что хотя появление талантов сказывается на уровне художественных достижений, но в целом, ни история национальной литературы, ни её взаимодействие с другими не зависят от индивидуальных особенностей представляющих её деятелей (Горский 1975: 219). Можно предположить, что литературный (как и любой другой) гений вырывается настолько вперёд и это ставит его творчество вне временных, идеологических и национальных интересов, что полновесный диалог на уровне синхронном с таким творцом вести невозможно, и диалог ведётся на том уровне, который по политическим или идеологическим причинам привлекает издателей и читателей. К примеру, писатель Арвид Ярнефельт стал известен в Болгарии и как представитель толстовского непротивленческого движения, на основании личных знакомств. Имя

финского писателя и болгарских пропагандистов было объединено силой идей Л. Н. Толстого. Контакты, осуществляемые толстовцами на идейной почве, имели следствием знакомство с далёкой северной страной. Не будь общей абстрактной идеи, знакомство с конкретной страной Финляндией не осуществилось бы в такой мере. В силу своей идейной ангажированности А. Ярнефельт перестаёт печататься, когда его единомышленники вынуждены были прекратить перед Второй мировой войной свою деятельность. Обычная судьба идейно связанных художников, тогда как классики переживают века. Идейные и эстетические направления века нередко более чисто проявляются через небольших почти неизвестных на своей родине авторов. Среди них встречается много "народных" писателей, в творчестве которых можно найти как романтические, так и просветительские черты. Таким был писатель П. Пяйвяринта и с уходом сентиментально-просветительской идеологии писатель был забыт у себя на родине ещё раньше (до Первой мировой войны), чем в Болгарии, где последние публикации были в 1928 и 1934 году.

К подобным выводам пришла и исследовательница болгаро-немецких связей Н. Андреева-Попова, которая также обратила своё внимание на то, что переводчиками не руководили эстетические критерии. Все переводы не только художественных произведений, но и исторических, педагогических, философских, экономических, медицинских или научных сочинений были подчинены основному идейному ядру, которые формировали болгарскую культуру XIX века. Например, первым в 1844 г. на болгарский язык переводится Кристоф Шмид, а не его великий современник И. В. Гёте, два стихотворения которого переведены только в 1853 году. Исследовательница делает вывод: "Ние нямаме право нито да пренебрегваме фактите, нито да се задоволяваме с решения, изградени по примитивната схема: малкият ученик четe буквар, зрелият човек се общува с голямата литература". (Андреева-Попова 1985: 57) Однако, болгарская возрожденческая интеллигенция была вполне зрелой, заявляет Андреева-Попова, чтобы осуществлять свой выбор. Болгарский народ в это время не могли заинтересовать "Страдания юного Вертера" или трагический выбор Фауста. В центре внимания малых народов, и болгарского в том числе, в XIX веке стоял комплекс проблем, который условно можно назвать просветительским. Они были одинаково свойственны болгарской возрожденческой духовной жизни и соответственно этим потребностям переведённой на болгарский язык литературе. Андреева-Попова выявила около двух десятков принципов (Андреева-Попова 1985: 59). Некоторые из них соответствуют типу болгаро-финских литературных взаимоотношений.

Проблемами, стоящими перед болгарской и финской культурной жизнью во время довоенного периода являлись: выработка гуманистических идеалов и свободное развитие человеческой личности,

идея господства разума, рационального подхода к познанию, разумный характер общественной справедливости, просвещенческий нравственный принцип, который возвеличивал "маленького" человека и человека "из народа" перед сильными и власть имущими, демократизация вообще и образование народа через расширение сети школ, и, наконец, связь просвещенческой идеологии с национально-освободительными движениями. Решая этот пласт проблем, интеллигенция искала литературные произведения для перевода.

Общей чертой рецепции болгарской критикой финской литературы была оценка её в превосходной степени. Некоторые культурантропологи говорят об открытости славянского национального характера и готовности принять и вместить в себя разные явления мировой культуры и, соответственно, готовности учиться у других культур. Немалую роль, на наш взгляд, в открытости к финским артефактам играли сложившиеся положительные стереотипы и клише о Финляндии, когда горизонт ожиданий оказывался насыщен положительными импликациями, как единственно возможными. Конкретизация текста активизировалась в поле положительных коннотаций. Иначе воспринималась финская литература в странах, где отношение к Финляндии было нейтральным. Так, например в Германии и англо-саксонских странах не испытывали пиетета к тексту самого нобелевского лауреата Ф.Э. Силланпяя. Чередуюсь с положительными оценками о нём, идут и критические: о недостатках стиля, незанимательности сюжета и длиннотах и непривлекательности для читателя. Отмечается, что Ф.Э. Силланпяя самый забытый из нобелевских лауреатов, поскольку никого не интересует финская литература. (Hein 1989, Branch 1989) Переводчица на немецкий язык заменила учительницу учителем в новелле *Muuan Tellervo-niminen* ((Hein 1989: 91) Переводчик на английский язык А. Матсон позволял себе поправлять текст Ф.Э. Силланпяя в местах, которые считал слабыми (Branch 1989: 100) и это ближе к середине XX века, когда уже были установлены критерии адекватного перевода. Нам представляется, что подобный неуважительный подход к тексту финского писателя говорит о неготовности представителей признанных культур (немецкой, английской) ожидать от автора малого народа чего-то по-настоящему ценного.

3.5 Контакты между Финляндией и Болгарией в 50-90-е гг. XX века

После долгого послевоенного затишья в 50-х годах начали восстанавливаться связи между Болгарией и Финляндией вначале на

общественном и официальном уровне. В 1952 году было создано Финско-болгарское общество. В числе учредителей были писатели Ярно Пеннанен (Jarno Pennanen) - первый председатель, Анья Ваммелвуо (Anja Vammelvu) и Эдит Валлинхарью (Edith Wallinharju). В первые три года деятельность никак не могла набрать силы. Но в 1956 году произошло три важных события 23.4.1956 года в Болгарию отправилась официальная делегация, в составе которой были представители правительства, деловой и культурной жизни. 18.8.1956 года начало свою работу посольство Болгарии в Финляндии с первым послом Трайчо Доброславским, к чему была также приурочена выставка, которая открылась 20.10.1956 года. На её открытии присутствовало 80 человек и в их числе Сюльви Кекконен. На следующий год выставка была также экспонирована в Тампере и Турку. Все эти события широко освещались финской прессой. В 1971 году во многих городах Финляндии была проведена выставка болгарских икон, которые затем были переданы на хранение кафедре православия Хельсинкского университета. В Турку местная секция Финско-болгарского общества дружбы была организована в 1957 году, а в Тампере в 1959 году. В декабре 1957 года в Болгарии была проведена неделя Финляндии с участием делегации культурных деятелей, показывались финские фильмы, по радио передавалась музыка Яна Сибелиуса. В Финляндии на Всемирном Фестивале молодёжи в 1962 года приняла участие болгарская делегация числом в 250 человек (см. Kiuru-Kitaigorodski 1982), а в 1968 году на фестивале в Софии финская делегация состояла из 650 человек. В 1962 году, когда туристическое бюро "Ломаматкат" стало проводить поездки в Болгарию, членов в обществе было около 200, с ростом количества туристов быстро росло и количество членов общества, достигнув к 1982 году 3 000 человек. Именно в это время были изданы и переизданы брошюры о Болгарии Т. Юлинена и С. Салокорпи. С. Салокорпи посвятила болгарским достопримечательностям несколько статей: о Рильском монастыре (Salokorpi 1979), (о Рильском монастыре см. также Takala 1983), музейном городе Копрившице (Salokorpi 1983), лете в Болгарии (Salokorpi 1980). Она продолжает презентировать Болгарию финнам и в настоящее время в книгах о болгарской кухне (Salokorpi 2000), Bulgarian ABC совместно с Румяной Чапановой и т. д. Разумеется, что в изданиях для туристов типа *European matkaopas* (1964), *Kaunis maailma* (1967,1969) или *Maailman maat ja kansat* (1997) всегда есть сведения и о Болгарии. С 1980 года издаётся газета *Bulgarian viesti*, которая не смотря на небольшой размер, играет большую роль в популяризации Болгарии, жизни народа, культуры и литературы. Председателем общества уже в течение многих лет является Сиркка-Лийза Линдквист.

На последние годы существования социалистической Болгарии пришлось много юбилеев и, с традиционной для этих времён

помпезностью, не считаясь с затратами, они справлялись не только в самой Болгарии, но и во всех дружественных странах в том числе и в Финляндии. Празднества начались с 1978 года, по поводу столетия освобождения Болгарии из-под турецкого ига. Проводились выставки, как например “София в Хельсинки” в 1977 году и “Хельсинки в Софии” в 1978 году. В 1981 году чествовалось 1300-летие существования болгарского государства, на торжественном вечере было около 1700 гостей.

В 1982 году Финско-болгарское общество справляло своё 30-летие, а в 1992 - 40-летний юбилей. Финско-болгарское общество издавало по поводу юбилеев небольшие по размеру книги. Туркуская секция общества также отметила свой 40-летний юбилей публикациями (Kaila 1997, Bulgaria-Suomi seura toimint Turussa jo 40 vuotta 1997 и др.). Наконец, в 1984 году справлялось 40-летие Болгарской Народной Республики. Это были годы информационного бума о Болгарии в финских СМИ и финская публика получила широкую возможность увидеть и услышать болгарских артистов у себя на родине. Концерты давались самыми лучшими и прославленными болгарскими артистами и танцевально-хоровыми группами, которые потрясли финскую публику своим блеском и темпераментом (Хейккиля даёт своей рецензии заглавие: *Slavia värisytti “Славия бросала в дрожь”* или по-другому “Славия потрясла” (Heikkilä 1992)). Побывали эстрадные певцы во главе с прославленной Лили Ивановой вплоть до группы церковного песнопения “Кукузел”. Болгария, её искусство, ремёсла стали широко известными в Финляндии, песчаные пляжи Чёрного моря привлекали тысячи финских туристов и местные организации Финско-болгарского общества дружбы проводили активную деятельность вплоть до организации курсов болгарского языка, которому хотели научиться финские туристы. К 1984 году в обществе насчитывалось 3063 члена и было 14 местных организаций. 26 мая 1985 года вечерняя газета *Iltalehti* сообщает о визите президента Мауно Койвисто в Болгарию в *jatkuvasti kohentuvaan Bulgariaan, ruusuojen valtakuntaan* ‘в страну роз, где постоянно растёт благополучие’. Болгария продолжала существовать со стереотипом *земля роз* и прекрасных *белого и красного вина* и *ракии*, темпераментной народной музыки и танцев и считалась спокойной страной (Ruokanen 1982).

По нашим сведениям, первыми стали переводить болгарскую литературу на финский язык уже в 50-е гг. XX века Пертти Валтакари и Юхани Конкка, известный переводчик русской литературы, для которого болгарская тема была маргинальной. Зато Пертти Валтакари остался верен болгарской теме. Он изучал болгарский язык как основной предмет в МГУ с 1959, женился на болгарке, в семье говорят на болгарском языке и относятся к Болгарии с огромной любовью и пиететом. П. Валтакари часто выступает устным переводчиком на самом высоком государственном

уровне. Он начал популяризовать болгарскую литературу ещё до заключения официальных соглашений по культурному обмену. Переводы Валтакари являются высокохудожественными, а по адекватности перевода поэтического текста его нельзя сопоставить ни с кем. Нами в студенческие годы был сделан анализ его перевода стихотворения Е. Багряны "Потомката" Jälkeläinen на финский язык для студенческого журнала на болгарском языке "Стотинка"⁴¹, в котором показано, как П. Валтакари добивается на финском языке соответствующих исходному произведению поэтических приёмов и что его перевод можно считать адекватным: П. Валтакари не заменяет силлаботонический, рифмованный болгарский стих белым стихом, как это практикуют обычно современные финские переводчики, П. Валтакари перевёл также рассказы Йордана Йовкова "По жицата" Valkoisen varpusen tarina, Елина Пелина "Печената тиква" Raistettu kurpitsa, А. Гуляшки "Срецу 07" Zahov ja 07, пьесы Николая Хайтова "Пътеки" Teitä и "Кучета" Koirat и Б. Априлова "Кончето" Varsa, представленные в радиотеатре в 1974-75 годах. В 1975 году радиопьеса Koirat была признана лучшей иностранной пьесой и повторена по радио в 1976 году. П. Валтакари написаны статьи о Пеньо Пеневе, Кирилле и Мефодии, болгарской архитектуре ещё в 1966 году.

После договора о взаимообмене преподавателями между Болгарией и Финляндией можно наблюдать интенсификацию культурных мероприятий и переводческой деятельности. Каждый из приехавших из Болгарии преподавателей болгарского языка внёс свою лепту в это дело. Наиболее плодотворным и верным другом Финляндии остался Георги Вылчев. Борис Парашкевов создал финско-болгарский словарь совместно с профессором Ю. Хюрккяненем и, в частности, перевёл знаменитый роман Мики Валтари "Синухе - египтянин".

Культурным деянием стало издание сборника рассказов известных болгарских писателей-классиков на финский язык "Helakukkula". Переводы были сделаны силами студентов-болгаристов под руководством известной талантливой переводчицы Кирсти Сирасте. О значении издания сборника болгарских рассказов "Хелакуккула" точно выразился Э. Сувилехто, назвав это "открытием ворот". (Suvilehto 1981). Им, как и Х. Никландером (Niklander 1980), подчеркивается важность этого культурного события. Те несколько рассказов, которые были напечатаны до этого, не сыграли серьёзной роли в ознакомлении с болгарской новеллой.

В 1980 году нами был проведён опрос среди финских переводчиков, которые знали болгарский язык и к этому времени переводили с

---

⁴¹ Студентами кафедры русского языка Хельсинкского университета издавался журнал "Копейка", номер, изданный болгаристами вышел под названием "Стотинка".

болгарского языка. На опрос ответили Ирма Тимонен (Irma Timonen), Ээро Сувилехто, Кирсти Сирасте (Kirsti Siraste), Тармо Манелиус, Ассер Лавиккала (Asser Lavikrala), Ханну Никландер, Тапио Вилкама (Tapio Vilkaama), Пертти Валтакари, Лео Бессонофф (Leo Bessonoff) Рийтта Койвисто (Riitta Koivisto), Паула Ноусиайнен (Paula Nousiainen), Арья Олкинуора (Arja Olkinuora), Улла Хосия (Ulla Hosija) и Теуво Юлинен. Почти все они переводили авторов сборника "Хелакуккула" (Helakukkula). Финские издательства, по мнению переводчиков, не особенно охотно брались за издание болгарской литературы, считая это невыгодным. Престижные газеты и журналы болгарской темой не интересовались. П. Валтакари в ответе на наш опрос в 1980 году пишет:

Kuluttaja-lehti, Apu-lehti ja Kansan Uutiset olivat ilmeisesti ainoat julkaisut ja Tammi ainoa kustantamo, joille 1960-luvulla edes saattoi esittää vaatimattomien Bulgarian kirjallisuuden tuotteiden kääntämistä ja julkaisemista. (Архив Л.С.)¹⁴

Т. Юлинен, также отмечает: Erittäin tylyä suhtautumista kaikkien suomalaisten kustantajien taholta 'особо холодное отношение всех финских издателей', но добавляет, что в последнее время отношение стало лучше (Архив Л.С.). Изменение отношения связано, скорее всего, с заключением договоров по культурному обмену между странами. Т. Юлинен также тесно связан с Болгарией специальностью и семейными узами. Он закончил Софийский университет по специальности болгаристика, является устным и письменным переводчиком на самом высоком государственном уровне, а также написал многократно переизданную брошюру о Болгарии *Bulgaria, kultahietikon maa* (1968, 1971, 1975, 1978). Он перевёл пьесу Георгия Джагарова "Прокурорът" *Yleinen suuttaja* для радио (1973) Остальные вышеназванные переводчики ограничились почти лишь участием в сборнике "Хелакуккула".

Л. Бессонофф заинтересовался болгарским языком с 1974 года, перевёл для ТВ пять-шесть длинных болгарских фильмов, две повести в сборнике "Хелакуккула". Р. Койвисто с 1978 г. занималась болгарским языком и на её долю выпало перевести две повести Лилианы Михайловой *Muurahaisia "Мравки"*, *Solisti "Солистът"* для сборника "Хелакуккула". И.Тимонен занимается болгарским с 1978. Для сборника *Helakukkula* она перевела новеллу Йордана Радичкова *Leipä "Хлеб"*, *Kivet "Камени"* ja *Miloiko "Милойко"*. Она же составила прекрасный финско-болгарский словарь (см. Библиографию).

Поэт Ханну Никландер заинтересовался болгарским языком и литературой с 1978 года. Он переводит поэзию Х. Ботева, Х. Смирненского *Tulkon valkeus, "Siulaset"*, а также стихи Н. Вапцарова *"Usko"*, *Nyt ei ole runouden aika* и пр. А. Лавиккала перевёл роман Йордана Радичкова

“Праска” *Vuoret tulivat lähelle*” (1981), а также сделал для финского радио интервью Йордана Радичкова (1978) и передачу *Viisisataa vuotta sissiliikettä vuorilla* по роману Николая Хайтова “Хайдуги” (1978).

Профессиональная переводчица К. Сирасте переводит и с других славянских языков, в основном с польского, а с болгарского с середины 70-х гг. Она перевела Йордана Радичкова *Me varpusenprojat* “Ние врабчетата” (1976), *Riehakka* “Суматоха” (1978), пьесу *Tammikuu* “Януари” (1980), а также произведения Бориса Априлова *Me pingviniprojat* (1978) “Ние пингвинчета” *Perhonen ja rapukaija* (1980), Георгия Джагарова *Yleinen suuttäjä* (1970) “Прокурорът” совместно с Бессоноффым пьесу Михаила Величкова “*Niin kauan kuin olemme elossa*” (1980), и пьесу Недялко Йорданова *Mopedi* “Мопедът”, премьера которой была в театре города Рованиеми в начале 70-х гг. а также приняла участие в коллективном переводе пьесы Станислава Стратиева *Lampraanvillatakki* “Сако от велур” совместно с Л. Бессоноффым, И. Тимонен, Рийтой Койвисто, Т. Вилкама. Она была поставлена в летнем театре на Мустикамаа, островке рядом с Хельсинки. Для финского телевидения К. Сирасте перевела несколько полнометражных фильмов *Viimeinen sana* “Последната дума”, *Maalaismies ja polkuuryöra*, *Ikiajat*, *Juureton ruu* “Дървото без корен”.

Отдельно следует сказать о поэте Тармо Манелиусе, который занимается болгарским языком и литературой с 1971 года. Большая часть болгарской поэзии переведена им. Т. Манелиуса часто упрекали в неадекватности перевода. Т. Манелиус чаще всего жертвует формой: переводит белым стихом и не всегда следует за архетектоникой стиха, стремясь воссоздать содержание стихотворения так, как он сам его “прочитал”. Однако, благодаря Т. Манелиусу, Болгария представлена как страна поэтов. Он рассказал о десятках болгарских поэтов и перевёл их стихи (см. библиографию переводов с болгарского на финский язык в 8-й главе), нашёл каналы для их публикации (см. Sala 1978). Со временем его переводы стали получать положительные оценки (Kangasluoma 1978). Г. Вылчев назвал его переводческий труд “волшебным Сампо” (Вълчев), но, в основном, отмечая заслуги Тармо Манелиуса, финская критика относится к его методу перевода сдержанно (Koskelainen 1995) Т. Манелиус считает, что давно пора перевести на финский язык историю Болгарии и историю болгарской литературы. На болгарский язык уже переведены истории финской литературы К. Лайтинена и Ю. Варпио.

Некоторое время 70-х гг. действовал болгарский клуб, организованный преподавательницей болгарского языка в Хельсинкском университете Татианой Шамрай, в списках членов которого числилось около двадцати человек. Автор была секретарём этого клуба. Клуб продолжал работу и при следующей преподавательнице Елене Тодоровой. Собрания проводились в болгарском посольстве или на дому у членов

клуба в неофициальной обстановке под болгарскую музыку за болгарским вином и едой и при болгарском интерьере, созданном при помощи привезённых из Болгарии сувениров. Среди членов были студенты-болгаристы, интересующиеся Болгарией финны, а также лица болгарского происхождения. В 1980 года гостем клуба был писатель Йордан Радичков. На заседаниях клуба его членами читались доклады на разные темы: о богумилах и гайдуках, финско-болгарских культурных отношениях, болгарской музыке.

Начавшаяся во второй половине 80-х гг. перестройка обнажила социальную неустроенность и проблемы в республике. В связи с изменением в государственной структуре и неимением средств на финансирование перестали действовать существовавшие договоры, как например, обмен преподавателями болгарского и финского языка в университетах. Как уже говорилось в Введении нашей работы за 80-90-е годы было осуществлено несколько социологических исследовательских проектов. Но в основном, контакты за период от 1986 по сегодняшний день продолжаются почти исключительно частными лицами и отдельными организациями. Например, активизировались контакты между православными конфессиями Болгарии и Финляндии. Журнал православной церкви *Aamun koitto* опубликовал Житие Иоанна Рильского (2001), организованы выставки болгарских икон в Ййсалми (1998). Оживился обмен информацией по спортивному тренажу (Nurminen 1986 и др.), между коллекционерами почтовых марок (Ossa 1998), музыкантами и пр. Пресса смаковала курьёзные события, такие как, что делать с мавзолеем Димитрова (Marttinen 1991), примет ли бывшая царская фамилия участие в болгарских событиях (Rutanen 1997), но ставились вопросы и о гуманитарной помощи Болгарии (Varis 1991) и её политических условиях и перспективах (Vanhanen 2000, Ilkko Suvilehto 2000 in *Balkan info* 2000).

Балканские события 90-х гг. отпугнули туристов с золотых песков болгарского побережья Чёрного моря и вместе с этим упало число членов финско-болгарского общества, а также резко изменилась роль общества, которая ранее была каналом проведения положительной информации о социалистической стране, а с финской стороны в обществе чаще состояли люди с левыми просоциалистическими взглядами. О поиске новой роли обществ дружбы со странами Восточной Европы поставил вопрос Туомо Лаппалайнен уже в 1990 году (Lappalainen 1990). Лайне пишет о необходимости активизации деятельности между городами-побратимами. (Laine 1999). Привлечение туристов встаёт на первый план: *Bulgaria sopii suomalaisille* 'Болгария подходит финнам' (Aula 2000) 'В Болгарии даже вино полно легендами' (Uljas 2000) утверждают авторы статей, популяризирующих туризм в Болгарию.

- ¹ Вклад финнов довольно сильно отложился в болгарском сознании; он получил символическое значение. Это основывается, в частности, на том, что деятельность финнов воспринималась как бескорыстная. Их участие не обуславливалось государственными и политическими интересами, как у других участников войны (Suvilehto 1988: 3).
- ² Память о финских добровольцах продолжает жить не только на уровне праздничных речей дипломатов, но сохранилась в памяти и более широкой публики. Историческое сознание в Болгарии вообще очень крепкое и история каким-то странным образом является прямо-таки частью повседневной жизни болгарина (Suvilehto 1988: 3).
- ³ Впоследние годы своей жизни Миккола стал заниматься историей Финляндии. В одной из книг "Hämärän ja sarastuksen ajoilta" Миккола обращает внимание на мысль епископа Якоба Тендстрёма о роли Финляндии, считая её наивной: "Suomen tehtävänä olisi olla Länsi-Euroopan ja Venäjän sivistyksellisenä välittäjänä... hän piti tärkeänä, että nuoret lahjakkaat suomalaiset miehet oppisivat venäjän kieltä ja tutustuisivat Venäjän kulttuuriin".
'Задачей Финляндии является быть посредником между культурой Западной Европы России... он полагал важным, чтобы финская талантливая молодежь изучала русский язык и культуру.' Кипарский в 1966 году расходится с Микколой: "Nykyään Tendströmin ajatuksia ehkä ei pidettäisi niin naiiveina" 'Сегодня идеи Тендстрёма, пожалуй, не воспринимаются столь наивными' (Kiparsky 1966: 4).
- ⁴ [Деятельность Гебхарда] ставит экономику на службу общему благополучию, будит солидарность и укрепляет таким образом радость от собственной деятельности [...] Таких достижений мог добиться только такой человек, который не только обладал здравым смыслом и имел организаторские способности, но также имел чистое сердце, исполненное любви к своему народу, бескорыстие и непоколебимую энергию, с которой он отстаивал то, что считал правильным. Только сильное чувство морали могли пробудить те моральные силы, которые сейчас продолжают кооперативное дело в повседневной работе: верность своим обязанностям, честность и трудолюбие [подч. Л. С.] (Alanen 1964: 290-291).
- ⁵ "Есть ли в нашем крестьянстве моральные силы, чтобы вычистить из нашего кооперативного дела всё аморальное и таким образом достичь того духа в кооперативной деятельности общества "Пеллерво", о которой мечтали его основатели" (Alanen 1964: 478) .
- ⁶ Я имел особое счастье через тесное сотрудничество знать почившего, который прежде всего стремился к истине и говорил всегда только то, что думал. Профессор Ганнес Гебхард отстаивал в кооперативной деятельности чёткую и простую структуру, экономное правление и действенный контроль. Я выражаю уважение к памяти профессора Гебхарда многих людей, которые знали его и прошу Вас принять их благодарность. [подч. Л. С.] (Alanen 1964: 292).
- ⁷ Приехав сюда, я сразу начал писать по-фински [...] У меня было такое чувство, будто бы я родился в этой стране и сейчас вернулся на родину, и ещё не зная языка, мне казалось, что я по роду, мышлению и духу принадлежу к этому народу. Финляндия, люди, природа, жизнь и язык были для души моей всё равно как природа, жизнь и язык моего отечества (цит. по Tuulio 1965 :382).
- ⁸ Болгар считали, особенно до того, как они получили независимость, глупыми и грубыми, но эта оценка несправедлива. Правда, болгарин не столь бойкий, как румын, и его ум не столь геиален, как у греков, но зато их уму свойственна

спокойная обдуманность, которая вполне восполняет отсутствующие у них [болгар Л.С.] качества (Maantieteelisia kuvaelmia, 1906: 29).

- ⁹ Чаще всего болгар характеризуют как грубый и необразованный крестьянский народ, но он вынослив и прекрасный работник. Врождённое достоинство, какое-то благородное поведение делают болгар очень приятными людьми. Болгарин - человек практичный, работающий и экономный. Его ум не столь блестящ, но ясный и острый (Väänänen 1913:10-11).
- ¹⁰ Национальные страсти у греческого священства доходили до такой степени, что они в огромном количестве сжигали старые болгарские рукописи. Ещё в 1825 году один греческий митрополит приказал вывезти из Великотырновской партиаршей библиотеки все славянские рукописи, которых был целый воз [...] и сжечь их на костре. Болгарская культура едва было не исчезла бесследно (Mikkola 1905: 397).
- ¹¹ Он живо изображает черты типов болгарской деревни и пишет проникновенные, без прикрас, истории о детях. В нашем примере он глубоко проникает в образ хвастливого болтуна, какие часто встречаются в литературах разных стран [подч. Л.С.] (Hämeen-Anttila 1941: 308).
- ¹² Навряд ли нас ещё интересуют идеи самосовершенствования или воспитания субъективной культуры, а тем более пафос жизненной философии (Noro 1986: 9).
- ¹³ “Калевала” - это энциклопедия или справочник о жизни народа, энциклопедия в самом глубоком и прямом смысле этого слова - во времена, когда слова переживают инфляцию и отклоняются далеко от своих первоначальных значений. “Калевала” была и остаётся учителем первоначального значения и содержания слов. Многие слова уже исчезли из современного языка, но когда мы добираемся до их корней, источников, мы одновременно проникаем в первоначальное конкретное мышление человека, до времени, когда цивилизация хлынула на нас. “Калевала” даёт нам изначальную мелодию жизни... (Virkkunen 1995: 103).
- ¹⁴ “Кулуттая-лехти”, “Апу” и “Кансан уутисет”, очевидно, были теми единственными журналами и газетами, а Тамми - единственным издательством, которым в 60-х гг. можно было позволить себе предложить для публикации переводы болгарской литературы” (Архив Л.С.).

4 ИСТОКИ ФИНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ОБРАЗА В БОЛГАРИИ

4.1 Характеристика финнов болгарскими реципиентами

Рассмотренные выше литературные и культурные контакты между Финляндией и Болгарией показывают, что в рамках оценочной дихотомии позиция финского народа определяется положительными оценками. Пронаблюдаем их появление в хронологическом порядке, когда гипотетический реципиент-болгарин имел возможность познакомиться с финнами или с артефактами финской культуры. Первой парой дихотомии явились качества: *корысть и бескорыстие*. На бескорыстие участия финских бойцов в Освободительной войне 1877-78 годов не раз указывалось болгарскими и финскими авторами, в то время как действиями европейских стран руководила *корысть*: "България стана жертва на борбите за големите държави - хищнице за подялба на света, за осигуряване сфери на влияние и господство" (Косев 1972: 66-67). У финнов не было ни государственной, ни политической выгоды от участия в войне. Первые личные контакты того времени были Казимир Эрнрот и картограф Александр Ярнефельт, своей личностью и деятельностью закрепившие за финской нацией положительный коннотант: *знание своего дела, честное исполнение своих обязанностей, высокий профессионализм*. В создание болгарской армии К. Эрнрот вкладывает свои личные средства, он не берёт проездных и командировочных. В паре оппозиции: *государственный произвол и парламентаризм*, К. Эрнрот твёрдо стоял за парламентаризм, отмечает К. Иречек. В парах моральных оценок: *безалаберность - честное выполнение обязанностей и невежество - знание своего дела*, или в другой плоскости: *беспорядок - порядок* - за именем финна К. Эрнрота, а шире - финнов, закрепились положительные. Существует предположение, что на памятнике Александру II, который находится в центре Софии, один из силуэтов на постаменте - Казимир Эрнрот.

Также финская наука сослужила большую службу для истории Болгарии, так как именно финскому учёному И. Ю. Микколе удалось найти “ключ” к хронологии Болгарии. Этот факт не мог не показать учёным кругам Болгарии наличия в далёкой Финляндии серьёзных учёных. Ганнес Гебхард, как пишет доктор Б. Янчулев, проявляет черты прямооты и искренности “*всегда стремился к истине и говорил прямо то, что думал*”, и также проявлял *профессионализм и здравый смысл*, требуя от кооперативов: “простой структуры, экономного правления и эффективного контроля” (Alanen 1964:292).

Литературные контакты привнесли осознание того, что в Финляндии работают талантливые писатели, имеющие высокие этические идеалы. Б. Цонев приравнивает П. Пяйвяринту к лучшим писателям Европы, характеризуя его повести не только как *прекрасные* художественно, но и этически *высоконравственные*, более всего ценя любовь писателя к *истине, честности и нравственности*. (Цонев 1896: 4). Темой творчества писателя Арвида Ярнефельта было духовное совершенствование человека. Болгарский критик И. Цанев ставил мастерство А. Ярнефельта выше других писателей этого направления, высокий этический накал произведений писателя не раз подчёркивался критиком, отмечавшим у А. Ярнефельта стремление *искоренить из душ своих героев укоренелое зло*, никогда не поступаясь *художественной правдивостью*, гармонично переплетая *моральные и художественные* элементы. (Цанев 1921: 176). Черта близости к природе и слиянности с нею восхищает С. Минкова и других авторов, а поскольку природа - безгрешна, то отсюда недалек вывод, что и близкий к ней человек далёк от греха.

4.2 К появлению метафоры *белые лилии* в финском дискурсе

Свидетелем особого восприятия финнов в 30-х гг. XX века стал посол Финляндии в Болгарии Онни Талас (1934-1940). О. Талас был послом в десяти странах и поэтому его воспоминания (Muistelmia. Itsenäisyysenaattorina ja lähettilänä kymmenessä maassa) особенно ценны, так как он имел возможность сопоставить отношение к финнам в Болгарии по сравнению с другими странами, где ему пришлось бывать по долгу службы. При встречах болгарский царь всегда подробно интересовался, как обстоят дела в Финляндии, в поездках по Болгарии Талас наблюдал проявления особенного дружелюбия к финнам. Талас не склонен приписывать это дружелюбие только участию финнов в освобождении Болгарии, которое уже многими болгарскими было забыто, - главной причиной он называет книгу Петрова “В стране белых лилий”. (Talas 1960: 266-267, 280)

Varsinaisesti johtui tämä suosio eräästä kirjasta. Muuan bulgarialainen¹ kirjailija (nimen olen valitettavasti unohtanut) oli jo viime vuosisadalla kirjoittanut kirjan nimeltä "Valkoisten liljojen maa", jossa hän ylistää Suomea vallan tavattomasti (Talas 1960: 267)¹.

Насколько широко книга Г. Петрова с предисловием Д. Божкова и министра Йовова воздействовала на рецепцию болгарами финнов прекрасно иллюстрируют письма Димо Боюклиева², написанные им своим финским корреспондентам. Д. Боюклиев является тем редким рецепиентом, который оставил ценное письменное свидетельство того, какой образ финнов и Финляндии сложился в Болгари к 1939 году. О себе Д. Боюклиев сообщает в письме министру Ууно Ханнула (9. 6. 1939 г.), что имеет диплом агронома и степень доктора, издал несколько книг, живёт в Будапеште, где работает преподавателем болгарского языка. Он уже давно интересуется финским языком и Финляндией, летом 1938 года за свой счёт побывал в стране, где познакомился, в частности, с профессорской четой Миккола, а также приобрёл знакомства в Консульстве Болгарии в Финляндии, что во время визита бывшего премьер-министра Финляндии Т.М. Кивимяки в Будапешт в мае 1939 г. он брал у того интервью для болгарских газет.

Оба письма Д. Боюклиева к Майле Талвио (30.5.1939, 9.6.1939) содержат просьбу о содействии в получении стипендии от Министерства для поездки в Финляндию на два месяца с целью написать книгу и приурочить её выход к Олимпийским играм, которые предполагалось провести в Финляндии в 1939 году. Письма написаны на прекрасном финском языке, практически без ошибок. Письма Димо Боюклиева служат свидетельством той "загадочной" положительной репутации, которой пользовалась Финляндия в Болгарии. Ниже мы приведём выдержки из писем Д. Боюклиева от 9.6.1939 и 30.5.1939. Феннофил, он собрал и изучил доступные ему книги о Финляндии. "Я слышал много прекрасного о чудесном народе Финляндии", пишет Боюклиев, и со временем восхищение Финляндией всё возрастало. Во время пребывания в Финляндии в 1938 году Д. Боюклиев обратил особое внимание на здоровый, конструктивный дух в стране. Но знакомиться с Финляндией и писать о ней книгу он хочет из патриотических побуждений. Д. Боюклиев хочет пересадить прекрасные финские принципы на родную почву и показать на родине "mitenkä pieni kansa voi tulla suureksi" 'как малый народ может стать большим'. Финский народ, по мнению Димо Боюклиева, может послужить примером для

---

¹ Онни Талас ошибочно относит книгу к прошлому веку, а автора называет болгарским писателем.

² В письмах он подписывается латинскими буквами D.D.H. Boikliev, но мы пользуемся болгарской формой его фамилии.

болгарского народа, во-первых, в *трудолюбии*, а во-вторых, в честности. В своей книге он хочет показать:

1. Haluan näyttää jalon esikuvan minun paljon kärsineelle ja sorretulle kansalleni, mitenkä sorrettu maa ja kansa voi muuttua paratiisiksi.
2. Näyttää, mitenkä voi toteutua yhteiskunnallisessa elämässä rehellisyyden, joka teillä on todellisuutta, mutta meillä on vain utopia.
- 3[...] pienen Suomen järjestämistä Bulgariaan.
(Bojukliev, 30.5.1939)²

Разговор об устройстве "небольшой Финляндии в Болгарии" бывший у него с Микколой, по словам Боюклиева, вызвала большой интерес в болгарских правящих кругах и там "alituisesti tiedustelevat, mitenkä se olisi toteuttavissa" 'там постоянно интересуются, каким образом мы могли бы это осуществить'. "Haluaisin istuttaa Suomen jalon kansan terveellistä henkeä omaan kelpo kansaani". 'Я хотел бы внедрить здоровый дух благородного народа Финляндии в свой добрый народ' [подч.Л.С.] (письмо Боюклиева к Ханнуле 9.6.1939) Напомним, что в это время в Болгарии уже действовали некоторые агрокружки, принявшие за модель финский кооперативный опыт и название "белые лилии"

Финны в восприятии болгарина Д. Боюклиева это народ, у которого есть, чему поучиться. По стилю и содержанию письма Д. Боюклиева на первый взгляд можно предположить, что его смелые планы и обещания издать книгу о Финляндии, которая наконец-то будет полезна для болгарского народа, в лучшем случае, есть экзальтированность молодого человека, в худшем, - расчётливое желание польстить своим корреспондентам и склонить их к положительному решению на просьбу о выдаче стипендии. Эмоциональность и темпераментность в письме можно отнести и к южному темпераменту автора: "Siitä lähtien kun jätin Teidän satumaisen maanne, minulla oli vain yksi ainoa halu, se, että saisin vielä palata sinne" 'С тех пор, как я покинул Вашу *сказочную* страну, я живу единственным желанием: ещё раз увидеть её'. (Боюклиев 9.6.1939).

Однако все эти характеристики: *прекрасный, чудесный народ, малый народ стал большим, трудолюбие, честность, благородный, рай, сказочная страна* - как мы показали уже не раз повторены в Болгарии и не являются плодом личного красноречия Д. Боюклиева, а вытекают из уже создавшихся в Болгарии стереотипов о Финляндии. Им перефразируются эпитеты из книги Петрова "В стране белых лилий". Слова: *рай, сказка, чистота* - находятся в предисловии Д. Божкова к этой книге. Мы далеки от мысли заподозрить Д. Боюклиева в том, что он писал письма имея под рукой книгу Г. Петрова. На наш взгляд, подобная рецепция Финляндии и финского народа уже внедрилась в Болгарии ко времени написания писем Д. Боюклиевым в 1938-39 году. Возможно, что свою роль в этом пафосе сыграл факт проживания Д. Боюклиева в Будапеште в Венгрии, где, как

известно, относятся к далёкому родственному народу с неизменной симпатией. Венгрия была местом эмиграции болгар и там постоянно проживали сотни болгар, можно предположить, что Венгрия привнесла свою долю в формирование сверхпозитивной финского национального образа в картине мира Д. Боюклиева и других проживающих там болгар.

Планы Д. Боюклиева не осуществились, а после войны капиталистическая Финляндия оказалась закрытой для граждан социалистического лагеря. Д. Боюклиев посвятил свою энергию популяризации болгарской литературы в Венгрии. Начиная с 1936 года он публикует статьи о болгарской литературе, организует кружки болгарского языка, читает доклады. В 1938 году появилась антология болгарских поэтов, которая включала 57 имён болгарских поэтов и писателей, а в 1942 году он опубликовал "Спасову могилу" Елина Пелина (Ракоши 1980: 406-407). Д. Боюклиев пользовался большим авторитетом: выдающийся болгарский учёный Жорж Нурижан посылал ему свою книгу "Приятели на България" на рецензию. Преданность Д. Боюклиева литературной деятельности позволяет предположить, что он бы исполнил своё обещание написать книгу о Финляндии

Нужно ли удивляться, что предательское нападение огромного Советского Союза на маленькую Финляндию - страну белых лилий - вызвало массу публикаций, исполненных чувства чуть ли не личной беды: "О, Суоми, какво те чака. Забравиме всичките си лични мъки и ти изпращаме на тебе и твоя добър народ всичко най-хубаво" ("Вчера и днес" 1939 №№ 54-57, стр. 2). Во время войны 1939 - 44 года идёт продолжение накопления положительных оценок. В Болгарии ежедневно публикуются полные симпатии к Финляндии новости с финско-советского фронта. В статьях красной чертой проходит чувство восхищения героизмом финских солдат и финского народа в этой войне разновеликих стран: "Храбростта на финландски народ изразена за втори път в растоянии на 20 години така дейно и решително, буди, независимо от международни лагери и интереси, всесветска адмирация". ("Вчера и днес" 1939 № 41: 2) Особенно много внимания уделяется финским событиям издаваемыми Д. Божковым газетами "Вчера и днес" и "Вечер".

В статьях есть стремление ознакомить читателя также с фактическими данными о Финляндии: "В Финляндия има повече от 70 000 езера, некои от които имат повърхност само от 200 кв. м." ("Зора" 1939 № 6141: 6). Секретарь болгарского консульства в Хельсинки Георги Шишков рассказывает, в частности, что в области Петсамо разводят до 100 000 оленей ("Зора" 1939 № 6150: 3), "Свещеник не може да венчае финландец и финландка, ако не знаят да четат" ("Зора" 1939 № 6159: 3), рассказывается о банях ("Зора" 1939 № 6169: 6). Факты чередуются и переплетаются с чертами, которые находятся в поле ожидания по отношению к хронотопу

севера: тема суровой природы, зимы и тяжёлой жизни северянина "тежкия живот и страдания на лапландец" ("Зора" 1940 № 6176: 6).

Необходимо особо отметить большой репортаж в нескольких номерах газеты "Вчера и днес" "Финляндия в пламъците на войната" как фактор когнитивной рецепции Финляндии. В статье даётся описание культуры Финляндии с фотографиями Вьяйнё Аалтонена в своём ателье, где он стоит на фоне скульптуры Алексису Киви, вид Хельсинки сверху и пр. Красной нитью проходит тема, как ужасно была нарушена повседневная уютная жизнь благоустроенной Финляндии войной, виновницей которой все видели СССР, Подчёркивается, что мирный финский народ не в состоянии был поверить, что началась война до того, как на небе Хельсинки появились советские самолёты.

Учёный-географ Гунчо Гунчев в 1940 г. посвящает обширную статью воюющей Финляндии в журнале "Просвета" (1940). Статья содержит сведения о географии и экономике Финляндии. Говоря об интересе современной болгарской интеллигенции к северным странам (Финляндия, Дания, Швеция, Норвегия) "как примера³ пътя по който трябва да върви стопанското и културно развитие на България" (Гунчев 1940: 545), он констатирует, что "особено известна у нас Финляндия" и называет причиной этого книгу Петрова "В страната на белите лилии". В статье 1923 года, по прибытии из Финляндии, Г. Гунчев восхищается финской природой и эпосом "Калевала", теперь же, прочитав книгу Г. Петрова, как географ, Г. Гунчев замечает, что лилии редки на таких географических широтах. Однако, метафора финского народа, цветок *лилия* кажется Г. Гунчеву очень удачной. Петров "не могъл да намери по-подходно заглавие ще една книга, посветена на борбите и постиженията на един народ, чиято честност, доброта и прямота е поразявала всеки чужденец" (Гунчев 1940: 545) .

Статья писалась Г. Гунчевым в 1940 году, когда Финляндия храбро отбивалась от СССР, что, на взгляд Г. Гунчева, является началом другого эпоса: "И вместо эпизода от народния эпос Калевала, в затрупаните селски хижи, край запалените дънери, старите разправят сега за нов эпос, който се пише с кръвта на хиляди смели мъжи" (Гунчев 1940: 545) .

Книга Г. Петрова была широко известна, выдержала десять изданий и ею пользовалась в школах: "koska haluttiin bulgarialaisista yhtä rehellisiä kuin kirjassa ihannoidut suomalaiset" 'потому что хотели воспитать болгар такими же честными, как идеализированные в книге финны' (Ylinen 1978: 5). Писательница из Наантали, Тууликки Сойни, рассказывает, что

---

³ Онеобходимости болгарам брать пример с финнов говорится прямо и постоянно. Сами поводы могут быть очень разные, как например деятельность общества в защиту птиц. Журналом приводится полный устав общества с целью: "ще бъде не без полза [...] се популяризира между нашите "птичи врагове" и т. п. (Дух. пробуда 1907 № 5: 15).

путешествуя в Болгарии, Румынии, а прежде всего в Турции - ты узнаёшь, что приехал из - "valkoliljojen maasta" 'страны белых лилий'. Сразу даже не понимаешь, пишет она, что под этим подразумевается: "Kieloja, lumpeita vai liljanvaaleita suomalaisneitoja?" 'ландыши, кувшинки или лилейнобелые финские девушки'. И продолжает: "Varsin pian valkoliljojen maa osoitautui kirjaksi. Ja kaiken lisäksi todelliseksi best selleriksi" 'Довольно скоро выяснялось, что страна белых лилий была книгой, да ещё настоящим бестселлером' (Kankamo 1977). Пауль Юркянкаллио, который учился в университете в Анкаре (1950-1951), был послом в Болгарии (1969-1972) замечал уважительное отношение к финнам и в Турции: - "Suomalainen, joka liikkuu Turkissa, saa suureksi hämmästykseensä kuulla olevansa kotoisin valkeiden liljojen maasta" 'путешествующий по Турции финн к своему вящему удивлению узнаёт, что он из страны белых лилий' (Jyrkänkallio 1951). *Белые лилии* всё более тесно переплетается с образом финна. Похвалы финской благоустроенности П. Юркянкаллио слышал постоянно, от каждого образованного турка, где бы он ни был - в Стамбуле, Анкаре или глубинке. Иногда проводилась параллель между Снельманом и Ататюрком.

4.3 Книга "В страната на белите лилии. Суоми - Финландия"

В 1925 году⁴ в Болгарии вышла в свет книга "В страната на белите лилии. Суоми - Финландия" с посвящением "Посвещава се на българска интелигенция". В предисловии сообщалось, что это перевод с произведения широко известного в Болгарии русского писателя, автора сотен публицистических статей, гуманиста, священника Григория Петрова. За изданием книги стояла прагматическая цель: научить болгар стать гражданами. Просветительская цель издания книги Петрова явно высвечивает из посвящения ее интеллигенции, а также второго предисловия к изданию, в котором министр народного просвещения М. Йовов высказывает "Моего пожелание", которое приведём почти полностью, так как оно точно определяет те задачи, которые ставились издателями:

---

⁴ Сувилехто в ст. Fragmentteja suomalais-bulgariaalaisten kontaktien historiasta (1988) ошибочно говорит о том, что книга переведена на болгарский и турецкий в 1910 г. Мы не знаем точно года написания книги Петровым и её перевода на болгарский Божковым, но издана она была в Софии в 1925 г., а на турецком в 1928 г. Возможно, он опирался на статью Канкамо, в которой допущены те же неточности. В той же статье вместо Николай II должно быть Александр II.

"Като наредих тая книга да се издаде от Министерството на народното просвещение, аз се водех от желанието да я направя достъпна за възможно по-голям брой интеллигентни българи. Моето пожелание е, под влиянието на хубавия и светъл дух на тази книга, писана специално за България, да се яват повече български Снелмановци между българската интеллигенция и особено между българско учителство.

В тежки времена, като тия, които родина преживява днес, ние имаме въпиюща нужда именно от такива Снелмановци. Те трябва да се намерят и ще се намерят". (Йовов 1936: 6)⁵

"Книгата на Г. Петров е писана не без оглед и към нашите [болгарские] нрави, към нашите политико-обществени и икономически условия. Това я прави толкоз по-ценна за нас". (Божков 1936: 18)

В наши цели не входит критический анализ поэтики книги, однако для выявления причин её столь большой популярности (она выдержала за короткий срок 10 изданий, была издана в количестве 50 000 экземпляров (Нурижан 1940: 290)) и того следа, который она оставила в памяти и картине мира болгар, следует кратко представить содержание книги.

Книга состоит из 17 глав, каждая из которых отражает одну из сторон народной жизни Финляндии и указывает на то или иное зло, которое финнам удалось обратить в добродетель. В первой главе кратко освещается история Финляндии, прежде всего с точки зрения важности приобретения возможностей к развитию в связи с присоединением к Российской империи (1808) и высвобождением от засилья господ-шведов, по Г. Петрову, презиравших финскую чернь. С получением административно-территориальной автономии появились предпосылки, в рамках которых финский народ получил возможность развития экономики страны, повышения своего материального благосостояния, а вместе с тем и роста своего национального достоинства. Г. Петров подчёркивает бедность финских жителей, как и финской земли вообще и то, что от присоединения к России выгоду получили только финны. Для мощной России, говорит он, территория была важна лишь в стратегических целях в связи с пограничным положением столицы - Петербурга. Никаких богатств из этой бедной страны извлечь было невозможно, по сравнению, например, с индийскими колониями Великобритании, но метрополия хотела и могла помочь финнам.

Главным героем книги является И. В. Снельман, который уже с юных лет занялся политической деятельностью, страстно призывая двухмиллионный финский народ пробудиться и зажить достойной жизнью человека и христианина. Во второй главе "Народ и герои" Петров обращается к народу, показывая, что именно он, народ, является истинным

---

⁵ В своей работе мы пользовались десятым идентичным изданием книги 1936 года и все цитаты и ссылки будут на него.

творцом истории, а не люди, которые при определённых обстоятельствах оказались на верху общества и хорошо или плохо сумели использовать свою удачу. Он рассматривает также взаимоотношения церкви и народа, предлагая отказаться от догм, а на народном языке учить живой вере. Не наука повинна в падении религиозности, заявляет Г. Петров, а церковный догматизм, ханжество и двуличие его служителей. Задачей И. В. Снельманна стало воспитать национальных финских учителей, чтобы избавиться от нерадивых и незаинтересованных в финском деле чиновников, присланных из Швеции. Даже солдатские казармы - как "обучающие" несущих службу солдат - должны приносить пользу, так как после службы солдаты перенесут результаты своего обучения в свои нищие деревни.

С негодованием пишет Г. Петров о таких бессмысленных и пустых занятиях как спорт и футбол, который начинает занимать главное место в жизни человека, неся не духовное начало, а вызывая лишь агрессивность. Этот "антиспортивный" призыв не направлен конкретно против физической культуры, но, по мнению Г. Петрова, усилия человека должны быть направлены на полезные для земли и страны дела. Этот тезис вызывает особый интерес сегодня, когда любой вид спорта идёт триумфальным шествием по земле, приковывая миллионы любителей спорта к спортивным аренам, радиоприёмникам и телевизорам. От этой темы Г. Петров переходит к проблеме родителей и детей. Основные его идеи в том, что родители должны сознательно и целенаправленно воспитывать своих детей гражданами, ощущающими ответственность за свою судьбу, судьбу ближних и родину. У родителей и массы родственников дети растут, как сироты. Причиной падения морали у молодёжи является то, что в хлопотах матери только отталкивают детей, чтобы они не путались под ногами, а отцы бегут от семейных неурядиц в товарищеские клубы, играть в карты, словом, вина не в молодых, а в их родителях, не давших детям здорового зародыша для будущей жизни. Родители должны жить так, чтобы дети могли уважать их, а когда же родители говорят детям "не лги", "не обижай других" и пр., а дети наблюдают дома обратное, то не нужно удивляться результатам: "что посеешь, то и пожнёшь".

Г. Петров рассказывает о народных университетах, организованных Ю.В. Снельманом и его единомышленниками, выйдя из которых специалисты спешат вернуть "долг" народу, на средства которого они имели возможность обучаться и заниматься науками. Г. Петров показывает, как из "просвещённого" народа начинают выходить одиночки, сумевшие добиться материального успеха, стать "королями" какой-либо отрасли производства и торговли. Они ведут за собой других, помогая им учиться, осуществлять свои идеи, трудоустраивая и опекая их семейства.

Врачи не только оказывают помощь, но и учат здоровому образу жизни, гигиене и правильному питанию. В текстах Г. Петрова легко прослеживаются модели решения социальных проблем, бывших в ходу в конце прошлого и в начале нашего века. Бессмысленность агрессивного пути изменения общества (глава "Не убий") показывается на бунте Карокепа, финского Робин Гуда. Карокеп был настолько возмущён царившей вокруг несправедливостью, что озлобился и задумал убить всех, чтобы избавить мир от зла и неправды. Однако, осознав глубинную истину Христова учения, он вместе с сыновьями стал благодетелем для "отверженных".

Книгу завершают главы о морально чистом, глубоко знающем христианское учение, высоком по духу и происхождению пасторе графе Луке Макдональде⁶. Интересен космополитизм этого персонажа в духе вненациональных идей Л. Н. Толстого. В книге Г. Петрова Лука Макдональд, аристократ шотландского происхождения, родившийся в Швеции, живущий в России (автономном княжестве Финляндии), трудится на благо финских земледельцев. Он написал "Книгу солнца"⁷, которая силой слова развеяла темную ночь жалкого существования человека и пробудила в нём желание стать как "Отец наш", а также показала людям путь к Свету. Это путь следования заветам Христа, ибо Он есть "Путь, Истина и Жизнь". То, что Петров относит своего alter ego к шведской элите, характеризует объективность и нелицеприятность русского писателя, отдающего таким образом должное усилиям шведоязычной фенноманской интеллигенции, "возможно устыдившейся допущенной во время шведского ига несправедливости относительно финнов", и внёсшей свою лепту в создание независимой Финляндии. (Петров 1936: 157)

Приведённая здесь канва произведения, к сожалению, не в состоянии передать находчивость образов и убедительность аргументов страстной проповеди к добру Г. Петрова - недаром он имел высшее богословское образование. Говорили, что его лекции имели такой же успех, как и

---

⁶ Мы предполагаем, что прототипом Луки Макдональда является сверстник Петрова Ramsay Macdonald, жизненный путь и мировоззрение которого были созвучны петровским. Рамсей Макдональд происходил из бедной шотландской семьи. Благодаря необыкновенному упорству и трудолюбию ему удалось получить образование. В 1893 году он создал независимую рабочую партию, а в 1906 избран в нижнюю палату Парламента. Он обладал религиозно-идеалистическим мировоззрением, был сторонником свободной церкви. Он всю жизнь был верен своим принципам, отказался от предложенного ему дворянства и, будучи пацифистом, с началом Первой мировой войны ушёл из политики. После заключения мира он вновь во главе партии и стоит против радикального большевистского крыла. В кризисные для экономики годы (1929-1935) он был премьер-министром Великобритании и всегда ставил интересы страны и народа выше интересов партии.

⁷ Ср. "Город Солнца" социалиста-утописта Томмазо Кампанеллы.

концерты Ф. Шаляпина (Нурижан 1940). В каждой главе риторическим повтором идёт описание плачевного положения неграмотного народа, его безысходной жизни, проходящей в тяжёлом труде за хлеб насущный, духовной спячке народа, нерадивости чиновников, нищих деревень. За описанием следует пламенный призыв к образованным и состоятельным людям просветить народ и помочь ему обустроить свою жизнь. Оптимистический настрой книги рождается потому, что в каждой сфере жизни у Ю.В. Снельмана находится множество единомышленников, которые берутся за дело, в результате которого рождается современная новая Финляндия: маленькая и малонаселённая, но огромная и сильная по своему культурному потенциалу. (Петров 1927: 157) Читатель забывает описание нужды и неустроенности быта, отнеся это к далеко ушедшему прошлому, у него создаётся впечатление, что, каждый финн уже пробудился от летаргии безнадёжности и готов жить и работать на благо своего народа, что идеальное общество в Финляндии уже построено. Болгарский читатель воспринимал эти "мечты" как реальные в Финляндии (см. хотя бы письма Д. Боюклиева). Этому доверию к книге, без сомнения, помог авторитет Г. Петрова, популярного публициста Д. Божкова, а также министра М. Йовова, которые прямо говорят, что финская модель - есть пример идеального решения общественных проблем.

Г. Петров был родом из Эстляндской губернии, жил в Петербурге и поэтому для него Финляндия не могла не быть довольно близкой страной. Можно даже предположить, что эстонский и финский языки не были для него совершенно чуждыми, во всяком случае, он в своих сочинениях о Финляндии даёт финские слова и их перевод. В Финляндии он впервые побывал где-то на рубеже XIX - XX веков, об этом он написал статью "Два дня в Финляндии", которая была опубликована в сборнике его произведений "К свету"⁸. В 1910 году он побывал в Финляндии и вместе с Д. Божковым. Результатом этой поездки стала книга "Страна болот. Финские впечатления", в которой автор берёт маленькую Финляндию под защиту от некоторых русских публицистов, требовавших унифицирования прав всех граждан России.

За пределами нашего исследования останутся переводы на финский и другие языки книг Петрова, прежде всего одного из самых значительных с точки зрения мировоззрения писателя "Евангелие как основа жизни". Другим исследователям оставим мы также возможность исследовать переводы "В стране белых лилий" на другие языки мира и роль этой книги в создании национального образа финнов в других странах. А переводов было немало. Переводчик книги "В стране белых лилий" на турецкий язык (1968) Тюркер Акароглу шире исследовал интерес к нравственно-

---

⁸ Статью нам не удалось найти.

религиозным идеям Г. Петрова в Турции. "В стране белых лилий" была издана в Турции впервые в 1928 году и после этого была переиздана 16 раз количеством экземпляров от 12 000 до 25 000. Последний раз в 1976 году (15 000 экз.) (Kankamo 1977). Итого где-то до 400 000 экземпляров. По инициативе министерства просвещения книга бесплатно раздавалась в учебных заведениях. Основатель новой Турции Кемал Ататюрк включил книгу для обязательного чтения в программы армейских училищ. В предисловии к турецкому изданию говорится, что это наиболее читаемая книга в Турции после Корана (Jyrkänkallio 1951) Автор предисловия к финскому изданию "В стране белых лилий" библиотекарь Рае Мурху приводит интересный факт. В 1960 г. было напечатано интервью с турецким генералом и его сообщниками, офицерами, совершившими переворот. В ответ на вопрос, какая книга оставила на них самое большое впечатление в жизни, последовал ответ: "В стране белых лилий" (Petrov 1978: 11-12). По Т. Акароглу, произведения Г. Петров переведены на европейские языки, а кроме того на китайский, японский, а также на арабский язык в некоторых странах Азии и Африки, Нурижан сообщает о переводах на турецкий, румынский, армянский и другие языки (Нурижан 1940: 290).

Итак, книга "В стране на белых лилий", в которой на финской почве русский писатель Петров иллюстрирует свои идеи религиозного самосовершенствования человека и его службы-жертвы во имя обездоленных людей, необходимость совмещения личного интереса с интересом общества, требование своим примером воспитывать в людях качества христианина, - была широко известна в Болгарии. Без сомнения, именно книга о стране белых лилий стала важнейшей константой в числе факторов, закрепивших позитивный миф о Финляндии не только в Болгарии, но и в других странах, где эта книга была опубликована. Это подтверждается словами финских послов П. Юркянкаллио и О. Таласа, которые отмечают ту огромную пользу, которую книга Г. Петрова о Финляндии - стране белых лилий принесла их родине:

"Kaikesta hullunkurisuudestakin huolimatta Petrovin teos on arvostettava positiiviseksi saavutukseksi, sillä se on suorittanut tärkeän tehtävän tehdessään maamme tunnetuksi niin Bulgariassa, Turkissa kuin Irakissa ja hankkinut meille monta ystävää". [подч. Л.С.] (Jyrkänkallio 1951)

Kirja on tehnyt Suomelle suuria palveluksia. Kirja oli niin tunnustettu, että sitä jopa jaettiin kouluissa palkkiona lahjakkaille ja ahkerille oppilaille ja siten tietä Suomesta levisi laajalle. [подч. Л.С.] (Talas 1960: 267)³

На турецкий язык были переведены и другие произведения Г. Петрова, такие как: "Женский вопрос" (1928) "Пылающая любовь" "К студентам" (1932), "Чёрный орёл" (1938), "Указатель для чёрных", "Школа и жизнь" (1963) (Petrov 1978: 9-10).

Финны на родном языке смогли впервые прочесть эту книгу только в 1978 году в переводе Пекки Карванена с турецкого издания 1976 года под названием: *Valkoliljojen maa - Suomi*. Ритва Канкамо в статье от 1977 года сообщает, что книга была переведена на финский язык ещё и Тууликки Сойни и Йормой Ляннемаа, по которому она познакомилась с произведением Г. Петрова, но, скорее всего, перевод остался в рукописи.

Священнослужитель Г. Петров переступил порог чисто религиозных задач приносить свет Божий в душу прихожан. Он незаметно для себя перешёл к мирским проблемам. К тем идеологическим вопросам, которые стояли в центре внимания “прогрессивной” интеллигенции и были направлены на общественно-социальные проблемы. Это настолько унифицировало его мысли с идеями своего времени, что даже в мусульманской стране Турции, занятой проблемами общественного переустройства, вполне подходил его зов к нравственности, готовности служить народу и не претило (или не было замечено) православное христианство русского батюшки.

4.4 Г. С. Петров. О его жизни и мировоззрении

Как уже говорилось, в начале XX века Петров был одним из самых известных и ярких писателей-публицистов России. Роль Г. Петрова в качестве создателя национального образа финского народа в Болгарии необычайно велика и причины этого кроются в некоторых особенностях его жизненной и литературной судьбы.

О Г. Петрове писали ещё при жизни, по нашим сведениям, было написано две книги (А.Ру-ов, 1907 и И.В. Преображенский 1902), в Болгарии посмертно в 1927 г. вышел в свет очерк Д.В. Юркуова, а также статьи Д. Божкова написанные в разное время о Г. Петрове. Однако, изучение деятельности и жизни знаменитого в своё время священника и оратора Г.С. Петрова в наше время только еще начинается (см. Фирсов 1996, Менделеев 2001 и др.)

Г.С. Петров родился в 1868 году в маленьком городке Ямь в Эстляндии, (Ямбург, с 1922 г. Кингисепп на территории России) недалеко от города Нарвы. Однако, о его социальном происхождении нет точных данных. По одним источникам он родился в семье крестьянина (Haltsonen 1905: III), а по другим - мелкого торговца (ЭС Брокгауза и Эфрона), а по воспоминаниям Д. Божкова, Г. Петров о себе рассказывал: “Аз ... бях син на кръчмар. Борех се да се освободя от кръчмата. С големи лишения свърших средно и висше училище” (Божков 2000: 179). О жизни Г.С. Петрова после революции в эмиграции вплоть до смерти в 1925 году нет

исследований. Мы почерпнули сведения о его заграничной жизни из болгарских источников, в частности, статьи Ж. Нурижана (1940) и воспоминаний Д. Божкова (2000).

Известно, что после окончания Нарвской гимназии он поступил в духовную семинарию и, по окончании её, продолжил своё образование в Духовной академии в Петербурге (1892). В сан священника он был посвящён в 1891 году. Проработав один год законоучителем в гимназии No 5, Петров с 1893 по 1903 год служил настоятелем церкви и законоучителем в Михайловском артиллерийском училище. Г. С. Петров имел располагающую внешность, что видно и по фотографиям. "Стройный молодой человек, с тёмными, слегка волнистыми волосами, почему-то тронутыми слишком ранней сединой. Приятное красивое лицо. Скромные полные достоинства манеры. Мягкий хороший голос. Вероятно баритон или низкий тенор" описывает Петрова писатель Хирьяков, называя его "взыскующим грядущего града странником" (Хирьяков 1925). О популярности о. Григория может свидетельствовать и тот факт, что его портрет был написан И. Е. Репиным. Это произведение получило первую премию 24.12.1909 года на Передвижной выставке в Третьяковской галлерее.

Отец Григорий Петров пытался объединить в себе священника и публициста, но одновременно мыслить и действовать по законам горним и земным было трудно. Он имел публицистические наклонности и не мог отвернуться от явлений современной жизни. Прекрасно зная религиозное христианское учение, он страдал от того, что не видел применения заветов Христа в реальной жизни, о чём его главная книга "Евнгелие как основа жизни" (1898). Он стал известен также в качестве литератора, написав за свою жизнь ок. 2000 книг, статей и брошюр. Некоторые из его книг издавались тиражом до полумиллиона экземпляров, другие же переиздавались до 20 раз! Он активно выступает не только как публицист, но и как издатель. Он издаёт журнал "Друг трезвости" (1900-1901), "Правда Божия" (1906) и др., являясь редактором и, подчас, единственным сотрудником издаваемых им журналов и газет. Он был также долговременным сотрудником московской газеты "Русское слово" (см. Менделеев 2001).

Петров обладал необыкновенной трудоспособностью: он совмещал службу, литературную деятельность и чтение публичных лекций, прочтя на нравственно-религиозные темы около 8 000 лекций (Нурижан 1940: 287). Его приглашали читать публичные лекции всюду: на курсы, в вузы, рабочие кружки и пр.

А. Халтсонен, переведший книгу "Евангелие как основа жизни" на финский язык (Evankeliumi elämän perustena 1905 г.) получил возможность познакомиться с о. Григорием в 1901 году на летних курсах

учителей, которые были организованы под попечительством Великого Князя Константина Константиновича в его имении в Павловске. Одно время Г. Петров был воспитателем великих князей. Об удивительном таланте Петрова-оратора Халтсонен с восторгом пишет:

"jokainen lause lisäsi aina syvällisintä totuutta, sattuvia vertauksia ja runollisen kauniita esityksiä [...] ajatukset seurasivat toisiaan kuten aallot tasaisessa virran juoksussa ja sydäimestä lähteneenä ne sattuivatkin aina sydämiin" (Haltsonen 1905: VI)⁴.

Священник Г. Петров принимает близко к сердцу жизнь паствы и ему несвойственно "смирение" с миром, по поговорке "на всё воля Божья". Для него это равносильно лояльности ко злу. Он по натуре горячий и осуществляет свою жизненную миссию, страстно вставая на сторону добра, в своём понимании этого этического принципа, отрицая "смирение" - безразличие, о котором горестно говорится в Апокалипсисе: "О, если бы ты был холоден или горяч! Но как ты тёпл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих!" (Отк. 3:15-16).

Г.Петрову пришлось сделать выбор между желанием улучшить жизнь и заботой о спасении душ прихожан. В церковной дискуссии своего времени он встал в стан обновленцев. Предъявляя к христианам требования праведной жизни с точки зрения идеалов Нового Завета, т. е. по заветам Христа, Г. Петров, как и Л.Н. Толстой, ставит на первый план внутреннее содержание христианства, а не его внешнюю форму: обрядовую и административную. Сходство с Л.Н. Толстым было вполне осознанным, Г. Петров не раз цитирует мысли Толстого. Преклоняясь перед великим писателем Л.Н. Толстым, Петров ещё более преклоняется перед ним как перед нашедшим Христа христианином. Г. Петров также занимался благотворительностью, сбором денег и организацией столовых во время голода в Поволжье 1898-99 годах. А. Хирьяков вспоминает оценку Г. Петрова Л.Н. Толстым после встречи с ним во время благотворительной деятельности в 1899 году: "Нам кажется, что вот это наш лагерь, а это их, и между обоими лагерями нет ничего общего. Глухая стена. Но если бы так было, то не было бы движения мысли. Невозможно было бы никакое духовное воздействие. А вот такие люди как Петров, которые могут быть в обоих лагерях они способствуют духовному общению, сближению людей. Так, что Бог-то умнее нас" (Хирьяков 1925). Хирьяков вспоминает реакцию молодого священника Петрова (смятение, стыд) при чтении в 1893 году на даче Н.С. Лескова, недалеко от Нарвы, рукописи произведения Л.Н. Толстого "Царство Божие внутри нас", направленного против духовенства и православной церкви. Прошло несколько лет и Г. Петров ответил книгой "Евангелие как основа жизни". В год смерти Л.Н.Толстого в очередной

книжке "Библиотечки "Копейка"⁹ Г. Петров публикует посвящённую Л.Н. Толстому статью "Законченный круг. Памяти Льва Николаевича Толстого". Критика Г. Петровым официальной церкви в ситуации военного времени 1904 г. и революционного 1905 г. вызвала нарекания Синода. Издаваемый Г. Петровым журнал "Правда Божия" был приостановлен в 1906 году а на строптивного Г. Петрова была наложена епитимья - ссылка на послушание и покаяние в Черемнецкий монастырь. Однако общественность России и сам Петров восприняли эту епитимью, как проявление мракобесия и произвола над свободой личности, как *заточение* в монастырь, то есть сознательно проводилась параллель с тюремным заключением. В сатирическом журнале "Стрекоза" был помещён рисунок, изображающий Г. Петрова со связанными руками, но со спокойным и благостным лицом напоминающим лик Иисуса Христа, а его судьи угрожают ему". ("Дух. преглед" 1907 № 1: 14)

Отца Г. Григория торжественно провожал в монастырь почти весь Петербург и на станциях его встречали овацями. На Варшавской железнодорожной станции было настоящее столпотворение, среди пришедших попрощаться был, в частности, известный писатель В. И. Немирович-Данченко. Народ толпами шёл к нему под благословение и целовал полы его рясы. ("Дух. преглед" 1907 № 1: 14) . На волне этих событий Г. Петров был избран в члены II Государственной думы (20.2.1907 - 2.6.1907). Когда же Синод не благословил его покинуть монастырь и он не смог прибыть на заседания, то это вызвало новый взрыв негодования как самого Г. Петрова, так и членов Думы, против Синода, третирующего волю народа.

Г. Петров испытывал особую любовь к Болгарии и любовь была взаимной. Впервые он посетил Софию в 1903 году, где вместе с Д. Божковым встречался со многими известными болгарскими культурными деятелями, в том числе с проф. Иваном Шишмановым, политиком Черепом Спиридовичем и др. Свои путевые заметки он публиковал в "Русском слове". "Никой друг писател не е имал такъв голям успех в България, какъвто има Григорий Петров. Неговото влияние върху българската младеж е громадно" (Нурижан 1940: 287). Своего единственного сына¹⁰, он назвал в честь болгарского царя Борисом, и нанял ему учителя болгарского языка. В Коктебеле, где была небольшая болгарская диаспора, у Г. Петрова было имение, которым управлял

---

⁹ Г.С. Петров принимал ближайшее участие в издании "Библиотечки Копейка", которая начала издаваться не для того, чтобы "увлечь читателя фабулой, сколь **облагородить** его душу, вызвать в нём гуманные чувства, чувство красоты, а следовательно, и **добра**" как говорится в обращении "К читателю" на тыльной стороне титульного листа).

¹⁰ Борис Петров погиб офицером армии генерала А.И. Деникина.

болгарин и в Петрограде двери его дома всегда были открыты для болгар. Да и самого черноволосого и кареглазого Г. Петрова иногда принимали за болгарина. Десятки произведений Петрова переведены на болгарский язык, кроме того ок. 20 произведений с рукописей, ещё до выхода в свет в России, а также множество мелких статей были напечатаны в журнале "Духовна пробуда", в частности, "Личност и государство", "Духовенство и политика", "Игра на ума (две "интеллигенции" - религия и религиозност)" и др. Библиография произведений Г.С. Петрова пока не составлена и составление её усложняется тем, что он часто пользовался псевдонимами "далёкий друг", Г. Фабианский и др. (Божков 2000: 180)

Болгарский журнал "Духовна пробуда", издаваемый "петровцами" во главе с Д. Божковым, тщательно следил за борьбой официальной церкви и Синода¹¹ против Г. Петрова и его "ереси". Петров предпочитает отказаться от священнического сана¹², чем от своего дела: "проповедника живого Бога". Отлучение Петрова от пастырской кафедры воспринимается петровцами как мученичество во имя Христа: "но *свещеник на живия Бог* пак ще бъде. *Отец*, духовен баща, учител пак си остава". (Дух. пробуда 1907 № 16: 12) Решительно настроен и сам Г. Петров: "дали са ми расото, могат да го вземат. Обаче аз съм *венчан* с църквата. Аз слугувам на Христа. Аз проповедам Христа. С расо и без расо ще Го исповедам. Готов съм да умра за Него" (Дух. пробуда 1907 № 16: 12). В 1907 году Г. Петров предпочёл лишиться сана священника, чем склониться перед Синодом. Он стал свободным литератором, публицистом и политиком. Как часто в политических диспутах, в хронике дела Г. Петрова, журналом "Духовна пробуда" допускается, на наш взгляд, много переборов: наложенная Синодом епитимья о ссылке в монастырь на покаяние(!) трактуется как "безбожната присуда", Г. Петрова называют русским Мельхиседеком и т.п. ("Дух. пробуда 1907 № 2: 11-12)

По мнению Г. Петрова, социальные перемены в обществе возможны только через внутреннее преображение каждого отдельного человека - члена общества, хаос и зло можно победить только христианским творением своей личности (Петров 1936: 148). Рядом с этим мнением - его страстная борьба за социальное благоустройство, с тем, чтобы увеличить "имение" человека, а не проповедь к отказу от личного и персонального или к необходимости ограничения потребностей, кажется противоречивой. Мы находим, что именно здесь проходит та грань, которая разделяет духовный

---

¹¹ Проводится параллель между Синодом и синадрионом (Дух. пробуда" 1907 № 16: 13)

¹² Особенно интересно сопоставить два типа священнослужителей, которые пользовались популярностью и авторитетом в одно и то же время: о. Григория Петрова и о. Иоанна Кронштадтского .

и материальный подход к жизни, она очень незаметная - ведь деятельность идёт во имя человека - и поэтому соскальзывание с религиозного духовного роста через смирение и ограничение: рост духовного благосостояния таким образом, что никто не алкает себе доли другого, совершая этим заповедь братства на земле. Этому учил прославленный современник Г. Петрова о. Иоанн Кронштадский также принимавший активное участие в жизни, оставивший после себя учеников. Им инспирированы новые монастыри и церкви, богадельни, написаны поучения о достижении смирения и душевной благодати и радости в Боге. Слава его уже при жизни была великой, и верующие со всей Руси шли слушать его проповеди. Слово же о. Г. Григория было страстным, обличающим и бичующим порядки в России, а значит он в сущности проповедовал "несмирение". Духовный, христианский путь к счастью, как путь к Богу, превращается у Г. Петрова в поиск счастья через удовлетворение материальных потребностей всех членов общества. Он оказался в одном лагере с, как раньше говорили, "прогрессивной" частью общества России, судящих свою страну и призывающих к социальным переменам, в конечном счёте, к революции.

А. Халтсонен предрекает влияние Г. Петрова в России, так как, по мнению Халтсонена, именно такие люди нужны на стезе веры, чтобы поднять авторитет православной церкви (Haltsonen 1905: VI). Как известно, это пророчество не сбылось, в России власть захватило маргинальное в политической жизни, но крайне радикальное атеистическое крыло, которое уничтожило религиозное и духовное искательство из видимой жизни населения СССР, хотя "толстовцы" продолжали существовать ещё в 30-е годы XX века и весь советский период существовала рядом с официальной, подконтрольной ещё и "катакомбная" церковь. Существует возможность, что имя и идеалы Г. Петрова преодолеют забвение в ходе современного поиска путей России. Неожиданным подкреплением гипотезе А. Халтсонена стало переиздание в России в 90-е гг. XX века некоторых книг Петрова¹³, а в Болгарии Дечко Лечевым переиздана книга "В страната на белите лилии" в 1992, а в 2000 году - воспоминания Д. Божкова, друга и популяризатора Г. Петрова.

После большевистского переворота Г. Петров сохранял нейтральность по отношению к воюющим сторонам (Божков 2000: 189, 190), продолжая читать общеобразовательные публичные лекции, он двигался с армией белого генерала А.И. Деникина и вместе с ней эмигрировал из Крыма. В 1920 г. Г. Петров уже в Белграде. Он был приглашён в качестве профессора в Белградский университет. Писатель эмигрировал в Сербию, потому что в

---

¹³ По сведениям исследовательницы М. Витухновской в Киеве в 1991 переиздана репринтом книга "Долой пьянство" (1903 г.) и в 1994 г. переиздано репринтом с изд. 1902 г. "Евангелие как основа жизни" в Москве. Она же сообщила нам о судьбе второй семьи Г. Петрова.

Болгарию "не са му позволили да дойде" (Божков 1936: 8). Г. Петров не называет причины, но можно предположить, что скорее всего церковные власти воспрепятствовали въезду лишившемуся сана батюшке в Болгарию. Г. Петров продолжал свою интенсивную культурно-просветительную работу в эмиграции и, имея бесплатный билет, ездил по всей Сербии с лекциями, прочтя 1400 лекций за четыре года (Нурижан 1940). Период жизни Петрова в Сербии, ставшей для него второй родиной, представляет огромный интерес как с точки зрения финско-сербских отношения так и с точки зрения жизни русской диаспоры в Белграде, где было много знаменитых русских культурных деятелей. Г. Петров умер в Париже, куда он был послан на средства Министерства просвещения Югославии на операцию желудка. Согласно завещанию его тленные останки сожгли в крематории кладбища "Пер Лашез". Попрощаться с ним пришло много видных русских общественных деятелей. Его прах был перевезён в Сербию и похоронен по "христианскому" обычаю (Нурижан 1940) в Панчево, где ему был поставлен памятник (Божков 1926: 6) Вторая (невенчаная) жена Г. Петрова Зинаида Ивановна Красновская (позднее замужем за А.А. Егоровым) переехала в Мюнхен, куда перевезла и прах Г.Петрова. Их дочь Марина Конрид (род. в 1919 г.), крестница Д. Божкова, проживает в настоящее время в Мюнхене.

Разошлись пути двух современников: почившего на чужбине протопопа Г. Петрова и о. Иоанна Кронштадтского. Оставшийся верным своей пастырской службе св. Иоанн Кронштадтский прославлен и лежит в Петербурге в Иоанновском монастыре, куда к нему толпами идут паломники.

4.5 Русское феннофильство как источник феннофильства Г.С. Петрова

4.5.1 Фенномания и расизм

Говоря о путях Финляндии к независимости мы уже говорили о фенномании, Мы остановимся подробнее на этом явлении в финской жизни, чтобы сопоставить его с русской феннофилией. Финны будучи под властью шведов не имели настолько проявленного национального самосознания, чтобы сплотиться в борьбе против завоевателей. Это было закономерно, так как в этот исторический период национальное самосознание не было ещё выражено и народ идентифицировал себя скорее с религией или вождём (властителем). Финская исследовательница Айра Кемилляйнен относит пробуждение осознания себя отдельным

финским народом к концу XVIII века, временам Аньялаского заговора Й.М. Спренгтпортена. В это время существовало два понятия финского народа: Vanhojen perinteiden mukaan se tarkoitti sama syntyperä olevaa väestöä tai maan syntyperäisiä asukaita. 'традиционно это обозначало людей одного происхождения или родившихся в одной стране'. А. Кемиляйнен считает, что конкретно финская национальная идея - *фенномания* - родилась после 1809 года, и в новых условиях автономии термин приобрел политическую окраску. (Kemiläinen 1994: 44-45) Начиная с 60-х годов XIX века, общепризнанным вождём фенноманов был Ю.В. Снельман, который проводил прагматическую политику улучшения положения финноязычного населения в рамках существующего законодательства и в сотрудничестве с русской администрацией. Состоящее из интеллигенции Финское литературное общество выполняло роль просветителя народа путём публикации книг на финском языке. Ю.В. Снельман не видел необходимости в расширении политической деятельности в виде новых обществ или партий, считая существующие органы вполне достаточными и опасаясь раздробления сил и даже перевода деятельности на неверные рельсы при подключении к ней необразованного народа. Дальновидный расчёт Ю.В.Снельмана был в том, что лояльностью к русской администрации можно добиться гораздо больших уступок, а борьба может вызвать лишь нежелательные ответные реакции. (Liikanen 1995: 132-133)

В 70-е годы на политическую арену выходит новый деятель: фенноман Ирjö Коскинен (настоящее имя Georg Forsman). Он выступает за расширение деятельности среди народа и им создаётся Общество просвещения народа (Kansanvalistusseura), полагая, что следует расширить формы государственного правления, чтобы народ сам мог принимать в нём участие. На его взгляд, в целях объединения нации полезна только деятельность Финской партии, а остальные - вредны (Liikanen 1995: 133, 138). На видоизменениях идеи фенномании любопытно прослеживается проблема отцов и детей, когда дети с каждым поколением становятся на шаг радикальнее отцов. Ю.В.Снельман был несогласен с мыслью просветителей о гегемонии большинства. Он чётко различал понятия *kansa народ* и *rahvas*, имеющее в финском языке пейоративный смысл - *простонародье, толпа*. Ю.В Снельман считал, что власть большинства всегда приводит к тирании толпы и чревата опасностью катастрофы (Liikanen 1995: 124,136). И. Коскинен же проникается новыми идеями. Он пользуется новой "прогрессивной" риторикой, говоря о том, что ради гуманизма и человечности допускается революционная борьба, в случае, если других путей к прогрессу нет (Liikanen 1995: 137).

В 80-е годы переходят от философских размышлений к политической деятельности. На ниве фенноманского Общества просвещения народа *Kansanvalistusseura* возникли новые идеологические течения: рабочее, молодёжное и движение за трезвенность. Финская партия раскололась на радикальных и либеральных фенноманов. Радикалы во главе с Лаури Кивекясом (Lauri Kivekäs) во имя “святой воли народа” готовы были на более решительные шаги. Историк М. Клинге характеризует эту перемену в мировоззрении словами, что если И. Коскинен был против высшего класса, поскольку он был шведоязычным, то радикалы выступали против шведоязычных, поскольку они были высшим классом, т.е. классом угнетателей (Liikanen 1995: 312-314). Радикальное крыло слилось позднее с младофиннами.

Фенноманам пришлось бороться не только за права финнов, но и против получившей в этот период широкое распространение расистской идеологии. В свете европоцентристских и расистских теорий отношение к народам, проживающим от Европы в северном и восточном направлениях традиционно было пейоративным: финнов относили к отсталой монгольской расе, туда же по разным причинам (смешение крови и обычаев во время татаро-монгольского ига, владение “монгольскими” землями и пр.) относили и русских. Шведов же, благодаря германскому происхождению, относили к европейцам и им ставилась в заслугу цивилизаторская деятельность, которую они проводили среди отсталых финнов, придавая им необходимые культурные представления и обычаи. Этого “облагораживающего” воздействия была лишена чуждая, проживающая на территории России. Правда, финнам давалась роль помощников в противостоянии распространению русского варварства на цивилизованный Запад, форпостом которого являются Швеция и финские шведы (Kemiläinen 1994:113-114, 160-161).

В 50-е гг. XIX века как реакция на фенноманию возникла свекомания (шведомания), которая взяла на вооружение расистские и европоцентристские идеи. Свекоманы считали, что “Калевале”, как свидетельству финских духовных способностей, придаётся слишком большая роль, что на самом деле финны нуждаются в руководстве шведами и без их помощи не в состоянии поддерживать свою культуру и государственность (Kemiläinen 1994:145). Только с начала XX века средняя и высшая прослойки общества стали более широко использовать финский язык (Kemiläinen 1994:155). После Первой мировой войны, когда независимость Финляндии была предрешена, отношение консервативных кругов Швеции к финнам финской крови было злобным, превалировало мнение, что шведам следует сохранить в стране свои приоритеты, несмотря на нелюбовь к ним финнов (Kemiläinen 1994:165, 170). С этой задачей финские шведы справились. После получения независимости был принят

закон о двух государственных языках. Весь высший состав армии, а также интеллигенция и преподавательский состав университетов были большей частью шведами и преподавание велось на шведском языке. Из студентов третью часть составляли шведоязычные. А. Кемиляйнен видит в этом победивший шведский империализм (Kemiläinen 1994:163). Взгляд, что все культурные достижения финнов оказались возможными благодаря шведской диаспоре поддерживается и до сегодняшнего дня как это показало празднование дня Густава-Адольфа 6 ноября 1991 года (Kemiläinen 1994: 180, 178). Усиленная поддержка финского языка и культуры со стороны российского правительства была вызвана, конечно, не только альтруизмом, но и желанием оторвать Финляндию от Швеции, как это отмечается учёными. За фенноманией стояли идеологические мотивы ослабить позиции враждующих между собой сторон шведов и русских. (Sarajas 1968: 24, 33). Однако более чернили русских и Россию свекоманы, которые открыто защищали привилегии шведов и от финнов, и от русских (Sarajas 1968: 47-49)

А. Кемиляйнен, опираясь на работы В. Кипарского и Т. Вихавайнена, констатирует, что расистского отношения со стороны русских к финнам не было (Kemiläinen 1994:120). Совершенно освободиться от какой бы то ни было субъективной коннотации, будь она политическая или идеологическая, не могут и русские авторы. Письменно зафиксированная рецепция русскими финнов пережила различные этапы и у некоторых реципиентов выросла в феннофильство, явление имеющее свои типичные черты, на которые мы ниже укажем, так как они отложились в картине мира Г. Петрова и внедрились через него с помощью Д. Божкова в Болгарию.

4.5.2 К рецепции финнов русскими

В России к концу XIX века сложилось двоякое отношение к финнам. Не касаясь так называемого *финского вопроса* в политическом аспекте, коротко рассмотрим историю рецепции русскими финнов. В Финляндии начало изучения этого вопроса было заложено всемирно известным учёным славистом Валентином Кипарским. В качестве своего предшественника В. Кипарский называет П.А. Плетнёва (Kiparsky 1945: 7), статья которого "Finland i de ryska skaldernas sånger" была напечатана в 1842, т.е. за сто лет до появления собственного исследования В. Кипарского. В. Кипарский опирался в своём исследовании на не совсем полную библиографию М. Бородкина, охватывающую период до 1913 г. В. Кипарский задался целью, по собственным словам: "esittää venäjänkielisessä kaunokirjallisuudessa kuvastuvia Venäjän kansan mielipiteitä Suomesta ja suomalaisista" 'показать отражённые в русской

литературе представления русского народа о Финляндии и финнах' (Kiparsky 1945: 11).

Буквально за последние годы (1998, 2001) стараниями профессора-русиста Эрkki Пеуранена и исследовательницы Т.С. Тихменевоy-Пеуранен вышли две основополагающих антологий поэзии и прозы русских поэтов, писателей и путешественников о финских впечатлениях.

Столетия пограничного сосуществования оставили много культурных следов, таких как лексические заимствования, топонимы, фамилии, православие в восточной Финляндии и Карелии. Как известно, интерес к национальностям и их национальному своеобразию возник в Европе не так давно, всего лишь во времена романтизма, и к этому же времени относятся первые попытки "научного" описания характера представителей разных национальностей, хотя былички, описывающие быт (а быт связан с характером) существовали много раньше.

В связи с рецепцией русскими финнов коснёмся слова *чухна*, которое обычно в наше время воспринимается как пейоративное название финнов. В. Кипарский даёт этимологию этого первоначально совершенно нейтрального слова, которое наравне со словами *корела*, *сумь*, *вожане* и пр. обозначало одно из прибалтийских финно-угорских племён и восходит к готскому слову, означающему "народ". Основываясь на псковской летописи 1459 года, в которой описывается отделение финских земель от чухонских, В. Кипарский делает предположение, что скорее всего название *чухна* относилось первоначально к эстонскому племени. Впервые слово *чухна* относят к финскому племени (к ингерманландцам) в изданной в 1773 году истории Феофана Прокоповича, в которой он, рассказывая о прибытии воинов Петра Первого на Неву, сообщает, что там воины встретили простых и грубых людей, которые живут порознь друг от друга, но хитры: завидев воинов, они тотчас попрятались по лесам. В летописях отмечались светлоглазость (чудь белоглазая) финнов, шаманизм, знахарство, а также соприкосновения с финнами во время бесконечных войн со шведами. С начала XVI века в летописях уже более пишут о государствах, а не племенах. Псковская летопись говорит о Швеции, что земля эта бедная, а жители её грубая и тупая чудь, к которой все западные страны относятся с презрением. (Kiparsky 1945: 16-18)

Мало-помалу народность *чухны*, *чухня* начинает приобретать негативную коннотацию, скорее всего с подачи шведов, поскольку они находились в непосредственном общении с финнами, которые являлись их данниками, и только через Швецию, активно общающуюся с Западом, разрабатывающую расовые теории. Православная Московия сама была отторгнута от Запада татаро-монгольским игом и подвергалась в свою очередь изоляции католическим и лютеранским Западом, уже набравшим силу инерции европоцентризма, как своей "всехлучшестью" (воспользуемся

здесь словом В. Войновича). В. Кипарский сопоставляет негативную коннотацию значения слова *чухна* со значением слова *рюсся*, производного от шведского корня *gyska*, а не финского *venäläiset*, и, совершенно очевидно, вошедшее в финский обиход от шведов. Словарь современного русского языка в 18 томах (т. 17, 1965) даёт две формы: *чухна* и *чухонец* (соответственно мн. число: *чухны*, *чухонцы*), характеризуя слова как устарелые, просторечные, “с оттенком пренебрежения”. В “Толковом словаре живого великорусского языка” (4 т. с. 616) В. Даля эти слова также обозначают “насмешливое прозвище финнов”, но на наш взгляд, введение в статью со словом *чухна* слова *чушка* у В. Даля необоснованно. Автор данной работы родом из Сибири, где распространено употребление слова *чушка* в значении *свинья* или какой-либо короткий и толстый предмет, а к финнам это слово никогда не относили. Подтверждается это также статьёй в “Словаре современного русского языка” в 18 томах, а котором даются значения слова *чушка*: поросёнок, свинья, брусок, слиток металла в виде бруска, чурка, городки, но нигде слово *чушка* не соотносят со словом *чухна*.

В XIX веке в связи с распространением расистской теории всё шире стала объясняться связь культуры и поведенческого типа с географической средой обитания человека. Принципы географического и климатического детерминизма в том направлении, что суровый климат вырабатывает определённые черты характера, а также организм и внешность, разрабатывались ещё французскими гуманистами Мишелем де Монтенем и Шарлем Луи Монтескье в XVII веке. Ментальность нации оказывается предсказуемой. Суровый северный климат порождает людей грубых, с ограниченной мыслительной деятельностью, некрасивых. К таким в глазах европейцев относились не только северные народы, но также и русские. С суровой природой связана тяжёлая жизнь и бедность. Русские авторы довольно критично относились к делению на утончённый запад и грубый восток, они также не переняли презрительного отношения к северным народам (см. Kiparsky 1945, Kemiläinen 1994).

В первых путевых заметках красной линией проходит восхищение девственной природой, ушедшей в прошлое славной забытой историей и сочувствие к “пасынкам” природы. Одним из самых ранних описаний жизни финна является отрывок из рассказа Александры Хвостовой “У камина” (1795). Рассказ вызвал восторг в современниках и переиздавался четыре раза, в последний раз в 1844 году. Писательницей были созданы образы *каменистых, бесплодных полей, хищных коршунов, грусти-печали и бедности в лачугах, тяжкого труда и орошённой слезами горбушки*

мякинного хлеба, переросшие в клише¹⁴. Поэт К. Н. Батюшков, служивший в Ваазе и Наантали пишет 1807 году стихотворение, в котором повторены все вышеприведённые клише:

Там финна бедного сума
 с усталых плеч валится,
 несчастный в уголке садится
 и, слезы утерев раздранном рукавом,
 доглаживает хлеб мякинной и голодной...
 Несчастный сын страны холодной,
 Он с голодом, войной и русскими знаком!
 (ФА, 1998: 2)¹⁵

Русские бывали и до 1808 года на географической территории обитания финнов, но с присоединением её к России гораздо большее количество русских побывало здесь, кто по военной службе, кто по административной, а также и просто в качестве путешественников и отдыхающих. Золотым временем Финляндии в русской поэзии В. Кипарский называет время золотого века русской поэзии. Отношение к финнам было совершенно лояльно, даже сочувственно. Е. А. Баратынский, много написавший о Финляндии, ни разу не употребил о финнах названия чухонец. (Kiparsky 1945: 46) Мнение об умении финнами волховать подтверждается в "Руслане и Людмиле" А.С. Пушкина, где Финн, влюбившийся в Наину, стал колдуном. У А.С. Пушкина же повторен образ: *приют убогого чухонца* в "Медном всаднике" - в этих образах нет антипатии. Возможно, что со времени присоединения Финляндии, тесного соприкосновения русских с финнами, правда, в основном петербургского ареала, которые массово начали искать работу в Петербурге, - термин *чухна* в своём пейоративном значении окончательно отделился от нейтрального названия народности. Нам представляется, что, начиная с 20-х гг. XIX в., употребление слова *финн* или *чухонец* становится заявлением о своей позиции по отношению к финнам, позиции, которая сформировалась, на наш взгляд, под влиянием шведского высшего и среднего классов, с которыми, главным образом, общались находящиеся на финской территории русские чиновники и офицеры. Мы полагаем, что слово *чухна* относили прежде всего к низшим слоям общества, то есть конкретно к финнам, а не к финским шведам.

Именно наличие в стране двух различных наций придавала оценкам "финнов" - двойственность. Финляндский социум резко делился на власть предрержащих финских шведов и на представлявших низшую прослойку, необразованных земледельцев - финнов. Двойственность оценок

¹⁴ Отметим, что эти образы были свойственны литературному течению сентиментализма, но в финском контексте они пережили эпоху сентиментализма.

¹⁵ Здесь и далее отрывки из стихотворений цитируются по "Финскому альбому".

объясняется тем, что авторы воспоминаний, путевых очерков и литературных произведений соприкасались с делящими один ареал обитания двумя прослойками: “финна”- шведа, как европейски образованного человека, и “финна”, вкушавшего в бедной лачуге орошённый слезами мякинный хлеб. Первая прослойка, хотя и называется авторами *финнами*, на самом деле говорит на шведском языке и не делит с другой, большей по численности прослойкой, её горестной судьбы.

Дуализм проявляется также и по причине существовавших в это время исторических ошибок. Сама Екатерина Вторая написала пьесу, в которой романтически превозносится великое прошлое финнов, полагая Рюрика, призванного навести порядок на Руси, сыном “финского короля Людбрата”. Однако же, побывав в Хамине (1783), она пишет будущему императору России, своему сыну Павлу, о бедной природе Карельского перешейка и извилистых плохих дорогах (Kiparsky 1945: 27). Сентиментальные зарисовки природы и быта соответствуют стилю времени, но с другой стороны дикости: не образ бедного селянина, а усталого землепашца, дикой природы и плохого климата, и в-третьих, перенос мифического оссианства¹⁶ на финский географический ареал. К.Н. Батюшков видел наскальные рисунки: “таинственные знаки, рукою неизвестной начертанные” (ФА 1998: 3), и предполагал возможность того, что на скалах был когда-то храм Одена, а по морским волнам неслись корабли Одена, Артура и Гаральда. К.Н. Батюшков как никто проникся Финляндией. О петроглифах пишет и А.А. Бестужев-Марлинский:

“...Жаркие и влажные перуны
Нарезали чуть видимые руны ...
И с древних гор заветные скрижали
Мне дивные пророчества роптали”
“Финляндия” (ФА 1998:43)

В снегах, холоде, под суровым серым небом он видит “пламенное воображение” обитателей, врезан с расисткими тезисами о грубости северных народов. “Северные народы, - пишет К.Н. Батюшков (1809), - с избытком одарены воображением: сама природа, дикая и бесплодная, непостоянство стихий и образ жизни, деятельной и уединенной, дают ему пищу”¹⁷ (ФА 1998: 4-5). У К.Н. Батюшкова преобладает идея Скандинавского мира вообще и нет заметного его разграничения на Финляндию и Швецию” (ФА 1998:293). Русским поэтам видятся

¹⁶ “Песни Оссиана, сына Фингала” (1763) литературная мистификация шотландского поэта Джеймса Макферсона была переведена на русский в 1788 году А. Дмитриевым братом поэта Ивана Дмитриева, писавшего на финскую тему.

¹⁷ Кстати, к выводу о воображение и страстности финнов приходит и современная исследовательница этнолог С. Лурье. (Лурье 1997: 233).

плывущими в облаках по небу Финляндии тени тех, чей след давно исчез: *сыны могучие сих грозных, вечных скал* (“Финляндия”).

Природа Финляндии: густые тёмные ельники, огромные сосны, растущие на гранитных скалах, шумящие пороги и водопады - производили неизгладимое впечатление на европейцев и, особенно, русских, привыкших к открытому горизонту. Эти особенности финской природы повторяются в стихах и путевых заметках русских авторов. Этому посвятил свои стихи “Пороги” Г. Р. Державин, посетивший в 1791 г. по долгу службы Олонец и Иван Дмитриев, прошедший в окрестностях Хамины в 1788 года около четырех месяцев. Извивающаяся среди густого необитаемого ельника дорога вызывала страх, по мнению В. Кипарского, ведь у русских лес мог быть населен лешими и прочей нечистью, а также разбойниками. (Kiparsky 1945: 29)

Во многих произведениях сквозит восхищение первозданной красотой, силой и мощью природы: *Там необъятными водами / Слилось море с небесами* (Финляндия 1820), бесчисленные лирические обращения посвящаются водопадам, дремучему бору, скалам, покрытым мхом и каменным громадам:

Я видел вас, граниты вековые,
Финляндии угрюмое чело ...
Там рыщет волк, от глаза свирепея,
На черепе там коршун точит клюв,
Печальный мох мерцает следом змея,”

и далее:

“Там силой вод пробитые громады
Задвинули порогом пенный ад,
И в бездну их крутятся водопады, /
Гремучие как воющий набат”

Реже можно встретить легкое, лирическое описание, как в том же стихотворении:

“И с крутизны в пустынные заливы,
Как радуги бегут ключи игривы”
А. А. Бестужев-Марлинский “Финляндия” (ФА 1998; 43-44)

Без сомнения в восторгах, которые воздаются истории и природе Финляндии, большую роль играют поэтические формулы романтизма. Наряду с ними существуют реалистические описания. Поэты из России, - пусть, по мнению западных соседей, страны с климатом морозным и снежным, - всё же привыкли к резкой смене времён года: весёлому крепкому морозу зимы, сиянию весны, жаркому лету, золотой осени, поэтому им трудно привыкнуть к пасмурности близкой к Заполярью Финляндии. Они жалуются на плохую погоду не столько из-за холода,

сколько из-за серости и сырости. Естественно, в этих жалобах присутствует ностальгия по родине, от которой они оторваны по долгу службы:

Здесь солнце тусклое не греет,
Здесь нет поры условной года
здесь только стужа иль тепло,
неволью сердце каменеет
В безлюдьи каменной глуши,
Привык к убийственному краю...
Н. М. Коншин "Финляндия" (ФА 1998: 34-35)

Прощай, отчизна непогоды,
Печальная страна,
Где дочь любимая природы,
Безжизнена весна
Где солнце нехотя сияет,
Где сосен вечный шум,
И моря рев, и все питает
Безумье мрачных дум.
Е.А. Баратынский "Отъезд" (ФА 1998: 12)

Преклонение перед красотой страны: *всё безмолвно, всё торжественно* в этой первобытной, древней природе, где всё во мху - сохраняется у всех русских авторов, писавших о Финляндии.

После восстания декабристов в 1825 году Николай I принимает решение не дать проникнуть революционному пожару из Европы в Россию, для чего им, в частности, ограничивается возможность для своих подданных выезжать за рубежи своей страны. Считается, что это частично сыграло свою роль в том, что русские, а в основном петербуржцы, облюбовали для летнего отдыха живописные местечки в Финляндии и Эстонии, на берегу Балтийского моря и озёр. Начинается так называемый туристический период знакомства с населением финской территории. Многие "туристы", не обязательно посвятившие себя литературной деятельности, тем не менее писали путевые заметки и публиковали их в российских журналах и газетах. Многие из них В. Кипарский считает очень низкими по уровню и он приводит примеры невежества некоторых авторов (см. подробнее: Kiparsky 1945: 65 - 68). Следует заметить, что этот жанр недостаточно исследован и, впрочем, с точки зрения нашей работы излагать весь спектр русских представлений за столетнее тесное общение с финнами не представляется нужным. Кипарский приходит к выводу, что в 40-е гг. XIX века ко времени основания кафедры финского языка в Александровском университете русские уже поняли:

"että suomalaisen yläluokan länsimäinen sivistys oli itse asiassa ruotsalaista ja että todellinen vanha suomalainen kulttuuri oli jotakin aivan toista, ei kansainvälistä "länsimaista", muttei myöskään sitä primitiivistä "ossianimais-skandinaavista" ... ennen pitkään omaksuivat siihen [suomalaiseen kulttuuriin. L.S.] ... ihailevan, mutta hieman säälivän asenteen". (Kiparsky 1945: 74)⁵

4.5.3 Русское феннофильство конца XIX - начала XX века

В. Кипарский вводит в оборот термин *русские феннофилы*, взгляды которых по его мнению, ярко выражаются у Я.К. Грота, П.А. Плетнёва. Навряд ли стоит связывать проблему рецепции финнов в России с западниками и славянофилами, как это делает В. Кипарский. Мы сомневаемся в том, что восприятие финнов западниками отождествлялась с Западом и той западной европейской цивилизацией, которая рассматривалась западниками, как пример для развития России. Этому противоречат приведённые нами примеры описания путешественниками Финляндии в духе древнего оссианства и экзотичности, а также жалости к людям, вынужденным жить в столь суровом климате.

Постоянным эпитетом является слово *маленькая*. Когда эта небольшая территория была включена в состав России, там проживало всего 850 тысяч человек и, хотя количество населения выросло до 3 млн. человек, для россиян она как и раньше оставалась маленькой и беззащитной (см. Петров 1910), зажатой между двух сильных держав - Швеции и России - жертвой, пострадавшей от войн между этими государствами. Основной идеей русского феннофильства было право финнов на развитие своей культуры. Поэтическая красота и философская глубина эпоса "Калевала", красота гибкого и звучного языка отмечалась многими авторами (Kiparsky 1945: 75-77, 81- 82) - "Калевала" была залогом ценности и самобытности финской культуры. Иногда в восхищении финскими духовными ценностями проскальзывала та интонация, когда восхищаются достижениями маленького или ребёнка. Однако считалось, что народ, создавший эти ценности, не только был в состоянии улучшить свою материальную жизнь, но и имел право в составе России требовать поощрения своей экономике. С тривиальной точки зрения трудно было найти общее между гигантом Россией и крошкой Финляндией. Соответственно логике, что маленькая, слабая, беззащитная страна не может ждать ничего доброго от большого грозного соседа создавалась презумпция мнения, что русско-финляндские отношения есть притеснение сильным слабым. (Похлебкин 1975: 266) Этим объясняется противоречивость и раздвоенность заявлений Г. Петрова, когда он, с одной стороны, говорит, что Финляндии хорошо быть под защитным крылом России и тут же обрушивающегося на Россию с обвинениями во всём дурном, привнесённом русскими в Финляндию, что якобы не свойственно финнам¹⁸ (Петров 1910). Что касается славянофилов, то отмечая

---

¹⁸ Все авторы-феннофилы обходят полным молчанием мечты финнов о "Великой Финляндии" (Похлебкин 1975: 247), осуществившись которая, несомненно были бы затронуты интересы других народов, или полное равнодушие финнов к судьбам саамского меньшинства, кровавые распри и расправы во время гражданской войны

самобытность славян и отстаивая для России свой собственный путь исторического развития, славянофилы не отрицали самобытности других народностей и их права развиваться в дискурсе своей культурной традиции¹⁹.

Симпатии к Финляндии, феннофильство, было более распространено у “прогрессивно” и радикально настроенной интеллигенции. Это был поиск положительного примера, поиск почвы для жесткой критики русскими интеллигентами обстановки в своей стране, и русского правительства. Хороший пример для своего “отсталого” народа и “отсталой” государственности (царизма) и экономики искали на Западе и, в частности, в Финляндии, а моральные язвы, которые виделись многим авторам у “своих”, стремились излечить примером “других”, в том числе финнов.

Одним из наказаний, которые применялись к революционным активистам был запрет проживания в столицах. В 1907 году в их числе оказался и Григорий Петров. Дачи на Карельском перешейке, Иматра, Выборг, Хельсинки стали местами, где совсем рядом с Петербургом можно было заниматься революционно-пропагандистской деятельностью, под защитой финской автономии, при поощрении и поддержке тех, которые хотели ослабить Россию. (Ketola 1985, Kujala 1985) Создавалась видимость больших демократических свобод в Финляндии.

Suomen alkavaan taisteluun kansallista sortoa vastaan he tietenkkin suhtautuivat myötämieleisesti sitä suuremmalla syyllä, kun he eivät ollenkaan ajatelleet vihaamansa tsaarivaltion etuja, vaan elivät abstraktisten ihanteittensa lumoissa. “Sorrettu sivistynyt Suomi-raukka” oli yksi heidän monia samantapaisia iskusanojaan” [подч. Л.С.] (Kiparsky 1945: 102).⁶

Некоторые революционеры, скрывавшиеся на дальних финских хуторах, разочаровались в финском быте. (Kiparsky 1945: 119, Kujala 1985) Но при критическом отношении к недостаткам своей родины превалировало утрирование положительных черт как самих финнов, так и социальных условий в Финляндии. Даже такие авторы, как В. Соловьёв, В. Брюсов, А. Блок, Максим Горький, А. Куприн - уазывая на положительные стороны жизни финнов, не хотят видеть, что всё это происходит на государственной территории России, не хотят видеть заслуг метрополии в поддержании культуры и экономики своей периферийной территории. Так Е. Водовозова в своей статье “Финляндия” (1899). пишет, что вплоть до середины XIX в.

1918 года. Обо всём этом Петров не мог не знать в 20-х гг., когда завершал работу над своей книгой “В стране белых лилий”.

¹⁹ Ярким примером этому является поддержка, оказываемая славянофилом А.Хомяковым латышскому национальному движению, поздравление Ивана Аксакова по случаю открытия финского сената 14.9.1886 г. и пр.

финны голодали, а в 1899 восхваляется их прекрасное сельское хозяйство. Заслугой этого являются прекрасные этические качества финнов и их необыкновенное трудолюбие и любовь к своей маленькой стране. Достижения Финляндии ставятся в пример России и русским, хотя именно Россия поощряла финскую экономику, а сама уже в течение десятилетий являлась “житницей Европы”. Всё положительное в Финляндии подразумевает упрёк России, что в ней, якобы, всё наоборот. У русских “прогрессивных” деятелей стало модным высмеивать себя, как говорит В. Кипарский:

“1900-luvun alussa, kun venäläisten tavaksi tuli itsensä pilkkaaminen tekivät [...] kirjailijat tällaisissa tilanteissa venäläiset, eivätkä suomalaiset naurunalaisiksi” [подч.Л.С.](Kiparsky 1945: 79)⁷

У многих русских, вполне в дискурсе того явления, который называется этноцентризмом, существует относительно финнов, как соседней народности, и насмешливое отношение, как и к немцам, хохлам и другим, и, наоборот, у тех - к русским. Такое отношение и употребление слова *чухна*, за которым маячил образ грязного полудикого оборванца, единственное предназначение которого было обеспечивать петербуржцев хорошим чухонским маслом, феннофилами порицается, они становятся на защиту прекрасного финского народа.

Тщетно, например, М. Е. Салтыков-Щедрин опровергал честность финнов “у русских они воруют охотно” писал он в 1886 г. в “Мелочах жизни”. Показывались негативные черты финнов и другими писателями, но они как-то, в конце концов, не приживались на русской почве. Симпатии к маленькой, обделённой природой Финляндии и строгий суд над Россией побеждают объективное отображение финской жизни даже у такого искателя истины, как писателя-толстовца В. Брюсянина в его книге “Страна озёр” (1916).

Напрашивается вывод, что реалистического описания финской действительности в русской литературе, практически, не было. От оссианизма перешли к сочувственному отношению к народу, обделённому природой и судьбой: не имеющей своей национальной свободы. Количество интересующихся Финляндией и знающих её людей было невелико, а тех, которых можем назвать русскими феннофилами - ещё меньше. Но среди них были одни из самых известных писателей и культурных деятелей России: Е.А.Баратынский, В. Одоевский, Я.К. Грот, В. Головин, П.А. Плетнёв, А. Куприн, М. Горький, В. Брюсов, А. Блок, В. Соловьёв, Г.С. Петров и другие. Благодаря убедительности их слова и имени резонанс мнения о финской национальной исключительности был весьма силен.

4.6 Д. Божков и его роль в переносе феннофильства Петрова на болгарскую почву

Свещеник Димитър (Диньо) Иванов Божков²⁰ (1876-1946) - известный болгарский публицист, издатель журнала "Духовна пробуда" был другом и единомышленником Г. Петрова. Идеологическая направленность журнала отвечала названию и была обусловлена идеями Петрова о живой вере. Эпиграфом к журналу были взяты слова Иисуса Христа "Аз съм път, истина и живот" и было специально обозначено, что журнал издаётся "при най-близо участие на о. Григорий Петров". Д. Божков стал той пробивной силой, которая сделала имя Петрова известным в Болгарии и, в сущности, в цепочке следствий и причин, играет главную роль в распространении петровской книги "В страната на белите лилии". Можно сказать, что без усилий Д. Божкова эта книга вполне могла бы остаться неизвестной миру и вследствие этого Финляндия не имела бы той привлекательной известности, которой она обязана Д. Божкову за издание книги "В страната на белите лилии". Уважение Д. Божкова к Г. Петрову не случайно. Г. Петров косвенно спас ему жизнь. Вот как описывает это сам Д. Божков, рассказывая о времени своего обучения в Казанской духовной академии: "В академията имаше дори дни, когато идвах до съмнение в смисъла на живота. Недоумявах, защо живея и ми идваше мисъл да се откажа от живота. Което слушах на лекции, не ме задоволяваше. То беше схоластично, не засягаше нито една струна на душата ми, беше истинско мъртвило" (Лечев 1992: 4-5). В 1898/99 учебном году Д. Божков случайно наткнулся на брошюры Г. Петрова, которые открыли перед ним новые горизонты: "разбрах защо живея и трябва да живея" (Лечев 1992: 5). Уже в 1902-3 гг. первые петровские статьи в его переводе были напечатаны в болгарском журнале "Църковен вестник".

Закончив обучение в Казанской духовной академии и вернувшись в Болгарию, Д. Божков подвизался на разных должностях, ему предлагали даже место министра культуры, но он посчитал себя недостойным этой высокой должности. Большую часть жизни он был преподавателем русского языка и Закона Божьего в разных учебных заведениях. В 1909/1910 году Д. Божков в качестве преподавателя русского языка был откомандирован на специализацию в Петербург. Г. Петров переживал в это

---

²⁰ Многие произведения Г. Петрова печатались в Болгарии раньше, чем в России. Так, написанное в связи с разногласиями с Синодом петровское "Верую", о котором Д. Божков сообщает читателям, что "между скоби сказано, редакция на "Дух. пробуда" ще го има преди да бъде печатано на руски" ("Дух. пробуда" 1907 №16: 12). Большинство из послереволюционных произведений Г. Петрова вышли в свет только на болгарском языке.

время трудные времена. Согласно воспоминаниям Д. Божкова, жена Г. Петрова, Мария Капитоновна, выучившись на доктора, стала работать совместно с известным учёным И. П. Павловым, с которым сошлась, покинув мужа. Сын в это время учился за границей. Г. Петров потерял священнический сан и соответственно законам не мог проживать в столицах. Чтобы быть ближе к своим друзьям и единомышленникам, Г. Петров поселился в Выборге.

“Във Финландия намираха приют и убежище всички руски духовни и политически неблагонадежни елементи. Там никой не ги закачаше и руските власти не можеха да ги преследват както в чужда държава” (Божков 2000: 184-185).

В 1909-10 г. Д. Божков прожил у Г. Петрова в Выборге около двух недель, и вместе с Г. Петровым дважды посетил Хельсинки. Д. Божков говорит о роли Г. Петрова в своём восприятии Финляндии: “Без него аз нищо нямаше да разбера за Финландия, като страна модел за много други страни”, - и продолжает, указывая на тех туристов, у которых не было счастья иметь такого спутника в Финляндии как Г. Петров, и поэтому они ничего не поняли в финской жизни:

“както не се разбрали много и много българи, които преди мене са посещавали Финландия /.../ Ходили и се връщали. Не забелязали светлото в живота и историята на Финландия, което обърнало просветеното внимание на Гр. Петров, което и аз видях благодарение на него” (Божков 2000: 187-189).

То есть бывали в Финляндии и другие болгары, но они не стали феннофилами, поскольку с ними не было русского феннофила Г. Петрова. Именно Г. Петров сообщил Д. Божкову сведения об истории и культуре Финляндии, водил в музеи и театры, библиотеки и книжные магазины, а также дал характеристику финнов, к которой мы вернёмся ниже. (Божков 2000:186). Д. Божков описывает на десяти страницах "Бележки от преводача" свои впечатления от этой поездки, приложены также фотографии.

Установка на социальную проповедь и на активное участие в политической и социальной жизни была сознательным выбором "петровцев". Толстовцы верили в личное исполнение заветов Христа и силу примера. Они удалялись в коммуны, стараясь жить по заветам Христа в толковании Л. Н. Толстого. Петровцы, комментируя новый журнал "Живот", который стал выходить вместо угасшего за отсутствием средств журнала "Лев Толстой" (органы печати софийских толстовцев), в редакционной статье своего журнала "Духовна пробуда" - указывают на малочисленность толстовцев-непротивленцев и на их неправильную стратегию: невозможность изменить жизнь, удалившись в коммуны, уйдя от пусть и "мутной", однако настоящей жизни. В статье почин толстовцев

называется симпатичным, но наивным начинанием, "авантюрой" (правда, взято в кавычки), которая останется "яловой" и "ще отиде на пусто", "жизното течение ще ги залее, задуши". ("Дух. пробуда" 1907 № 1: 13) Предсказание исполнилось - движение непротивленцев и журнал "Възраждане" распались в Болгарии, но только перед Второй мировой войной. "Духовна пробуда" имела гораздо более короткую биографию и его цели просветить общество и подготовить людей силой слова, с тем, чтобы общество однажды "целокупно да се обяви против всеко вид насилие, против всеко зло" ("Дух. пробуда" 1907 № 1: 13) тоже не осуществились.

Д. Божков являлся переводчиком, издателем, редактором, продавцом петровских книг. Он отвечал на сотни заказов, сам делал рекламные афиши и расклеивал их на улицах. Его усилия в пропагандировании дела Г. Петрова имели невиданный успех. Не было такой окраинной деревни, где бы не было книг Г. Петрова, а прежде всего книги "В страната на белите лилии. Финландия - Суоми". Д. Божков говорил, что переводил он работы Г. Петрова лично сам. "Дори не го превеждах, а го предавах на български. Поглъщах го, смилах го и го предавах на български вид. Превеждах го така, как той би писал на български. (Божков 2000: 23)

Образовалась культурно-общественная группа "Григорий Петров" во главе с председателем проф. Парашкевом Стояновым. В числе её членов были переводчик доктор Н. Ненов и Д. Божков. Появились ораторы, которые проводили лекции о петровских идеях, среди них были полковник и журналист Л. Люлински, Стефан Цанков, адвокат Михаил Минчев. Залы были битком набиты. Добровольцы шли продавать книги Г. Петрова в дальние деревни. К Д. Божкову приходили люди благодарить его за петровские книги и они рассказывали, что собираются вместе, чтобы читать книги Г. Петрова вместо того, чтобы идти в корчму. "По-хубави книги не сме чели", говорили они. Д. Божков с удовлетворением отмечает, что "От 1925 до 1930 г. и малко по-нататък България стана Григ.-Петровска" (Божков 2000: 194). Не случайно до сегодняшнего дня не забыта *Страна белых лилий*, а вместе с ней и Финляндия.

Наблюдая эту идеализацию Финляндии следует уточнить, что Г. Петров в книге "В страната на белите лилии" целыми страницами описывает трудную и нравственно низкую будничную жизнь финна. Но показав трудности, Г. Петров сосредотачивается на поиске путей, как вывести народ и страну из морального падения. Он рассказывает, что в итоге нашлись снелъмановцы (Лука Макдональд и другие положительные типажи), которые пожелали повернуть жизнь в русло благоденствия и преуспели в этом. Г. Петров выдаёт желаемое за уже осуществлённое. Д. Божков же совершенно отказывается видеть отрицательные стороны во время своего пребывания в Финляндии и "видит" лишь то, что Г. Петровым выводится как идеал. Всё предисловие, написанное Д.

Божковым, превращается в дифирамб финскому народу, носителю положительных черт этической бинарной оппозиции.

Естественно, возникает потребность заполнить нишу отрицательной позиции. Эту нишу занимает Россия. Она является поработителем и всё русское приобретает негативность в глазах Д. Божкова. Это несколько неожиданно, учитывая традиционную болгарскую симпатию к России и благодарность России за своё освобождение, а во-вторых, Финляндское автономное княжество тоже “неким образом” являлось Россией, так как входило в Российскую империю, и, наконец, именно Россия предоставляла ему особый, выгодный для него статус, о чём, кстати, не раз говорит Г. Петров. Божков сравнивает быт русских и финнов всегда в пользу финнов, не соотносясь, как нам кажется, с объективными причинами, например многолюдности, т. е. загруженности, когда он, говоря о вокзалах, отмечает, что “при фините е чисто и има ред и тишина”. “Свободата там се цени високо, но не се разбира така, че да се създават свободно неприятности на другите”, что, по логике Божкова, очевидно, принято у русских и пр.

Раз увидев Финляндию глазами своего идола, Д. Божков навсегда запечатлел её в своём восприятии как идеал. Отношение Д. Божкова к Петрову близко к обожествлению. Он восхищается не только идеями Петрова, но и формой изложения их: “Език ясен, изразителен, отривист и винаги картинен. Стил съвършен” (Божков 2000: 180). Простота изложения такова, что Д. Божков сравнивает речь Г. Петрова с Христом: “Така е говорил Исус Христос”. Эрудиция и память Г. Петрова, его обычай начинать и завершать свои труды прекрасной цитатой из творений выдающихся гуманистов также восхищали Д. Божкова. Он истинный “акушер” на своих лекциях: будит сознание слушателей, которые рождаются заново, желая понять свою жизнь, устремляясь к истине, чтобы начать жить как люди. (Божков 2000: 181) “Аз лично бях изцяло под влиянието на Гр. Петров. Той за мене бе истински учител. Духовно живеех чрез него и неговите писания. Поглъщах всяка мисъл, всяка негова дума. Подражавах му без да искам. Дори почнах да пиша както той пишеше. Някои не различавах мой почерк от неговия. Като апостол Павел можех да кажа: “не аз, а Гр. Петров живее в мене”. (Божков 2000: 182) “Аз се слях с Григория Петрова. Неговите убеждения станаха мои убеждения. Вярата му стана моя вяра. Което говореше, което пишеше, което вършеше, смятах, че сам аз го пиша, говоря и върша. Той един вид се въплъти в мене”. (Божков 2000: 23)

Д. Божков продолжает: “Дотам се вживях в мислите и идеите на тая писател”, что иногда они с Петровым писали, не зная об этом, одинаковые статьи (см. Божков 2000: 182). В другом месте Божков говорит: “Духът на Гр. Петров бе в мене и аз работех всеотдайно /.../ работех не за пари, а защото работата ме правеше щастлив” (Божков 2000: 195). Судя по

отношению к Г. Петрову и своим возвышенным идеям, очевидно, что Д. Божков был один из лучших представителей болгарского народа: честным и искренне преданным своей родине человеком, во имя которой он проделал огромный просветительский труд. Вывод может быть только однозначным: без деятельности Д. Божкова перенос русских феннофильских идей в Болгарию не осуществился бы.

4.7 Опыт описания финского национального образа в картине мира русского и болгарина

Много сиротливой тихой грусти в финляндской природе, скорбного одиночества, но нет ни сурового величия, ни пьянящей яркости. Камни, поросшие мохом. Гранитные глыбы. Ельник и сосна. Унылые болота. Бледно-зелёная даль озёр под бледно-зелёным небом "Край бедный. Бедный всем кроме одного. Кроме энергии, упорства в труде. Кроме любви к своей скудной почве. [подч. Л.С.].

Прочитав эти строки трудно назвать автора, написавшего их, или назвать автора оригинальным, настолько клишировано как описание природы, так и грустная соболезнающая интонация, создаваемая словами *грусть, одиночество*, а также эпитетами: *сиротливая, тихая, скорбное, унылые, бедный, бледнозелёный*. Слова эти написаны Г.С. Петровым (1910: 24). Эпитеты при характеристике Финляндии уменьшительно-ласкательные. Природа напоминает "чистенький, но много раз стиранный, дешёвенький ситец", но финляндцы страстно любят "свой маленький, бедный край" (Петров 1910: 23) Симпатию вызывает крошечность всего, игрушечность: города могут уместиться на "широкой ладони", они "словно красивая игрушка", домики, как наклеенные "на картоне для выставки", в домах "уютность", "маленький скромный приморский городок" Або, "В стране всё маленькое: и города маленькие и достатки края маленькие, но благоустройство большое" Петров не задаётся вопросом, откуда в бедном крае при *маленьких* достатках *большое* благоустройство, и продолжает в тоне назидательного недовольства русской действительностью: "о нашей русской неблагоустроенности, разрухе, неприбранности, нечёсанности, распушенности здесь нет и помину" (Петров 1910: 26) - полностью в жанре критического отношения "прогрессивного" русского интеллигента в конце XIX начале XX вв. Образы Финляндии и России:

"ovat täynnä ennakoluuloja, kliseita, myyttejä ja paradokseja. Niin hyvä kuin pahakin tahto ovat synnyttäneet käsityksiä, jotka ovat eläneet pitkään ja sitkeästi" (Pesonen 1991: 107).⁸

Петров признаёт благотворное для Финляндии время под защитным крылом России. Как шведы, так и русские не единокровны финнам "с тою

только разницею, что со шведами у финнов были и не исчезли ещё старые культурные счёты, а России финны обязаны тем, что они под крылом её получили возможность возродить и развить свою духовную самобытность" (Петров 1910: 45). Г. Петров даёт поэтический образ Финляндии соответствующий скульптуре известного финского скульптора Эмиля Викстрема: молодая сильная рослая женщина, финка, фигура которой полна "глубокой-глубокой думы о чём-то важном, большом и далёком" на лице "не страдание, не скорбь и даже не грусть, а как бы загар былого горя". Но это былые страдания, сейчас (в составе России. Л.С.) она: "и счастлива, и сильна, которая за будущее может быть уверена, но которая в ранней молодости пережила много тяжёлых, мучительных и страшных дней. И эти дни пусть даже забыты, но они *были* пережиты. Они обожгли душу страны. Наложили на жителей её свой отпечаток" (Петров 1910: 37). Эти мучения Г. Петров относит к "чуть не 1000-летнему" шведскому игу: существовало желание ошведить финнов: школы, суды, пасторы, университеты - "всё было шведское". (Петров 1910: 41)

Финский национализм, по Г. Петрову, своеобразен: у народа есть стремление к сохранению своей национальной самобытности и культуры, но нет к политической независимости. Подобного стремления не было у финнов и при шведах (Петров 1910: 38-39). Теперь финны хотят очиститься от всего шведского: "Переделявали на финский лад свои фамилии. Собирали свои, финские, народные песни. Упорно, как кроты, стали строить свою, финскую": школу, печать, музыку, театр, искусство (Петров 1910: 41). Стремление отвергнуть шведское, по мнению Г. Петрова, принимало даже уродливые выражения. "Я делал опыты, - в разных городах Финляндии обращался на улице к городovým с вопросами на шведском языке, и мне почти всегда отвечали по-фински: "Эй юмря" (не понимаю). На русские же вопросы, хотя и ломанным языком, но отвечали" (Петров 1910: 42). Не забывает Г. Петров и о "внутреннем" самоуправлении, бывшем в шведской восточной провинции, но, подчёркивает Г. Петров, оно не было общенародным, а сословным. В Финляндии можно услышать много жалоб на мелкие обиды, доставляемые финляндцам русскими "патриотами", "но вам обязательно скажут: "Конечно, Финляндия своим расцветом обязана России" (Петров 1910: 48). В полемическом пылу Г. Петров посвящает страницы "ненавистникам народных прав", "поджигателям ненависти", которые опасаются сепаратистских устремлений финнов: "прямо противно слушать эту наглую и прежде всего глупую ложь и клевету [...] В углу России, подле слабой и маленькой Швеции, Финляндия по отношению к России всё равно, что куриное яйцо под мышкою у великана. Мыслимо ли, чтобы яйцо стало независимым, чтобы отбросило от себя великана?" (Петров 1910: 50).

Авторы испытывают по отношению к Финляндии симпатию, даже можно сказать любовь-жалость по многим причинам: из-за, во-первых, тяжёлых климатических условий. Д. Божков говорит, что пришедшие с Урала финны поселились на своей нынешней родине: "защото никой там не живеял и не можел да живее"²¹; во-вторых, из-за несправедливой человеческой судьбы, трудных условий жизни "luonnon surullinen roikaruoli"; в-третьих, из-за того, сто она такая "маленькая", "бедная", "неопасная", "беззащитная", "обиженная".

Но в Финляндии есть и необъяснимое волшебство и очарование: "Saiman rannan pumfi" 'Нимфа Сайменского побережья' (Pesonen 1991: 107). Д. Божков, исходя из тезиса о плохих климатических условиях, превозносит финнов, как народ преодолевший трудности и превративший свою родину в благоустроенную страну:

"Защото, наистина, страната на блатата, С у о м и, е сега в известен смисъл на думата, рай. Те са обърнали блатата и скалите в чудна градина. И в тази градина те са като

евангелските бели лилии²²

- бодри чисти, невинни" [подч. Л.С.] (Петров 1936: 14).

Г. Петров писал, что "Финляндия менее всего напоминает рай земной" по природе, по климату, по почве. Это, говорит Петров, не благодатные края Крыма, Кавказа, здесь нет природных богатств. Тем более значительно, когда Божков пишет, что этот "НЕ РАЙ" финны превращают любовью и трудом в "РАЙ". Эти слова являются апофеозом болгарского национального образа финнов, когда русское феннофильство перерастает в национальный миф. Именно тут лилии-кувшинки переживают метаморфозу и превращаются в евангельские лилии, а это символ Богоматери, чистоты, невинности и святости.

Но что странно: превращение Финляндии в "рай" происходит сугубо материальными и жесткими методами: всюду взрывают каменные глыбы, тешут гранит, тянутся сажени спиленных дров, вокруг тысячи бочек

²¹ В. Похлебкин иного мнения о климатических условиях Финляндии. Не говоря уже о живительном воздействии Гольфстрима, он обращает внимание на то, что "Равнинность создаёт огромное адиабатическое преимущество для Финляндии. Это значит, что при тех же климатических условиях, при тех же температурах, что и в соседних скандинавских странах, поля здесь расположены намного ниже по отношению к уровню моря и тем самым защищены от неблагоприятных атмосферных условий" (Похлебкин 1974: 28).

²² Следует отметить, что в процессе перевода цветы *белые кувшинки*, которые называются также *лилиями* в России, и как таковые являются лишь фактом флоры страны тысячи озёр, Финляндии, у Божкова превратились в другой вид цветов: евангельские лилии, которые символизируют божественную чистоту и Деву Марию - придав эти черты и самому финскому народу. Тут возникает неожиданная параллель с обычаем самих финнов называть свою страну *девой*: Suomen Neito.

смолы. продукт сожженных деревьев! Крестьяне расчищают участки земли под пашню, корчуют и выжигают пни, натаскали плодородной земли, развели цветы. "Каждый клочок земли требовал работы целых поколений" (Петров 1910: 23-24).

Не только "В стране белых лилий" Финляндия показывается Г. Петровым как страна со сказочно чистым народом. Финляндия в качестве примера упоминается и во многих других произведениях Г. Петрова. В "Към българската младеж" посвящено несколько страниц Финляндии. Г. Петров вновь и вновь повторяет основные тезисы относительно Финляндии. Финны, несмотря на суровые климатические условия, за сто лет добились огромных успехов:

- обязательное образование;
- закрытие кабаков и борьба с пьянством;
- развитая сеть транспортного и телефонного сообщения;
- украшение городов прекрасными архитектурными сооружениями;
- создание собственной культурной интеллигенции: артистов, писателей, художников, а также театров, музеев и т. п.

Эти достижения являются заслугой молодых людей, решивших стать, как солнце, в непросвещённой Финляндии, не быть паразитами на теле родины, а художниками-архитекторами "Нашата родина е бедна и окаяна, - да я направим весела и сита, - благоустроена" (Петров 1936: 29-31). Нужно сказать, что Финляндия не единственный пример экономических достижений, который преподносится болгарам. Наравне и даже выше Финляндии ставятся достижения Голландии²³, Дании (Динов 1935), но моральным примером служат только финны.

"В стране на белых лилий" была невероятно популярна среди болгарских читателей. Многие старшие поколения болгар и до сих дней очарованы этой книгой, рассказывающей о далёком северном бедном народе, который живя в труднейших климатических условиях, предельно честен, трудолюбив, чему у них надо учиться самокритичным болгарам, прототип которого высмеивается Алеко Константиновым в "Бай Ганьо". "Идентифицирането стигна дотам, че името на Бай Ганьо стана синоним на болгарина" (Цанев 1936: 144). Какие же черты имел болгарский народ, если Бай Ганьо его "прототип"? Это освободившийся из-под турецкого ига болгарин-торговец, познающий окружающий мир с платформы своей балканской природы "малко грубичка, малко лукавичка, малко добродушничка", который хочет быть "культурным" и попадает в смешные ситуации (Цанев 1936: 137-138).

Этнолог С.В. Лурье сделала анализ исторической рецепции финнов русскими в своём труде "Историческая этнология". Из написанного

---

²³ Напомним, что расцвет Голландии во многом шёл за счёт её колоний.

высококвалифицированным специалистом на основании заметок русских современников от 1853,1863,1899 и 1909 гг. очерка (Лурье 1997: 129-132). В них прослеживаются те же самые черты, которые вошли в рецепцию болгар вслед за Г. Петровым, но она дает иное объяснение характеру финнов. Приведем коротко ее тезисы.

Адаптация к суровой природе происходит в борьбе с внешним миром. В установке “человек-природа” образ природы, это то, что надо покорить для того, чтобы выжить. У финнов нет образа персонифицированного врага, что, кстати, отмечалось на материале “Калевалы”. “В его (финна) сознании отсутствует готовность к самообороне, которую можно было бы назвать борьбой добра со злом” (Лурье 1997: 130). Защитные механизмы финна направлены только на внешнее окружение. У финнов подчеркнутое уважение к самому себе. Он держит себя с достоинством, никогда не выпрашивает на чай, одинаково поблагодарит за условленную цену, как и за прибавку.

Финн не надеется ни на соседа и даже на Бога, а только на самого себя. Он искренне уверен, что создал свою страну сам. Народ никогда не играл в истории ведущей роли. В течение шестисот лет, будучи под иггом Швеции, он ни разу не сделал попытки освободиться. Национальное движение возникло у финнов в 40-е гг. XIX века в период национальных движений в Европе. И поскольку фенноманами признавалось отсутствие славного прошлого, то Ю.В.Снельман призывал сконцентрироваться на зарождении национального духа патриотизма и к тому, чтобы нация надеялась только на свои силы. Не следует стремиться к тому, чего народ не в состоянии достичь и не способен сохранить, говорил он. (Лурье 1997: 131) Начинается дискуссия о создании финской государственности и об отношении Финляндии к России “завоевана ли Финляндия, как считают русские, или присоединилась добровольно, как доказывают финны, и, следовательно, автономна” (Лурье 1997: 131) Но о сепаратизме речь не заходит. С.В. Лурье приводит цитату ещё из статьи А-ва в “Иллюстрированном Листке” (1863): “Может немного найдётся народов, которые так гордятся своей родиной”. Финн любит свою родину - создание своих рук и себя - творца её. Но не называет её многострадальной, как русские и болгары. Трагедия финна, что в борьбе с природой он может рассчитывать только на себя, но зато человек представляется существом могущественным. Крестьянин не зависит от коллектива, не общается с соседями (и заметим, поэтому ему не в ком себя рефлексировать и познавать со стороны, взвесить свою ценность в сопоставлении с другими человеческими особями. Любимая поговорка финнов “не надо сравнивать!” Л.С.). Колдовство, как подчинение себе природы. Финны верили в это и передали эту веру детям - утверждает А-ва. Колдун одинок и горд, замкнут, выходит на поединок с природой и потусторонними

силами, так делает и финн. Цель - заставить чуждые силы природы покориться духовной силе человека: *sisi*. Это многоплановое слово, включающее и упорство, и настойчивость и внутреннюю силу, как содержание и стержень человека. С.В. Лурье видит индивидуализм финнов в том, как они осваивают новые земли - каждая семья отдельно, а не деревней, подстраховывая друг друга, как русские. В рассказе "Выселок" у Ахо или в романе "Здесь под полярной звездой" Вяйно Линна описывается как одно поколение за другим двигают немного дальше дело освоения земли и, после того, как предыдущее погибает от непосильного труда, за дело берётся следующее поколение.

- ¹ Насамом деле причиной этого доброго отношения послужила одна книга. Некий болгарский писатель (имя его я, к сожалению, забыл) уже в прошлом веке написал книгу под названием "Страна белых лилий", в которой он необыкновенно превозносит Финляндию (Talas 1960: 267).
- ² "1. Я хочу показать **благородный** пример моему многострадальному и бывшему в порабощении народу, как угнетённая земля и её народ могут стать **раем**.
2. Показать, как в общественную жизнь можно внедрить честность, что для вас есть - действительность, а для нас только у т о п и я".
3. Устроить в Болгарии маленькую Финляндию [подч. и разрядка Л. С.] (Boikliev, 30.5.1939).
- ³ Несмотря на всю курьёзность, произведение Петрова следует считать положительным явлением, так как оно выполнило важное дело ознакомления с нашей страной в Болгарии, Турции, а также в Ираке, и приобрело нам много друзей [подч. Л.С.] (Jyrkänkallio 1951)
Книга сыграла добрую службу Финляндии. Книга так высоко ценилась, что её раздавали в школах как подарок хорошо успевающим ученикам и таким образом знание о Финляндии распространилось широк [подч. Л.С.] (Talas 1960: 267).
- ⁴ Каждое предложение всё более вело в глубь глубочайших истин, точные сравнения и поэтически прекрасная речь [...] мысли следовали одна за другой как волны в спокойном течении воды и исшедшие из его сердца вливались в сердца слушателей (Haltsonen 1905: VI).
- ⁵ Чтоевропейской цивилизацией обладал на самом деле высший класс - шведы, и чтонастоящая старая финская культура представляла собой нечто совсем иное. Она была не интернациональная "западная"..., но и не примитивная "скандинавско-оссианская"... и вскоре приобрели к ней [финской культуре Л.С.] восхищенное, но и несколько сочувственное отношение (Kiparsky 1945: 74).
- ⁶ К начинавшейся в Финляндии борьбе против национального угнетения они, естественно, относились с симпатией, тем более, что их совершенно не интересовала польза ненавистной им царской власти, они жили очарованные своими абстрактными идеями. Фраза "угнетённая цивилизованная несчастная Финляндия" входила в набор их лозунгов" [подч. Л.С.] (Kiparsky 1945: 102).
- ⁷ С начала XX века, когда у русских появился обычай высмеивать себя [...], при подобных ситуациях русские писатели насмеялись не над финнами, а над русскими" [подч.Л.С.] (Kiparsky 1945: 79).
- ⁸ Полны предрассудков, клише, мифов и парадоксов. Как доброе намерение, так и злое - рождали представления, которые живут долго и устойчивы (Pesonen 1991: 107).

5 К МОДЕЛИ ГЕНЕЗИСА ФИНСКОГО МИФА

5.1 К определению термина современный национальный миф

Существуют десятки определений понятия *миф*. Слово *миф* является столь же часто употребляемым и столь же расплывчатым понятием, как слово душа: с проекцией в наявь (мир номенов), но существующее в яви и в настоящее время всё чаще используемое без какого бы то ни было соотношения с наявью. Ещё не столь давно общим элементом для всех определений мифа было трактование его как вненаучного знания, которое, тем не менее, позволяет включённому в некое сообщество человеку обрести понимание себя и своего мира (Лёзов 1993: 164). В смысле изначального значения слова можно вполне согласиться с формулировкой русского философа А.Ф. Лосева, что миф есть непосредственное вещественное совпадение общей идеи и чувственного образа, в нём не разделены идеальное и вещественное, что позволяет проявляться в мифе специфической для мифа стихии чудесного. А.Ф. Лосев в конце 20-х гг. XX века определяет миф негациями (так древние определяли Бога: "нет"): миф не есть выдумка или фикция, фантастический вымысел; не есть идеальное; не есть научное, в частности, примитивно-научное построение; не есть метафизическое построение; не есть ни схема, ни аллегория; не есть поэтическое произведение; не есть религиозное создание; не есть догмат - и двумя утверждениями: миф есть личностная форма, миф есть чудо. Публикаторы трудов философа обозначили это - "миф есть развёрнутое магическое имя". (См. подробнее в А.Ф. Лосев 1999, в частности, стр. 268-269).

Решившись воспользоваться термином миф, и даже ограничив его словами современный и национальный, мы понимаем насколько его использование чревато возможностью критики употребления этого термина, так как он несёт в себе множество различных концептуальных

подходов. Русский учёный В. А. Шкуратов выделяет в европейской науке, по крайней мере, девять теорий мифа:

1. Просветительская теория: миф есть невежественная выдумка, которая рассеивается под воздействием истинного знания (писатели-просветители XVIII века и марксистские философы)
2. Лингвистическая теория: миф возникает из метафор и образов древней поэзии (М. Мюллер, А. Н. Афанасьев и А. А. Потебня)
3. Эволюционистская теория: миф - продукт раннего, детского состояния человечества (Э. Тэйлор)
4. Социологическая теория: миф объясняет социальную реальность и распространяет такое объяснение на природу. "Коллективные представления" обобщают структуру первобытных общностей (Э. Дюркгейм, Б. Малиновский)
5. Символическая теория: миф есть одна из символических функций, наряду с наукой, искусством, религией, имманентным человеку языком (Э. Кассирер, А. Ф. Лосев)
6. Психоаналитическая теория: миф - наиболее оформленное выражение индивидуального или коллективного бессознательного, архетипического (З. Фрейд, К. Юнг)
7. Ритуалистская теория, наиболее распространенная в наше время, что миф есть словесный ряд, объяснение ритуала (Дж. Фрейзер)
8. Структуралистская теория: миф есть язык образов, обладающий чёткой структурой и способный передавать знание о мире не хуже, чем абстрактная логика (К. Леви-Строс)
9. Постструктуралистская теория: миф ("первичный") недоступен нам в силу разнонаправленности устного и письменного способов передачи информации и мы пользуемся его вторичным продуктом (Шкуратов 1997: 201-204)

Чётко видна эволюция отношения к мифу. От просветительской концепции, считавшей мифом (выдумкой невежественных людей) всё, что выходило за рамки "реальности": теогонии, картины мира первобытных племён, библейские рассказы о сотворении мира и пр. до психоаналитической, признавшей миф за оформленное выражение индивидуального или коллективного бессознательного мышления, что значит, что миф стоит вне языковых и культурных различий между людьми и действует на уровне архетипических символов и структуралистской, заявившей, что обладая чёткой структурой миф способен передавать знание о мире наравне с абстрактной логикой. Коллективное мышление ни в одном обществе никогда полностью не отрицается, независимо от уровня его развития и признаётся, что "современный мир всё ещё сохраняет следы мистического поведения:

например, принятие всем обществом некоторых символов интерпретируется как сохранение коллективного мышления" (Элиаде 1996: 22-23). Итак, учёные признали, что миф - это особый образ мышления человека и коллектива. Эта способность моделировать мир по законам мифологического мышления существует и в наше время.

Но если *традиционный* миф был связан с миром идей, с богами, когда было необходимо, то он выражался символами, аллегориями, метафорами, чтобы помочь человеку вместить высшее знание в образы, понятные человеку, в соответствии с законами мифологического познания мира, то *современный* миф гораздо приземлённее и относится к ряду проблем информативных и идеологических, однако он сохраняет структурные элементы композиционной формы мифа. Слово *миф* в переводе с греческого языка значит *сказание, повествование или предание*, т. е. оно изначально не имеет семы несоответствия реальности, в котором оно в настоящее время всё чаще используется. "Это миф" говорят, когда сомневаются в адекватности каких-то событий с действительностью. Мы попытаемся точнее очертить те границы, в рамках которой термин миф нами используется при разработке темы модели национального мифа. В связи с этим нам бы хотелось выразить сожаление, что до сих пор для того мифа (и его подвидов), которые называются "современными" или "национальными" не предложено своего термина, который им следовало бы иметь ввиду качественного отличия его от мифа, понимаемого, если так можно выразиться, "традиционно" или "классически".

Прежде всего - это искусственное происхождение современного и национального мифа. Если классический миф зарождался в сознании человека, помогая ему структурировать окружающий его мир-космос, то современные мифы создаются рационально. Сознательно используются мифотворческие архетипы человеческого мышления, для того, чтобы целенаправленно внедрить через средства массовой информации (СМИ) в общественное сознание нужные той или иной идеологии модели картины мира (ср. Поппер 1997, Барт 1989).

Во-вторых, современному и национальному мифу, таким, как например, нацистский, советский или о каком-либо народе никогда не подвластны все субъекты коллектива. Возникает трение, или, другими словами, сопротивление, которое оказывается этим искусственно структурированным мифам мышлением тех людей - объектов, на которых направлен создаваемый миф. Личности, которые в силу тех или иных (пока неисследованных) причин более устойчивы в различении бинарной категории: *истинно - неистинно* действуют относительно современного мифа по-разному. Одни создают противоборствующие современному мифу-идеологии анекдоты. Это - фольклор, являющийся реконструкцией действительности на основании внутреннего понимания истинности, и, как

таковой, является фольклорной вариацией мифа и по сути своей стоит ближе к исконному методу зарождения мифа. Другие - внутренне противостоят в позе переживания, третьи же находятся в состоянии активной борьбы против насильственной мифизации своего сознания.

В-третьих, искусственные мифы имеют свои точки отсчёта во времени. Можно найти начало, апогей и конец как любого современного, так и национального мифа. С прекращением агрессивного внедрения мифа средствами СМИ, современные мифы подвергаются критике и прекращают своё существование, в то время как классические мифы дожили через тысячелетия до наших дней и человечество склонно искать и находить в них истину (ср. сайентология, возврат к шаманизму и пр.).

5.1.1 Национальный миф как один из подвидов современного мифа

Истоки и формы образования современных мифов онтологически настолько отличаются от традиционных мифов, что, как уже говорилось, заслуживали бы собственных названий и терминов. В настоящее время миф, в основном, перешёл из сакральной сферы, философии в область профанных этнографических и социальных наук: "миф - одновременно способ создания социальной реальности и средство социализации, то есть включения человека в эту реальность" (Лёзов 1993: 164). Именно это один из тех аспектов, которыми мы пользуемся, говоря о национальном мифе, когда национальный миф как *социальный или социологический*: "кодифицирует мысль, укрепляет мораль, предлагает определённые правила поведения и санкционирует обряды, рационализирует и оправдывает социальные явления" (Токарев & Мелетинский 1982: 17) Понятие архетипы важны для нас не как первобытные символы, за которыми спрятана невыразимая в словах истина, но как первоначальные имманентные образы (герой, жертва, рай, добро, зло и пр.) в модели восприятия и познания мира человеком.

Когда происходит мифологизация нации или народности (этноса), то одновременно с этноцентрическими закономерностями - отторжения "чужого" - наблюдаются закономерности "дологического" (термин Л. Леви-Брюля) мышления, свойственного первобытному (может быть, следовало бы сказать первозданному?) мышлению, которое имплицитно свойственно и мышлению современного человека, хотя он дополнительно разработал и усвоил логическое, так называемое *научное* мышление. Э. Кассирер рассматривал мифотворчество как один из способов духовной деятельности человека (наряду с языком и искусством), способ моделирования окружающего мира, форму познания реальности, специфика которых - неразличение реального и идеального, вещи и образа (Токарев & Мелетинский 1982: 18) Имея в виду идеологичность современного мифа, в том числе и национального, подобное различение -

нерелевантно. "Поскольку мифология осваивает действительность в формах образного повествования, она близка по своей сути художественной литературе" (Аверинцев 1974: 1013).

Национальный миф это, скорее всего, не сознательный, авторский вымысел или фикция, а неосознанное, на ограниченном количестве фактов базирующееся искажение реальной действительности, но искажение, которое построено по модели, т.е. имеет структурные компоненты мифа. Миф как тотальный или доминирующий способ мышления эксплицитен при созданиях продуктов фантазии человека, и литературы (как, в частности, у Г. Петрова и Д. Божкова), обязанной многим мифу генетически и отчасти имеющей с мифом общие черты (метафоризм и т. п.) (Токарев & Мелетинский 1982: 19). В книге "В стране белых лилий" они очевидны. Представления, исходящие из социальной, а не индивидуальной психологии являются предметом веры, а не рассуждений или опыта. Эмоциональные моменты заставляют признавать желаемое за реальное. Тоска по идеалу, примеру - заставляет найти его в этносе, незнакомом, но живущем предположительно по человеческим, высоко моральным нормам в суровейших климатических условиях.

Мифологическое мышление является благодатной почвой для создания множества современных мифов, можно сказать приниженных, так как в них речь идёт не о космогонии и богах, однако всё та же структура мифа повторяется на поле "реальности" мифа: "Новизна современного мифа состоит в переоценке древних священных ценностей на светском уровне" (Элиаде 1996: 28). М. Элиаде в качестве примера приводит политическую теорию Карла Маркса, которая являла эсхатологический миф о спасительной роли, которую должен был сыграть справедливый (избранный, невинный) пролетариат в тяжкой борьбе с угнетателями, эксплуататорами (Элиаде 1996: 25).

В национальном финском мифе праведный, честный, трудолюбивый, преданный родине финский народ, страдания которого обусловлены жестокой природой и тяжёлым трудом в борьбе с природой и завоевателями призван, по мысли Г. Петрова и Д. Божкова, должны своим примером зажечь болгар и спасти их. Финны - представители Добра, а Зло - это тяжёлые климатические и политические условия. Добро побеждает и приходит конечная победа, создан рай: хаос побеждён, жизнь упорядочена и счастлива. Поскольку это смогли сделать финны, то и мы, болгары, сумеем достичь этого идеала. "Миф об утерянном рае до сих пор сохраняется в образах райского острова или безгрешной земли, освобождённой земли, где законы упразднены, а время стоит на месте" (Элиаде 1996: 34). Финны не нуждаются в законах, утверждает Д. Божков: у них внутри Божий закон - они как ангелы, белые лилии - и поступают правильно. Финны даже сами передают полиции нарушителей. Можно

только задаться вопросом, откуда же в таком случае возникают нарушители - но авторы этот вопрос не задают, потому что метафора *прекрасный дикарь* есть элемент мифического мышления. Напомним, что не более как 200 лет тому назад таковым именно финн и представлялся русскому путешественнику.

М. Элиаде говорит о тенденции "выставлять в качестве примера историю одной человеческой жизни и превращать исторический персонаж в архетип" (Элиаде 1996: 33) В Болгарии усиленно и постоянно рекомендуется народу брать пример с коллектива, целого народа. Г Петров сам подчёркивает нравоучительность своих книг, посвящая их болгарскому народу или болгарской молодёжи. Для рожденья мифа необходим элемент коллективного желания. При неустроенности общественной жизни живёт мечта-желание о возможности лучшего общества и лучших людей. Пространство - географическое отстояние, невозможность проверить на месте, закрепляет модель этической, модели: финны духовно впереди или выше. "Копирование этих архетипов выдаёт определённую неудовлетворённость своей собственной личной историей. Смутную попытку выйти за рамки своей местной провинциальной истории и снова очутиться в том или ином Великом Времени" (Элиаде 1996: 34).

Национальные мифы, составляют "интересную главу в рамках внешних контактов". Их "нельзя игнорировать при сравнительном изучении, потому что они нередко ощутимо сказываются на представлениях о литературе и тем самым обуславливают и межлитературное восприятие как таковое" (Дюришин 1975: 110). Народы создают о себе и других народах фиктивные комплексные представления, которые хотя и имеют реальную подоплеку и содержат в себе какие-то черты реальной действительности, всё же под влиянием различных обстоятельств стилизуют её, более или менее деформируя (Krejičí 1968). К. Крейчи, известный чешский литературовед и компаративист в работе "Mýtus a dialog v historických vztazích Slovanstva se Západem" (1968) приводит некоторые, по мнению Запада, якобы присущие славянам черты, и показывает, каким образом существующий на Западе негативный русский национальный миф повлиял на толкование литературных произведений (восприятие произведений Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого), искажая в отрицательную сторону культурные явления русского народа.

При всём искажении действительности национальный миф содержит объективные предпосылки для воздействия на реальность и постепенно создавать новую, "на сей раз уже не "фиктивную" реальность", утверждает Д. Дюришин, которая в свою очередь, благодаря своим творческим возможностям, влияет на самые разнообразные формы деятельности народов, не исключая и художественную литературу (Дюришин 1975: 110).

Мы позволим себе не согласиться со словами "на этот раз уже не фиктивную реальность", так как базируясь на фикции - мифе, возникшая реальность будет не реальностью, но очередным вариантом, подменной реальности, а значит создаст новую фикцию. Однако мы охотно согласимся с тем, что миф проявляет себя на разных уровнях деятельности народов, активно внедряя одни стереотипы и выталкивая другие.

5.2 Опыт описания национальных образов болгар и финнов

5.2.1 Национальные черты болгар и стереотипы о них в финской рецепции

На финской почве, как мы уже говорили, не возникло специфической модели болгарской ментальности. Финские воины скупно говорили о болгарском характере. При столь кратковременном пребывании, причём фронтовом, незнании языка, естественно, не могло и быть никаких глубоких выводов. Воины переживают военные события и путевые впечатления через себя, "мы - там". Солдаты пошли воевать с благородным чувством помочь освободиться угнетённому народу и совершенно справедливо чувствуют себя героями: "somamp on sotahan kuolla, kaunis miekan kalskehesen" 'прекраснее умереть на войне под звук бьющихся мечей' (Lindfors 1883: 3) цитирует воин Аксели Линдфорс поэта Й.Л. Рунеберга. Солдат ценит и его самолюбию льстят доброе и уважительное отношение государя, он ценит награды: "Keisari tuli itse koko seurueinen meitä vastaan" 'Сам царь с приближёнными встречали нас' (Lindfors 1883: 7); при раздаче орденов св. Георгия "kävi H M Keisari luonnamme [...]ja kiitti meitä osoitetusta urhollisuudesta ja saavutetusta voitosta" 'Его Величество Царь приходил [...]и благодарил нас за проявленную храбрость и победу' (Lindfors 1883: 16); С другой стороны, А. Линдфорс переживает потерю товарищей: "Pieneksi oli joukko kutistunut, mutta rohkeus ei ollut rauennut". 'Отряд наш стал меньше, но не утратил храбрости'.

Многие, вернувшиеся на родину, были инвалидами "saivat kantaa "vaivaavia vikoja", "mutta myös kunnian kiiltäviä merkkejä rinnallaan" 'Им пришлось "выносить боль", но и носить блестящие знаки отличия на груди'. А. Линдфорс осознаёт значение принесённых жертв и радуется, что эти жертвы солдат оценены также государством и воины-инвалиды получают пенсию:

"rinnassaan tyydyttävän tunteen siitä, että ovat piirtäneet Suomen historiaan rivin, vaikka kohta pienenkin, kuitenkin rivin, jota ei tarvitse hävetä [...] vioittuneet saavat nauttia "apurahoja" todistuksena, että ovat palkan "ansainneet"". (Lindfors 1883: 35)¹.

Врагов, турков, Линдфорс рисует свирепыми и страшными Baschi-bozukaми (турецкие вольнонаёмные), поражаясь тому, что свой человеческий разум они использовали, чтобы придумывать жестокости:

"järjestämättömiä ja harjoittamattomia satureita, jos sitä nimitystä kehtaa antaa niille, jotka käyvät sotaa ainoastaan saadakseen ryöstää ja raastella, kuin vertahimoavat pedot, ja vielä monin kerroin kauheamminkin[...], mitä hirmuisempia tuskia ja kidutuksia[...], raa'alla ja julmalla tavalla pilstotuita ihmisjäänöksiä saattoi joskus nähdä".(Lindfors 1883: 30)².

О самом болгарском народе даются, образно говоря, "этнографические" описания:

"Kylän hökkelit olivat yksinomaan savesta rakennettuja hökkelit, joihin päivänvalo pääsi pienestä kalterilla eli rautaristikolla varustetusta ikkunasta. Asukkaat olivat ylipäätään puhtaita ja punan vereviä. Miehillä oli pitkät ja leveät roimahousut, karvalakki, lyhyt körttiröijy ja nahanliuskalet, nauhoilla kiinnitetyt, jalkain alla. Vaimonpuolisten asu oli: lyhyt hame ja päässä liinasorko, jonka molemmat päät riipuivat takana, jalkineet samanlaiset kuin miehilläkin. Tyttöillä sitäpaitsi jonkinlainen leima otsalla ("otsalehti") ja rannerenkaat. Katsannoltaan olivat kiivaita ja vilkkaita, niin myös liikunnoissaan", "Tässä kylässä huomasin ja ihmettelin, että miesväellä oli hiukset pienillä piiskoilla ympäri pään" [подч. Л.С.] (Lindfors 1883: 23-24)³.

Природа и климат не баловали воинов:

"Eikä ollut erittäin mieltä iloittavaa oloa sekään, kun sittemmin jolloin veden verosta rupeesi lunta tulemaan, täytyi joka yö lumituiskussa ja pakkasessa seistä vyötäisiään myöten lumessa, maksoja myöten vilussa ja hampaita myöten nälässä, kranaattien lenneilessä kuni kyyhkysset kuserrellen päättimme päällitse [подч. Л.С.] (Lindfors 1883: 20)⁴.

О добрых отношениях между болгарскими и освободителями, в частности, финскими стрелками, которые делились своим провиантом с болгарскими: "asukkailla oli ankara hätä" 'жители бедствовали', но и болгары не жалели для своих освободителей подарков:

"Kaupungin "bratuschkat" kurottelivat meille tupakkatukkuja sivumenessämme" (Lindfors 1883: 26) "leipää, suolaa, sianlihaa ja tupakkaa, [...] he suutelivat käsiämme, kiittivät ja toivat meille lämmintä kakkua ja mitä vaan [...] Eukko veti jalkimet jaloistani ja rupeesi niitä kuivaamaan, ukko laittoi minulle kolpakkolisen viiniä ja lämpöisen leivän, joka kaikki maisti varsin makialta nälkäiselle miehelle" [подч. Л.С.] (Lindfors 1883: 23)⁵.

Финны, бывавшие в Болгарии позднее, не фиксируют никаких особых, именно болгарам свойственных черт, что могло бы свидетельствовать о существовании в модели мира финнов особого национального образа болгар. Нами уже цитировались современные туристические брошюры. Обратимся к ним вновь, чтобы посмотреть, каким образом они

репрезентуют черты характера болгар: "Avoimet ja vieranvaraiset" 'открытые и гостеприимные' (Kondakov 1983: 7).

Мотив открытости, душевности и гостеприимства болгар повторяется во всех брошюрках, хотя положительные характеристики в туристических изданиях, согласно своему жанру, предсказуемы. Кто же поедет в страну с мрачным и неприветливым народом? Но, выше говорилось, что уже в первых географически описаниях народов болгар отличают в выгодную сторону по сравнению со своими соседями (См Väänänen 1913, Maantieteellisiä kuvaelmia 1906). О дружелюбии и гостеприимстве пишет и посол О. Талас: "kaikki virkamiehet olivat ystävällisiä" 'все должностные лица были дружелюбными'; herttaista sydämellistä väkeä" 'симпатичные сердечные люди'; "köyhyydestä huolimatta on vieraanvaraisuus suuri" 'несмотря на бедность гостеприимство - велико' (Talas 1960: 278-9). Т. Юлинен отмечает: "bulgarialaiset suhtautuvat erittäin ystävällisesti kaikkiin ulkomaalaisiin vieraisiinsa" 'болгары относятся очень дружелюбно ко всем иностранцам', но "suhtautuminen suomalaisiin on tavallista sydämellisempää" 'отношение к финнам сердечнее обычного' (Ylinen 1978: 5). С. Салокорпи отмечает симпатию к финнам и искренность болгар:

"Jos liikut maaseudulla, sinut kutsutaan välittömästi kotiin ja kestitään perusteellisesti. Kaupunkilaiset ovat ehkä hieman varautuneempia, mutta varmasti kuulet useamman kerran sanan *Finlandia*. Ystävällisyys suomalaisia kohtaan on vilpittöntä". [подч. Л.С.] (Salokorpi 1986: 15-16)⁶

Последняя фраза свидетельствует ещё об одной болгарской национальной черте, хотя сама цитата непосредственно её не называет: болгары имеют крепкую память на добро и им свойственно чувство благодарности. В 1938 году, когда независимой Болгарии исполнилось 60 лет, царь Борис наградил всех ещё бывших в живых (22 человека) финских участников Освободительной войны 1877-1878 года. Студенты Софийского университета собрали деньги на подарки финским ветеранам в 1939 году (Koivisto 1993).

Жанр туристических брошюр предполагает также ознакомление с традициями и культурой страны. Рассказывается о религии и обычаях. Ментальность более выявляется через песни и пляски. В Болгарии поются народные песни *surullisista riehakkaan iloisin* 'от грустных до брызжащих весельем и радостью'; *rytmitajua vaativat iloiset horo tanssit* 'танцы хоро требуют необычайного чувства ритма'; *bulgarit pitävät kiinni perinteistä ja perinteisistä juhlista* 'Болгары держатся своих традиций и традиционных праздников'. Однако Т. Юлинен всё-таки не может не отметить, что "ulkomaalainen korva erottaa niistä vahvan itämaisen värin" 'слух иностранца не может не отметить в них сильную восточную окраску', т. е.

некоторая ассимиляция с турецкой культурой всё же произошла (Ylinen 1978: 28-29). О том, что болгары дорожат своими традициями и не забывают их, финские газеты писали уже во время этнографской выставки в Хельсинки в 1937 году. За словами Юлинен видна темпераментность болгарина и его высокая любовь к родной культуре и патриотизм: "Bulgarialaiset ovat monien satojen vuosien myrskyjen jälkeen selviytyneet voittajina: heidän oma kulttuurinsa on säilynyt aitona" 'Болгары за время многих бурных столетий вышли победителями: их культура сохранилась чистой' (Ylinen 1978: 28). Патриархальность относит к достоинствам болгарской жизни также С.Салокорпи:

"sitä eivät ole hävittäneet valloittajat eikä teollisuuden kehitys. Lammaspaimenet laumoinein ovat yhtä aitoa Bulgariaa vuoristomaisemissaan kuin työstä palaavat Burgasin petrokemiallisen tehtaan työläiset" (Salokorpi 1986: 4)⁷.

Е. Кондаков обогащает вышеназванные характеристики новыми чертами: терпение и выдержка, любовь к родине и свободолюбие, героизм, проявленный в тяжёлых условиях жизни под турецким игом (выделены жирным шрифтом). Для наглядности мы подчеркнём черты национального образа в данном довольно длинном отрывке:

"Bulgarialainen rakastaa maataan ja puhuu siitä kunnioittavasti. Hän arvostaa bulgarialaisuutta ja on ylpeä menneisyydestään. Ylpeä siitä, että hänen kansansa kesti lähes 500 vuotta vallinneen turkkilaisten ikeen, ajan, jolloin hänen oman kielensä bulgarian kirjoittaminen ja **opettaminen oli kielletty**. Hänen perheeltään **perittiin kaikki mahdollinen veroina**. Hänen kylänsä **poltettiin**, hänen sisarensa **viettiin orjaksi**, hänen **veljensä kasvatettiin julmaksi janitsaariksi**, joka ei tuntenut perhettään ja taisteli myöhemmin omaa sukuaan vastaan. Hän kertoo miten uudelleen ja uudelleen halu itsenäistyä virisi, kuinka yritykset toinen toisensa jälkeen **murskattiin**. Tänä päivänä hän puhuu omaa kieltään, bulgariaa, joka ei unohtunut 500 vuoden aikana. Miksi hän ei olisi ylpeä siitä, että on bulgarialainen" [жирный шрифт и подч. Л.С.] (Kondakov 1983: 16)⁸.

Более специфические характеристики даёт Онни Талас, проживший в Болгарии несколько лет до Второй мировой войны. Таласом замечены национальные черты, неожиданные для стереотипа о славянах и южных народах. Талас отмечает чёткость и точность в работе болгар. Например, сотрудничество с Министерством Иностранных дел было особенно приятно: "mitä siellä oli luvattu, se pidettiin, olipa lupa paperille tai ei" 'что там обещали, исполнялось, независимо от того, было это записано на бумаге или нет' (Talas 1960: 268); "pitivät, minkä lupasivat" 'выполняли то, что обещали' (Talas 1960: 278); трудолюбие и упорство в работе: "sen tarmo sai vainiot jälleen vilja kantamaan", "ahkera, joskin köyhä kansa" 'их энергия заставила на лугах расти зерно' 'трудолюбивый, хотя и бедный народ'.

Знание своего дела: “*taitava maanviljeilija ja erikoisen hyvä puutarhuri*” ‘болгарин умелый земледелец, прекрасный садовник’ скромность и умеренность, смирение в жизни: “*ihmiset tuntuvat osaansa tuytyväisiltä*” ‘люди выглядят довольными своей судьбой’ (Talas 1960: 279-280).

Отмечается религиозность болгар: “*vain harvassa maassa on kirkko voinut tunkeutua niin kansan sydämeen kuin siellä [...] bulgarialaiset eivät voisi käsittää kansallisuuttaan ilman kreikkalaiskatolistakirkkoa [...] tärkeä osa sen kansallisuudesta*” ‘редко, где у церкви есть столь тёплое место в сердце, как у болгар [...] болгары не воспринимают своей национальности вне православной церкви [...] это важная часть национальной ментальности (Talas 1960: 276). Любовь к церкви вызвана также той огромной ролью, которую она сыграла в освобождении от турецкого ига своей родины. Даже в социалистический период - время воинствующего атеизма в истории Болгарии - преследование церкви по этой причине было не столь тотальным.

В своих воспоминаниях О. Талас вспоминает и о других странах, где он служил дипломатом, но о Болгарии сказано самыми тёплыми словами. Он отмечает живописную природу. Каждый, кто побывает в Болгарии, на его взгляд: “*ihastuu siihen maahan. Bulgaria on erittäin luonnonkaunis. [...] Bulgaria on erittäin hyvin viljelty; paikatellen miltei puutarhamaisesti*” (Talas 1960: 267), ‘восхитится этой страной. Болгария обладает особой естественной красотой [...] В Болгарии прекрасно обработана земля, местами это просто сад’ (Talas 1960: 267); “*Luontonsa puolesta voisi Bulgariasta tulla suosittu turistimaa*”. ‘Природа даёт все предпосылки для Болгарии стать популярной страной туризма’ (Talas 1960: 268).

С восторгом гурмана он описывает дешёвую и вкусную болгарскую еду. Выше всех других стран он ставит оживлённую культурную жизнь Болгарии: прекрасная опера и балет (как обычно у славян, говорит О.Талас), прекрасный концертный зал, изобразительное искусство, науки - всё процветает в Болгарии (Talas 1960: 274-275). Эти выгодно отличающие стороны болгарской жизни, а также честность и готовность к помощи и оказанию услуг заметил бывший проездом в Болгарии Нуорто (Nuorto 1930: 267-288).

В посвящённом Болгарии номере *Suomen sotilas* (1938) о болгарях сказано немало тёплых слов, которые можно было бы отнести чисто к юбилейному жанру, однако, толстый журнал, основательно презентующий все стороны болгарской жизни, был сделан такими крупными специалистами как проф. В. Мансиккой, К. Куусиненом, О. Таласом, людьми, которые знали Болгарию и искренне выделяли Болгарию, как страну близкую Финляндии. Продолжается мотив “мы” были “там” при освобождении Болгарии: “*pieni kansamme on täten saanut*

edes pieneltä osalta olla mukana” ‘наш маленький народ смог хотя бы малой долей принять в этом участие’ (Suomen sotilas 1938 Nr 5-7: 65) Мы “aseveljet” ‘товарищи по оружию’, принимали участие в освобождении, проливали кровь за “Rauhantyössä vaatimattoman ja uutteran, sodassa urhean” в мирной работе мирный и усердный, а в войне - героический народ’ (Suomen sotilas 1938 Nr 5-7: 117). Более того, финнами признаётся, что Болгария косвенно помогла её освобождению, когда в Первой мировой войне воевала на стороне противников России: (Suomen sotilas 1938 Nr 5-7: 65). Напомним, что финская идея освобождения укреплялась тремя целевыми публикациями вазовского романа “Под игото” до 1917 года.

Заметна разница в менталитетах болгар и финнов: финские рецепиенты приводят много прекрасных характеристик болгар. И эти черты идентичны тем чертам, которые Г. Петров и Д. Божков показывают у финнов: любовь к родине, свободолюбие, готовность к жертве ради родины, трудолюбие, искренность, скромность, желание вырастить своих снельмановцев и призывают болгар брать пример с финнов. Но болгары уже обладают этими чертами: сколько героев, отдавших свою жизнь за свободу родины, а неутомимый Д. Божков, жизнь свою посвятивший просвещению народа разве не “снельмановец”?

С. Салокорпи замечает некую схожесть: “Me viihdymme hyvin bulgariaalaisten kanssa, jotka ovat vähän samanlaisia kun mekin: ystävällisiä, luontevia, helposti tutustuvia” ‘Нам легко с болагарами, которые немного похожи на нас: дружелюбные, естественные и легко знакомятся’ (подч. Л.С.) (Salokorpi 1986: 4). Дружелюбие, естественность, открытость (легко познакомиться) такие же как и у нас, финнов. Следует обратить внимание на то, что такие черты: естественность и способность легко завязывать знакомства - обычно к финнам не относят. Салокорпи продолжает, что в этом было легко убедиться тем 20 000 финнам, которые посетили Болгарию в качестве туристов. В то же время из Болгарии в Финляндии побывали только 600 человек (Salokorpi 1986: 4) .

Хотя десятки тысяч туристов могло убедиться в выше приведённых прекрасных качествах болгар, финны не возводят болгар в идеал, и не призывают свой народ учиться у болгар. О Болгарии устанавливается только ряд незначительных стереотипов: страна роз, долгожителей (ещё в наши дни так рекламируют болгарский йогурт), скромность, историческая память, благодарность своим освободителям - финнам. Более того, рядом с положительным финн видит у болгар и плохое. О. Талас пишет и о бедности народа, о клопах, и холодной спальне в Рильском монастыре, отмечаются смешные стороны обычаев. Жанр восприятия болгар допускает наряду с хорошими сторонами увидеть недостатки, привести их и посмеяться над ними. У финских рецепиентов отсутствует мысль, что “нам” надо учиться у “них”.

Доброжелательность и прекрасная природа встречают современного финна в Болгарии - это расходится с впечатлениями первых финнов, которые зафиксировали свои ощущения в песнях и письмах о холоде и голоде и погибших товарищах.

5.2.2 Константы финского мифа в Болгарии

Болгарских гостей в Финляндии было гораздо меньше, несколько сотен болгар, и они, естественно, не могли разрушить существующие стереотипы. Большая часть болгар никогда не бывала в Финляндии и не могла обнаружить, как А. Големанов, что белых лилий нет. С другой стороны, нельзя не учитывать такого тривиального фактора, что внешний вид капиталистической страны играл на руку идеалистическому восприятию финской действительности болгаринном, приехавшим из бедной социалистической реальности.

Для современных болгар Финляндия - это, прежде всего, благоустроенная страна с тысячей озёр с замкнутым, но трудолюбивым народом (Големанов 1967, Киранова 1981, Николов 1994, Вылчев 1994). Замечаемые в туристических центрах Болгарии у некоторых финских туристов "иные", т. е. отрицательные черты (пьянство, грубость, невоспитанность) обычно списываются на релаксированность в отпускное время. Сами финны считают пьянство проблемой финского народа (см. например, исследования Mäntylä, 1985).

Понимание общности судеб (двойной гнёт над финнами политический - русский и духовным - шведским, а болгарам политический - турецкий и духовный - греческий) вызывает у болгар особо тёплое отношение к финнам. (Гунчев 1923: 89). Г. Гунчеву принадлежит когнитивная репрезентация Финляндии. Статья учёного географа Г. Гунчева на 13 страницах даёт энциклопедически подробные и точные сведения о ландшафте, климате, сельском хозяйстве и промышленности Финляндии. Такие достижения как постройка Сайменского канала, железных дорог и развития промышленности он относит к предприимчивому характеру финнов (Гунчев 1940: 548). У Г. Гунчева наблюдается такая же аберрация зрения относительно русского правительства, за которым авторы видят только иго, не замечая поощрительной деятельности в направлении развития хозяйства Финляндии и в пользу финского языка, пусть это частично и диктовалось политическими мотивами. Но это нерелевантно для Г. Гунчева, который интуитивно, по законам мифического мышления, строит модель огромного угнетателя и маленького угнетённого, обиженного.

С умалением заслуг русского правительства возрастают заслуги финнов и крепнет миф о маленьком народе тернистым путём, путём

борьбы с правительством метрополии упорно ведущем вперёд свою культуру.

"Фините са един от най-културните народи в Европа, не само по постиженията на интелигенция им, но преди всичко поради високото духовно и материално равнище, на което се намира финския селянин, който съставя 80% от цялото население на държавата¹. В тази страна, где то голема част от населението живее в отделни дворове, отдалечени с километри един от друг, нема неграмотни. Грамотността не се изразява у тех само в това, че знаят да подписват името си или да сричат некакъв напечатан текст. Големият брой на издадените книги, както и значителния тираж на големите им и добре уредени вестници [...] Високото равнище проличва също така в добре уредено жилище на фина, както и в големите грижи, които се полагат за телесната чистота. В отношениято си с другите люде той е прям, честен, а поради това и доверчив. Благодарение на тия качества взаимопомощта, социална и стопанска, в тая страна е развита до най-висока степен. Финските кооперации са едни от най-добрите в света. Всичко това дава на фините голем морален кредит..." [подч. Л.С.],(Гунчев 1940: 550).

Нами подчёркнута слова, которыми автор определяет национальный образ финнов, они говорят сами за себя и в комментариях не нуждаются. Болгар восхищаются не только достижения финнов, но и то, что всё это делается без лишнего шума: "Първата страна, която без никакъв шум разреши тъй наречения "женски въпрос", т. е. която даде на жените избирателни права наравно с мъжете" ("Дух. пробуда" 1907 № 3: 15) .

Происходит подсознательное исключение Финляндии из состава России, когда в Финляндии происходит что-то доброе и "передовое", как например предоставление женщинам избирательного права. Всё плохое объясняется обратным: тем, что Финляндия входит в Россию, т. е. русским владычеством (ср. также Драгоев 1940). Так, закон против торговли спиртом (а не только против пьянства - торжествует журнал) показывает как одна маленькая "автономна провинция иска да върви, и върви начело на прогреса и културата" несмотря на "върховно покровителство на големата, но никак не уредена Русия" ("Дух. пробуда" 1907 № 16: 13). Автор не знает или не хочет говорить о процветающей из-за "сухого" закона контрабанде спирта из смежных стран и производстве сплошь и рядом самогона. П. Драгоевым говорится о законе, давшем женщинам равноправие: "без никакъв шум, без инциденти, какво виждаме на други страни" ("Дух. пробуда" 1907 № 16: 13).

Авторы не дают воли умозрительным фантазиям, насколько всё было бы хорошо в Финляндии в XIX веке и начале XX века не входит она в Россию: характерна защитная позиция относительно Финляндии. Газета "Вчера и днес" под рубрикой "Руско-финландските отношения през миналото" печатает статью "Вековна борба за надмощие в Северна Европа

---

¹ Обычно большое количество крестьянского населения более 90% становилось мерилом отсталости, например, России.

през Финландска територия" с подзаголовком "Пет века война, 109 години робство". 109 лет (1808-1917) показывают, что рабство относится только ко времени автономии в составе Российской империи. Статья очень противоречива. Совершенно справедливо указывается на западную агрессию на финские территории, инспирированные ещё папой в 1115, 1249, 1293 годах, которые закончились окончательным захватом территории шведами. Отсюда теперь шведы совершали разорительные набеги на восток, на православные обитатели. Далее автор повторяет клише о войнах "между русите и фините". Поправка, что "зад които (войны, Л.С.) стояли шведите" не называют действительной ситуации: на границе Швеции и России ведутся шведско-русские войны, но в рядах шведской армии состоят финны. Победа русских над шведами в 1808 году трактуется как победа над финнами.

"Те [шведы] се сметали, че Финландия е една естествена крепостъ зад коя-то Швеция би могла при известни условия да се защищява, но Русия нападнала на Финландия" ("Вчера и днес" 1940 № 99: 3). Эти события можно трактовать и наоборот: Россия² попыталась финской "естественной крепостью" защититься от шведов, но не это важно для нас, а то, что в свойственной для мифического мышления диспозиции *враг - помощник* нишу врага занимает Россия. Ниша помощника закрепляется за 600-летней угнетательницей финнов Швецией, которая совместно с европейскими странами защищает и цивилизует Финляндию. Само собой разумеется, что клише Россия, как враг Финляндии, является частью более широкого дискурса, по которому Россия не есть Европа, и в силу этого несёт в себе угрозу цивилизованному миру. Кстати, во времена колониализма Россия отнюдь не была самой большой империей в мире, чтобы её бояться. Современный болгарский автор А. Големанов знает, что финская земля была вечным полем реваншистских нападений шведских королей на Россию и иллюстрирует это письмом финской делегации в шведский риксдаг в 1746 г. с жалобой не вести войн "... [Швеция. Л.С.] никога не се е наслаждавала на мир за по-дълго време от 25 години, а често и по три пъти за едно поколение била разгромявана и разграбвана" (Големанов 1967: 14).

Житель Севера, финн, не темпераментен, не сентиментален, не любопытен, воздержан в отношениях с людьми, не повышает голоса, чтобы не обратить на себя внимание, упорный и трудолюбивый, имеет развитое чувство собственного достоинства, привязан к отечеству, отличный воин, готовый постоять за родину, однако, совсем не равнодушен к политическим и социальным вопросам и даже принимает участие в страстной политической борьбе.

---

² Сравните инициативу царицы Елизаветы в 1742 году. Наша работа стр. 42.

"По характер тия жители на севера представят пълна противоположност на онова, което наричаме южен темперамент. Финът не е сентиментален, н то много любопитен. В отношенията си с всички други люде, колкото и близки да му са те, е въздържан. Когато говори или се намира на обществено място, той не вдига шум и не търси да обърне внимание върху себе си³. Упорит е и трудолюбив. Само с тия качества е могъл да създаде земледелие и скотовъдство върху каменистата повърхнина на родината си. Той е с много развито чувство за собствено достойнство⁴. Силно привързан към отечество си, с голема радост се завръща в него, ако долго е бил на печалба в чужбина. Всички тия ценни качества на фина [...] не прават от него човек, равнодушен към обществените и политически въпроси. И той има политически страсти, кои проличаха добре в острите партийни борби, които на няколко пъти поставяха в трудно положение тая нова държава, а както сега виждаме, той се показва и отличен войник, готов на всека жертва за отечеството си" [подч. Л.С.], (Гунчев 1940: 551).

Болгарская пресса, сообщая о фронте, не обходит вниманием и вопроса - своеобразных обычаях финнов. В 1939 г. газета "Зора"⁵ в статье от 1 декабря "Странни нрави на финландците" сообщает новую интересную информацию о нравах финнов:

"Един народ, който се отличава много от другите народи. Теляците в мъжката баня в Хелзинки са... жени." Външно финландците са особено стеснителни и сдържани хора. И в най-големия студ през зимата, когато улиците са заледенели като огледало, не ще видите мъж, хванал дама под ръка, при изпращане на близките [...] няма нито целувки, нито сълзи. Финландецът е враг на интимните сантименталности"

"на първо място той построява обора и банята [...] "Рестораните, в които се пази тишина повече отколкото в черква"

"Разговорите между финландците в кафенето приличат повече на конспиративни съвещания. Финландецът никога не издига глас и никога не се служи с жестове [...] той не проявява никакво любопитство към околните, което прави всеки да се чувствува свободен и независим" ("Зора" 1939:6141, с. 6).

Наряду со скромностью и сдержанностью с одной стороны, а с другой - лояльностью и нежеланием вмешиваться в чужие дела, "Зора" подчеркивает упорство, трудолюбие и любовь финна к своей суровой отчизне:

"Финландецът е "инат" човек. Той е приподобил упоритостта си във вечната борба с оскъдната природа. Да се практикува земледелие и да се развива скотовъдството върху камъни, е наистина работа, която може да се свърши от хора с каменна воля:

³ Сами финны относят эту черту своего поведения к стеснительности, к недостаточному чувству собственного достоинства.

⁴ Как утверждают финны, (см. исследования, опросы) именно этого чувства у них, представителей маленькой, бывшей в духовном и политическом угнетении народности, нет. Впечатление достоинства создаётся, очевидно, умением молчать.

⁵ Газета "Зора". София. Дир. Д. Краничев. За 1939 год даются в номерах 6126, 6127, 6135, 6141, 6142, 6150, 6159, 6169 на стр. 6 довольно обширные популяризирующие Финляндию статьи наряду с более частыми упоминаниями в сводках с фронта.

всички други биха се отчаяли и напустнали тази негостоприемна страна. Но финландецът обича до болка скалите и водите на своята бедна родина, и си е задал за задача да направи от нея една от най-културните страни на света. Върховната цел на финландеца при борбата му за утвърдяване е - да достигне до състояние на "сису"⁶, състояние при което волята напълно господствува над природата, духът - над материята [подч. Л.С.] ("Зора" 1939:6141, с. 6)

Климатическо пространство севера характеризира се с думите Силланпя: "Дните на Финландия са сиви и облачни. Те си приличат един на друг. И човек свиква така на тая неподвижност, че едва може да си предположи, не къде зад облаците има синьо и ясно небе" (Силланпя 1933: 2, см. библиография 9.1). А это значит, что на долю финна выпадает борьба с суровой природой, а для этого нужны упорство, трудолюбие, сильная воля, власть над материей, человека над природой. В этом достоинство северного народа финнов, которое они и сами осознают: "Финляндия се гордее с модерната си индустрия", "една от най-предничащите страни в света" (Янев 1939: 2)

Одной из интереснейших репрезентаций финнов является статья генерала К. Григорова, так как он позволяет себе увидеть негативные черты финнов. Вначале он подчёркивает родственность финно-угорских племён болгарам Аспаруха (так считала наука того времени) и хотя это не соответствует истине, но даёт ещё одну причину для симпатии к финскому народу, как родственному. Сочувствуя финнам по причине многостолетнего тяжёлого ига шведов (XII в. - 1809), он подчёркивает, что данные князю России привилегии привели к зажиточности. Наряду с Г. Петровым, он, пожалуй, единственный, который считает необходимым сказать это. Более того, зажиточность, по К. Григорову, привела к падению нравов: "Това се отразило на морал на фините: непозната дотогава кражба, станала известна". К. Григоров не разбира причин неприязни к русским⁷, и поэтому пише, что под властью России "през известни епохи беше по-тежко от шведското, и създаде у фините тази силна неприязн към тех [русите Л.С.], чиите прояви виждаме днес в упоритоста, с която противостоят СССР". Любопытно, что генерал Григоров не прави разлики между прежней Россией и теперешней СССР, будто он не знает о страшной советской действительности 30-х гг., которая уже сама могла вызвать упорное нежелание подпасть под сталинскую диктатуру, погубившую и самих русских, а наоборот, он пишет: "Фините изгубиха много като се отделиха от Русия. Те ще изгубят още повече, като воюват срещу нея". Поражение маленькой Финляндии казалось К.Григорову неотвратимым.

⁶ Sisu - упорство, воля в работе, подчеркивается во многих финских поговорках и пословицах.

⁷ По О. Карема, сформированным с 1918 по 1923 год.

Всех авторов объединяет мотив сочувствия к финнам за то плачевное положение, в котором они были под шведским господством в течение столетий (Г. Гунчев, К. Григоров, Г. Петров). Подчёркивается потребленческий характер отношения шведской метрополии к своей восточной провинции. Улучшения в административном положении Финской провинции в 1581 году, по А. Големанову, не принесла облегчения финнам, так как была сословной, а сама провинция будучи величиной с "една четвърт от населението на двете страни, тя е давала една трета от войниците в шведската армия". (Големанов 1967: 12-13). Симпатия к финнам отзывается у А. Големанова антипатией к их угнетателям, таким как шведские аристократы:

"саможиви по натура не са влизали в никакъв контакт с местното финско население [...] фините били туземно население, примитивно и некултурно [...] говорело някакъв странен, напълно неразбираем език" (Големанов 1967: 13).

Тем большая дань уважения отдаётся финнам за быстрое становление своей финской культуры в составе России, за то, что уже в 1858 году появились первые финские школы, а с 1863 года финский язык получил статус государственного языка. Ещё в 1939 году М. Янев говоря о бедах Финляндии, отмечает: "Нещастieto е също стълкновение между финската и шведската култури в тази малка страна" ("Борба" 1939 № 5577: 2, Янев).

Стереотипизацию национального образа финна показывает то, что взгляд на финнов не меняется со временем: черты "петровского" периода (1925-), период "военный" и "нобелевский" (1939-), и, наконец современный, начиная с межгосударственных контактов и книги Големанова (1967-).

А. Големанов и Е. Киранова пишут на основании личных впечатлений о Финляндии. В главе "Суомен канса" своей книги Големанов ставит целью установить "някои общи черти в характера на финландеца" (Големанов 1967: 61-70). Практически не добавил ничего нового. Но, поскольку у Големанова отсутствует просветительская и дидактическая цель, то нет интенции противопоставления, что болгарин, якобы, не имеет этих положительных характеристик и ему следует брать с финнов пример. И хотя познание другой культуры идёт через сравнение со своей культурой необходимо проявлять объективность, не следует интерпретировать другую культуру так, чтобы в контексте имплицитно присутствовала негация характеристик одной из них.

Суровая северная природа и переменчивая историческая судьба - вот те факторы под влиянием которых сложилась финская ментальность.

"Неблагодарната земя и капризният климат" приучили финна не только к краткому изнурительному труду⁸ (как на юге), но

- к постоянному терпеливому и иногда крайне тяжёлому труду,
- холодный климат заставляет быть запасливыми и бережливыми,
- финн добросовестен и методичен,
- всякий труд - есть предмет уважения
- равноправие между женщинами и мужчинами. Во-первых, право на голосование (ошибочно 1905, надо 1906) делает женщину инициативной, самостоятельной. Домашние работы выполняются обоими супругами, - здоровое чувство "демократичности", но Големанов видит и чиновничество и уважение к титулам: доктор, учитель, и, как он говорит, очень много "директоров" (johtaja).

А. Големанова, как и других болгар, удивляет, что в сауне персонал - женщины, благодаря бане женщины имеют чистую и хорошую кожу лица, отмечает он. Ему нравится, что финны, выпив, любят петь хором, и, если им весело, то расслабляются и делаются как дети, так как обычно финны любят тишину, редко собирают большие компании, "сравнительно мълчалив народ" "те мълчно обещаваат, скъпи са на поканите", "резервиран" вначале. Големанов в этом противопоставляет болгар. Мы, гости из Болгарии, говорит А. Големанов, создаём и себе и своим друзьям финнам неприятные ситуации нашими иногда неограниченными обещаниями, которые мы, в глубине души, и не собираемся выполнять.

Авторы книги "От Осло фьорд до Финския залив" Д.. Дончев и Н. Рашев (1968) уделяют репрезентации Финляндии - совершенно нейтрального описания пейзажа и достопримечательностей - всего несколько страниц. Финляндия с точки зрения живописности природы оказывает на них гораздо меньшее впечатление, чем норвежские фьорды. В главе о Финляндии своей книги авторы тоже задаются целью установить "някаои общи черти в характера на финландеца" Авторы считают необходимым отметить те черты финнов, которые стали аксиомой, как например, чистота:

"Навсякъдечистота е пословична. По тротоарите и уличните платна трудно може да се види трамваен билет или угарка от цигара. Пред нас вървяха туристи - испанци, и оживено разговаряха. Един от младежите запали цигара и хвърли кибритената клечка на тротоара. Едно финландско момиче се наведе, взе клечката и я подаде на испанския младеж, обръщайки се към него с думите: "Извинете, господине, тази вещ е Ваша. Вземите си я!" (Дончев 1968: 109).

Стереотип *белые лилии* настолько врезался в память болгарина, что А. Големанов, написавший свою книгу сорок лет спустя после издания

---

⁸ Заметим, что период летних работ в Финляндии короток, и у земледельца нет возможности заниматься из-за снега своим делом, поэтому наряду с "постоянным" трудом у финна есть возможность для отдыха.

петровской книги "В стране белых лилий", поражён, что белых лилий в Финляндии нет. "Едва ли не всеки пътник от България очаква, че още от Вайникала - граничната железопътна станция със Съветския Съюз, ще затъне в безкрайни ливади от бели лилии.[...] Езерата пък се редуват едно след друго [...] Но бели лилии не видяхме" (Големанов 1967: 55). А. Големанов задаётся вопросом, откуда Г. Петров взял эти "белые лилии"? И отвечает, что "един наш българин [Божков Л.С.] откри", что Ю.В. Снельман некогда сказал, что человеческие души должны быть чисты, как белые лилии. "Очевидно, - продолжает Големанов, - увлечен в своята идеализация на северната страна, Григорий Петров пренася този израз за Финландия".(Големанов 1967: 55). А. Големанов ошибся - образ "белых лилий" принадлежит Д. Божкову. В первой публикации Г. Петров называет Финляндию страной "болот". Современный болгарин 60-х годов не сомневается, что это идеализация, но для этого ему пришлось преодолеть огромное расстояние и убедиться, что цветов белых лилий в Финляндии нет.

Жанр рецепции финнов не допускал негативных отзывов. Поэтому, будучи в Финляндии в 1922-23 году, Г. Гунчев не замечает следов гражданской войны, поделившей нацию на два непримиримых лагеря и последовавших ей мстительных судов и расстрелов (Paavolainen 1974), негативного отношения к русским, ставшим париями в стране (Karema 1998) также не высказывается, например, пожеланий, чтобы нация, испытывавшая политическую зависимость, дала, допустим, лапландцам автономию, контрабанды спирта... Единственную отрицательную характеристику мы нашли в статье, напечатанной по поводу дня независимости Финляндии в 1939 году. Автор статьи М. Янев находит, что "липсата на слънце ги е направило болезнено чувствителни", а также "тези смели северняци са с доста ограничен мироглед" ("Борба" 1939 № 5577: 2, 4.12.1939).

5.2.3 Поиск отличительных черт

Вполне можно предположить, что в результате исторических аналогий у болгар и финнов появились некоторые общие черты в результате поликультурности и многовекового двухъязычия (иноязычная администрация, часть населения принадлежит к другому этносу), а временами и трёхъязычия. Бинарность *свои* и *чужие* приобретает новое содержание и новые парадигмы: "*свой - родной* (в котором вырос) и *свой - чужой* (как он выглядит со стороны и изнутри)" (Гачев 1988: 37). Правда трёхъязычие в данных странах действовало иначе. В Финляндии третий язык, русский, был языком новой метрополии и за сто лет не успел прижиться в Финляндии, а в Болгарии третий язык, греческий, присутствовал изначально среди болгар и был языком отправления культа,

т. е. духовно важной части жизни человека. Греческий язык одновременно был языком более "высокой старой цивилизации" и ставил болгар, как нацию, на более низкую ступень развития. Можно предположить, что с крушением собственного государства некоторые болгары смогли легко забыть своё прошлое и легко становились греками и турками, чтобы выйти в люди, в чём их попрекали борцы за возрождение Болгарии. Такое явление было и в Финляндии, где для обеспечения карьеры шведизировались фамилии, как это было, например, сделано Мустоненом, отцом великого финского поэта Эйно Лейно. В настоящее время Болгария одноязычная культура, а Финляндия - двуязычная.

В Болгарии развитие устремляется к открытости другим культурам: принять из других культур нужное, научиться и стать как те, которые прошли более длинный путь культурно-исторического развития: "...новая болгарская культура и литература, со времени своего возникновения в конце XVIII века, имела один лейтмотив: "А мы что, не можем разве, как все, как другие - соседние народы?!" (Гачев 1988: 93) и Г. Гачев определяет, что "внутриболгарская идея, имманентная задача: сотворить болгарина как гражданина современного мира", соответствующего этическим идеалам болгарского интеллигента. То есть желание перетянуть "простого" болгарина из ниши негативной под нишу позитивную. Заставить занимающихся бытовыми проблемами болгар стать борцами за свободу, как Х. Ботев, Г. Милев и др., вместо благоустройства собственного быта, решать проблемы государства, своей родины и своих соотечественников, т. е. расширить круг интересов "крестьян, рабочих, грубых простаков". "...большинство произведений болгарских писателей возникает как отчёт болгарам о мире или миру о болгарях, но не столько как самодостаточное и уверенное, не озирающееся слово болгарам - как всему человечеству, о болгарях - как о всём человечестве" (Гачев 1988: 95). Другой вопрос, правы ли интеллигенты подвигая людей на подобную деятельность.

Наше исследование показало наличие одних и тех же черт у обоих народов. Однако без сомнения существуют и разные характеристики. Г. Гачев⁹ пишет, что без единицы измерения, трудно что-либо утверждать, всегда можно оспорить, что такие черты найдутся и у других народов. Г. Гачев проделывает интересный опыт (Гачев 1988: 156-157): он берёт семь смертных грехов за единицу измерения, и через подверженность им пытается охарактеризовать национальный образ болгар. "Пункт совпадения плана космической жизни, идущей своим чередом, - и его домашней, бытовой, - наиболее кровно волнует болгарина" (Гачев 1988: 92).

---

⁹ Мы оставляем в стороне подробные и находчивые аргументации своих выводов Г. Гачевым. С ними можно познакомиться в его книге "Национальные образы мира" М.1995.

Чревоугодие - не воспринимается болгарами как порок. Южная природа предоставляет всякие лакомства, а болгары - народ, как показывает Г. Гачев, ощущающий жизнь телесно. Для финнов же не было почвы для чревоугодия, речь шла о насыщении теми продуктами, которыми запасались осенью: картофель, хлеб, солёное мясо, рыба, да и лето было не богаче деликатесами. Ягоды, мёд, кофе с сахаром - вот чем мог себя побаловать финский крестьянин и этого никак нельзя назвать чревоугодием. Гордыня - "порок общества с развитой надстройкой, властью, учёностью", говорит Г. Гачев, имея в виду национальную гордыню, не личную. Ни у финнов, ни у болгар историческая ситуация не дала повода к личной гордыне. Жадность перебивалась патриархальным обычаем взаимного общения и даров у болгар. Финны-арендаторы бывали часто настолько бедны, что жадничать было нечего. И болгары и финны могли относить накопительство скорее к черте хозяйственности, чем жадности. Жадность проверить трудно, так как в финском обществе не принято просить. В православных странах, где просить подаяние незастенливо, легко было определить по величине дара жадность. (Тут тоже мог быть расчёт, ибо все знают поговорку: "дающему воздастся"). Любопытствие в патриархальном быте не имело возможности перерасти в прелюбодеяние. Пустословие - принималось как порок, так как отрывало от работы. В Финляндии обычно много говорящий человек - это несерьёзный и глупый человек и, естественно, нехозяйственный, не вызывающий уважения, не имеющий веса в своём социуме. А вот лень - "самый страшный и поистине смертный грех". Работает болгарин равномерно, действует более миниатюрными движениями, но у него много выдержки и терпения и тщательная отделка сделанного. Для финна работа - это его жизненная позиция. Это удел. Труд это гордость и самоуважение и умелый труд придаёт чувство собственного достоинства.

Слова, которые Г. Гачев относит к болгарскому народу, вероятно можно отнести и к другому малому народу: "...непрерывной ориентированностью на более развитый мир вокруг исполнены болгарская мысль и литературное слово. Кажется, будто они так и стоят на рубежах страны и круговращаются с них: то на состояние и нравы мира смотрят удивлёнными глазами "первобытного" болгарина "то озирают болгарский быт и нравы, как это выглядит с точки зрения мира и его мысли. И поскольку остро ощущение, что мир создал больше, чем маленькая Болгария, болгарин чаще выступал (и представлялся сам себе как гибкий, достойный - или неуклюжий, тупой - но потребитель)" (Гачев 1988: 95) мировой цивилизации. Именно об этом произведение Алеко Константинова: Бай Ганьо в своих поездках по загранице. Г. Гачев вычленяет две линии болгарской мысли *самодавляющая* и *озирающаяся*. Самодавляющая линия позволяет с гордостью осознавать свою силу, что

столетиям владычества туркам не удалось ассимилировать болгарскую культуру.

Думается, что сходство с финнами можно найти и в следующей, вычлененной Г. Гачевым черте болгарина: "Болгарская форма мысли и высказывания - не категорическое суждение, а утверждение в форме условия ("если..."), вариантности ("или..."), вопроса - но тоже смягчённого (через "ли")" (Гачев 1988: 108). Г. Гачев сопоставляет тут с русским характером и его напором и безоглядностью: Даёшь! или посяганием на абсолют: "Кто виноват?" "Что делать?" по сравнению с болгарскими аналогами: "Виновата ли судьба?" (Каравелов), "Знаешь ли, кто мы?" (Каравелов, Ботев) отмечая, что у русских мой дом был весь мир, в то время как болгарский дом существовал внутри шаткой системы турецкого мира, среди от болгарина не зависящих возможных перемен. Параллель с финским домом, который был внутри чужой системы и полем боя и разных перемен в исторической судьбе вне волевой установки финна, напрашивается сама собой. Финская уклончивость от прямых высказываний замечена учёными. В финском языке есть глагольная форма *Potentiaali*, которая предполагает действие в потенции как возможное, но ещё неизвестно, стоит ли его осуществлять. К этим же параметрам можно отнести стремление финнов не строить далеко идущих планов, не давать обещаний, а жить сейчас, этим днём, потому что неизвестно, что будет. У финского глагола отсутствует будущее время. Финн не мог сознавать себя активным строителем своей судьбы. "Болгарин не берётся утверждать со всеобщей определённой, но лишь с частичной. Он не принимает ничего на веру, но оставляет резерв для сомнения и принятия другой истины - определяет Г. Гачев и приходит к выводу, что это привело к открытости: - Таким образом, неуверенная форма его суждений одновременно означает допущение других горизонтов познания, открытость им, ожидание истин с разных сторон - достоинство, которого не имеет категорическая форма суждения" (Гачев 1988: 109).

Резко отличной от болгар чертой является стремление финнов к отъединению от других людей. Опять вспомним грамматику, где почти каждое существительное в предложении, упрощённо говоря, может иметь притяжательное "местоимение" в постпозиции. "Я возьму мою расчёску и причешу мои волосы" - говорит финн: *otan kampani ja kamman tukkan*, то есть идёт чёткое разграничение того, что моё, а что не моё. У финнов замечаем стремление отъединиться (возможно "от греха подальше") одному или со своей семьёй, в то время как болгары, по И. Вазову, не имея возможности уходить в общественные надстройки, "плотнее распластывались по земле, обледали её и теснее - тело к телу - прижимались друг к другу [...]. Потому вся Болгария оказалась покрыта плотной сетью родством (очень разветвлённым у болгар) и "односельством"

соединённых людей" (Гачев 1988: 143) и имеет тяготение к патриархальности. Появившиеся после независимости "выдвиженцы" должны были сами, чтобы придать себе значения, создать отчуждение между собой и сетью родства. Финнам не приходилось отрываться от родственной сети, но укрепление позиций выдвиженцев первого поколения известно и там, например, через изменение фамилии на шведское или название себя важными титулами. А. Големанов говорит, что он ни в одной стране не встречал столько "йохтая" директоров, как в Финляндии.

С другой стороны, видим трогательность чувства благодарности со стороны болгар, готовность признать своё незнание и как положительное следствие этого: открытость и воля к знанию, учению и самосовершенствованию. Возможно, что тут срабатывает веками внушаемое православием стремление к смирению и отказу от гордыни, как самого большого греха, так как она вернее всего ведёт к слепоте духовной. Трудно сказать. Важно, что имея, практически, одинаковые детали национального образа болгары оказались в полной готовности учиться у финнов, финны же до сих пор вспоминают о своём участии в освобождении Болгарии, несмотря на мизерность её доли в этой войне. Одна из туристических брошюр озаглавлена *Bulgariaan - siellä kävi Suomen Kaartikin* 'Поехали в Болгарию - ведь там побывал и Финский батальон' (Naarala 1985). В 1984 году девять финских журналистов проехали по местам продвижения Финского батальона и в статье каждого из них лейтмотивом проходит: мы были там, сто лет назад и мы приняли участие в освобождении Болгарии (См. сборник *Balkanin retki*, 1985).

5.3 О проблемах национального мифа

Первой и основной проблемой стало то, что финны не узнавали себя в том национальном образе, который о них создан в Болгарии (и, добавим, в Турции). Познакомившись с книгой Петрова, финны, прямо заявляли о неожиданности для них столь комплиментарных характеристик. Один финский учёный, который прочёл эту книгу: *oli sitä mieltä, että siinä ylistetään Suomea koko lailla aiheettomasti*". (Talas 1960: 267) 'что в ней превозносят Финляндию без какого бы то ни было на то основания'. (Talas 1960: 267); Р. Канкамо: "teksti tekee tämän päivän suomalaisen lukijaan todella mykistävän vaikutuksen" 'Многие современные читатели немели от изумления' (Kankamo 1977). Авторы не находят аналога в действительности ни в героях книги "В стране белых лилий", ни в общественной жизни Финляндии. В картине мира финна финский национальный образ, выведенный в книге Г. Петровым и Д. Божковым не соответствует финскому. Все известные нам финские реципиенты сходятся

в одном: образ, созданный Г. Петровым, не отвечает реальности, т.е. это миф в самом своём упрощённом понимании.

Кроме того, реципиенты понимают, что Г. Петров использовал пример Финляндии, чтобы иллюстрировать свои идеи, то есть это один из типов современного мифа, сознательно созданного и сконструированного по законам мифологического мышления. П. Сильтанен: "Suomi on otettu kirjan lehdille viitekehukseksi, johon Petrov nojaa ja sitoo käsityksiänsä" 'Финляндия использована в книге в качестве рамок, на которые Петров опирается при изложении своих идей' (Siltanen 1978). П. Сильтанен называет выведенный Г. Петровым образ Финляндии - утопией, более того, он отсылает книгу к жанру сказок "itämisiä satunkertoja tapailen", признавая за русским гуманистом наипрекраснейшие цели, ради которых он даёт свои примеры высокого общественного служения: "suuren määrän ohjeita, joiden hän arvattavasti uskoi auttavan itseään kasvattamaan pyrkivien kansakuntien ponnisteluja" (Siltanen 1978:) "он даёт большое количество советов, которые, как он полагал, должны были помочь нациям, стремящимся совершенствовать себя' (Siltanen 1978).

Йоуко Таллинмяки говорит, что подобный идеализм "Hymyilyttää nykyaajan ihmisiä" заставляет усмехнуться современного человека'. Он отмечает прежде всего идеологический пыл Г. Петрова: "Historiallinen luotettavuus vähäinen, mutta voisi sanoa, että aatteellisuus pyhittä keinot" 'Историческая достоверность невелика, но можно сказать, что идея оправдывает средства' "eränlainen laboratorio" 'это как некая лаборатория', "kyseessä on enemmän kaunokirjallinen kuin asiateos" 'тут мы скорее имеем художественное, а не научное произведение' (Tallinmäki 1978).

Жорж Нурижан, говоря об этой книге, даже не упоминает главного её героя Финляндию, а лишь говорит о значении книги для Болгарии, полностью понимая, что при написании её был важен объект - Болгария. Это Болгарии ради даётся идеал для подражания (Нурижан 1940: 290). Также Юркянкаллио видит, что писатель, когда писал своё произведение, менее всего думал об объекте, а более: lukijoitaan, siis lähinnä bulgarialaisia, jolle se on ohjeeksi tarkoitettu" 'о читателях, прежде всего болгарях, для которых эта книга предназначалась' (Jyrkänkallio 1951).

В Болгарии читающая публика публицистичность жанра книги Григория Петрова "В страната на белите лилии" оставила без внимания, и отнесла книгу к научно-популярному жанру и, в качестве таковой, воспринята как когнитивная репрезентация Финляндии. Уже имеющиеся предпосылки к идеализации экзотичного северного народа получили своеобразную "научную" основу. **Бодрый чистый народ** на фоне **девственной природы** естественно вырастает в цивилизацию с **прекрасной государственностью** и **благородными сенаторами**. У читателя создаётся впечатление, что каждый финн уже имеет готовность (по книге Петрова

это всё же скорее в потенциале) **жить и работать на благо своего народа**. Прекрасная метафора в заглавии книги о Финляндии как о стране белых лилий - цветов, символизирующих чистоту и девственную невинность, а также образ Д. Божкова о Финляндии, **как о земном рае, жители которой бодры, чисты и невинны как евангельские белые лилии** "вбили гвоздь" в окончательное оформление мифа. Письма Димо Боюклиева обнаруживают рецепиента с уже закрепившимися в картине мира стереотипами и клише о финнах. Он же свидетельствует о бытовании финского мифа в Болгарии: "я слышал много **прекрасного о чудесном народе Финляндии**".

Мифологизированная картина мира не пропускает иной информации, кроме положительной. Во время пребывания в Финляндии в 1938 году Боюклиев видит **здоровый, конструктивный дух** в этой **сказочной** стране. Боюклиев нимало не сомневается, что финский народ может послужить **благородным** примером для болгарского народа о том, как угнетённая земля и её народ могут стать **раем**. Когда в Советско-финской войне 1939 года Финляндия предстала в виде **невинной беззащитной жертвы**, то народ Финляндии приобрёл новые не менее достойные черты **самоотверженной любви к отечеству и высокого героизма** (про: предательство и трусость). 1939 год - год личного знакомства с финнами, так как корреспонденты болгарских газет побывали на северном фронте. По сравнению с говорливым и крикливым югом в газете "Зора" отмечаются "Странные нравы финнов", но и эти странные нравы только облегчают и делают более приятным совместный быт людей: финн **не поднимает голоса**, никогда не **жестиккулирует**, **не проявляет ненужного любопытства** к окружающим, и поэтому каждый чувствует себя **свободным и независимым**. Это внешне **стеснительный и сдержанный народ, враг сентиментальности**, любитель **тишины** ("Рестораните, в които се пази тишина повече отколкото в черква...", "разговорите между финландците в кафенето приличат повече на конспиративни съвещания") и **чистоты** ("на първо место той построява обора и банята..."). **Упорство** финна выросло в вечной борьбе со скудной природой: чтобы практиковать земледелие и скотоводство на каменистой почве нужен народ **с каменной волей**, финн достигает состояния "сису", при которой воля полностью господствует над природой, **дух - над материей**. ("Зора" 1939 № 6141: 6)

Национальный образ финна цельный, стереотипизируются не отдельные черты, как в восприятии финнами болгар (долгожитие, страна роз), - но стереотипизируются вся разноуровневая система быта: **социальная** (идеальное устройство государства), **климатические условия** (пасынок природы, её победивший), **бытовая** (тяжкий, но упорный и умелый труд), **патриотическая** (любовь к родине и труд ради неё), **экономическая** (рационально организованные промышленность и сельское хозяйство). Национальный образ включает константы структуры классического мифа:

герои чистые как ангельские лилии, их угнетение (ад на земле), враг, справедливая борьба и жертвы, с конечной победой, выходом в прекрасное будущее "рай на земле". На основании всех этих признаков мы вправе говорить не о стереотизации, но именно о мифологизации национального образа финна, т.е. о национальном мифе.

То что результат - мифологизация Финляндии - не был целью написания книги, не умаляет значения Г. Петрова и русского феннофильства как источника финского национального мифа.

Книги имеют свою судьбу. Судьбой книги "В страната на белите лилии" Финландия-Суоми" стало создать дискурс для всех финско-болгарских контактов, она стала как бы лакмусовой бумажкой, которая высвечивала только положительные финские черты, заставляя не видеть отрицательных.

О долговечности и устойчивости финского национального мифа свидетельствуют публикации романов Силланпя. С ними в Болгарию пришла иная картина о реальной жизни финского крестьянства, на отдалённых хуторах. Но девственная природа теряет романтический налёт и появляется тема одиночества и заброшенности "на осамотената местност". Критик Драгоев также пишет о п р а в д и в о м изображении жизни селянина Юха Тойвола "едного от многото **мъченици на селяшката неволя** - от раждането до самата му смърт.", другой критик Б. А.¹⁰ восхищается реализмом автора:

Велика и незабравима книга е "Свещена ницета". /.../ едва ли друг писател би могъл да предаде с такава простора, плавност и красота **пустия и мрачен** живот на финландеца, изпълнен с **горчивина, непосилен труд и страшна, тежка**, но **свещена ницета**. ("Читалище" 1940 № 7-8: 254)

Знания основной массы болгар о финской литературе ("Обаче ние не знаехме почти нищо за литературата и" - признаёт Драгоев) были ничтожными. Логично предположить, что и знания об истории и быте Финляндии были ничтожными. Критики вторят друг другу, отмечая, что Ф.Э. Силланпя реалистично показывает негативные стороны жизни финских крестьян, наполненной тяжёлым трудом в трудных условиях обрабатывающих землю земледельцев, а также отрицательных человеческих характеров: "най-пропадналият измежду ближните си, един мрачен лумпен сред човешкото общество" (Минков 1940: 6).

Но положительные стереотипы о Финляндии решительно вступают в противоборство с "правдивым изображением жизни писателем-реалистом Ф.Э. Силланпя, невзирая на то, что за писателем стоит авторитет лауреата

---

¹⁰ Возможно, что подписанная инициалами Б. А. статья принадлежит А. Богданову, именем которого подписаны многие статьи журнала "Читалище".

Нобелевской премии. Реальная жизнь финской деревни не смогла проникнуть в мифологизированную картину мира. Так, рецензент Петр Драгоев, отметивший мученическую жизнь селянина, тут же рядом заявляет о том, что:

"...ние имахме пълна представа за отлично организираня социален живот в Финляндия, за високите нрави и големото гражданско съзнание на финландците, както и за техната предприемчивост в стопанския живот"[подч. Л.С.].

Откуда это полное представление? П. Драгоев этот источник указывает: "от книгата на Гр. Петров "В страната на белите лилии". Алогичность и противоречивость рассуждений П. Драгоева бросается в глаза. П. Драгоев пишет о правдивом изображении жизни селянина Юха Тойвола "едного от многото мъченици на селяшката неволя - от раждането до самата му смърт.", личная драма которого развивается "всред типичните селски условия в Финляндия".

Совершенно очевидно, что эти два утверждения, во-первых, о прекрасном социальном устройстве, а во-вторых, бедности и неволе - взаимно исключают друг друга. Можно предположить причину этого разногласия в том, что в сознании рецензента произведение Ф. Э. Силланпя - это факт литературы, фикция, тогда как информация Петрова - факт когнитивной репрезентации. Как бы то ни было П. Драгоев, чтобы избежать разлада, спешит списать негативные черты быта финского крестьянина на времена "русского владычества". Но согласно автору, Г. Петрову, прекрасное социальное устройство имелось уже во время русского владычества и именно благодаря ему. Работа Ю.В. Снельмана и снельманцев поощрялась русским правительством.

Необходимо отметить, что сама книга русского интеллигента Г. Петрова противоречива из-за двух взаимоисключающих установок в мышлении её автора, когда он объективно видит заслугу России в отношении Финляндии, но как "прогрессивный" русский интеллигент настроен оппозиционно и критически к власти и государственности России. Чтобы не внести диссонанса в свою картину мира, где уже угнездилась модель прекрасного образа финского народа. П. Драгоев ищет причины и находит их в утверждении, которого нет в книге Петрова, зато соответствуют константе "враг" мифа. Основные тезисы о Финляндии у Г. Петрова сложились ещё до революции, как видно из публикаций "Два дня в Финляндии", "Страна болот. Финляндские впечатления" (1910). Финляндия, названная страной болот (по ассоциации со словом suo 'болото') в 1910 году, превращается из страны болот в страну белых кувшинок (Nymphaeaceae), проделав метаморфозу от кувшинковых к лилейным (Liliaceae), причём не просто лилий, а "евангельских" лилий.

На примере Д. Боюклиева, Д. Божкова, Г. Гунчева, П. Драгоева и других приведённых в исследовании болгарских авторов видно, что в картине мира болгарина к 1939 году уже прочно закрепился миф о финском народе и, когда перед болгаринцом вставал с этим мифом дисгармонирующий фактор, то он или выпадает в категорию табу, не пропускается сознанием за рамки картины мира или же выталкивается сознанием и, чтобы вновь придти к гармонии и равновесию, наспех ищется спасительное объяснение: на защиту положительных финских клише встают другие привычные клише, в данном случае константы русского мифа.

Исследователями отмечается любопытный фактор воздействия на национальную литературу совсем не гениальных личностей и писателей. Так польская литература воздействовала на русскую в XVII веке, а не в XIX, когда имела гениальных творцов, влияние русской на чешскую происходило интенсивно в XIX веке: "не считая Пушкина, наибольшее воздействие на неё оказывали не гениальные русские писатели." (Горский 1975: 218) И.К. Горский приходит к выводам, что хотя появление талантов сказывается на уровне художественных достижений, но в целом, ни история национальной литературы, ни её взаимодействие с другими не зависят от индивидуальных особенностей представляющих её деятелей. (Горский 1975: 219) Возможно, что литературный (как и любой другой) гений вырывает писателя настолько вперёд и ставит его вне временных, национальных и идеологических стереотипов, что полновесный диалог на уровне синхронном с таким творцом вести невозможно, и диалог ведётся на уровне читателей, которые заняты теми же актуальными мировоззренческими проблемами.

Пётр Драгоев заявлял о "наличии полного представления" о жизни финнов, но, в действительности не было знания о жизни, а лишь фиксация некоторых этически высоких категорий, которые имеют скорее не национальную принадлежность (судите мы так, то это привело бы нас к расизму). Что же касается "незнания" литературы, то тут П. Драгоев прав. Классика финской литературы с Алексисом Киви во главе, а также народный миф-эпос "Калевала" пришли в Болгарию только в 80-90 годы XX века. После 1925 года, по-прежнему, издаются произведения А. Ярнефельта, П. Пяйвяринта и Ю. Ахо, чаще это переиздания. В 1928 году появляется новое имя: Ёханнес Линнанкоски, представитель финского национального неоромантизма. Линнанкоски способствовал романтизации далекого северного народа, подчеркивал его экзотичность, как этому служил и первый перевод из Силланпя в 1933 г. "Зимна ноц в Финляндии". Литературные течения получают важное место: "...в тех случаях, когда разного рода статьи, публикуемые на страницах периодических изданий воспринимающей литературы, носят не случайный характер, а

представляют составную часть общей системы эстетических воззрений отдельных авторов, групп, школ и т. п." (Горский 1983: 109), как это происходило в Болгарии.

Сеппо Кнууттила в статье "Репрезентации культурного мифа: от народной культуры к кичу" говорит о явлении просветительства на фоне народной культуры и народных традиций. Объект просветителей есть носитель разных положительных ценностей, которые, по представлению отцов и проводников просветительства, являются качествами необразованного народа, прекрасного работника, но не способного стать хозяином. Этот человек прекрасен в своей простоте, печали, смирении, он довольствуется малым, трезвенник, незрочен, молчалив и сдержан, послушен перед законом. Однако этот идеал, сложенный из абстрактных ценностей, очень плохо срабатывает в тисках настоящей жизни и мало отвечает реальности (Кнууттила 1992:127-129). В связи со всем сказанным можно сделать вывод, что все репрезентированные в Болгарии писатели, кроме Ф.Э.Силланпя, более сослужили службу финскому мифу, чем знанию о реальной Финляндии.

- ¹ былочувство удовлетворения оттого, что вписали в историю Финляндии строчку, пусть небольшую, но всё же строчку, которой не нужно стыдиться [...], все пострадавшие получают “пенсию”, как свидетельство того, что плату они заслужили” (Lindfors 1883: 35).
- ² Необученные и неорганизованные солдаты, о них даже неудобно использовать это слово, потому что они участвуют в войне только для того, чтобы грабить и убивать, эти кровожадные хищники, даже во много раз хуже них,[...] причиняя страшнейшие пытки и боль [...] встречались грубо и жестоко разодранные останки человеческих тел (Lindfors 1883: 30) .
- ³ Деревенские лачужки были построены из глины, внутрь свет проникал через маленькую решётку, то есть через окошко, оснащённое железной решёткой. Жители были чистыми и краснолицыми. На мужчинах были длинные широкие шаровары, ушанки, короткая безрукавка и кожаные лапти, прикреплённые шнурками. На женщинах были надеты короткие юбки, а на голове плат, оба конца которого висели за спиной. Обувь была такая же, как у мужчин. У девушек был какой-то знак на лбу (листок) и браслеты. Взгляд у них был строгий и быстрый, также и движения. В этой деревне я удивился тому, что мужчины носили волосы маленькими прядями вокруг головы [подч. Л.С.] (Lindfors 1883: 23-24).
- ⁴ И, конечно, настроение не становилось лучше, когда вместо дождя пошёл снег, приходилось каждую ночь стоять на морозе в метель по пояс в снегу, промёрзнув до печёнок и проголодавшись до зубов, а через наши головы летели, воркуя, как голуби, гранаты [подч. Л.С.] (Lindfors 1883: 20).
- ⁵ Когда мы проходили мимо, “братушки” в городах протягивали нам пачки табака (Lindfors 1883: 26) [...] Они целовали наши руки, благодарили и выносили нам тёплый хлеб и много всего [...] Баба стянула с моих ног сапоги и стала их сушить, а старик налил мне кружку вина и дал тёплого хлеба, всё это казалось необыкновенно вкусным голодному солдату [подч. Л.С.] (Lindfors 1883: 23).
- ⁶ Когда путешествуешь по деревням, то тебя непременно приглашают в гости и основательно угощают. Горожане ведут себя несколько сдержаннее, но очевидно они не раз слышали слово Финляндия. Дружелюбие к финнам совершенно искреннее [подч. Л.С.] (Salokorpi 1986: 15-16).
- ⁷ Этого не уничтожили ни завоеватели, ни развитие промышленности. Пастухи со стадами баранов по-прежнему являются естественным пейзажем Болгарии, так же как и возвращающиеся с нефтеперерабатывающего завода в Бургасе рабочие (Salokorpi 1986: 4) .
- ⁸ Болгарин любит свою землю и говорит о ней с уважением. Он ценит всё болгарское и гордится своим прошлым. Он гордится тем, что его народ выдержал почти 500 лет турецкого ига, и то время, когда писать и учиться родному языку было запрещено. У его семьи забирали в качестве налога всё, что возможно. Его деревню не раз сжигали до тла, его сестер уводили в рабство, из его братьев воспитывали жестоких янычар, которые не знали рода, и позднее воевали против своих. Он рассказывает как снова и снова желание стать свободными росло и как попытка за попыткой подавлялись турками. Сегодня он говорит на родном языке, болгарском, которого не забыл за 500 лет. Почему бы ему не гордиться тем, что он болгарин [жирный шрифт и подч. Л.С.] (Kondakov 1983: 16).

6 ЗАКЛЮЧЕНИЕ

6.1 Генезис финского национального мифа в Болгарии

Рассказ о финнах нерационален, красочен, неформулен и эмоционален, т.е. по своим чисто внешним формальным признакам выталкивается из сферы научной репрезентации, а он "охудожествлен", став сказочным, мифическим (Ковалёва 1992: 149). Национальный образ финнов стал стереотипизированной деталью картины мира, объективно неэквивалентной действительности, в ней гипертрофирована положительная сторона бинарных оппозиций в ущерб отрицательным. Кроме того, в ней присутствуют свойственные мифу архетипы: жертва - унгетатель, враг- помощник, воля - неволя, добро- зло и пр., как уже выше говорилось. О роли мифического сознания в современной жизни ведутся страстные дискуссии. О сосуществовании научной и наивной картины мира рассуждает В.Б. Касевич (1996: 79): "наука, миф и религия, язык, искусство - разные, дополняющие друг друга способы "символизации" действительности, взаимоотношение и соотношение которых могут изменяться в зависимости от культурно-исторической ситуации". Современный человек лишь потенциально способен в той или иной степени оперировать формально-логическими структурами в обыденной жизни, - он тяготеет к стереотипным реакциям. (Касевич 1996: 87-88)

Мифы обладают структурой и рациональностью, т.е. в плане своего выражения они не выпадают из определённых законов логики, а также ценностных и эстетических аспектов. Именно поэтому считается, что миф является одним из существенных факторов в общем механизме самоорганизации общества, а в условиях переходного периода "миф является единственным эффективным средством адаптации к быстро изменяющейся, неустойчивой и противоречивой социальной среде" (Зобов & Келасьев 1997: 5). По В.Б. Касевичу, "Обыденное мышление в принципе

носит мифологический (мифологизирующий) характер", современный человек не отличается от архаического человека не только биологически, но и в значительной степени психически, по типу ментальности. В.Б. Касевич приводит слова А. Бергсона "Соскребём поверхностный слой, сотрём то, что приходит к нам с воспитанием всех времён: мы вновь обнаружим в наших глубинах первобытное человечество или нечто близкое". Мифотворческая функция возникла вместе с человеком и неотделима от него как выработанный эволюцией противовес по отношению к интеллекту. (Касевич 1996: 118-120, Беляева 1981)

Современный человек лишь потенциально способен в той или иной степени оперировать формально-логическими структурами в обыденной жизни, но тяготеет к стереотипным реакциям (Касевич 1996: 87-88). Мифы обладают структурой и рациональностью, т.е. в плане своего выражения они не выпадают из определённых законов логики. В финском мифе присутствует конструирование реальности, в которой существует идеальное государство, народ - ангелы, а земля "во истину рай на земле", хотя бы интеллект с этим и не хотел согласиться. Встреча мифа с интеллектом происходит в этическом аспекте на социально-прагматическом уровне утопий.

Основной чертой модели создания финского мифа является прежде всего литературность. Русским учёным В.С. Елистратовым отмечается роль литературы путешествий в зарождении мифа (Елистратов 1994: 8). Первые путевые заметки о Финляндии были написаны Диньо Божковым в 1910 году "В страната на "белите лилии". Пътни впечатления". Содержание статьи было комплиментарным Финляндии, повторялись тезисы, которые были повторены в предисловии к книге "В стране белых лилий", стали позднее стереотипами. По ряду внешних обстоятельств они пока ещё заметной роли не сыграли: в 1910 году журнал прекратил своё существование, а в 1914 год началась война, затем русская революция и пр. Позже путевыми заметками образ Финляндии обогатил географ Г. Гунчев (1923). Как указывалось выше, его отзыв о Финляндии был сочувственным и положительным, и он совершенно не осветил тех экономических и идеологических трудностей, которые в этот период переживала Финляндия (см. Karemaa, Liikanen, Kemiläinen) и это даёт нам основание предположить, что Г. Гунчев перед поездкой в Финляндию ознакомился с существующей болгарской литературой о Финляндии литературой, а возможно, проконсультировался с самим Д. Божковым, бывшим в это время уже известным литератором и занимавшим престижный пост инспектора народного образования.

Публикация книги Г. Петрова в Болгарии в 1925 году совпала с послевоенным активным обустройством народного хозяйства, когда уже мало-помалу залечивались раны трудного военного времени. Лучшие

представители болгарской интеллигенции стремились помочь своему народу. Д. Божков, на себе ощутивший действенное влияние петровского слова, издавал и вновь переиздавал книги Петрова и прежде всего “В страната на белите лилии. Финляндия” (10 раз(!) за 12 лет) Наличие в финском дискурсе болгарской картины мира речевых и мировоззренческих клише из книги Г. Петрова позволяет утверждать, что книга была широко известна болгарскому читателю и именно она сыграла решающую роль в создании финского мифа, придав ему содержание, соответствующее русскому феннофильству.

Русское феннофильство, как уже говорилось, родилось у представителей огромной страны и имело в себе черты сочувствия к малому. Диспозиция *большой* и *маленький* несли в себе потенциально возможность ущемления прав малого большим, превращения малого в жертву (См. Похлебкин 1975). Для малого недостатки не позорны, так как малому, чтобы добиться успехов, следует проявить больше усилий, но, если большой в чём-то отстал, то это для него стыд: достижения малого ставятся большому в укор. Получается парадокс, достижения Финляндии всё глубже загоняют Россию в нишу негативную, несмотря на то, что Г. Петров постоянно подчёркивает выгоды Финляндии под “защитным крылом” России. Однако, в то же время он, как “прогрессивный” интеллигент относится критически к России, не желая присоединяться к “консервативным славянофилам”, чтобы восхититься самобытностью своей родины.

Этот парадокс русского феннофильства вносит дисгармонию в картину мира болгарина, традиционно относящегося с уважением к родственной, православной, славянской освободительнице России и русскому народу, который вдруг, в финском дискурсе у Г. Петрова и Д. Божкова, выступает как негативная, как антипод всему хорошему, что есть в Финляндии и финском народе.

Рядом с книгой Петрова другие литературные артефакты были побочными, но укрепляющими миф. Просветительские идеи писателя П. Пяйвяринты совпали с этическими целями воспитания народа и прежде всего движения трезвенности в Болгарии. Творчество писателя А. Ярнефельта получило гораздо больший резонанс и в силу большего количества переводов, большей популярности журнала толстовцев “Възраждане”, а главное, поскольку толстовцы давали пример, претворяя свои идеи в жизни, организуя коммуны, а также творчество Ф.Э. Силланпя, получившего широкую известность благодаря нобелевской премии.

Внелитературные контакты также служили укреплению положительных коннотат в финском дискурсе: участие 900 финнов в освободительной войне, премьер-министр К. Эрнрот, наведший порядок в стране, но стоявший за демократическое правление, картограф генерал А.

Ярнефельт, начертивший карту Болгарии, которой пользуются и сегодня, научное открытие И.Й. Миккола, приведшее к правильному толкованию хронологических фактов истории Болгарии, улучшение кооперативной деятельности при помощи Г. Гебхарда. И, наконец, храбрая защита своей родины в войне 1939-44 гг. от превышающего во много раз по силам врага.

Можно возразить, что и другие воины (эстонцы, румыны и т. д.) приняли участие в войне, и другие учёные сделали много открытий в болгаристике (Г. Вайганд, А. Йенсен), вместе с Г. Гебхардом в Болгарии был чех В.Трейбал и нобелевские премии розданы десяткам писателей разных стран. Однако созданию мифа способствовало то, что все эти отдельные явления объединила книга Г. Петрова и деятельность Д. Божкова, предисловие которого сыграло чуть ли не решающую роль, так как в нём желаемое выдавалось за уже существующую идеальную реальность.

Мифологизации финнов не произошло в странах, в которых феннофильская книга Г. Петрова осталась неизвестной, например, в Америке (Kero 1967, 1996), Чехословакии (Fáróva & Kulkki-Nieminen 1996), Польше (Pullat), Германии (Schmitz 1999) и так далее. Ленка Фарова в исследовании финско-чешских литературных отношений указывает на общую историческую судьбу Финляндии и Чехословакии: обе страны входили в состав большого соседнего государства - Австро-Венгрии и Швеции, позднее России, - имели период борьбы за национальное освобождение. Чешские реципиенты отмечают лишь экзотическую для них суровую красоту северной природы и усматривают сходство между фольклорными героями и мотивами народных песен (Fáróva & Kulkki-Nieminen 1996: 16). Однако, идеализации финнов не произошло, в чём, как мы предполагаем, "неперевод" петровского произведения сыграл свою роль. В причинах перевода финских писателей на чешский язык автор не упоминает связей между толстовцами, и столь популярный в Болгарии писатель-толстовец А. Ярнефельт остаётся в Чехословакии неизвестным. Так же в Польше - во времена самого подъёма идеализации финнов в Болгарии в 30-е гг. XX века - и, несмотря на многие параллели в судьбах стран, бывших в составе России (Польша, правда, была поделена ещё хуже, её частями владели Пруссия и Австро-Венгрия), стремлении к национальной свободе, - даётся вполне сухая статистическая характеристика, что в Финляндии нет неграмотных, процентуально издаётся газет больше, чем в какой бы то ни было другой стране и что тяжело узнать и понять финнов, поскольку у них трудный язык, и отмечают лишь внешние черты: поведения финны тихого, спокойного и солидного (Pullat 1998: 180).

В то же время в Турции и в других странах, знакомых с книгой Г. Петрова, Финляндия ставится на пьедестал. Точности ради следует сказать,

что Финляндия и финны вызывали к себе сочувствие и у других народов, но нигде они не были идеализированы столь сильно, как в странах, знакомых с книгой Г. Петрова. Дитер Шмитц сообщает, что основу положительной оценки финнов в Германии было положено литературным произведением, объёмистым романом в тысячу страниц писателя Теодора Мюгге "Эрих Рандал" (1856), благодаря которому финны довольно продолжительное время имеют в Германии положительную репутацию людей честных, которым можно доверять, храбрых (Schmitz 1999: 16).

Т.В. Чередниченко, исследуя миф в эстрадной песне, находит ту точку, где "миф кончается, уступая место реальному историческому сознанию, однако он начинается вновь с этой же точки" заявляет он (Чередниченко 1992: 128). Подобным образом всё снова и снова при жизни человека зарождаются мифы в культурной, общественной и политической процессах, затем они распадаются на составные, оставляя за собой груды положительных и отрицательных стереотипов. Миф о финнах в современном, объединённом информационными сетями мире, где уже казалось бы не осталось места загадкам, до наших дней не распался полностью, но получает свой комплиментарный континуум в Болгарии. Причинами этого, возможно, являются отдалённое географическое расположение и стереотипы, связанные с полочным севером, девственными лесами, озёрным краем, экономическим благополучием.

Леви-Строс определяет структуру мифа, как "совокупность правил, по которым из одного объекта можно получить второй, третий и т. д. путём перестановки его элементов и некоторых других симметрических образований" (Токарев & Мелетинский 1980: 19). Это позволяет понять, как отдельные лица и литературные артефакты сделали Финляндию носительницей положительных позиций этической дихотомии. Используя такие категории как *реальный* и *идеальный*, мы показали, что национальный образ финна в болгарской модели мира относится к категории *идеальный*. Слово *идеальный* полисемическое слово. В частности, оно означает 1) идеальный мир, антоним слова реально существующий, 2) прекрасный, без изъянов, 3) идеальное будущее, желаемая утопия, 4) фикция - как плод фантазии и т. п. Подобная многозначность привносит возможность двусмысленного понимания слова, но все эти значения как идеала, так и фикции, объединяются признаком отсутствия их в действительности, то есть их нет в чистом виде в реальном мире, но к нему хотят приблизиться и к нему направлены устремления "идеалистов". У финнов, без сомнения, существуют черты, которыми их наделяют болгары, однако, национальный образ финского народа был бы ближе к действительности, и стоял на более крепкой основе, если бы положительные стереотипы были подкреплены противоположной, негативной, стороной дихотомии.

У человека существует идея "идеального образа" (Поппер 1997: 24). В нашем контексте он склонил болгар к созданию идеального образа финна. Хотя идеальный образ по этическому содержанию может меняться во времени: приобретать иные черты или терять какие-то черты (вспомним хотя бы как менялся образ идеальной женщины), но само устремление к идеализации - как необходимости иметь идеал - неизменно. Эмпирический момент встречи с выходцами из Финляндии мало что изменил: малый северный народ занял прочное место в положительной нише картины мира болгар.

За последние десятилетия появилось множество исследований, в которых так или иначе освещаются черты национального характера и национальной культуры финнов и других народов. Замечено, что нельзя говорить об одном типе в народе. Так и финский народ распадается на этнические, на разных диалектах говорящие группы, живущие в границах исторически сложившихся территориальных единиц. За каждым из них закреплён свой поведенчески-психологический тип характера: хяме, саво, похьянмаа, карьяла. Стереотипический миф о национальных свойствах финнов, а также финноязычных этнических групп в течение столетий менялся и внутри самой финской территории как диахронно: грубые и нахальные карелы 1804 г. превратились в одарённых и обладающих чувством собственного достоинства хранителей национального эпоса во время путешествий по Карелии Э. Лёнрота (Wirilander 1972: 142-143), а также синхронно, в зависимости от того, с какой стороны смотреть: культурная символика восточных групп воспринималась как неправильная финнами-лютеранами и - наоборот. В картине мира болгарина закреплён идеализированный стереотип гомогенного трудолюбивого серьёзного представителя лютеранской культуры и не востребован обладающий отрицательными (или подозрительными) чертами тип восточных, православных этнических групп: которые странно говорят, ребячливо себя ведут, коварны, охотно соблазняют женщин, ленивы (Кнуутила 1982: 117).

Как показывает имеющийся у нас рецептивный материал, диспозиция "болгары в картине мира финнов" не несёт чёткой характеристики национального образа болгарина, в то время как "финны в картине мира болгар" имеют конкретный мифологизированный национальный образ. Финляндия в Болгарии выступает как эталон положительного: "Така е в Суоми (Финландия)... в страната на белите лилии... не така е в татарското село Азиция" - гневно пишет о своих соотечественниках Ст. Чилингиров (Чилингиров 1942: 4).

Можно задаться вопросом, почему в Финляндии не существует мифа о другом народе, но доброе мнение о себе воспринимается как должное и есть даже готовность похвастать освобождением Болгарии (см. песни финских стрелков). Здесь очевидно играют роль ценностные доминанты

культуры. Наш материал показывает - поучительные слова Г. Петрова, М. Йовова, Д. Божкова, (Г. Гебхард тоже приезжал учить) - что болгары имели огромное стремление учиться, прсветительская и назидательная литература печатается многочисленными изданиями. Это не проходит на финской почве, что можно объяснить закрытостью, нежеланием впускать в свой мир "чужих", и "любви финнов к себе", в высокой самооценке, как людей способных один на один побеждать непригодную к благополучной жизни природу и делать из неё прекрасное место обитания (см. С.В. Лурье). В нашей работе при рассмотрении генезиса национального мифа было необходимо коснуться национального образа финнов и болгар, однако более глубокие исследования о национальных образах и ментальности финнов и болгар мы оставим будущим исследователям.

Общие черты в историческом процессе можно обнаружить и в развитии культур и литератур "малых" народов Восточной Европы и частично Центральной Европы. Эти народы различаются этнически (славяне, угро-финны, романские (румыны), балтийские (латыши, литовцы), по религии: православные, лютеране, католики, по культурной ориентации (у финнов на шведов, у эстонцев и латышей на немцев, у литовцев на поляков, у болгар и сербов на русских, у румын на французов и т. д.) Но при всём этом у них своеобразный исторический, географический и, в какой-то мере, историко-культурный "пояс" между Россией, с одной стороны, и большими культурами Запада (немецкий, французский, итальянский, английский) - с другой. Это были крестьянские народы, у которых отсутствовали свои привилегированные сословия (они состояли из завоевателей, чужеземцев). Именно крестьянство было носителем национальных начал. Развитие литературы и культуры этих народов теснейшим образом связано с их национально-освободительной борьбой, литература и культура были в первую очередь своеобразным отражением этой борьбы, выявляли рост национального самосознания этих народов. Отсюда и очень многие общие черты в развитии литератур народов указанного историко-географического "пояса" (региона). Они особенно ярко и отчётливо заметны в так называемом народном романтизме, представленном у всех малых народов Восточной Европы и Центральной Европы. Обращение к фольклору, к своей отечественной древности, истории, патриотические мотивы, связь с национально-освободительной борьбой и т.п. При этом литература всех этих народов (как и их культура) сначала из-за (в основном, из-за чужеземного ига, но могут быть и другие объективные причины) развиваются очень медленно, отстают от развитых культур Западной Европы, но затем с середины XIX века, в период так называемого национального возрождения, начинается быстроеускоренное развитие и они к началу XX века "догоняют" развитые "большие" культуры. Эта типологическая особенность историко-

культурного развития свойственна практически всем малым народам "пояса". Вот эти общие черты и объединяют географически, как будто, столь отдалённые культуры и литературы финнов и болгар, как и болгар и эстонцев и т. п. Это создаёт к концу XIX - началу XX века почву для налаживания культурных и литературных контактов между народами региона. Контакты не могли быть интенсивными, что объясняется не только географической отдалённостью (с соседними странами дело обстоит несколько иначе), но это объясняется и ещё одной особенностью (причём универсальной, всеобщей) литературных связей вообще: наиболее интенсивные связи устанавливаются между народами при некоторой разноразности литературного и культурного развития. Одинаковый уровень с одной стороны как бы способствует литературным и культурным контактам, но с другой мешает их интенсивности. В подобной ситуации зарождение финского национального мифа является уникальным явлением, причины и генезис которого мы в нашей работе исследовали.

6.2 Периодизация контактов между Болгарией и Финляндией

На основании изученного нами материала отношений между финнами и болгарскими можно выделить на следующие периоды в их эволюции:

1. С 1877 по 1878 год контакты были внелитературные в Болгарии, то есть там присутствовали финские стрелки, исполнял военную, а затем и дипломатическую службу Казимир Эрнрот и картограф генерал А. Ярнефельт создавал карту Северной Болгарии. Затем до 1896 года относительно Финляндии нет публикаций, до первого перевода в 1896 году повести П. Пяйвяринта "Изгубен Живот". В Финляндии же наоборот широко освещался "балканский вопрос", и вернувшиеся стрелки напечатали множество воспоминаний и публицистических статей о Болгарии. Болгария стала константой финской ментальности в роли освободительницы Болгарии: "мы" "там". Статей и книг за эти десять с лишним лет, названных Г. Вылчевым "болгарским информационным бумом", было опубликовано несколько десятков и они довольно хорошо изучены финскими учеными. Во время военных событий финны ещё не оставили о себе следа в памяти болгарского народа, но позднее этот факт стал важным компонентом финского национального мифа в Болгарии.

2. С 1896 по 1925 год, который можно назвать: **просветительским периодом**. В Болгарии стали известны имена финских авторов С. Алкио, Ю. Ахо, П. Пяйвяринты, Х. Сетяли, А. Ярнефельта. Причём писатели П. Пяйвяринта и А. Ярнефельт явились как бы носителями моральных

ценностей финнов: первый - просветительских, второй - христианских. Финляндия становится известной читающей публике Болгарии также из публикаций статей на тему ставшего актуальным на стыке XIX и XX века "Финского вопроса".

Репрезентации болгарской литературы в научных изданиях в Финляндии служат просветительским целям, а перевод романа Вазова "Под игото" (1910, 1913, 1917) на финский язык должен был послужить целям национально-освободительной борьбы Финляндии. Так что выбор литературы для переводов в обеих странах ведётся группами и обществами с вполне осознанными просветительскими и идеологическими целями.

3. С 1925 по 1939 год можно назвать **мифотворческим**, или **петровским**. Хотя сам Г. Петров умер именно в 1925 году, когда была напечатана книга "В стране белых лилий", которая сослужила столь фатальную службу для Болгарии (и добавим, в скобках, для Турции). Переизданная десятки раз и распространяемая в школах и по всей Болгарии как поучительная книга она напомнила болгарам о Финляндии: в Болгарии постепенно составилась и закрепился национальный миф о Финляндии, как о стране белых лилий, рае на земле и его высокоморальных жителях, примеру которых нужно следовать болгарам. После 1925 г. стараниями Д. Божкова переиздаётся много книг Г. Петрова, как например "К болгарской молодёжи", в которой показывается, как надо поступать, чтобы жить как идеальные финны. В Болгарии создаются сельхозгруппы "Белые лилии". Продолжают переиздаваться произведения А. Ярнефельта, П. Пяйвяринты и Ю. Ахо. Появляется и новое имя: неоромантика Ё. Линнанкоски (с 1928 г.). Акцент переносится с абстрактных моральных ценностей на свойства конкретного народа. Этот период заканчивается апофеозом Финляндии, когда она совершила героический подвиг встав на защиту своей независимости (1939-1940). Тогда же начинают стихийно создаваться в Болгарии общества болгаро-финской дружбы.

В Финляндии проходит второй пик информации о Болгарии к 50-летию освобождения Болгарии в 1937-38 годы. Вновь поднимается тема "мы - там", но и подчеркивается, что мы дружественные страны и собратья по оружию (см. Suomen sotilas 1938: 5-7). К этому времени приурочена этнографская выставка и переводятся произведения Йордана Йовкова и Елина Пелина. Закрепляется стереотип о Болгарии как стране роз и долгожителей, любителей старины и традиционных форм рукоделия.

4. Четвёртый период с 1939 по 1944 годы знаменуется в Болгарии переводами писателя-реалиста Франса Эмиля Силланпя и, на этом основании, он мог бы стать **реалистическим**. Но реализм Ф.Э.Силланпя не повлиял на финский национальный образ, к тому времени уже

сложившийся, а получение финским писателем Ф.Э.Силланпяя, высокой награды - Нобелевской премии только лишний раз показала талантливость финского народа. Храбрость при защите родины во время несправедливой и неравной по силам советско-финская войны - окончательно закрепила положительные константы в национальном образе финнов. В это время переводятся произведение Ё. Линнанкоски. "Песен за червеното цвете" было издано дважды в 1943 г., отдельной книгой и в приложении к газете "Дневник" под названием "Песен за любовта". Переводы со шведского языка А. Шишманова Р. Шилдта, Салли Салминен и Майлы Талвио печатаются уже в военные годы (1942), и о них нам не удалось обнаружить рецептивных материалов. В Финляндии печатаются новеллы болгарских писателей Й. Йовкова и А. Каралийчева.

5. Пятый период с 1945 по 1967 год был временем упадка контактов между Болгарией и Финляндией, что было обусловлено историческими причинами. После Второй мировой войны начинается новый тип межкультурных контактов Болгарии и Финляндии, который характеризуют совершенно иные парадигмы. В Болгарии установилась другая общественная система, которая контролировала и планировала культурные и литературные связи. Контакты в этом культурном контексте принципиально иные, поскольку обращение к литературным произведениям возникает не вследствие инициативы лиц, непосредственно занятых культурным процессом, а мотивируются идеологическими причинами и несут особую специфику. Переводятся писатели, получившие признание в СССР (М. Ларни, Х. Вуолийоки). В Финляндии спорадически публикуются переводы рассказов болгарских писателей Елина Пелина, Ивайло Петрова, Дамяна Калефова и пр.

6. С 1968 года начинается шестой период, который продолжается до конца 80-х гг. Число точно установить невозможно. Для него характерна активная деятельность и встречи, особенно на официальном уровне. После обмена визитами государственных деятелей Болгарии и Финляндии и подписания культурного договора начался обмен преподавателями болгарского и финского языков. В связи с этим резко активизировалась переводческая, научная и культурная деятельность. Болгарская сторона издаёт две книги о Финляндии А. Големанова и Е. Кирчевой. В Финляндии Балкантиристом издаются брошюры о Болгарии С. Салокорпи и Т. Юлинена, которые затем несколько раз переиздаются. Развивается массовый туризм, в Финляндии растёт интерес к Болгарии, активно действуют общества дружбы. Деятельность курируется правительствами обеих стран. По библиографии можно увидеть насколько выросла переводческая деятельность, в основном писателей с левыми взглядами, как например,

Мартти Ларни. Начавшаяся в 1985 году перестройка в СССР спустя некоторое время повлияла на культурную политику Болгарии и Финляндии. Закончились существующие до сих пор на государственные средства осуществляемые контакты.

7. С начала 90-х годов можно отсчитывать седьмой период отношений, который начал третий, новый тип межкультурных отношений между Болгарией и Финляндией. Этот тип нельзя считать возвратом к прежнему, довоенному, так как он проходит в “век информации”. Переводы направлены на репрезентацию самого ценного в литературах и этим занимаются люди, лично заинтересованные в поддержании контактов между Финляндией и Болгарией, в основном это бывшие преподаватели болгарского языка в Финляндии и финского языка в Болгарии и их ученики.

YHTEENVETO

Työssä tarkastellaan Suomen ja Bulgarian välisten kulttuuri- ja kirjallisuussuhteiden syntymistä ja kehitystä sekä tutkitaan kanssakäymisen erityispiirteitä vertailevan kirjallisuustieteen ja kulttuurintutkimuksen näkökulmasta. Suomi ja Bulgaria ovat pieniä ja maantieteellisesti kaukana toisistaan sijaitsevia maita, jotka edustavat myös erilaisia sosiokulttuurisia alueita. Ensimmäiset kontaktit maiden välillä ajoittuvat vuosiin 1877-1878, jolloin 900 vapaaehtoista suomalaissotilasta taisteli bulgarialaisten rinnalla turkkilaisia vastaan. Varsinaiset kirjallisuussuhteet saivat alkunsa vuonna 1896. Työssä keskitytään tarkastelemaan maidenvälisten kulttuuri- ja kirjallisuuskontaktien muotoutumista ja ilmenemistä 1900-luvulla. Tätä ei ole aikaisemmin juurikaan tutkittu, minkä vuoksi aiheeseen liittyvät bibliografiat ovat varsin puutteellisia.

Erityistä huomiota tässä väitöskirjassaan kiinnitetään kirjailijoiden välisiin henkilökohtaisiin suhteisiin, kustantamoiden ja yhdistysten välisiin kontakteihin sekä myös kirjallisuuden kääntämiseen ja käännöskirjallisuuden vastaanottoon kirjallisuuskritiikissä. Keskeisiä tekijöitä ovat siis tekstit ja kustantajat, kun taas lukija-vastaanottaja jää taka-alalle. Ensimmäinen suomalainen kirjailija, jonka teoksia käännettiin bulgariaksi, oli valistuskirjailija P. Päivärinta. Häntä seurasivat tolstoilainen A. Järnefelt ja vuodesta 1939 alkaen nobelisti F. E. Sillanpää. Ensimmäinen bulgarialainen kirjailija, jonka teoksia käännettiin suomeksi on I. Vazov. Käännöstoiminnalle oli tyypillistä, että käännettiin sellaista kirjallisuutta, jonka ajateltiin valistavan ja sivistävän kansaa sekä rikastuttavan oman kirjallisuuden tematiikkaa ja lajeja. Bulgarian ja Suomen kirjallisuuden klassikoita alettiin kääntää vasta 1960-luvulla.

Vastoin ennako-odotuksia bulgarialaisilla näyttää olleen suomalaisista konkreettinen kansalliskuva, joka on korostetun myönteinen. Bulgarialaisten Suomi-kuvan voidaan katsoa edustaneen bulgarialaista fennofiilisyyttä, johon puolestaan vaikutti venäläinen fennofiilisyyys. Suomalaisia koskevan kansalliskuvan syntyyn Bulgariassa vaikutti olennaisesti venäläisen fennofiilin G. Petrovin teoksen *Valkoisten liljojen maassa. Suomi* ilmestyminen vuonna 1925. Kyseisessä teoksessa suomalaisia luonnehditaan rehelliseksi, suoriksi, ahkeriksi, sisukkaiksi vaikkakin köyhiksi ihmisiksi, jotka rakastavat isänmaataan ja ovat valmiita antamaan henkensä sen puolesta. Petrovin hengenheimolainen oli bulgarialainen D. Božkov, joka teki tunnetuksi fennofiili Petrovin teoksia kotimaassaan ja merkittävää on se, että hän teki yleisesti tunnetuksi käsitteen ”valkoiset liljat”, josta muodostui Suomen symboli Bulgariassa. Suomen kansalliskuvan muotoutuminen on mielenkiintoinen ja monitahoinen ilmiö, jota analysoidaan kulttuurintutkimuksen näkökulmasta käsitteiden maailmankuva, kansalliskuva, klisee ja stereotypia avulla. Työssä luodaan myös katsaus kansojen yhteiskunnallis-poliittiseen ja kulttuuriseen kehitykseen sekä tarkastellaan maidenvälisten kulttuurikontaktien dynamiikkaa. Siinä tarkastellaan myös bulgarialaisten ja suomalaisten kansallistunnon kehittymistä sekä valtioiden itsenäistymisprosessien vaiheita. Kulttuuristen prosessien analyysi paljastaa typologisia samankaltaisuuksia ja eroja, jotka selittävät Suomen ja Bulgarian keskinäisten suhteiden ainutkertaisuutta. Suomen ja Bulgarian välisiä kirjallisuus- ja kulttuurisuhteita koskevaa aineistoa analysoidaan erityisesti reseptioon liittyvien kysymysten näkökulmasta. Tarkastelun kohteena on sekä bulgarialaisen

kirjallisuuden reseptio Suomessa että suomalaisen kirjallisuuden reseptio Bulgariassa. Lisäksi kiinnitetään huomiota Bulgarian historian tapahtumiin osallistuneiden suomalaisten henkilöiden toimintaan. Tarkasteltavia elämänalueita ovat diplomaattia (K. Ehrnrooth), tie (J. J. Mikkola), kansanvalistus (P. Päivärinta), pahanvastustamattomuusliike eli tolstoilaisuus (A. Järnefelt) sekä osuustoiminta (H. Gebhard). Erityisesti kiinnitetään huomiota suomalaisten kirjailijoiden valistuskirjojen julkaisuun Bulgariassa kulttuurisen kanssakäymisen kolmen ensimmäisen vuosikymmenen aikana. Lisäksi käsitellään Suomen aikalaiskuvan ilmentymistä G. Petrovin, D. Božkovin, G. Guntshevin ja D. Bojuklievin kirjoituksissa. Suomalaisten sankarillinen toiminta talvisodassa tarkastellaan yhtenä tekijänä, joka vahvisti myönteistä kuvaa suomalaisista Bulgariassa. Tutkimusaineistosta käy ilmi, että bulgarialaisten tuntevat erityistä sympatiaa Suomea ja suomalaisia kohtaan. Tämän ovat maininneet myös monet suomalaiset kirjoittajat (esim. T. Ylinen, O. Talas, S. Salokorpi ja P. Jyrkänkallio). Erityinen suhtautuminen suomalaisiin on herättänyt vastakaikua myös Golemanovin, Kiranovan ja muiden bulgarialaisten kirjailijoiden teoksissa vaikka ne ovat ilmestyneet vasta II maailmansodan jälkeen. Syitä siihen, miksi bulgarialaiset tuntevat ainutlaatuisia kunnioitusta ja sympatiaa tuntematonta ja kaukaista Suomea kohtaan, pyritään löytämään analysoimalla molempien maiden historiallisia kohtaloita ja kirjallisuus- ja kulttuurisuhteita. Jotta olisi mahdollista luoda objektiivinen historiallinen kuva kanssakäymisestä ja kontakteista, on tärkeää ymmärtää, mitkä niistä tosiasiallisesti ovat jättäneet jälkensä vastaanottavan puolen tajuntaan ja vaikuttivat suomalaisista syntyneeseen kansalliskuvaan. Suomalaisten mielissä taas bulgarialaisilla ei ole erityisasemaa muiden etnosten joukossa.

Mitä tulee suomalaisia koskevan kansalliskuvan reseptioon Bulgariassa, eräs keskeisimmistä teemoista on, miten määritellä G. Petrovin (1925) teoksen *Valkoisten liljojen maassa*. Suomi asema niiden tekijöiden joukossa, jotka vaikuttivat suomalaisista muotoutuneeseen kansalliskuvaan Bulgariassa. Venäläisen älymystön edustaja ja fennofiili G. Petrov, joka kirjoitti em. teoksen lisäksi Suomea käsitteleviä artikkeleita ja teoksia, nousee keskeiseksi hahmoksi. D. Božkov välitti bulgarialaiseen kulttuuriin venäläisten fennofiilien näkemyksiä, jotka puolestaan heijastuivat bulgarialaisten suomalaisista luomaan kansalliskuvaan. Tämän vuoksi tarkastellaan lyhyesti myös suomalaisten ja venäläisten välisten kontaktien historiaa ja pyritään selvittämään venäläisen fennofiilisyyden erityispiirteitä ja sen yhtymäkohtia bulgarialaisen fennofiilisyyteen.

Olettamusta, jonka mukaan bulgarialaisten maailmankuvaan kuuluu erityinen myytti Suomesta ja suomalaisista, perustellaan teoreettisesti tarkastelemalla myytin ja erityisesti kansallismyytin käsitettä. Lisäksi analysoidaan suomalaisten stereotyyppisiä käsityksiä bulgarialaisista ja eritellään bulgarialaisten Suomi-kuvan osatekijöitä. Työssä kehitellään myös suomalaisia koskevan kansallismyytin syntyä sekä esitetään Bulgarian ja Suomen välisten kontaktien aikajaotus. Työssä on liitteenä bibliografia teoksista joita on suomennettu ja tärkeimmistä Suomesta kirjoitetuista artikkeleista ja päinvastoin.

ИСПОЛЪЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Опубликуванна

- Авджиев 1989 Желю. Беню Цонев като редактор, литературен организатор и критик. София. *Език и литература* 4, 16-22.
- Аверинцев 1974 С. Миф. *БСЭ* в 30 тома, т. 16.
- Андреева-Попова 1985 Надежда. Възприемането на немската литература в България през Възраждането и типологичната общност на литературните периоди и течения. *Българо-немски литературни и културни взаимоотношения през XVIII и XIX век*. София. Изд. БАН, с. 54-76.
- Бабев 1939 Димитър. Нобелевата награда за литература. София. Сп. *Училищен преглед*, год. 37, с. 1252-1253.
- Барт 1989 Ролан. *Избранные работы. Семиотика. Поэтика*. Из книги "Мифология". Перевод с франц. Москва. "Прогресс", с. 46-130.
- Белчев 1971 Белчо. Из историята на културните връзки между две страни (между български и финландски народ. София. *Отечествен фронт* 8447, с.3.
- Беляева 1981 Сабина. Мит и съвременно национално художествено съзнание. *Българистични изследвания*. Първи българо-скандинавски симпозиум 24-30 септември 1979 г. София. Унив. "Кл.Охридски", с. 260-273.
- Богданов 1940 А. (псевд. Б.А.). Рецензия на Франс Ем. Силанпе "Свещена нищета". Превод от франц. Ирина Сокурова, София, Изд. Хемус. Сп. Читалище, год. 19, 7-8, с. 253-254.
- Божков 1910 Диньо. В страната на "белите лилии", пътни впечатления... София. *Духовна пробуда* г. 4, 14, с. 12-19.
- Божков 1914 Д. Б. В страната на "белите лилии", пътни впечатления... София. *Съвременна мисъл*.
- Божков 1936 Диньо. В страната на белите лилии. Бележки от преводача. В: Григорий Петров. *В страната на белите лилии. Суоми - Финландия*. 10 изд. Прев. от ръкописа и предг. от Д.[имитър] Иванов Божков. С предговор от М. Йовов. София. 231 с. (Прил. на списание "Училищен преглед", год 35), с. 4-18.
- Божков 2000 Диньо. *Съприкосновения с личности на духа и перото*. Съст., предговор и бележки Дечко Лечев. София. Унив. изд. "Св. Климент Охридски".
- Бородкин М. *Финляндия в русской печати*. Петербург. 1902, 1915 (за годы 1901-1913).
- Бошнаков 1978 Димитър. Л. Н. Толстой в България. София. *Език и литература* 6 с. 89-95.
- Брусянин 1916 В. *Страна озер*. Спб.
- Българистика и българисти*. 1981. Статии и изследвания. Българистиката в чужбина. Портрети на българисти. Съст. Боян Кастелов, Владимир Симеонов. София.
- Българистични изследвания* 1981. Първи българо-скандинавски симпозиум 24-30 септември 1979 г. София. Унив. "Кл. Охридски".
- Българите европейци ли са? 1925. Сп. "Изток" 18: 2.

- България в чуждата литература. Библиографски указател. 1917-1944.* Съст. Йота Данчева Николова & Михаил Георгиев Лазаров 1977, 1944-1953. Съст. Веселин Трайков & Йота Данчева & Михаил Лазаров 1968. 1954-1963. Съст. Веселин Трайков. София, 1965.
- България между Европа и Русия.* Научна конференция 10-11 октомври. София. Изд. "Българска сбирка".1997.
- Българска художествена литература на чуждите езици.* София. 1944-57, 1823-1962.
- Българска литература. Каталог биографий и библиография на българските писатели от Паисий до днес.* София, 1937.
- Българската литература след освобождението (1878). Съвременна българска литература. *Доклади. 12.* Втори международни конгрес по българистика (23.5. - 3.6.1986). София. Изд. БАН, 1988.
- Български периодичен печат. 1844-1944. Анотиран библиографски указател.* Съст. Димитър П. Иванов. 1-3. София, 1962-1969.
- Български периодичен печат. 1944-1969. Библиографски указател.* Съст. Мария Вл. Спасова. 1-3. София, 1975.
- Българо-германски отношения и връзки. Изследвания и материали.* Тт. I-II, 1972-1979. София. Изд. БАН.
- Българо-немски литературни и културни взаимоотношения през XVIII и XIX век.* 1985. София. Изд. БАН.
- Българо-румънски литературни взаимоотношения.* 1980. София. Изд. БАН.
- Българо-руски научни връзки XIX -XX век. Документи.* 1968. Съст. Л. Костадинова, В. Флорова, Б. Димитрова. София. Изд. БАН.
- Българо-унгарски културни взаимоотношения.* 1980, София. Изд. БАН.
- Бързакова 1979 Надежда. Документи в ЦДИА за българско-немските литературни връзки (1878-1944). *Българо-германски отношения и връзки. Изследвания и материали.* Т. II, София. Изд. БАН, с. 343-360.
- Вакарелски 1939 Христо. Д-р Кале Куусинен. Български генерален консул в Финландия. София В-к *Зора*, год. 21, No: **6135**, с. 6.
- Введение в культурологию.* Ред. Е. В. Попов. Москва. ВЛАДОС. 1998.
- Взаимосвязи и взаимодействия национальных литератур.* Москва, 1961.
- Водовозова 1899 Е. Финляндия. *Мир Божий*, **9** с. 3
- Вълчев 1981а Георги. Българистиката във Финландия. София. *Българистика и българисти*, с. 251-256.
- Вълчев 1981б Георги. Българистиката в Швеция. София. *Българистика и българисти*, с. 260-263.
- Вълчев 1981в Георги. Българистиката в Норвегия. София. *Българистика и българисти*, с. 257-259.
- Вълчев 1994 Георги. Естонците на Солженицин и финландците на България. София. *Литературен форум* **12**, с. 8.
- Вълчев 1977 Георги. От Хелзинки до Горни Дъбник. Записки на бойци от Финландски гвардейски батальон от времето на Освободителната война. София. *Антени* No: **3-5**.

- Вълчев 1993 Георги. Прилики и приобщения между славянски, скандинавски и угрофински литератури". В: *Сборник докладов*. 11 скандинавско-български симпозиум. Кунгелв.
- Вълчев 1978 Георги. Финландски дневници и мемоари от 1877-1878 г. *Освобождение на България и литературата. Сборник с изследвания*. София. Изд. БАН с. 369-386.
- Вълчев 1999 Георги. *Финландците за нас и ние за тях. От края на XIX до края на XX в.* София. Унив. изд-во "Св. Климент Охридски".
- Ганчева 1992 Вера. Синьо + жълто = зелено. (За Й.Л. Рунеберг). София. Университетско изд. с. 177-179.
- Гачев 1995 Г. *Национальные образы мира. Космо-психо-логос*. Москва. Изд. "Прогресс - Культура".
- Гачев 1988 Георгий. *Национальные образы мира. Общие вопросы. Русский, болгарский, киргизский, грузинский, армянский*. Москва. Изд. "Сов. писатель".
- Гачев 1964 Г. Д. *Ускоренное развитие литературы*, Москва. Изд. "Наука".
- Георгиев 1984 Емил. *Българската литература в общоевропейски контекст*. София. Изд. "Наука и изкуство".
- Георгиев 1978 Емил. Основи на общото и сравнително литературознание. *Проблеми на сравнителното литературознание*. София. Изд. БАН, с. 5-30.
- Георгиев & Ватова 1994. Лазар Георгиев и Пенка Ватова. "Възраждане". *Периодика и литература*. Литературни списания и вестници, смесани списания, хумористични издания (1902-1910), т. 3, София, Изд. БАН, с. 266-284.
- Големанов 1967 Алеко. *Среща с Финландия*. София. Изд. "Международна политика".
- Голосовкер 1987 Я.Э. *Логика мифа*. Москва.
- Горский 1975 И. К. *Александр Веселовский и современность*. Москва. Изд. "Мысль".
- Горский & al. 1983 Горский И. К. & Доронина Р. Ф. & Чемоданова М. Г. Развитие литератур западных и южных славян в XIX веке и проблема литературных направлений. *Славянские литературы. IX Международный съезд славистов*. Москва.
- Гранес 1980 Алф. "Българистиката и българистите в Норвегия". София. *Език и литература* 5, с. 82-86.
- Гранес 1981 Алф. Българистика и българистите в Норвегия. *Българистични изследвания*. Първи българо-скандинавски симпозиум 24-30 септември 1979 г. София. Унив. изд. "Кл. Охридски", с. 307-310.
- Григоров 1940 К. Фините. София. В-к *Вечер*, год. 1, No: 10, с.6.
- Гунчев 1923 Гунчо. Калевала. Плевен. *Чайка*. Списание за младежта 8, с. 106-109.
- Гунчев 1940 Г. Финландия. София. *Просвета* 5, с. 545-557.
- Гуревич 1996 П. С. *Культурология*. Москва. Изд. "Знание".
- Даль 1981 Владимир. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Москва. Изд. "Русский язык", т. 4.
- Динов 1935 Вичо & Грозю. *Дания. Как стана пример за народите*. София. Изд. "Селски кооператор".
- Дончев & Рашев 1968. Дончев Д. & Рашев Н. *От Осло фиорд до Финския залив*. София.
- Дончев 1967 Николай. Културните ни връзки с Финландия. София. *Вечерни новини* 4557.

- Дончев 1981 Николай. Проф. Луиджи Салвини. *Българистика и българисти. Статии и изследвания. Българистика в чужбина. Портрети на българисти*. Съст. Боян Кастелов и Владимир Симеонов. София. Изд. "Наука и изкуство" с. 310 - 312.
- Драганов 1908 А. Ив. Финландския въпрос. *Български преглед*. Г. 10, No: 70, с. 2.
- Драгоев 1940 Петър. "Свещена нищета" роман от Франс Ем. Силанпе. Сп. *Млад кооператор*, рубрика "Какво да четем?" 13-14, с. 16.
- Дудевски 1978 Христо. За някои особености на документалната белетристика за Освободителната руско-турската война. *Освобождение на България и литературата. Сборник с изследвания*. София. Изд. БАН, с. 149-164.
- Дуйчев 1980 Иван. Исторически връзки между България и Швеция. София. *Народна култура* 38 (1263).
- Дюришин 1979 Диониз. *Теория сравнителного изучения литературы*. Перевод со словацкого. Москва. Изд. "Прогресс".
- Един мил на България гост. Професор Микола за българската наука. София. В-к *Дневник*. 15. 02. 1918.
- Елистратов 1994 В.С. Россия как миф. К вопросу о структурно-мифологических темах восприятия России Западом. В сб. "*Россия и Запад. Диалог культур*". Москва. Изд. МГУ, с. 6-18.
- Жечев 1978 Марин. Българо-гръцки литературни връзки и взаимоотношения. *Проблеми на сравнителното литературознание*. София. Изд. БАН, с. 166 - 178.
- Жирмунский 1939 В. А. Веселовский Н.(1838-1906). *Избранные статьи*. Ленинград.
- Жирмунский 1961 В. Проблемы сравнительно-исторического изучения литератур. Москва. *Известия АН СССР*, 19.
- Златев 1997 Иван. Финландци в освобождението на България. София. *Български воин* 794, с. 14-15.
- Злыднев 1985 В. Советско-болгарские литературные связи (вторая половина 30-х - начало 40-х годов). *Сравнительно-историческое изучение и теоретические вопросы развития современных литератур*. АН СССР. Институт Славяноведения и балканистики. Москва, Изд. "Наука", с. 141 - 150.
- Злыднев 1997 В.И. Проблемы истории в культуре болгарского Возрождения. В сб. *Культура и история. Славянский мир*. РАН. Институт Славяноведения и балканистики. Москва. Изд. Индрик, с. 221-237.
- Зобов & Келасъев 1997 Зобов Р.А. & Келасъев В.Н. *Социальная мифология России и проблемы адаптации*. С.-Петербургский гос. ун-т.
- Иванова 1985а Радост. "Калевала" и българският народен епос. София. *Български фолклор* 3, с. 44-50.
- Иванова 1985б Радост. Международен симпозиум "Калевала" и световните епоси. София. *Български фолклор* 3, с. 112-114.
- Игов 1991 Светлозар. *История на българската литература (1878-1944)*. София. Изд. БАН. *Из истории эстонско-болгарских связей. К столетию русско-турецкой войны 1877-1878 годов*. Под ред. ак. В. Маамяги. Таллин. 1977.
- Исаков 1969 Сергей. Из историята на естонско-българските литературни връзки. Български теми в естонската литература. София. *Език и литература* 2, с. 21-32.

- Исаков 1970 Сергей. Към българо-естонските литературни отношения. София. *Език и литература* 5, с. 45-54.
- Исаков 1983 Сергей. *Юхан Веляотс. Естонски революционер в България*. София. Партиздат.
- Йовов 1936 М. Моето пожелание. В Григорий Петров. *В страната на белите лилии. Суоми - Финляндия*. 10 изд. Превод от ръкописа и предговор от Д.[имитър] Иванов Божков. С предговор от М. Йовов. София. (Прил. на списание "Училищен преглед", год 35), с. 5-6.
- Калевала 1992. Фински народен епос. Превод от фински Нино Николов. София. Изд. "Народна култура". Библиотека "Световна класика".
- Камбуров 1997 Генчо. Трети фински батальон получи бойното си кръщение при село Горни Дъбник. София. *Земя* 225, с. 4.
- Касевич 1996 В.Б. *Буддизм. Картина мира и язык*. С.-Петербургский гос. ун-т, Восточный факультет.
- Кассирер 1998а Эрнст. Техника политических мифов. Москва. *Alma mater. Вестник высшей школы* 9, с. 153-164.
- Кассирер 1998б Эрнст. *Избранное. Опыт о человеке*. Москва. Изд. "Гардарика", (Лики культуры).
- Киранова 1981 Евгения. *Суоми*. С предг. от Асен Нейков. София. Изд. БЗНС.
- Кишкин 1992 Л.С. *Литературные связи*. Предмет, цели, проблематика и методика изучения. Москва.
- Клинге 1990 Матти. *Очерк истории Финляндии*. Кеуру. Изд. "Отава".
- Ковалёва 1992 И. И. Структура и метод "Диалектики мифа". Москва. *Arbor mundi. Мировое древо. The World Tree* 1, 146-150.
- Конев 1966 Илия. *Българо-сръбски и българо-хърватски книжовни взаимоотношения. (Материали и документи)*. София. Изд. БАН.
- Константинов 1940 Георги. Финска книга, преведена на български език. "Свещена нищета" роман от Фр. Ем. Силанпе. София, в-к *Днес* 48, с. 4.
- Косев 1972 Константин. Руско-германските отношения и освобождението на България. *Българо-германски отношения и връзки. Изследвания и материали*. София. Изд. БАН, т. I, с. 35-70.
- Костова 1979 Емилия. Българо-германските отношения в съвременната българска историография. *Българо-германски отношения и връзки. Изследвания и материали*. София. Изд. БАН, Т. I, с. 577-589.
- Коэн 1997 Стивен. Карл Поппер и идея откритого общества. Москва. *Alma mater. Вестник высшей школы* 6, с. 20-21.
- Краснов 1963 Г. В. *Проблема национального характера в русской и болгарской литературах 60-х гг. XIX в.* Горький.
- Краткая философская энциклопедия*. 1994. Москва. Прогресс.
- Культура и история. Славянский мир*. 1997. РАН. Институт славяноведения и балканистики. Москва. Изд. Индрик.
- Культурология. XX век*. 1995. Антология. Москва. Изд. "Юрист", (Лики культуры).

- Культурология. XX век.* 1998. Энциклопедия в двух томах. СПб. Изд. Университетская книга.
- Лезин 1906 А. *Финляндия.* Москва.
- Лёзов 1998 Сергей. Эрнст Кассирер и философия мифа. Москва. *Alma mater. Вестник высшей школы* 9, с. 164-167.
- Лечев 1992 Дечко. Бележки на издателя. В: Григорий Петров *В страната на белите лилии. Финляндия.* 11 изд. Превод от ръкописа и предговор от Д. Божков. С предговор от Дечко Лечев. Шумен. Издателска къща "Ил. Р. Блъсаков".
- Лечев 2000 Дечко. Щастлив живот. Вместо предговор. В: Божков Диньо. *Съприкосновения с личности на духа и перото.* Съст., предговор и бележки Дечко Лечев. София. Унив. изд. "Св. Климент Охридски", с. 5-7.
- Линдстет 1981 Йоуко. Финландската българистика през 70-те години. *Българистични изследвания.* Първи българо-скандинавски симпозиум 24-30 септември 1979 г. София. Унив. "Кл. Охридски", с. 316-317.
- Лосев 1998 А.Ф. Теория мифического мышления у Кассирера. В: Кассирер Эрнст. *Избранное. Опыт о человеке.* Москва. Изд. "Гардарика". (Лики культуры), с. 730-758.
- Лосев 1999 А.Ф. *Самое само.* Сочинения. Москва. ЗАО "Изд."ЭКСМО-Пресс".
- Лурье 1997 С. В. *Историческая этнология.* СПб. Изд. "Аспект пресс".
- Люлински 1942 Людмил. Селски писател носител на Нобеловата премия Фр. Ем. Силанпе. Сп. *Млад кооператор* 13-14, с. 12.
- Маамяги 1977 Р.В. ред. *Из истории эстонско-болгарских связей. К столетию русско-турецкой войны 1877-1878 годов.* Таллин.
- Маньковская 1970 Г.Л. *Издание и распространение переводов художественной литературы как один из факторов развития национальной культуры (на материале Албании, Болгарии, Югославии с середины XIX века до 1944 г.).* Москва.
- Маринова & Костова 1981. Нина Маринова & Таня Костова. За българистиката в Холандия. София. *Език и литература* 3, с. 124-125.
- Марков 1973 Д. Ф. Вопросы теории и методологии сравнительного изучения славянских литератур. *Сравнительное изучение славянских литератур.* Москва, с. 21-22.
- Мелетинский 1995 Е. Москва. *Поэтика мифа.* 2-е изд. репр. Серия "Исследования по фольклору и мофологии Востока". Москва.
- Микуес 1899 Б. Финляндия и Русия (Спомен от една научна обиколка). *Български преглед,* год. 5, 9-10, с. 104-206.
- Минков 1939 Светослав. Едно тържество на Финляндия. Франс Емил Силанпе - новият лауреат на Нобеловата премия за литература. София. В-к *Зора* 6127, с. 6.
- Минков 1940 Светослав. Предговор. В: Силанпее Франс Емил. *Свещена нищета.* Роман. Прев. от фр. Ирина Сокурова. София. Изд. "Хемус". Избрани произведения из световната литература.
- Минкова 1985 Лиляна. Руската култура като посредник в немско-българските научни и литературни връзки през Възраждането. *Българо-немски литературни и културни взаимоотношения през XVIII и XIX век.* София. Изд. БАН, с. 242-256.
- Мифы народов мира.* 1982. Энциклопедия в двух томах. Москва.

- Михайлова 1980 Екатерина. Турцизмите в романа на Ив. Вазов "Под игото" и отражението им в превода на романа на руски език. София. *Език и литература*, 6.
- Мишин 1988 А. И. Путешествие в "Калевалу".
- Момчилов 1988 К. Български гости на Толстой. София. *Отечество* 9, с. 29-31.
- Некрасов 1993 Г. А. *Тисяча лет русско-шведско-финских культурных связей IX-XVIII вв.* Изд. "Наука".
- Ненов 1928 Н. Финска литература. [София] В-к *Литературни новини* 33, с. 2.
- Николаенко 1997 В.В. Формирование национального культа в болгарской культуре рубежа XIX-XX веков. *Культура и история. Славянский мир.* РАН. Институт славяноведения и балканистики. Москва. Изд. Индрик, с. 238-249.
- Николов Нино см. также Nikolov, Nino.
- Николов 1994 Нино. Гусла от кост на щука. София. *Литературен форум* 12 с. 8.
- Ничев 1978 Боян. Сравнително литературознание и национални литератури. *Проблеми на сравнителното литературознание.* София. Изд. БАН, с. 31-45.
- Новикова 1997 И. Н. Германия и проблема финляндской независимости (1914 - 1916). *Вестник Санкт-Петербургского университета, Сер. 2*, вып. 1 (No: 2), с. 108-112.
- Нурижан 1940 Жорж. *Приятели на България.* София.
- Освобождение на България и литературата. Сборник с изследвания.* 1978. София. Изд. БАН.
- Паисий Хилендарски 1972. *Славяно-българска история.* София.
- Пенкова 1981 Пиринка. Българистика в Дания. *Българистични изследвания.* Първи българо-скандинавски симпозиум 24-30 септември 1979 г. София. Унив. "Кл. Охридски" с. 316-317.
- Пере 1940 Жан-Луи. Предговор. В: Силанпее, Франс Емил "*Свещена нищета*". Роман. Превод от френски Елисавета Кирчева. София. Библиотека "Световни автори". Знаменити съвременни романи. Год. 11, кн. 8.
- Песонен 1995 Пекка. О финской славистике. Москва. *Новое литературное обозрение* 12, с. 226-237.
- Петканов 1981 Иван. Италианският българист Луиджи Салвини. София. *Език и литература* 1, с. 63-68.
- Петров 1936 Григорий. *В страната на белите лилии. Суоми- Финландия.* 10 изд. Превод от ръкописа и предговор от Д.[имитър] Иванов Божков. С предговор от М. Йовов. София. 231 с. (Прил. на списание "Училищен преглед", год 35).
- Петров 1992 Григорий. *В страната на белите лилии. Суоми- Финландия.* 11 изд. Превод от ръкописа и предговор от Д. Божков. С предговор от Дечко Лечев. Шумен. Издателска къща "Ил. Р. Блъсаков".
- Петров 1902 Г.[ригорий], свещ. *Евангелие как основа жизни.* 7 изд. без перемен.
- Петров 1911 Гр.[игорий]. *Законченный круг. Памяти Льва Николаевича Толстого. 28 авг. 1828 г. - 7-го ноября 1910 г.* ПБГ, Изд. Библиотечка "Копейка".
- Петров 1926 Григорий. *Към българска младеж. (Последно писмо и завет).* Превод от ръкописа Д. Божков. София.
- Петров 1908 [Григорий]. *Письмо священника Григория Петрова митрополиту Антонию.* СПб. Изд. "Правда".

- Петров 1929 Григорий. *Русия и България. Трагедията на Русия, как може да се издигне един народ и да се направи благороден, на българското селско население*. Прев. от ръкописа Д. Божков. София. "Напред".
- Петров 1910 Г.С. *Страна болот. (Финляндские впечатления)*. Москва.
- [Петров 1928] Братованов Ст. "В страната на белите лилии" на турски. *Знаме* 103.
- [Петров 1925] "В страната на белите лилии". *Подуенски глас* 16.
- [Петров 1925] Копинаров Г.А. Една ценна книга. Пловдив. В-к "Борба" 1283.
- [Петров 2001] Менделеев, А.Г. Священник и публицист Григорий Петров. *Жизнь газеты "Русское слово": издатель, сотрудники*. Москва. с. 79-103.
- [Петров 1902] Преображенский И.В. *Новый и традиционный ораторы: оо. Григорий Петров и Иоан Сергиев, Кронштадтский*. СПб.
- [Петров 1907] Ру-ов А. В. (сост.) *Священник Г. С. Петров, член Государственной Думы. Биография и история ссылки в монастырь*. С портретом и видами Черемнецкого монастыря. Москва.
- [Петров 1996] Фирсов С. Л. Священник Григорий Спиридонович Петров. В сб. *Российская интеллигенция на историческом переломе. Первая треть XX века*. Тезисы докладов и сообщений научной конференции 19-20 марта 1996 г. Спб., с. 211.
- [Петров 1925] Хирьяков А. Г.С. Петров. *Русская мысль*. Париж.
- [Петров 1925] Чанков, Ж. Гр. Петров "В страната на белите лилии". София. *Учителски вестник* 6.
- [Петров 1925] Чилингиров Стилиян. Рецензия. "В страната на белите лилии" от Григори Петров. Превод от ръкописа и предговор от Д. Божков. В-к "Казанлышка искра", год. 1, No: 3, с. 3.
- [Петров 1927] Юруков Д. В. *Григорий Петров. Личността и делото*. Критически очерк. София. Изд. "Посредник".
- Петров Г.С см. также Petrov, G.
- Платонов 2001 Ю.П. Этническая психология. "Речь" СПб.
- Попиванов 1980 Иван. Пенчо Славейков и Шандор Петьофи. *Българо-унгарски културни взаимоотношения*. София. Изд. БАН, с. 400-426.
- Поповский 1983 Марк. *Русские мужики рассказывают. Последователи Л.Н. Толстого в Советском Союзе 1918-1977*. Документальный рассказ о крестьянах-толстовцах в СССР по материалам вывезенного на Запад крестьянского архива. London. OPI.
- Поппер 1997 Карл. Магия мифа. Москва. Alma mater. Вестник высшей школы 8, с.22-24.
- Порочкина 1983 И. Москва. *Лев Толстой и славянские народы. Литературно-эстетические и социально-философские взаимосвязи второй половины XIX - начала XX века*. Изд. Ленинградского ун-та.
- Похлебкин 1974 В.В. *Финляндия*. Москва. Изд. "Мысль".
- Похлебкин 1975 В.В. СССР - Финляндия. 260 лет отношений 1713-1973. Москва. *Проблемы на сравнителното литературознание*. 1978. София. Изд. БАН.
- Пяйвярине 1995 Сари. Финландската литература. София. *Орфей - Orfeus* 2, с. 81-83.
- Радонов 1979 Здравко. Връзки между български и германски учени и музеи (1878-1944 г.). *Българо-германски отношения и връзки. Изследвания и материали*. Т. II. София. Изд. БАН, с. 305-326.

- Ракоши 1980 Габор. Българската литература в Унгария. *Българо-унгарски културни взаимоотношения*. София. Изд. БАН, с. 391-399.
- Речник на българската литература в 3 тома*. БАН. Институт за литература. София. Тт. 1-2. 1976-1977.
- Речник по нова българска литература. Библиография. 1878-1992. Гл. ред. Магдалена Шишкова. София. Изд. "Хемус".
- Россия и Запад. Диалог культур*. 1994, МГУ.
- Русев 1978 Руси. Проникването на английската литература в България през XIX и в началото на XX в. *Проблеми на сравнителното литературознание*. София. Изд. БАН, с. 192-206.
- Руския царизъм и "Финландия". 1898. *Български преглед*, год. 1, No: 20, с. 2-9.
- Светломиров 1967 Д. Ц. Финландия и делото на мира. София. "Вечерни новини" 4781, с. 3.
- Сиберг 1980 Лилия. Българистиката във Финландия. София. *Народна култура* 43 (1268), с. 4.
- Скороходова 1934-35 Мария. Христо Досев в Русия. *Възраждане* 24, с. 4-8.
- Славянските литератури в България. Проблеми на рецепцията*. 1988. Изд. "Климент Охридски".
- Софроний Врачанский 1976. *Жизнеописание*. АН СССР. Литературные памятники. Ленинград. "Наука".
- Словарь современного русского литературного языка*. 1965. Москва. АН СССР. Институт русского языка, т. 17.
- Тахов 1995 Росен. Бандитите бесени публично през 1880 г. Финландец ликвидира организираната престъпност в България за 6 месеца. *24 часа* 27, с. 34.
- Тихменева 1998 Т.С. "Вместо коментариев". В: *Финский альбом: из русской поэзии начала XIX - начала XX века*. Составитель Т.С. Тихменева. Ювяскюля.
- Токарев & Мелетинский 1982 Токарев С. А. & Мелетинский Е. М. Мифология. *Мифология народов мира*. Энциклопедия в двух томах. Москва. Т. 1, с. 11-20.
- Топоров 1982а В. Н. Модель мира. *Мифология народов мира*. Энциклопедия в двух томах. Москва. Т. 2, с. 161-164.
- Топоров 1982б В. Н. История и миф. *Мифология народов мира*. Энциклопедия в двух томах. Москва. Т. 1, с. 572-674.
- ФА 1998 = *Финский альбом: из русской поэзии начала XIX - начала XX века*. Составитель и автор "Вместо коментариев" Т.С. Тихменева. Ювяскюля.
- Финландия след една година война срещу СССР. 1942. "Мир". Год. 48, 12554.
- Флореа 1978 Родека. Бележки, спомени, записки и писма на румънски бойци, участвували в Руско-турската война през 1877-1878 г. В: *Освобождение на България и литературата. Сборник с изследвания*. София. Изд. БАН, с. 297-310.
- Хулт 1981 Арне. Българистика в Швеция. *Българистични изследвания*. Първи българо-скандинавски симпозиум 24-30 септември 1979 г. София. Изд. "Кл. Охридски", с. 303-306.
- Хюркянен 1972 Ю. "Някои наблюдения върху преводите на романа "Под игото" на финландски език". София. *Език и литература* 3, 70-74.

- Цанев 1936 Георги. Бай Ганьо и характерологията на българина. В: *Проблеми на теорията и историята на литературата*. Сборник в чест на 70-годишната на Пантелей Зарев. София. Изд. БАН, 1984, с. 136-150.
- Цанев 1978 Георги. Развой на жанровете в българската литература през 80-те години (1878-1890). *Освобождение на България и литературата*. Сборник с изследвания. София. Изд. БАН, с. 9-32.
- Цанев 1921 Ив. Арвид Эрнефелд. Бургас. *Възраждане*, с. 173-181.
- Цанев 1920 Ив. Наченки на едно литературно течение. Бургас. Сп. *Възраждане* 6, с. 177-185.
- Цанева 1988 Милена. Българската литература след освобождението (1878). Съвременна българска литература. *Доклади*. 12. Втори международни конгрес по българистика (23.5. - 3.6.1986). София. Изд. БАН, с. 15-24.
- Цанева 1992 Милена. Иван Вазов и Йохан Лудвиг Рунеберг. София. *Език и литература*, 1, 18-25.
- Цонев 1896 Беньо. Предговор. Петър Пейверинта: Изгубен живот. София. Изд. "Българска сбирка".
- Цивьян 1990 Т. В. *Лингвистические основы балканской модели мира*. Ин-т славяноведения и балканистики. Отв. ред. В. Н. Топоров. Москва. Изд. "Наука".
- Чередниченко 1992 Т. В. Наш миф. Москва. *Arbor mundi. Мировое древо. The World Tree* 1, с. 110-132.
- Чернокожев 1984 Вихрен. Димитър Подвързачев - майстор на превода. В: *Проблеми на теорията и историята на литературата*. В чест на 70-годишнината на акад. П. Зарев. София. Изд. БАН, с. 181-192.
- Чилингиоров 1942 Стилиян. Така е в Суоми... Сп. *Трета културна седмица за селото*. Единствени номер от 15. 1. 1942 г., с. 4
- Шкуратов 1997 В.А. Историческая психология. 2-е, перераб. Москва. Изд. "Смысл".
- Элиаде 1996 Мирча. Мифы, сновидения, мистерии. Пер. А.П. Хомик. Москва. Изд. "Рефл-бук и Ваклер".
- Янев 1939 Милко. Страната и народ за които най-много се говори днес. Пловдив. В-к *Борба* 5577 от 4.12.1939, с. 2.
- Airola 1993 Marjaana. *Suomesta turoapaikkaa hakemaan tulleiden perheiden lasten oman äidinkielen opetus: kohderyhmä Bulgarian turkkilaiset peruskouluikäiset lapset*. Helsingin yliopisto. Arkistoaineisto.
- Alanen 1964 Aulis J. *Hannes Gebhard*. Helsinki.
- Aula 2000 Jorma. Bulgaria sopii suomalaiselle. Rovaniemi. *Matkalehti*. Loma & liikematkailun erikoislehti 4, s. 6-11.
- Balkan 2000: näkökulmia ja taustoja Kaakkois-Euroopan nykytilanteelle*. 1999. Toim. Vesa Saarikoski. Turun yliopiston poliittisen historian tutkimuksia 17.
- Balkan 2000: näkökulmia ja taustoja Kaakkois-Euroopan nykytilanteelle*. Turun yliopisto.
- Balkanin retki 1985*. Kirjoittajat A. Haapala, K. Juutilainen, M. Jämiä, A. Rautio, M. Rimpiläinen, T. Runeberg, T. Ström, U. Turunen, S. Virkkula. Kirja on julkaistu TP

- Mauno Koiviston Bulgarian v. 1985 valtiovierailun kunniaksi. Matkailun edistämiskeskus ja Bulgarian valtion matkatoimisto Helsingissä. Kursiivi.
- Bulgaria-seura toiminut Turussa jo 40 vuotta. 1997. Suomen Turku. Turku-seura **4**, s.10.
- Brunch 1989 Michael. Sillanpää anglosaksisissa maissa: käännösromaani etsi lukijansa. *Sillanpää Suomen kirjallisuudessa*. F.E. Sillanpään juhlaKirja. Toim. Arne Laurila ja Panu Rajala. Sillanpää-seura. Otava. Keuruu. s. 84-97.
- Bulgaria info 2000*. Helsinki, Suomi-Bulgaria seura.
- Bulgaria: turkkilaisvähemmistöä sorretaan. 1987. *Amnesti-tiedote* **4**, s. 6.
- Bulgarian ikoniaarteita esillä Iisalmen Evakkokeskuksessa. 1998 *Aamun koitto*. Suomen ortodoksisen kirkkokunnan äänenkannattaja ja ortodoksisten kotien hengellinen lehti. Joensuu. Pyhän Sergein ja Hermanin veljeskunta **12-13**, s. 20-21.
- Bulgarian kasvat* 1964. Luonto, historia, hallinto, talous, sivistys. Bulgaria matkailumaana. Toim. Balkantourist. Helsinki. Tammi.
- Bulgarian näkymiä* 1957. Suomen kaarti vapaussodassa. Toim. Suomi-Bulgarian seura. [Helsinki].
- Bulgarian tutkimusretki* 1991. Студентска практика в България. Toim. Vesa Kanninen. Helsingin yliopiston maantieteen laitoksen tutkimusretkiraportteja **22**. Yliopistopaino.
- Bulgarian viesti* 1980- . Suomi-Bulgaria-seuran tiedotuslehti. Helsinki.
- Edgerton 1988 W. The Social Influence of Lev Tolstoj in Bulgaria. *American Contributions to the Tenth International Congress of Slavists*. Sofia.
- Ehrnrooth 1967 Magnus. *Casimir Ehrnrooth. Kolmen Aleksanterin - kahden tsaarin ja yhden ruhtinaan - uskollinen palvelija*. Keuruu. Otava.
- Ethnic minorities: three articles on the Macedonians in Bulgaria, Kashubes in Poland and the Lapps in Finland*. 1993. Ed. Erkki Asp. University of Turku.
- Even-Zohar 1976 Itamar. The Position of Translated Literature within the Literary Polysystem. *Literature and Translation. New Perspectives in Literary Studies*. Ed. James S. Holmes, Jose Lambert and Raymond van der Broeck. Leuven.
- Fárová & Kulkki-Nieminen 1996. Fárová, Lenka & Kulkki-Nieminen, Auli. "Svejk tekee toisin". Suomalais-tšekkiläiset kirjallisuussuhteet. Tampereen yliopisto, Suomen kirjallisuus. Julkaisuja **35**.
- Fogelberg 1989 Paul. Kuka oli Alexander Järnefelt? Helsinki. *Terra* **101:2**. s. 185.
- Foucher 1994 Michel. Minorities in central and eastern Europe. Strasbourg. Council of Europe Press.
- Haapala 1985 Aulis. Bulgariaan: siellä kävi Suomen Kaartikin. ET-lehti (Elämäntaito) **1**, s. 40-47.
- Haltsonen 1905 A. Esipuhe. Petrov Grigori. *Evankeliumi elämän perustana*. Suomentanut ja esipuhe A. Haltsonen. 1905.
- Haltsonen & Puranen 1979. Haltsonen, Sulo & Puranen, Rauni. *Kaunokirjallisuutemme käännöksiä. Bibliografinen luettelo suomenkielisen kaunokirjallisuuden käännöksistä*. SKS. Helsinki.
- Heikkilä 1992 Martti. Slaavia värisytti. Bulgarianlainen kansanlaulu-yhtiö Suomen vierailulla. Uusi kansanmusiikki **4**, s. 8.

- Hein 1989 Manfred Peter. F.E. Sillanpää ja hänen saksalaiset lukijansa. *Sillanpää Suomen kirjallisuudessa. F.E.Sillanpään juhla-kirja*. Toim. Aarne Laurila ja Panu Rajala. Sillanpää-seura. Keuruu. Otava. s. 68-83.
- Helsinki Watch. Destroying ethnic identity: the Turks of Bulgaria. A Helsinki Watch report. New York. Helsinki Watch Committee 1986.
- Helsinki Watch. Destroying ethnic identity: the gypsies of Bulgaria. A Helsinki Watch report. New York. Helsinki Watch Committee 1991.
- Hiisivaara 1968 Tapio. *"Tuhannenpa verran poikia läksi..." Suomen kaarti Balkanin sodassa 1877-1878*. Porvoo. WSOY.
- Housework 1992 *Housework time in Bulgaria and Finland*. Leena M. Kirjavainen... [et al.], Studies Statistics Finland **193**.
- Huhtala 1935 P. *Suomen valkoinen kaarti. Lyhyt esitys Suomen kaartin (henkivartioväen 3. Suomen tarkk'ampuja pataljoonan) ja Suomen valkoisen kaartin historiasta*. Helsinki. Otava.
- Hyrkkänen 1975 Jukka. Bulgarialaisten sanojen ja nimien translitterointiongelmia. *Virittäjä* **4**, s. 411-417.
- Hyvämäki 1964. *Suomalaiset ja suurpolitiikka. Venäjän diplomatia Suomen sanomalehdistön kuvastimessa 1878-1890*. Porvoo. WSOY.
- Immonen 1987 Kari. *Ryssästä saa puhua... neuvostoliitto suomalaisessa julkisuudessa ja kirjat julkisuuden muotona 1918-39*. Helsinki.
- Inha 1906 I.K. *Balkanin niemimaa. Osa 1 Yleiskatsaus: Rumania, Serbia, Bulgaria, Montenegro, Tonava*, mukailen kirjoittanut I.K. Inha. Helsinki. Kansanvalistusseuran toimituksia 139, *Maantieteellisiä kuvaelmia* **31**.
- Jaakkola 1940 Jalmari. *Suomen historian ääriviivat*. Helsinki.
- Jalonen 1985 Olli. *Kansa kulttuurien virroissa. Tuontikulttuurin suuntia ja sisältöjä Suomessa itsenäisyyden aikana*. Keuruu.
- Jauss 1970 Hans Robert. *Literaturgeschichte als Provokation*. Frankfurt am Main.
- Jensen 1913 Alfred. En bulgarisk skald. Helsinki. *Finsk Tidskrift* **75**, s. 73-87.
- Johannes Rilalaisen bulgarialainen elämäkerta. 2001. Osat 1-8. *Aamun koitto*. Suomen ortodoksisen kirkkokunnan äänenkannattaja ja ortodoksisten kotien hengellinen lehti. Pyhän Sergein ja Hermanin veljeskunta. Joensuu.
- Jussila 1985 Osmo. Venäläiset Suomessa 1809-1917 -aihetta sivuava kirjallisuutta. *Venäläiset Suomessa 1809-1917*. Historiallinen Arkisto **83**. Toim. Pauli Kurkinen. Toinen painos. Helsinki. SHS, s. 337-346.
- Jyrkänkallio 1951 Paul. Valkeiden liljojen maa. Helsinki. *Uusi Suomi* **48**.
- KE 1934 = *Kansallinen elämäkerrasto*. Osa 5: Snellman Juhana Vilhelm . Tekijä J. E. S., s. 152-169.
- Kaila 1997 Viljo. *Turun Bulgaria-seura 40-vuotias: 1957-1997*.
- Kanev 1989 Dinyo. Venäjän armeijan topografikunnan suorittama kartoitustyö Bulgariassa Balkanin sodan aikana vuosina 1877-78. Helsinki. *Terra* 101(1989):**2**, s. 181-185.
- Kanerva 1996 Pekka. *Bulgarian kehittyvät markkinat - osa uudistuva Itä-Eurooppaa: selvitys liiketoimintaolosuhteista*. Suomen ulkomaankauppaliitto. Helsinki.

- Kangasluoma 1978 Tuukka. Mielikuvituksen pyörre. Arvostelu Ljubomir Levčevin "Tähdet ovat minun". *Helsingin Sanomat*.
- Kankamo 1977 Ritva. Vanha suosikkiteos antaa turkkilaisille oudon kuvan Suomesta. Suomalainen ei juo ja puhuukin kuiskaamalla. Helsinki. Uusi Suomi **334**.
- Kannila 1943 Helle. Tällä vuosisadalla ilmestyneen kaunokirjallisuuden suomennoksista. *Juhlakirja J. V. Lehtosen täyttäessä 60 vuotta 8. XII. 1943*. Forssa. (Kirjallisuudentutkijain seuran vuosikirja **VII**).
- Karemaa 1998 Outi. *Vihollisia, vainoojia, syöpäläisiä. Venäläisviha Suomessa 1917-1923*. Suomen Historiallinen Seura. Bibliotheca historica **30**.
- Kauppinen 1952 Eino. *Kirjallinen kuukausilehti. Vaiheet, sisälllys, merkitys*. Helsinki.
- Kemiläinen 1993 Aira. *Suomalaiset, outo Pohjolan kansa. Rotuteoriat ja kansallinen identiteetti*. Historiallisia tutkimuksia **177**. Helsinki. SAS.
- Kero 1967 Reino. Yhdysvaltain kuva Suomen sanomalehdissä 1800-luvun puolivälin jälkeen (noin vuosina 1850-1875). *Turun Historiallinen Arkisto XX*. Turku.
- Kero 1996 Reino. Siirtolaisuus Suomesta Yhdysvaltoihin ja Kanadaan. Siirtolaisinstituutti. Turku.
- Ketola 1985 Eino. Venäläiset vallankumoukselliset Suomessa 1917. *Venäläiset Suomessa 1809-1917*. Historiallinen Arkisto **83**. Toim. Pauli Kurkinen. Toinen painos. Helsinki, s. 327-335.
- Kinnunen 1979 Matti. Kuopion sanomalehtien kirjallinen aineisto 1861-1917. *Runoutta ja nurkkaromaaneja. Sanomalehdistö kaunokirjallisuuden julkaisijana ennen vuotta 1917*. Helsinki. Suomen sanomalehdistön historia - projektin julkaisuja **1**.
- Kiparsky 1966 Valentin. J.J. Mikkola kielentutkijana. Helsinki. *Uusi Suomi* 18. 05, s. 4.
- Kiparsky 1945 Valentin. *Suomi Venäjän kirjallisuudessa*. Helsinki.
- Kiuru-Kitaigorodski 1982 Sisko. *Suomi-Bulgaria-seura 30-vuotta*. Helsinki.
- Klinge 1989 Matti. Saksalaismielinen yliopisto. Matti Klinge & al. *Helsingin yliopisto 1640-1990*. Toinen osa: Keisarillinen Aleksanterin Yliopisto 1808-1917. Helsinki.
- Knuuttila 1982 Seppo. Kaskut ja vitsit. *Kertomusperinne*. Toim. Irma-Riitta Järvinen ja Seppo Knuuttila. Pieksämäki. Tietolipas **90**.
- Knuuttila 1992 Seppo. Kulttuurimyytin representaatiot: kansantaiteesta kitsiin. *Myytit ja symbolit. Kirjoituksia suomalaisista kulttuuritulkinnosta*. Toim. Ulla-Maija Peltonen & Kirsti Stenvall. Työväen historian ja perinteen tutkimuksen seura. Väki voimakas **5**.
- Koivisto 1995 Risto. Suomalaista nykyryiikkaa Bulgariassa. YLE I. 28.3.1995
- Koivisto 1993 Risto. Suomen rooli muistetaan. Helsinki. *Bulgarian viesti* **3**, s. 4.
- Kolari 1985 Veli. Suomen slavistiikan vaiheita. *Helsingin yliopiston slaavilaisten kielten raportteja*.
- Kondakov 1983 Eija. *Bulgaria - ruusujen maa*. Helsinki. Kansankulttuuri.
- Kovala 1992 Urpo. *Väliin lankeaa varjo*. Angloamerikkalaisen kaunokirjallisuuden välittyminen Suomeen 1890-1939. Jyväskylän yliopisto.
- Kovanen 1990 Anneli. Bulgarian historiasta. Helsinki. *Bulgarian viesti*. **3**, s. 6-7; **4**, s.6.
- Kreičí 1968 Karel. Mýtus a dialog v historických vztazích Slovanstva se Západem. *Československe přednášky pro VI mezinárodní sjezd slavistu v Praze*.

- Krohn 1967 Eino. Suomen kansan luonteesta. *Käännekohtia. Esseitä ja tutkielmia*. Helsinki, s. 177-201.
- Kujala 1985 Antti. Suomessa oleskelevat venäläiset vallankumoukselliset ja heidän vaikutuksensa (1890-luvun lopusta vuoteen 1905). *Venäläiset Suomessa 1809-1917*. Historiallinen Arkisto **83**. Toim. Pauli Kurkinen. Helsinki. SAS. Toinen painos. s. 311-326.
- Kylävaara 1978 Keijo. *Balkanin santaa*. Hämeenlinna. Kirjayhtymä.
- L. W. 1981. Suomen kaarti muistetaan Bulgariassa. *Polttopiste* **10**, s. 6.
- Laine 1999 Ensio. Bulgaria-seura toivoo kiinteämpää toimintaa ystävyyskaupungeillekin. *Suomen Turku*. Turku-seura **2**, s. 30.
- Laitila 2001 Teuvo. Soldier, structure and the other: social relations and cultural categorisation in the memoirs of Finnish guardsmen taking part in the Russo-Turkish war 1877-1878. Helsingin yliopisto. Diss.
- Laitinen 1985 Kai. Kirjallisuushistoriat kirjallisuuden reseptiona. *Lukeminen - reseptio - tulkinta*. Toim. Yrjö Hosiainluoma. Tampereen yliopiston Kirjallisuuden laitoksen julkaisu **26**.
- Lappalainen 1975 Pekka. *Venäläistä kaunokirjallisuutta autonomian aikana*. Jyväskylän yliopiston monistesarja.
- Lappalainen 1990 Tuomo. Itä-Euroopan maiden ystävyysseurat etsivät rooliaan muuttuvassa Euroopassa: ystävyyttä yli mullistusten. Helsinki, *Suomen Kuvalehti* **2**, s. 32-35.
- Lappi-Seppälä 1986 Jyrki. Espanjan- ja portugalinkielisen kirjallisuuden kääntämisestä ja käännöksistä. *Maailmankirjallisuuden ja sen klassikkojen suomentamisesta III*. Toim. Urpo Kovala. Jyväskylän yliopiston kirjallisuuden laitos. *Monisteita* **32**, s. 31-45.
- Lehtinen 1989 Marja. *Luettelo 1800-luvun suomalaisista kirjallisuudentutkimuksista*. Tampereen yliopisto. Kotimainen kirjallisuus. *Julkaisuja* **30**.
- Lehtonen 1999 Maija. Muistamme Jean-Louis Perret'tä Kalevalan ranskantajana. Helsinki. *Hiidenkivi* **6**. s. 38.
- Lindfors 1883 Akseli. *Tarkka-ampujan Päiväkirja. Muistelmia Venäläis-Turkilaisesta sodasta v. 1877-1878*. Näköispainos 1975. Kauhajoki.
- Lindstedt 2002 Jouko. *Bulgarian and Macedonian Studies in Finland*. <http://www.slav.helsinki.fi/1balkan/finnbulg.html>.
- Liikanen 1995 Ilkka. *Fennomania ja kansa. Joukkojärjestäytymisen läpimurto ja Suomalaisen puolueen synty*. Historiallisia tutkimuksia **191**, Helsinki. SAS.
- Lindeman, Helena & Meller, Leena-Maija 1982. Kirjallisuus- ja kulttuurilehdet Suomessa 1803-1980. *Kirjallisuuskritiikki Suomessa. II. Kirjallisuuskritiikin väyliä ja rakenteita*. Toim. Yrjö Varpio. Helsinki, s.246-278.
- Linko 1987 Maaria. Kulttuurintutkimuksen symposiumissa Sofiassa; suomalais-bulgarialainen tutkijatapaaminen 25-26.5.1987. *Kulttuuritutkimus* **4** (1987):2, s. 32-34.
- Lukeminen - reseptio - tulkinta*. 1985. Toim. Yrjö Hosiainluoma. Tampereen Yliopiston Kirjallisuuden laitoksen julkaisu **26**.
- Maantieteellisiä kuvaelmia*. 1906. Vihko **XXXI**, Balkanin niemimaa. Bulgaria, s. 28-33.

- Mansikka 1937. V. J. *Bulgaria: lyhyt yleiskatsaus*. Helsinki. Bulgarian näyttelytoimikunta.
- Marttinen 1991 Markku. Bulgarian ongelma: mitä voi tehdä tyhjällä mausoleumilla. Helsinki *Check-in*. Suomen matkatoimiston asiakaslehti 3, s. 90-93.
- Mitä on suomalaisuus? 1995. Toim. Teppo Korhonen. Suomen antropologinen seura. Saarijärvi. Gummerus.
- Mikkola 1905 J. J. Bulgarian kirjallisuus. *Yleinen kirjallisuuden historia 4. Slaavilaisten kansain kirjallisuus*. Helsinki, s. 391-402.
- Mikkola 1934 J. J. Kun Turkin sulttaani tunnusti Suomen itsenäisyyden. *Vapaussodan kertomuksia. Muistelmia ja kokemuksia*. Helsinki. Sanatar, s. 234-238.
- Mikkola 1938 J. J. Muutamia tietoja kenraali Casimir Ehrnroothin toiminnasta Bulgarian hallitusmiehenä. Juhlajulkaisu K. R. Melanderin kunniaksi. *Historiallinen arkisto 44*, 490-497.
- Mikkola 1937 J. J. Bulgarian suurin kirjailija Jordan Jovkov on kuollut. Helsinki. *Uusi Suomi* 294, s. 24.
- Muhru 1978 Rae. Suomalaiselle lukijalle. Esipuhe kirjaan: Petrov Grigori. *Valkoilijojen maa - Suomi*. Suomentanut turkin kielestä Pekka Karvanen. Oulu. Kustannusosakeyhtiö Pohjoinen.
- Mäntylä 1995 Ilkka. *Suomalaisen juoppouden juuret. Viinanpoltto vapaudenaikana. Maantieteellisiä kuvaelmia*. SKS.
- Myytit ja symbolit* 1992. *Kirjoituksia suomalaisista kulttuuritulkinnoista*. Toimi Ulla-Maija Peltonen & Kirsti Stenvall. Työväen historian ja perinteen tutkimuksen seura. Väki voimakas 5.
- Niklander 1980 Hannu. Bulgarian tarinat. Arvostelu "Helakukkulasta". *Helsingin sanomat* 25.7.1980.
- Niskanen 1964 Ville. Suomalainen kenraali Bulgarian hallinto-miehenä. *Kuluttaja*. 41, 14-15.
- Nokkala 1958 Armo. *Tolstoilaisuus Suomessa*. Helsinki.
- Noro 1986 Arto. Esipuhe. Georg Simmel *Muodin filosofia*. Helsinki, s. 7-18.
- Nurminen 1986 Kimmo. Pieni Bulgaria - iso urheilumaa. Huippuluokan valmennus luo huippuluokan urheilijoita. Haastateltavana professori Angel Spassov. *Urheilulehti* 40, s. 8.
- Nuorto 1930 Olli. *Balkania autossa ja auton alla & tarina autosta, kolmesta nuorukaisesta ja "Laveasta tiestä"*. Helsinki. Otava.
- Ossa 1998 Mikko. Vanhan Bulgarian uniikki kohde. Turku. *Keräilyuutiset* 1, s. 54.
- Paavolainen 1974 Jaakko. *Suomen kansallinen murhenäytelmä. Punainen ja valkoinen terrori ja vankileirit v. 1918*. Helsinki. Tammi.
- Peltonen 1962 Matti K. *Saksan ja Itävalta-Unkarin politiikka Bulgarian kysymyksessä vuosina 1878-1888*. Helsingin yliopisto.
- Perret 1931 Jean-Louis. *La Finlande*. Paris. Les ed. Rieder.
- Perret 1936 Jean-Louis. *Panorama de la Litterature contemporaine de Finland*. Paris. Ed. du Sagittaire.
- Pesonen 1991 Pekka. Luonnon surullinen poikapuoli ja Saiman rannan nymfi. *Suomi, suuriruhtinaan maa*. Helsinki. Tammi, s. 107-143.

- Petrov 1905 Grigori. *Evankeliumi elämän perustana*. Suomentanut ja esipuhe A. Haltsonen.
- Petrov 1978 Grigori. *Valkoliljojen maa - Suomi*. Suomentanut turkin kielestä Pekka Karvanen. Esipuheen ”Suomalaiselle lukijalle” kirjoittanut Rae Muhru. Kustannusosakeyhtiö Pohjoinen.
- Peuranen 1986 Erkki. Suomennokset venäjän kirjallisuudesta. *Maailmankirjallisuuden ja sen klassikkojen suomentamisesta III*. Toim. Urpo Kovala. Jyväskylän yliopiston kirjallisuuden laitos. *Monisteita* 32, s. 28-43.
- Pigg 1986 Sirpa. Japanilaisen lyriikan suomennoksista. *Maailmankirjallisuuden ja sen klassikkojen suomentamisesta II-III*. Toim. Urpo Kovala. *Jyväskylän yliopiston kirjallisuuden laitos. Monisteita* 31-32.
- Pihkala 1997 Erkki. Venäläisyyden torjunta ja ruotsalaisuuden glorifiointi kansallisena strategiana. Helsinki. *Idäntutkimus* 1, s. 6-16.
- Porola 2001 Heikki. Huomioita slaavilaisten kielten erikoiskirjaimista ja kyrillisten kirjaimistojen translitteroinnista. Suomen musiikkikirjastoyhdistys. Helsinki. *Intervalli* 4, s. 35-38.
- Pullat 1980 Raimo. *Stosunki polsko-fińskie w okresie międzywojennym*. Pżel. M. Galinska. Warszawa.
- Rasmus 2001 Suvi. *Sosiaaliturvajärjestelmät. Bulgarian tasavalta*. Kansainvälinen talousoikeuden instituutti. Helsinki.
- Riikonen 1989 Hannu. *Maailmankirjallisuuden yleisesitykset Suomessa. Luku suomalaisen kirjallisuudentutkimuksen historiaa*. Jyväskylä.
- Runoutta ja nurkkaromaaneja. Sanomalehdistö kaunokirjallisuuden julkaisijana ennen vuotta 1917*. 1979. Helsinki. Suomen sanomalehdistön historia -projektin julkaisuja 14.
- Ruokanen 1982 Tapani. Bulgaria kehittyi rauhallisesti. Helsinki. *Suomen kuvalehti* 9, s. 41-43.
- Rutanen 1997 Reijo. Balkanin kuninkaalliset valmiina palvelukseen. Helsinki. *Suomen kuvalehti* 20, s. 58-64.
- Saarti 1986 Jarmo. Kiinalaisen lyriikan kääntämisestä. *Maailmankirjallisuuden ja sen klassikkojen suomentamisesta III*. Toim. Urpo Kovala. Jyväskylän yliopiston kirjallisuuden laitos. *Monisteita* 32, s. 61-77.
- Sajavaara 1986 Kari. Englantilaiset klassikot Suomessa. *Maailmankirjallisuuden ja sen klassikkojen suomentamisesta III*. Toim. Urpo Kovala. Jyväskylän yliopiston kirjallisuuden laitos. *Monisteita*, 32 s. 1-16.
- Sala 1978 Kaarina. Retkiä runouden maailmankartalla. *Helsingin Sanomat* 19.2.1978.
- Salokorpi 1985 Sinikka. *Bulgaria*. Matkaopas. Helsinki. Tammi.
- Salokorpi 1986 Sinikka. *Bulgaria*. Matkaopas. 2 p. Helsinki. Tammi.
- Salokorpi 2000 Sinikka. *Bulgaria*. Helsinki. Ajatus.
- Salokorpi 2000 Sinikka. *Bulgaria ABC*. Kuvat S. Salokorpi ja Rumiana Tchapanova. Helsinki. Alko. *Etiketti* 1. s. 4-6.
- Salokorpi 2000 Sinikka. *Bulgarien-abc bilder* S. Salokorpi och Rumiana Tchapanova. Helsingfors. Alko *Etiketten* 1. s. 4-6.
- Salokorpi 1983 Sinikka. Koprivštitsa, museokaupunki Bulgariassa. Helsinki. *Kotiliesi* 2, s. 26-27, 29.

- Salokorpi 1979 Sinikka. Rila on Bulgarian pyhäkkö. Helsinki. *Matkailumaailma* 5, s. 10-11.
- Salokorpi 1980 Sinikka. Tänä kesänä Bulgariassa. Helsinki. *Matkailumaailma* 1, s. 10-11.
- Salvini 1935 Luigi. Petko Javorov, bulgarialainen runoilija. *Valvoja - Aika*, s. 201-212.
- Sarajas 1957 Annamari. Elämä on tärkeämpää kuin taide. Englannin kirjallisuuden vaihteita Suomessa. Helsinki. *Uusi Suomi* 240.
- Sarajas 1968 Annamari. *Tunnuskuvia. Suomen ja Venäjän kirjallisen realismin kosketuskohtia.* Porvo.
- Saressalo 1983 Lassi. Identiteetin nurja puoli. Etnisten stereotyyppien tarkastelua. *Sanajalka* 25. Turku.
- Saukkomaa 1989 Harri. Bulgarian turkkilaiset ovat matkalla vihaa pakoon. Suomen Kuvalehti 29, s. 58-61.
- Schmitz 1999 Dieter German. Saksalainen romaani Suomesta. Helsinki. *Hiidenkivi* 4, s.15-16.
- Segers 1985 Rien T. *Kirja ja lukija. Johdatusta kirjallisuudentutkimuksen uuteen suuntaukseen.* Juva.
- Siiberg 1981, Liilia. Bulgaristik in Finland. Sofia, *Bulgarien heute* 9, s. 21.
- Siiberg 1981, 1990 Liilia. Suomalais-bulgarialaisia kulttuurisuhteita sadan vuoden ajalta. Helsinki, *Bulgarian viesti* 1981:2, s. 11. ja 1990:2, s. 3.
- Siiberg 1989 Liilia. Henkilöiden kontakteista kulttuurisuhteiksi. Suomen ja Bulgarian kulttuuri- ja kirjallisuussuhteiden alkuvaiheita. Jyväskylä. *Kulttuuritutkimus* 3, s. 30-32.
- Sillanpää Suomen kirjallisuudessa. F.E. Sillanpään juhlakirja..* 1989. Toim. Aarne Laurila ja Panu Rajala. Sillanpää-seura. Keuruu. Otava.
- Siltanen 1978 Pekka. Liljanvalkoinen Suomi - utopia. *Kaleva* 199.
- Simšir 1988 Bilal N. *The Turks of Bulgaria (1878-1985).* Nicosia, Rustem.
- Slaavilaisten kirjallisuuksien kultainen kirja.*1936. Maailman kirjallisuuden kultainen kirja. Toim. V. K. Trast. Porvoo, Bulgarian kirjallisuus s. 901-905.
- [Snellman, Juhana Vilhelm] Ks.: KE 1934 *Kansallinen elämäkerrasto* osa 5, s. 152-169.
- Suomen sanomalehdistön matrikkeli.* Helsinki 1937.
- Suomen sotilas.*1938. Bulgarialle omistettu erikoisnumero 5-7.
- Suoninen 1989 Annikka. Väli-Euroopan maiden kulttuuri: puolittain peruuntunut suomalais-bulgarialainen seminaari Jyväskylässä 24.5.1989. *Kulttuuritutkimus* 6 (1989): 2, s. 29-32.
- Suvilehto 1988 Eero. Fragmentteja suomalais-bulgarialaisten kontaktien historiasta. Snellman-Instituutti. *Tiedote* 1, s 3-6.
- Suvilehto1981 Eero. Portinavaus bulgarilaiseen lyhytproosaan. Arvostelu "Hela-kukkulasta". *Parnasso* 2, s. 125.
- Suvilehto 2000 Ilkko. Bulgaria Balkanin eteläisessä kolmiossa: muutos. *Balkan 2000: näkökulmia ja taustoja Kaakkois-Euroopan nykytilanteelle.* Turun yliopisto, s. 139-161.
- Takala 1982 Annika. Maantieteellisen maailmankuvan muodostamisesta. Joensuun korkeakoulu. *Kasvatustieteiden osaston julkaisuja* 24.
- Takala 1983 Anna-Liisa. Munkkeja ja matkailijoita. Rilan luostari Bulgariassa. *Uusi nainen* 12, s. 25-27.

- Talas 1960 Onni. *Muistelmia. Itsenäisyysenaattorina ja lähettiläänä kymmenessä maassa.* Porvoo-Helsinki. WSOY.
- Tallinmäki 1978 Jouko. Vanha Suomi-teos kuohuu rivakkaa aatteellisuutta. *Eteläsuomalainen* **154**.
- Tapio 1968 Simo U. *Autolla Suomesta Mustalle merelle. Bulgaria.* Nykymatkailun polttopisteitä **6**. Porvoo-Helsinki, WS, s.135-148.
- Tiainen 1992 Jorma. O. Bismarckin idänpolitiikka ja sen seuraukset. *Itä-Euroopan muutosten tausta.* Toim. Jorma Ahvenainen ja Jorma O. Tiainen. Jyväskylä. Atena -kustannus Oy, s. 195-218.
- Tihmeneva 1986 Tatjana. Venäläisen kirjallisuuden teitä Suomeen. Maailmankirjallisuuden ja sen klassikoiden suomentamisesta **II**. Kääntäjäseminaari Jyväskylässä 5-6.7.1985. *Jyväskylän yliopiston kirjallisuuden laitos. Monisteita* **31**. Toim. Urpo Kovala, s.44-59.
- Tihmeneva 2001 Tatjana, toim. *Kesäyön lumoa kohti. Venäläisiä matkakuvauksia 1800-luvun alun Suomesta.* Laatinut & selityksin varustanut Tatjana Tihmeneva. Suomentanut Erkki Peuranen.
- Tihmeneva & Peuranen 1985 Tatjana Tihmeneva-Peuranen & Erkki Peuranen. Venäläisiä kirjailijoita Suomessa 1800-luvun alussa. *Venäläiset Suomessa 1809-1917.* Historiallinen Arkisto **83**. Toim. Pauli Kurkinen. SHS. Toinen painos. Helsinki, s. 259-268.
- Tuulio 1965 Tyyni. *Maila Talvion vuosikymmenet.* Edellinen osa (1871-1911), 1963. Jälkimmäinen osa (1911-1951) 1965. Helsinki.
- Two cultures coming together.* 1996. Project: consulting Services for foreign Language Training Upgrading in Bulgarian schools. Part 1-3. Helsinki & Vantaa.
- Uljas 2000 Kaija. Bulgariassa viinikin on täynnä tarinaa. Helsinki. Alko. *Etiketti* **1**, s. 7-9
- Vahter 1938 Tyyni. Maailma on pieni. Bulgaria-näyttely Helsingissä. *Kotiliesi*, s. 20-21.
- Vaittinen 1988 Pirjo. *Niin lähellä, niin kaukana. Suomesta ruotsiksi käännetyn kaunokirjallisuuden vastaanotto Ruotsissa 1930-luvulla.* Pieksämäki.
- Valtakari 1966 Pertti. Penjo Penev. Helsinki. *Kansan Uutiset*.
- Vanhanen 2000 Tatu. Bulgarian poliittiset olot. *Bulgaria info 2000.* Helsinki, Suomi-Bulgaria seura, s. 8-17.
- Varis 1991 Venla. Humanitaarinen apu on nyt myös Bulgariassa tarpeen. *Suomen hammaslääkärilehti* **11**, s. 759-760.
- Varpio 1981 Yrjö. *Kirjallisuushistoria reseptioesteettisestä näkökulmasta.* KTSV **33**, Toim. Auli Viikari, s. 60-69.
- Varpio 1982 Yrjö. *Reseptiotutkimus ja muita artikkeleita.* Tampereen yliopiston kotimainen kirjallisuus. Monistesarja **22**.
- Varpio & Nagy 1990. Varpio, Yrjö & Nagy, Lajos Szopori. *Suomen ja Unkarin kirjalliset suhteet vuosina 1920-1986.* Pieksämäki.
- Venäläiset Suomessa 1809-1917.* Historiallinen Arkisto **83**. Toim. Pauli Kurkinen. SHS. Toinen painos.1985. Helsinki
- Wirilander 1972 Kaarlo. Kansanluonne. Kappale joukkoluonnehdinnan historiaa. Helsinki. *Kotiseutu* **4-5**.

- Virkkunen 1995 Juha. Bulgarianlaisen runoilijan näkemys Kalevalasta. Petroskoi. *Carelia* 2, s. 102-104.
- Virtanen 1988 Keijo. *Atlantin yhteys. Tutkimus amerikkalaisesta kulttuurista, sen suhteesta ja välittymisestä Eurooppaan vuosina 1776-1917*. Helsinki.
- Wolf 1988 Janet. Production and Reception. Problems of an Integrated Approach. *The Produktion and Reception of Literature. A seminare Report*. Eds. Katarina Eskola & Erkki Vainikkala. Jyväskylä. (Nykykulttuurin tutkimusyksikön Julkaisuja 8).
- Vuorio 1981 Matti. Suomalainen Bulgarian kaitsijana. Savon prikaatin ja Savon kaartin killan lehti. *Porrassalmi* 2, s. 35-37, 44.
- Väänänen 1913 Kalle. *Bulgarian maa ja kansa. Virenin, Jensenin, Falkeneggin y.m. teoksia suomeksi mukaili K.V.* Jyväskylä, Gummerus.
- Ylinen 1968 Teuvo. *Bulgaria, kultahietikon maa*. Helsinki, Kansankulttuuri.
- Ylinen 1971 Teuvo. *Bulgaria, kultahietikon maa*. 2 p. Helsinki, Kansankulttuuri.
- Ylinen 1975 Teuvo. *Bulgaria, kultahietikon maa*. 3 täyd. p. Helsinki, Kansankulttuuri.
- Ylinen 1978 Teuvo. *Bulgaria, kultahietikon maa*. 4 täyd. p. Helsinki, Kansankulttuuri.

Неопубликованная

- Преводна рецепция на европейските литератури в България през 19-20 в.* Том 6: Скандинавски и прибалтийски литератури (исландска, датска, шведска, норвежска, финландска, естонска, литовска, латвийска) Ред. Вера Ганчева, Георги Вълчев, Иван Троянски. (В печати).
- Сиберг 1989 Лилия. "Нобелевский лауреат Франс Емил Силланпе в Болгарии" Доклад на IV болгарско-скандинавском симпозиуме по болгаристике 16-23.6.1989 Хямеенлинна.
- Сиберг 1989 Лилия. "Возникновение одного национального мифа" (На примере Болгарии и Финляндии). Доклад на XI Международном съезде славистов 27.8.- 12.9. 1993 г. Братислава. (Доклад депониран в Государственной библиотеке в Праге)
- Сиберг 2000 Лилия. *Финский миф в Болгарии. Культурные и литературные взаимоотношения между Болгарией и Финляндией до 1945 года*. Лиценциатская работа. Университет Ювяскюля. Кафедра русского языка.
- Aulamo 1987 Sirpa. *Japanin kaunokirjallisuuden käännökset ja kääntäjät Suomessa sekä huomioita käännöstyöstä*. Kirjallisuuden pro gradu työ. Jyväskylän yliopisto. Kirjallisuuden laitos. *Monisteita* 34.
- Hiisivaara-Hela 1983 Marjatta. Kosk' riidat Turkki aloittaa, se kaadetaan. Arkkiveisut Turkin sodasta 1877-1878. Laudaturtyö. Tampereen yliopisto. Kotimaisen kirjallisuuden laitos.
- Holma 1986 Aulikki. *Kulttuurilehtien kirjallisuusaineiston kansainvälinen suuntautuminen vuosina 1917-1944*. Kotimaisen kirjallisuuden pro gradu-tutkielma. Tampereen yliopisto.
- Keskitalo 1987 Marja. *Suomalainen kirjallisuudentutkimus 1800-luvulla. Alueen määrittelyä ja*

- luettelo suomalaisista kirjallisuudentutkimuksista 1801-1900. Pro gradu tutkielma, Taideaineiden laitos. Tampereen yliopisto.
- Kovala 1991 Urpo. *Angloamerikkalainen kirjallisuus Suomessa ennen toista maailmansotaa*. Yleisen kirjallisuuden lisensiaatintyö. Jyväskylän yliopisto.
- Kull 1980. Tietoja Aleksei Apostolista. Kirje G. Vólčeville.
- Laurila-Helman 1989 Erja. *"Luonnon poikapuolten kirjallisuus."* Tutkimus F. M. Franzenin, J. L. Runebergin ja Zachris Topeliuksen tuotannon vastaanotosta Venäjällä autonomian aikana. Lisensiaatintutkielma. Venäjän kieli ja kirjallisuus. Helsingin yliopisto.
- Mikkola s. a. J. J. *Einige Bemerkungen uber die Tätigkeit General Casimir Ehrnroths als Bulgarischer Staatsmann*. 10 s. (VA, kansio II).
- Nikolov 1992 Nino. *Kalevala - varjeltunutta ihmisen hellyyttä*. Pääsiäisenä 1992. Suomentanut Tarmo Manelius, esitetty Jyväskylässä 2.3.1993.
- Siiberg 1982 Liilia. Kääntämisen taito. E. Bagrjanan "Потомката" "Jälkeläinen" Pertti Valtakarin kääntämänä. *СТОТИНКА 2*, с. 6-7.
- Toshkov 1974 Veselin. *Ivan Vazovin romaani "Pod igoto" ja Tyyni Leision suomennos - tyylivertailuja*. Laudaturtutkielma prof. Virtarannan johdolla.
- Vastinesluoma 1999 Carita Mirjami. Русские панслависты и восточный вопрос - Сербия и Болгария в планах русских панславистов. Pro-gradu tutkielma. Venäjän kieli ja kirjallisuus. Helsingin yliopisto.
- Valtšev 1989 Georgi. *"Suomalais-bulgarialaisia kulttuurisuhteita"* Esitelmä seminaarissa Suomi ja Euroopan kansat 24.05.1989. Jyväskylä.

Архивные материалы

1. VA Valtion Arkisto - Государственный архив Финляндии
В папке 43 Maila Talvio два письма от Dimo Boikliev: 30.5.1939, 9.6.1939, и копия его письма к министру Uno Hannula: 9.6.1939.
В папке J.J. Mikkola хранится переписка с Шишмановыми.
2. SKS:n arkisto - Архив Финского литературного общества
В архиве Arvid Järnefelt хранится его переписка с болгарами Е. Георгиевым, И. Цаневым, Б. Гюдюлевым и Райковым.
Материалы переводчика Т. Манелиуса до 1993 г.
3. АБАН Архив на Българска Академия на науките
Инв. 3085 проф. В. Златарски:
  1. Отпечатък от журнала на Финно-угорското общество, 30, 1914 Хелзингфорс. Ръкопис "Хронологията на турките придунавски българи от Й. Миккола", с. 38 и таблица "Хронологията на старите български ханове.
  2. Фонд 9. Арх. ед. 9.1692, 9.1708, 9.1713, 9.1714, 9.1911, 9.2224, 9.1715, 2. 9 1924, 9.8.1924, 9.2265, 9.2488 переписка В. Златарского с Микколой.

Инв. 154, опис 1, Арх. ед. 665 Письмо Миккколы к Ст. Младенову с
рекомендацией для С. Анкерия 22. 7. 1938 г.

4. (АМвър) Архив Министерства на външните работи
фонд 176 оп. 18, а.е. 834, 28249. Досъе А. Й. Шишманова л. 1, 2, 4, 9, 19, 35, 60, 63,
65, 73, 74, 75, 81, 82
5. ЦДА Централен държавен архив
фонд 177 оп. 2 а.е. 888 Етнографска изложба.
6. ЦДИА Централен Държавен исторически архив
Фонд 1027, опис 1, арх. ед. 16
Български Евангелски въздержателен съюз.
Входящи писма през 1931 - 1932.
Статистически отчеты об употреблении алкоголя в издании "Bureau International
contre L" alcoolisme. Bulletin de presse" Lausanne. No 23 "La prohibition in
Finlande".
Фонд 713, опис 1, арх. ед. 41 Переписка по поводу участия в организуемом в
Хельсинки 30.7. - 4. 8. 1939 г. "Събор против алкохолизма" между Русеном Радковым
(Директор на "Народното здраве") и Харлампи Нейчевым с председателем на Съюза
на борба против алкохолизма в Финляндии Ялмаром Гастреном (Jalmar Gastren)
Фонд 108, опис 2 арх. ед. 1588.
Папки Чилингирова Стилияна:
  1. Студия върху финландската литература от Ремсен Г. в превод на Л(юбен)
Димитров.
  2. 38 листов библиографических заметок и вырезок из газет о финской поэзии и
литературе: П. Пейверинта, Алкио, Марти Ларни, Т. Манелиус, Х. Тиканен и Й.
Рунеберг (1966 -1972).
 Фонд 108, опис 2 арх. ед. 1589, 23 листа статей разных авторов о Финляндии.
7. Архив на Народна библиотека "Климент Охридски"
Фонд 264 а.е.1, 4. Переписка Д. Боюклиева и Ж. Нурижана.

Финская литература, преведенна на български език и статии о ней до 1945 г.

ФИНСКАЯ НАРОДНАЯ СКАЗКА

Пересказал по-български Владимир Рангелов.

Горският великан. Финландска народна приказка. София. Изд. авт. Печ. Добринов. 1935. Библиотека «Детско другарче» 17.

Замъкът на скробищата. Финландска народна приказка. София. Изд. авт. 1937. 15 с. Библиотека «Детско другарче» 104.

Конникът без глава. Финландска народна приказка. София. 1935. 15 с. Библиотека «Имало едно време» 3.

Конникът без глава. Медната царкиня. Финландска народна приказка. Приказки от цял свет. София. Книгоизд. «Лотос». 1930. 112 с.

Метларя и царя. Финландска приказка. Превод В. Сарживанов. София. 1932. Приказки от цял свет 7.

Смелият княз. Финландска народна приказка. София. Изд. авт. 1937. 16 с. Библиотека «Детско другарче» 89.

Феята от синия извор. Финландска народна приказка. София. Изд. авт. 1936. 8 с. Библиотека «Детско другарче» 29.

Хвърковатият кон [Конникът без глава]. Финландска народна приказка. София. Изд. авт. 1938. 14 с. Библиотека «Детско другарче» 129.

АЛКИО Сантери

Баща им в Америка. Превод от немски. София. Сп. *Ново време* 1897:8, с. 844-848.

АХО Юхани

Дървото на нечистата съвест. Разказ. Превод Ив. Георгиев. Пловдив. В-к *Южна България* 1909:21, с. 2.

Женитба. Разказ. Превод А. Вълаков (П. Бакалов). София. Сп. *Българска сбирка* 1898:3, с. 280-283.

Заселище. Разказ. В-к *Вести* 1903:6, с. 3-5.

Малки и големи. Фейлетон. Превод Ив. О-ев. Сп. *Възраждане* 1929:2, с. 36-38.

Поселище. Разказ. Превод Н. Ненов. София. В-к *Литературни новини* 1927:33, с. 1-2.

Ти гасиш - аз запалвам. Разказ. Превод Ив. О-ев. Сп. *Възраждане* 1929:8, с. 240-243.

[Ахо Юхани]Ненов Н. Финска литература. В-к *Литературни новини* 1928: 33, с. 2.

ГЕБХАРТ Ганнес

Защо е по-къс Малък Сечко. Превод от немски Иван Кръстев. София. Изд. Ал. Паскалев. [1918]. В сб. *Слънчеви лъчи*. Книжки за деца с картинки 3.

ГЕБХАРТ Ганнес & ТРЕЙБЛ, В

Доклад на положението на българското кооперативно дело. София. 15 октомври 1931. 17 упрі 1931. Приложени към «Известия на Българска Централна Кооперативна Банка». 1931:6.

ЕРНЕФЕЛТ Арвид см. ЯРНЕФЕЛЪТ Арвид

[ЙОТУНИ Мария]

Съобщение за смъртта и. София. В-к *Слово* 1943:6339.

Съобщение за смъртта и. София. В-к *Литературен глас* 1943:611.

ЛИНАНКОСКИ Ёханес

Песен за червеното цвете. Превод от френски Мария Орлинова. София. Изд. Ст. Атанасов 1943, с. 274 - Библиотека «Златни зърна» год. 8, кн. 4.

Песен за любовта. Финландски роман. Превод от френски Ник. Шивачев. В-к *Дневник* 1943 бр. 13072-13109. Библиотека на в-к «Дневник».

Целувката. София. В-к *Дневник* 1925:7670.

Целувката. София. *Вестник на жената* 1937:704.

Усмивката. София. В-к *Дневник* 1925:7676.

Усмивката. София. *Илюстрирана седмица* 1925:142.

Усмивката. София. В-к *Глобус* 1928: 31.

Усмивката. София. *Народен театър* 1935:44.

Усмивката. София. *Вестник на жената* 1937:706.

Усмивката. В-к *Дъга* 1942: 466.

ПЕЙВЕРИНТ Арви

Само една детска болест... Разказ на ... [1941]. «За това няма да ни отрежат главата я!» 3.

ПЕЙВЕРИНТА Петер [Пайваринта. Пиетари]

Изгубен живот. Превод Б.Ц. София. Сп. *Български преглед* 1896:3, с. 2-32.

Изгубен живот. Превод от немски Б. Цонев. Битоля. Българско неделно училище. Книжки на Битолско неделно училище 1896:5. 63 с.

Изгубен живот. Повест. Превод К. И. Л. София. Изд. Ст. Атанасов. 1909. 37 с. - Библиотека за самообразование 5.

Изгубен живот. Превод К. И. Л. София. Изд. Ст. Атанасов. 1917. 54 с. - Библиотека «Цвят» 4.

Изгубен живот. Изповед на един пияница. Повест. Превод Мария Ненова. София. Изд. Ив. Куюмджиев. «Борба с пиянството» кн. 6, 1928, с. 48.

Мати сиромашт. Разказ. Превод Т. Маринов. В антология «Без маска». София. 1934, с. 75-93.

Петю и Ханка. Приказка. Превод Беньо Цонев. Сп. *Български преглед.* 1896:9-10, с. 132-154.

Старата сиромашкиня. Разказ. Сп. *Православен проповедник* 1896:1, с. 3-13.

Старата сиромашкиня. Силистра. В-к *Добруджа* 1901:13, с. 2-3.

Спътник. Статия. Сп. *Възраждане* 1925:9, с. 270-278.

[Пяйваринта Пиетари] Излезе от печат книгата «Изгубен живот». Съобщение. В-к *Книжрска дума.* Варна 1928:19, с. 2.

РУНЕБЕРГ Иохан-Лудвиг

Възпоминани. [Припомням и аз днес...]. Превод Иван Арнаудов. София. Сп. *Българска сбирка* год. 9, 1902 от 1 май, с. 308-309.

САЛМИНЕН Сали [Салли]

Катерина. Роман. Превод от шведски оригинал Александър Шишманов. София. Печ. Бр. Миладинови. «Знаменити романи» поредица 1:1. 1943. 456 с.

СЕТЕЛЕ Хелми

Детето на скръбта. Повест. Превод Ат. Радев. Ямбол. Книж. «Просвета» 1912. 74 с. Худож. библиотека 4. 2 изд. София. Изд. «Знание» [1914-1915] Универс. библиотека №№ 327-329.

Детето на скръбта. Финландски роман. София. Изд. и печ. Гутенберг. 1918. 84 с. Модерна Библиотека №№109-111.

СИЛАНПЕЕ Франс Емил [СИЛЛАНПЯ Франс Емил]

Зимна нощ в Финландия. Отрывок. В-к *Победа* 1933:163, с. 4.

“Свещена нищета”. Роман. С предговор от Жан-Луи Пере. Превод от фр. Елисавета Кирчева. София. 1940. 140 с. Библиотека «Световни автори» (Знаменити съвременни романи), год. 11, кн. 8.

“Свещена нищета”. Роман. Превод от фр. Ирина Сокерова. С предговор от Светослав Минков. София. Изд. Хемус. 1930. 228 с. Худож. библиотека «Избрани произведения из световната литература».

“Сия или една кратка съдба”. Превод Лукса Данаилова. София. 1941. 264 с. Библиотека «Знаменити романи», год. 1, кн. 3.

[Силанпе Франс Емил] Бабев. Дим. Нобелевата награда за литература. София. 1939. Сп. *Училищен преглед* год. 37, с. 1252-1253.

[Силанпе Франс Емил] Богданов. А. Рецензия на Франс Ем. Силанпе “Свещена нищета”. Превод от фр. Ирина Сокерова. София. Изд. Хемус. Сп. *Читалище*, год. 19, 1940:7-8, с. 253-254.

[Силанпе Франс Емил] Драгоев. Петър “Свещена нищета” роман от Франс Ем. Силанпе Сп. *Млад кооператор*, рубрика «Какво да четем?» 1940:13-14, с. 16.

[Силанпе Франс Емил] Излезе от печат книга “Свещена нищета” Съобщение. Варна. В-к *Книжарска дума* 1940:161, с. 4.

[Силанпе Франс Емил] Константинов Георги. Финска книга преведена на български език. “Свещена нищета” роман от Фр. Ем. Силанпе. София. В-к *Днес* 1940:48, с. 4.

[Силанпе Франс Емил] Люлински Людмил. Селски писател носител на Нобеловата премия Фр. Ем. Силанпе. Сп. *Млад кооператор* 1942:13-14, с. 1-2.

[Силанпе Франс Емил] Минков Светослав. Едно тържество на Финландия. Франс Емил Силанпе - новият лауреат на Нобеловата премия за литература. София. В-к *Зора* 1939:6127, с. 6.

[Силанпе Франс Емил] Нобеловата премия на литература. (Снимка с бележка под нея). Съобщение. Пловдив. В-к *Борба* 1939:5565, с. 1.

[Силанпе Франс Емил] Нобеловата премия и телеграми между Шведската Академия и Франс Емил Силанпе. Съобщение. София. В-к *Вечер* 1939:29, с.1.

[Силанпе. Франс Емил] Нови лауреати на Нобеловата премия. В-к *Вчера и днес* 1939:29.

[Силанпе Франс Емил] Нобеловата премия на Франс Емил Силанпе. Съобщение. София. В-к *Вчера и днес* 1939:36, с. 3.

[Силанпе Франс Емил.] Нобеловата премия на Франс Емил Силанпе (с фото) Съобщение. София. В-к *Зора* 1939:6126, с. 6.

[Силанпе Франс Емил] “Свещена нищета” роман от Франс Ем. Силанпе (Без подпис). В-к *Казанлъшка искра* 1940:379, с. 3.

[Силанпе Франс Емил] Селски писател... Съобщение. София. В-к *Подем* 1939:154, с. 1.

[Силанпе Франс Емил] За коя книга е дадена последната Нобеловата награда. В-к *Зора* 1942: 6875.

СИЛАНПЕ Сикор. *Злата планина*. (Лапландски разказ) В-к *Зора* 1943: 6972.

ТАЛВИО Маила

Любов. Роман. Превод от шведски Ал. Шишманов. София. Изд. Просвещение. 1942. 195 с. Универс. библиотека 7-9.

ТОПЕЛИУС Закариас

Сампо Лапландчето. Приказка. София. Изд. Ал. Паскалев. [1918]. В сб. *Слънчеви лъчи*. Книжки за деца с картинки 2, 24 с.

ШИЛДТ Рюнар

Капризите на любовта. Повест. Превод от шведски Ал. Шишманов. София. Изд. Просвещение. 1942. Универс. библиотека 1.

ЯРНЕФЕЛЪТ Арвид

В царството на безмълвието и мрака. Приказка. Превод И-ов. София. *Възраждане* 1934:7, с. 201-203.

Деца на светлината и на щастието. Превод П.Г.П. Бургас. *Възраждане* 1923:6, с. 171-173.

Смърт. Пиеска. Превод от немски Н. Желев. Бургас. *Възраждане* 1914:6, с. 8-16.

Тит, разрушителят на Ерусалим. Драма в 5 дейст. Превод Цв. Маринов. София. Изд. Хемус. 1918. 96 с. Универс. библиотека, 16.

Три съдби. Повест. Превод д-р Л. Аджаров. София. Кооп. д-во *Възраждане* 1932:205. 83 с.

Чеда на земята. Разказ. Превод Ив. В-в. София. *Възраждане* 1934. 139 с.

[Ярнефелът Арвид] Цанев Ив. Арвид Ернефелд. Бургас. *Възраждане* 1921:6, с. 173-181.

[Ярнефелът Арвид] Цанев Ив. Наченки на едно литературно течение. Бургас. Сп. *Възраждане* 1920:6, с. 177-185.

[Ярнефелът Арвид] Ненов Н. Финската литература. София. В-к *Литературни новини* 1928, год. 1:33, с. 2.

[Ярнефелът Арвид] Наживин Иван. Финландски писател Арвид Ернефелд. София. В-к *Свобода* 1929:268, с. 3.

Основные статьи о Финляндии до 1945 года

БОЖКОВ Диньо

В страната на "белите лилии". Пътни впечатления... София. Сп. *Духовна пробуда* 1910, г. 4. 14, стр. 12-19.

В страната на "белите лилии". Пътни впечатления... София. Сп. *Съвременна мисъл*. 1914.

В страната на белите лилии". Бележки от преводача. В: Григорий Петров. *В страната на белите лилии*. Суоми - Финландия. Превод от ръкописа и предговор от Д.Божков. В изданиях с 1-го по 10-е. София. 1925-1936, с. 4-18.

ВАКАРЕЛСКИ Христо.

Д-р Кале Куусинен. Български генерален консул в Финландия. София. В - к *Зора* 1939 год. 21. 6135, с. 6.

ГРИГОРОВ К.

Фините. София. В -к *Вечер* 1940, год. 1:106.

ГУНЧЕВ Гунчо

Калевала. Плевен. Списание за младежта *Чайка* 1923 : 8, с. 106-109.

Финландия. София. Сп. *Просвета* 1940:5, с. 545-557.

ДРАГАНОВ А. Ив.

Финландският въпрос. София. Сп. *Български преглед* год. 10, 1908:70, с. 2.

ЕТИГХОФЕР П.Ц.

В полярните лесове на Финландия. София. Библиотека «Нова Европа». 1943:15, с. 352-359.

Икономически сведения за Финляндия. София. Сп. *Подем* год. 2. 1918:11-12 (15-30 юни), с. 564-571.

ЙОВОВ М.

Моето пожелание. В: Григорий Петров. "В страната на белите лилии. Суоми – Финляндия". 10 изд. Превод от ръкописа и предговор от Д. Божков. С предговор от М. Йовов. София. (Прил. на списание "Училищен преглед" год 35). 1936, с. 5-6.

Лапландците. София. В-к *Зора* 1940:6176, с. 6.

МИКУЕС Б.

Финляндия и Русия (Спомен от едка научна обиколка). София. Сп. *Български преглед* год. 5. 1899:9-10, с. 104-206.

[МИКОЛА Иозефи]

Един мил на България гост. София. В-к *Дневник* 15. 02. 1918.

Златарски Васил. Към въпроса на българското летоброение. София. *Списание на БАН.* Клон истор.-филологически и филос.-обществени 1915:6, с. 1-17.

Златарски Васил. Проф. Микола и българската наука. В-к *Дневник* 18.02. 1918:5396.

НУАЛЕС Вирджиния.

Една жена от финландския фронт! Статия от «Съндей Таймс» Превод от англ. Т. Ионов. София. *Вестник на жената* 1940:801, с. 10.

За Лотта Сверд. София. В-к *Зора* 1939:6159.

Финландия. София. "Страници за всички" год. 5. 1936:7 (16.12), с. 2.

[О финской бане] София. В-к *Зора* 1939:6169.

ПЕТРОВ Григорий.

"В страната на белите лилии. Финландия". Прев. от ръкописа и предг. от Д[имитър] Иванов Божков. София. (култ. просвет. група Григорий Петров). 1925. 112 с.

2 изд. - 1925. 3. 4. 5 - 1926. 6. 7 - 1927. 8. 9 – 1929.

"В страната на белите лилии. Суоми – Финландия". 10 изд. Превод от ръкописа и предговор от Д. Иванов Божков. С предговор от М. Йовов. София. 1936. 231 с. (Прил. на списание "Училищен преглед" год 35).

Към българска младеж. (17 последно писмо и завет). Превод от ръкописа Д. Божков. София. 1926. 46 с.

Русия и България. Трагедията на Русия. Как може да се издигне един народ и да се направи благороден. На българското селско население. Превод от ръкописа Д. Божков. София. 1929. Изд. "Напред". 88 с.

Родителите и деца (Откъс из «В страната на белите лилии»). Изд. "Народна целина" 1926:2, с. 15-18.

[Петров Григорий] «В страната на белите лилии». *Подуенски глас* 1925:16.

[Петров Григорий] Братованов Ст. «В страната на белите лилии» на турски. *Знаме* 1928:103.

[Петров Григорий] Копинаров Г. А. Една ценна книга. Пловдив. В-к *Борба* 1925:1283.

[Петров Григорий] Чанков Ж. Гр. Петров «В страната на белите лилии». София. *Учителски вестник* 1925:6.

[Петров Григорий] Чилингиоров Стилиян. Рецензия. "В страната на белите лилии" от Григори Петров. Превод от ръкописа и предговор от Д. Божков. В-к *Казанлъшка искра* 1925 год.1:3, с. 3.

- [Петров. Григорий] Юруков Д. В. *Григорий Петров. Личността и делото*. Критически очерк. София. Изд. «Посредник». 1927. 196 с.
- Руския царизъм и "Финландия"*. София. Сп. *Български преглед* год.1, 1898:20, с. 2-9.
- Сводка с фронта*. София. В-к *Слово* 12.12.1939, год. 18:5228.
- Странни нрави на финландците*. София. В-к *Зора* 1939:6141.
- Усилено технизирание на финското земледелие*. София. В-к *Кооперативно знание* 1941:1(181).
- Финландия в пламеците на войната*. София. В-к *Вчера и днес* 1939:54-57.
- Финландия след една година война срещу СССР*. София. *Мир* 1942:12554.
- Финландката от О. Чавола*. София. Сп. *Семейната беседа* 1941:6, с. 2.
- Храбростта...* София. В-к *Вчера и днес* 1939:41, с. 2.
- ЧИЛИНГИРОВ Стилиян**
Така е в Суоми... Сп. *Трета културна седмица за селото*. Единств. номер от 15. 1. 1942 г., с. 4.
- ШИШКОВ Георги**
За лапландците и Петсамо. София. В-к *Зора* 1939:6150.
- ЯНЕВ Милко**
Страната и народ за които най-много се говори днес. Пловдив. *Борба* 1939: 5577 от 4.12.1939, с. 2.
- ЯНКОВ Ур. Хр.**
Малка географска библиотека. 11: Финландия, 2 илл. София [s.a.].

Финская литература, переведенная на болгарский язык и статьи о ней с 1945 по 2000 год

Сборники.

- Болка и смях*. Сборник хумористични и сатирични разкази. Изд. Хр. Г. Данов. Пловдив. 1983.
- Калевала*. Фински народен епос. Превод от фински с послеслов на Нино Николов. София. Изд. «Народна култура». 1992. 605 с.
- Полунощно слънце*. 10 разказвачи от Север. София. 1981.
- Пръстенът на вечността*. Сборник стихове. Стихове на Ана Ахматова. Габриела Мистрал и Едит Съодергран. Превод Иван Николов и др. София. Изд. «Народна култура». 1984.
- Раненият ангел*. Нова финландска поезия. Превод Н. Николов. М. Николчина. Блага Димитрова. Павел Славянски с подсрочници от фински. Съставител Ристо Койвисто. София. Изд. Лице. 1994.
- Северни морски новели*. Дания, Исландия, Норвегия, Финландия, Швеция. Предговор, съставител и ред. Г. Вълчев. Варна. Изд. Г. Бакалов. 1978. 495 с.
- 100 шедьоври на европейската любовна лирика. XX век*. София. 1981. с. 63, 2-е изд. 1981. 184 с.
- 100 шедьоври на сонета*. София. 1978.
- Съвременна скандинавска поезия*. Сборник. Съст. и предговор от Богдана Зидарова. София. Народна култура. 1971. 270 с. .Финландски поети с. 195-245.
- Тенекиените пеперуди*. Нови финландски разкази. Подбор: Сари Пайварине и Ралица Петрунова. Изд. Лице. София. 1996. 85 с.

- Финландски народни приказки.* Подбор и превод от фински Г. Вълчев. София. Изд. "Лит. форум". 1993. 123 с.
- Финландски разкази.* Сборник. Превод от фински, състав. и бележки за авторите Г. Вълчев. Предг. В. Тошков. София. Изд. "Народна култура". 1978. 204 с.
- АПЕЛИ**
Вински. Любимецът на града. Повест за деца. Превод от фински Б. Парашкевов. София. Изд. "Отечество". 1979. 88 с.
- АРОЙПАЛО Пенти**
Ексит. Превод от фински Хр. Юлинен. В: *Северни морски новели.* Варна. Изд. Г. Бакалов. 1978, с. 338-348.
- АРОНПУРО Кари**
Сънища и видения. От сравнително бедно. Превод Павел Славянски. Георги Маринов. В: *Раненият ангел.* Нова финландска поезия. Съставител Ристо Койвисто. София. Изд. Лице. 1994, с. 52.
- АХО Юхани**
Мочурище, хълм и остров. Прев. В. Тошков. В: *Финландски разкази.* Съставил Г. Вълчев и написал бележки за авторите. София. Изд. "Народна култура". 1978, с. 14-24.
- АХТИ Ристо**
Армия. Семейство. Човешката душа. Общо прегрешение. Превод Миглена Николчина. Георги Маринов В: *Раненият ангел.* Нова финландска поезия. Съставител Ристо Койвисто. София. Изд. Лице. 1994, с. 56-57.
- БАРГУМ Юхан**
Частният детектив. Роман. Превод от шведски Жанета Дончева. София. "Народна култура". 1984. 176 с.
- ВАЛА Катри**
Зимата дойде. Цъфтяща земя. Вогъл. Прев. Василка Хинкова; *Океан. Човек.* Превод Невена Стефанова. В сб.: *Съвременна скандинавска поезия.* Съст. и предг. от Богдана Зидарова. София. Изд. "Народна култура". 1971.
Майки. Превод от фин. Веселин Тошков и Стефан Бесарабовски. София. *Студентска трибуна* 1975. 18 януари.
Северно слънце. Сборник стихотворения. Превод с подстрочник от фински Здравко Кисъов. София. "Народна култура". 1977, с. 48.
Цъфтяща земя. Стихотворение. Превод Василка Хинкова. София. В: *100 шедеври на европейската любовна лирика. XX век.* 1981, с. 13.
 [ВалаКатри] Мицков Георги. Светлина и човечност. София. *Литературен фронт.* 1982: 4.
- ВАЛТАКАРИ Перти.**
Водно конче. Бог. Последно с богом. Превод Драгомир Петров. Финландски меридиан. Стихотворения. София. *Пулс* 19 6 7 : 1.
- ВАЛТАРИ Мика**
Кой уби г-жа Скроф? Роман. Превод от фински Максим Стоев. София. Изд. "Народна младеж". 1985. 192 с.
Свободата на човека. Превод от фински Дора Янева. В сб. *Финландски разкази.* София. Изд. "Народна култура". 1978, с. 76-96
Синухе египтянинът. Петнадесет книги за живота на лекаря Синухе (ок. 1390-1335 г. пр.н.е.). Роман. Превод от фински (с послесл.) Борис Парашкевов. София. Изд. "Народна култура". 1986. 583 с.
Синухе египтянинът. Превод от фински Борис Парашкевов. 2-е издание в 2 тома. София. Изд. "Книжен тигър". 1994.

Черният ангел. Дневникът на Йоханес Ангелос от падането на Константинопол през 1453 г. Превод от Тула Паркусярви и Иван Благоев. София. Изд. "Книжен тигър". 1995. 351 с.

ВАРПИО Юрьо

Страната на полярната звезда. Превод от фински Ралица Петрунова. София. 1999. 120 с.

ВИКМАН Ева

Моята програма. За своите братя и сестри. Превод Т. Джебарова. В сб. *Съвременна скандинавска поезия.* София. Изд. "Народна култура". 1971.

ВУОЛИЙОКИ Хела

Жените от Нискавуори.

Съобщения: На сцената на театър «Трудов фронт». София. *Вечерни новини* 1958:22101; София. *Работническо дело* 1958:257.

На сцената в Търново. София. *Вечерни новини* 1959:2555; София. *Отечествен фронт* 1959:474.

Юстина. Пиеса в 5 картини. Превод от руски Мария Орлинова. София. 1963. 58 с.

ГРИПЕНБЕРГ Бертел

Дон Жуан. Пред всички ветрове. Превод от Л. Исаева. В сб. *Съвременна скандинавска поезия.* София. Изд. «Народна култура». 1971.

Дон Жуан (стих.). Превод от Л. Исаева. В: *100 шедеври на европейската любовна лирика. ХХ век.* София. 1981, с. 14.

ДИКТОНИУС Елмер

Гранит. Достоевски. Дете във звездна светлина. Ръката на морето. Превод Невена Стефанова. В сб. *Съвременна скандинавска поезия.* София. Изд. «Народна култура». 1971.

Песен за босите нозе. Превод от шведски Вера Ганчева. *Литературен фронт* 19 май 1966.

Ръката на морето. Стихотворение. Превод от шведски Г. Мицков. София. *Простори* 1986:1. с. 84-85.

[Диктониус, Елмер] Гилин Рогер. За полифонизма в политическата поезия - поемиме «Септември» и "Червен Емили" от Елмер Диктониус. В сп. *Българистични изследвания.* III българско-сканд. симпозиум. 20-26 1985 София. 1991, с. 263-268

ЕЛЕНИУС Емил

Смъртта на Ита. Превод от фински Хр. Юлинен. В сб. *Северни морски новели.* Варна. Изд. Г. Бакалов, с. 305-315.

ЕНКЕ Рабе

О, слънце. В твоята душа. Бедността. Която. Нека да не гледам. Превод Йордан Милев. В сб. *Съвременна скандинавска поезия.* София. Изд. «Народна култура». 1971.

ЗИЛИАКУС Емил

Избор. Превод Н. Кехлибарова. В сб. *Съвременна скандинавска поезия.* София. Изд. «Народна култура». 1971.

ЙОЕНПЕЛТО Ева

Духа от всачки врати. Роман. Превод от фин. Максим Стоев. Предг. от Юлия Димитрова. София. Народна култура. 1990. 400 с.

[Йоенпелто Ева] За да не избелее сянката ти... Интервю. София. *АБВ* 1986:33

ЙОТУНИ Мария

Когато има чувства. Превод от фински Хр. Юлинен. В сб. *Финландски разкази.* София. Изд. «Народна култура». 1978, с. 50-54.

КАЙАВА Вильо

Върху фасадата. Превод от френски Г. Мицков. София. *Литературен фронт.* 1973:16.

КАЛАС Айно

Клисар и абат. Превод от фински Дора Янева. В сб. *Финландски разкази.* София. Изд. «Народна култура». 1978, с. 42-49.

КАНТ Мина

Еми. Прев от фински Хр. Юлинен. В сб. *Финландски разкази.* София. Изд. «Народна култура». 1978, с. 7-13.

КАРПЕЛАН Бу

Безмълвната трева. Кой е казал. Щом лятото изсипва. Нощем сънищата сноват. Краткото стихотворение. Снегът. На север. Светлината пада. Да си призная. Застила сивия си под. Превод Блага Димитрова и Антоанета Приматорова; *Раненият Ангел.* Превод Нино Наколов и Ристо Койвисто. В сб. *Раненият ангел.* Нова финландска поезия. Съставител Ристо Койвисто. София. Изд. Лице. 1994, с. 22-26.

[Карпелан Бу] Ганчева Вера. Мистиката на реалността. Разговор с финландски писател Бу Карпелан. *Литературен форум* 1992:44.

КЕКОНЕН Урхо

По верния път на сигурността и сътрудничество. Речи. статии. интервюта. 1955-1979. Състав. Асен Нейков. Превод от фински Димитър Загорев и Веселин Тошков. С предг. от Петър Танчев. София. Изд. БЗНС. 1980. 279 с.

КИВИ Алексис.

Седмината братя. Роман. Превод от фински Максим Стоев. София. Изд. «Народна култура». 1987.

[Киви Алексис] Първева Елка. Първомайсторът. София. *АБВ* 1986: 9.

[Киви Алексис] Кивимаа Арви. Финландия в нейният театрален живот. София. *Народна култура* 1979:8, с. 5

КИЙСКИНЕН Юрки

Позата на ръката. Изгубена земя. Точно време и място. Нощни часове. Превод Павел Славянски и Адриана Попова; *Веднъж. След това. Пеперудите излетяха от устата му. Тяло.* Превод Павел Славянски и Ристо Койвисто. В сб. *Раненият ангел.* Нова финландска поезия. Съставител Ристо Койвисто. София. Изд. Лице. 1994, с. 74-78.

КИНАРИ Пека

Изабела. Превод от фински Хр. Юлинен. В сб. *Северни морски новели.* Варна. Изд. Г.Бакалов. 1978, с. 331-333.

КЛИНГ Мирям

Ес-О-Ес. Превод от фински Хр. Юлинен. В сб. *Северни морски новели.* Варна. Изд. Г. Бакалов. 1978, с. 334-337.

КОЙВИСТОЙНЕН Ейно

Въглища за Чили. Превод от фински Хр. Юлинен. В сб. *Северни морски новели.* Варна. Изд. Г. Бакалов. 1978, с. 316-324.

Кралят на ветроходите (Густав Ериксон). Превод от фински Тула Паркусярви. Иван Благоев. Варна. Изд Г.Бакалов. 1989. 143 с.

Телеграма до Господа. Разкази. Превод от фински Тула Паркусярви и Иван Благоев. Варна. Изд Г. Бакалов. 1984. 166 с.

КОСКЕНИЕМИ Вейко-Антеро

Есенен сонет. Превод от фински Кирил Кадийски и Георги Вълчев. В сб. *100 шедьоври на сонета.* София. 1978, с. 245.

Есенен сонет. Превод от фински Кирил Кадийски и Георги Вълчев. София. *АБВ.* 1986:9, с. 8.

КРУН Леена

В човешки дрехи. Повест за града. Превод от фински и послесловие Борис Парашкевов. Худ. Инари Крун. София. Изд. «Отечество». 1981.

Спомен за стореното от нас. Превод Р. Петрунова В сб. *Тенекиените пеперуди.* Нови финландски разкази. Изд. Лице. София. 1996. с. 61-62.

Светлина от аквариум. Превод Р. Петрунова В сб. *Тенекиените пеперуди.* Нови финландски разкази. Изд. Лице. София. 1996, с. 62-64.

ЛАЙНЕ Ярко

Замборникъм на живота. Селска Коледа Превод Павел Славянски и Ристо Койвисто. В сб. *Раненият ангел.* Нова финландска поезия. Съставител Ристо Койвисто. София. Изд. Лице. 1994, с. 64-65.

ЛАКСО Тойво

Посред зима. Всяка есен. Пирей. Пораснал. Човекът не е вечен същият. Листата полепват по огледалото. Тъжно е да крачиш. Елховата гора. Крачех към нея. Превод Миглена Киколчина, Георги Маринов. В сб. *Раненият ангел.* Нова финландска поезия. Съставител Ристо Койвисто. София. Изд. Лице. 1994, с. 58-59.

ЛАПИЛАЙНЕН Ойва.

Пътничка. Превод от фински Хр. Юлинен. В сб. *Северни морски новели.* Варна. Изд. Г. Бакалов. 1978, с. 325-330.

ЛАРНИ Марти

Без пътен лист в живота. Разказ. Превод от руски. *Вечерни новини* 1977:7752, с. 4.

Всичко в сметката. Разказ. Превод от руски. *Работническо дело* 1977:147.

Грешките на съвременните оракули. Статия за Ленин. *Народна култура* 1970: 16. с. б.

Джери Фин става знаменитост в хиропрактиката. Откъс от "Четвъртия прешлен". Переводчик не указан. *Стършел* 1967:1095, с. 4.

Диалози. Разказ. Превод от фински Светослав Колев. София. *Вечерни новини* 1973:19.

Жестоко наказание. Разказ. Превод от руски. София. *Вечерни новини* 1970:5940 и *Поглед* 1971:2.

Животът си струва да се изживее. Разказ. Превод от шведски Вера Ганчева. София. *Пламяк* 1967:12, с. 36-38.

Живот на изплащане. Хумористичен разказ. Превод от фински Светослав Колев. София. *Народна младеж* 1967:77. с. 4.

Защо не пристигна писмото. Разказ. Превод от руски. София. *Вечерни новини.* 1976:7648.

За човека става въпрос. София. *Народна култура* 1967:19, с. 8.

Модна песничка. Разказ. Превод от руски. Валентин Иванов. София *Поглед* 1974:19, с. 14.

Моят нов учител. Разказ. Переводчик не указан. София. *Вечерни новини* 1970: 5940.

Не искам да бъда лорд. Памфлет. София. *Работническо дело* 1969:296, с. 4.

Прекрасната свинарка. Спомените на стопанската съветница Нина Карлсон-Кананен. Превод от оригинала с предговор на Светослав Колев. Изд. Хр. Г. Данов. Пловдив. 1962. 200 с. 2-е изд. 1981, 164 с.

Реалистичният театър. Разказ. Превод от руски. София. *Поглед* 1971:47.

Слуги на бога. Разказ. Превод от англ. М. Василева. София. *АБВ*. 1985: 36-37. и *Вечерни новини* 1985: 214.

Специалист. Превод от англ. Маргарита Василева. В сб. *Болка и смях.* Хумористични и сатирични разкази. Изд. Хр. Г. Данов. Пловдив. 1983

Тезиси и антитезиси. Изказване. Переводчик не указан. София. *Септември* 1964:9, с. 121-123.

Уличникът. Разказ. Превод от фински Светослав Колев. София. Сп. *Наша родина* 1976:6, с. 20-21.

Хороскоп за 1969 година. Фейлетон. София. *Народна младеж* 1969:7, с. 3.

Четвъртият прешлен или Мошеник по неволя. Роман. Превод от руски С. Димитрова. Изд. Хр. Г. Данов. Пловдив. 1961. 287 с., 2-е изд. 1981. 228 с.

[Ларни Марти) Йончева Катя. Младежта е най-голямото ви богатство. Интервю за творческите търсения на писателя. *Народна младеж* 1977:145. Двуседмично приложение «Поколение», с. 2.

[Ларни Марти) Дълг на всеки писател е да се бори с перото и таланта си. Разговор. София. Сп. *Жената днес* 1979:12, с.2-3.

[Ларни Марти) Владимир С. Един финландец ни развежда из Америка. Рецензия за романа "Четвъртият прешлен"... *Литературни новини* 1961.

[Ларни Марти) Г.Н. Един финландец се смее на янките. Бележка за «Четвъртият прешлен». Русе. *Дунавска правда* 1961:199, с. 2.

[Ларни Марти) Дончев Николай. Марти Ларни у нас. Статия. София. *Отечествен фронт*. 1962:5602, с. 4.

[Ларни Марти) Финландски писател, гост на страната ни. Бележка. София. *Литературен фронт* 1962:35, с. 4.

[Ларни Марти) Станишева Ек. Прекрасната свинарка. Отзив. София. *Пламяк* 1962:11, с. 96.

[Ларни Марти) Гостува ни видният финландски писател Марти Ларни. Съобщение. София. *Отечествен фронт* 1967: 5597.

[Ларни Марти) Киранова Евгения. На разговор е Марти Ларни. Интервю. *Наша родина*. 1976:6, с.2-3.

[Ларни Марти) Алмалех, Недялка. За такова приятелство... Интервю. София. *Отечествен фронт* 1967:6945, с. 4.

[Ларни Марти) Денков Димитър. Марти Ларни пред «Литературен фронт». Интервю. София. *Литературен фронт* 1968:26, с. 4.

[Ларни Марти) Пасков Тодор. Среца с Марти Ларни. София. *Народна култура* 1977:21, с. 12.

[Ларни Марти) Сократ в Хелсинки. Интервю. София. *Литературен фронт* 1985:3.

ЛАУКАРИНЕН Лийса

Ангел-хранител. Всички други ме отхвърлиха, но не и ти. Превод Р. Петрунова В сб. *Тенекиените пеперуди.* Нови финландски разкази. Изд. Лице. София. 1996, с. 68-74.

Ангел-хранител. Превод Р. Петрунова. Фински ветрове. Съст. Сари Пяйвярине София. *Орфей-Orfeus* 1995:2.

ЛЕЙНО Ейно

Слънцето и морето. Превод Н. Стефанова. В сб. *100 шедьоври на европейската любовна лирика. XX век.* София. 1981, с. 13.

ЛЕО Вероника

Скалата на вечността. Финландска народна приказка. Превод от шведски Й. Андреева. София. Изд. Български художник. 1986.

ЛЕХТОНЕН Иоел

Песен за Люгия. Разказ. Превод Борис Парашкевов. *Антени* 1977:22.

Песен за Люгия. Превод от фински Б. Парашкевов. В сб. *Финландски разкази.* София. Изд. "Народна култура". 1978, с. 55-61.

ЛИЕХУ Хейди

Измръзналото северно сияние. Под неоновата светлина. Отдаване. Понякога ме обхваща див ужас. Мисля, че разбираш това. Направи кръг. Превод Павел Славянски и Вероника Делчева. В сб. *Раненият ангел.* Нова финландска поезия. Съставител Ристо Койвисто. София. Изд. Лице. 1994, с. 80-85.

ЛИКСОМ Роза

След като нагласи фотоапарата. Тази вечер. Превод Е. Иванова с 34-35; *Беше пристигнала в града. От декемврийската темнина.* Превод Р. Петрунова с. 36; *В началото на ноември.* Превод А. Попова с. 37-38. В сб. *Тенекиените пеперуди.* Нови финландски разкази. София. Изд. Лице. 1996.

В началото на ноември настанаха силни студове (Из «Спирка на една нош») Бележка и превод А. Попова. София. АБВ. 1993:10.

ЛИНА Вяйньо

Тук под северната звезда. Роман. Превод от фински Кристина Сувилехто с предг. от Ееро Сувилехто. София. Партиздат. 1985. 528 с.

[Лина Вяйно] Петрунова Ралица. Прощане с Вяйньо Лина. АБВ. 1992:22.

МАНЕЛИУС Тармо

В Стара Загора. Писмо. Стихотворения. Превод от фински Г. Константинов. *Хоризонт* 1979:1, с. 98-100.

* * * (*Случайността е в същност. . .*) * * * (*Къде остава мъжката душа... .*) . Превод Т. Манелиус и С. Хаджикосев. София. *Простори.* 1979:1, с. 122-123.

Добробушните слонове. Пер. Т. Манелиус и Валентин Кръстев. Бургас. Литературно-художествен алманах [Море] 1983: 1, с. 70-72.

Празнични срещи. Превод от фински Нино Наколов. Подборка Модерни финландски поети. София. *Литературен форум* 1994:12, с. 8.

* * * (*Жена. ти в тъмнината. . .*) . Превод от фински Димитър Балкански. с. 130. *Биография. Влюбеният. Пробуждане. Нощем. Когато те няма. Завръщане на убития.* * * * (*Разговорям със себе си... .*) . *Записано.* * * * (*Аз се путам... .*) . Превод от фински Георги Вълчев. София. "Околчица". 1985. с. 128-131.

Празнични срещи. Не са затрата стъпките. Срещи. Превод от фински Нино Наколов. Ристо Койвисто. В сб. *Раненият ангел.* Нова финландска поезия. Съставител Ристо Койвисто. София. Изд. Лице. 1994, с. 87.

Мисли. Превод Байко Ламбовски. Фински ветрове. Съст. Сари Пяйвярине София *Орфей-Orfeus* 1995 : 2.

[Манелиус Тармо] Димова Татяна. Гео Милев на финландски. *Паралели* 1976:38.

[Манелиус Тармо] Едно загранично интервю. пред "Септември". Стара Загора. *Септември* 1976:64 (3570).

[Манелиус Тармо] Не губете сили за разправи. Интервю пред "Народно дело". Разговаря Николета Кокорова. Варна. *Народно дело* 30.9.1992.

[Манелиус Тармо]. Сега е истинският ви шанс. Интервю пред "Народно дело". Разговаря Димитър Ъглен. Варна. *Народно дело* 1.10.1992.

[Манелиус Тармо] Далеч от сенките на миналото Интервю пред "Факел". Разговаря Димитър Ъглен. Варна. *Факел* 1992:42 (28.10.1992).

[Манелиус Тармо] Манелиус Тармо. Интервю. *Литературен фронт* 1972:15 (13.04.1972).

[Манелиус Тармо] Вълчев Георги. Вълшебното Сампо на Тармо Манелиус. "Околчица" 1985, с. 123-127.

[Манелиус Тармо] С подвиг за литературата на подвига. Тармо Манелиус превел на фински Ботев и Гео Милев. София. *Пламяк* 1976:29.

[Манелиус Тармо] Виза на вълшебно пътешествие. Интервю. София. *Народна младеж* 1983:241.

МАНЕР Ева-Лиза

* * *(*От живота си стих ще направи...*). Превод от фински Нино Николов. Подборка Модерни финландски поети. София. *Литературен форум* 1994:12, с. 8.
От живота си стих се напраща. Зима. Контрапункт. Уморих се да бъда силна. Ако брегът и неговото отражение. Ела в двора на съзерцанието. Ще забравим ли. Но утрините наши по-ясни се изправят. Поема е светът на живота ми чувство... Чергарски град. Хипопотам. Защото сме самотни в любовта. Притаих се в далечния навес. Превод от Нино Николов и Ралица Петрунова. В сб. *Раненият ангел*. Нова финландска поезия. Съставител Ристо Койвисто. София. Изд. Лице. 1994, с. 40-43.

МЕЛЕРИ Арто

Ноктурно. Слънце. Лейди Дей. Превод Павел Славянски и Ристо Койвисто. В сб. *Раненият ангел*. Нова финландска поезия. София. Изд. Лице. 1994, с. 40-43.

МЕРИ Вейо

Въже от Манила. Роман. Превод от немски (с предг.) Елена Николова-Руж . София. Изд. «Народна култура». 1969, 128 с .

Избране на пиеса. Превод от фински Дора Янева. В сб. Финландски разкази. София. Изд. «Народна култура». 1978, с. 114-116.

Избор на пиеса. Превод Р. Петрунова. В сб. *Тенекиените пеперуди*. Нови финландски разкази. Изд. Лице. София. 1996, с. 58-60.

[Мери Вейо] Николова-Руж Елена. Северни таланти. Преглед. *Литературен фронт* 1967:29, с. 4.

МЕРИЛУОТО Айла

Каменен бог. Превод Надя Кехлибарева. В сб *Съвременна скандинавска поезия*. София. Изд. «Народна култура». 1971.

Бронзова статуя в есенния парк. Превод от фински Веселин Тошков и Стефан Бесарабовски. София. *Студентска трибуна* 18.1.1975.

МИКОЛА Маря-Лена

Ани Манинен (роман-приказка за деца). Превод от фински Максим Стоев. София. Изд. «Отечество». 1987. 128 с .

Кибритените момичета. Превод от фински Кр. Сувилехто. В сб. *Финландски разкази*. София. Изд. «Народна култура». 1978, с. 180-190.

МУКА Тимо К.

За последните дни от годината. Превод от фински В. Тошков. В сб. *Финландски разкази*. София. Изд. «Народна култура». 1978, с. 191-198.

Земята е греховна песен. Балада. Превод от фински Максим Стоев, превод на стихове С. Бранц (С предг. от Ю. Димитрова). София. Изд. «Народна култура». 1986. 170 с.

МУСТАПЕ П.

Метличини. Народна приказка. Превод Кръстьо Станишев. В сб. *Съвременна скандинавска поезия*. София. Изд. «Народна култура». 1971.

МЬОРНЕ Арвид

Пред един рунически камък. Юлски вечер на острова. Лодка в залива. Превод Л. Исаева. В сб. *100 шедьоври на европейската любовна лирика. XX век*. София. 1981, с. 63.

НИКЛАНДЕР Ханну

Финландският залив. Често идвам при тебе. Зимата. Превод от фински Кольо Севов. София. Пулс 1980.

НУМИ Ласи

* * *(*Змията мраморна се поразкръши.* .). Превод Нино Николов. Подборка Модерни финландски поети. София. *Литературен форум* 1994:12, с. 8.

Зад решетките. Превод от фински В. Тошков. В сб. *Финландски разкази*. София. Изд. «Народна култура». 1978, с. 117-131.

Затихвай, ветре! Змията мраморна се поразкръши. Даная-Саския. Тракия. Записки на белите полета. Превод Нино Николов и Адриана Попова. В сб. *Раненият ангел*. Нова финландска поезия. Съставител Ристо Койвисто. София. Изд. Лице. 1994, с. 27-33.

Еней. Превод Адриана Попова. Фински ветрове. Съст. Сари Пяйвярине. София. *Орфей-Orfeus* 1995: 2.

ОКСАНЕН Аулики

Крадъци на череши. Новела. Превод от фински Борис Парашкевов. София. *Панорама* 1983:4, с. 172-204.

ОХАНЕН Симо

Шампион по рождению. Хумористичен разказ. Превод от англ. Н. Гелева. София. *Народна младеж* 1985:291.

ПАВОЛАЙНЕН Олави

Корабни фигури. Превод Кръстьо Станишев. В сб. *Съвременна скандинавска поезия*. София. Изд. Народна култура. 1971.

ПАКАЛА Теуво

Лиза мъжкараната. Превод от фински Б. Парашкевов. В сб. *Финландски разкази*. София. Изд. «Народна култура». 1978, с. 31- 41.

ПАРЛАНД Хенри

Петрол. Във вихрушката на мрака. Децата могат. Дойде при мене майка. Имаше едно време. Пари. Превод Теодора Джебарова. В сб. *Съвременна скандинавска поезия*. София. Изд. «Народна култура». 1971.

ПЕЛТОНЕН Юхани

Животът е низ от отделни моменти. Разкази. Превод от фински Веселин Тошков. София. *Панорама* 1981, с. 39-50.

Съкровищата на баща ми. Превод Г. Маринов и Р. Петрунова В сб. *Тенекиените пеперуди*. Нови финландски разкази. Изд. Лице. София. 1996, с. 20-32.

ПЕКАНЕН Тойво

Далечният остров. Превод от фински Дора Янева. В сб. *Финландски разкази*. София. Изд. «Народна култура». 1978, с. 62-67.

ПЕНАНЕН Ейла

Малка красива любов. Превод от фински Кр. Сувилехто. В сб. *Финландски разкази*. София. Изд. «Народна култура». 1978, с. 103-113.

ПУЛКИНЕН Мати

Плаещата ела. Роман. Превод от фински Веселин Тошков. София. Изд. «Народна култура». 1983. 268 с.

РАУХАЛА Нийло

Вест. Подборка Модерни финландски поети. София. *Литературен форум* 1994:12, с. 8.

Светът живее в сянката. Острият мирис на офика. Дърветата, които чакат. Дрехите на страданието. Сколко ли е отминало. В залеза. Реката вдига пара. Спрях пред небесата. След три есенни бури. Боя се от всичко. Превод от фински Нино Николов и Ристо Койвисто. В сб. *Раненият ангел.* Нова финландска поезия. Съставител Ристо Койвисто. София. Изд. Лице. 1994, с. 40-43.

РИНЕМАА Юрки

Към читателя. Гладният полицаи. Светецът от Пасила. Пеейки. Офицерът. Превод Адриана Попова и Любаша Каменова. Фински ветрове. Съст. Сари Пийвярине. София. *Орфей-Orfeus* 1995:2.

РИНТАЛА Паво

След глада идва смъртта. Откъс от романа "Ленинградска симфония". Превод от фински Веселин Тошков. София. *Литературен фронт* 1977:21.

Приветствие до участниците в Международната среща на писателите (София 7 10 юни 1977). В сб. *Мирът надежда на планетата.* София. 1981, с. 63-66.

РУНЕБЕРГ Йохан Лудвиг

Контрабандистът. Превод Т. Джебарова. В сб. *Северни морски новели.* Варна. Изд. Г. Бакалов. 1978, с. 282-304.

[Рунеберг Йохан Лудвиг] Ганчева Вера. Синьо + жълто = з елено. (За Й. Л. Рунеберг) София. *Език и литература* 1992:1, с. 177-179.

[Рунеберг Йохан Лудвиг] Цанева Милена. Иван Вазов и Йохан Лудвиг Рунеберг. София. *Език и литература* 1992:1, с. 18-25.

РУУТ Алпо

Любопитните. Превод Веселин Тошков. София. Сп. *Панорама* 1981, с. 39-50.

Какво ли ще излезе от теб като пораснеш? Превод Р. Петрунова. В сб. *Тенекиените пеперуди.* Нови финландски разкази. Изд. Лице. София. 1996, с. 9-13.

САКАРИНЕН Марку

Утре в 11 часа. Превод от фински Хр. Юлинен. В сб. *Северни морски новели.* Варна. Изд. Г. Бакалов. 1978, с. 349-357.

САЛАМА Хану

Строежът на графопоста. Превод от фински Хр. Юлинен. В сб. *Финландски разкази.* София. Изд. «Народна култура». 1978, с. 165-179.

САРИОЛА Еса

Предметна поезия. Превод Инна Ланкинен с. 48-5; *Право.* Превод Р. Петрунова с. 55-57. В сб. *Тенекиените пеперуди.* Нови финландски разкази. Изд. Лице. София. 1996.

СЕПЕЛЯ Арто

Пет жени в дома на покойника. Пиеса. Превод от фински Г. Вълчев София. *Театър* 1983:2, с. 84-96.

СЕПЯЛЯ Юха

Супермаркет. Смърт. Превод Р. Петрунова. В сб. *Тенекиените пеперуди.* Нови финландски разкази. Изд. Лице. София. 1996, с. 81-82.

СИЕКИНЕН Рая

Щастливите. Превод З. Калева. В сб. *Тенекиените пеперуди.* Нови финландски разкази. Изд. Лице. София. 1996, с. 58-60.

СИЛАНПЕ Франс Емил

Странно увлечение. Разказ. Превод от фински Ж. Соломонов. София. *Вечерни новини* 1977:7864.

СИМОНСУУРИ Кирсти

Черните кораба. Нощ в Манхатън. 59-та улица. Предварително. Превод Нино Николов и Ралица Петрунова. В сб. *Раненият ангел.* Нова финландска поезия. Съставител Ристо Койвисто. София. Изд. Лице. 1994, с. 53-54.

СИНЕРВО Елви

Есенен ден. Превод Василка Хинкова. В сб. *Съвременна скандинавска поезия.* София. Изд. «Народна култура». 1971.

Среща. Превод от фински Хр. Юлинен. В сб. *Финландски разкази.* София. Изд. «Народна култура». 1978, с. 97-102.

СИРОНЕН Кости

Какво да се прави? Превод от фински Веселин Тошков и Стефан Бесарабовски. София. *Студентска трибуна* 18.01.1975.

СТЕНБЕРГ Ейра

Пристанището. Мъртвото вълнение. Двупъпната жена. Приказките са страшни. Стихотворения. Превод от фински Д. Балкански-Енастоенде. София. *Простори* 1985:1, с. 69-71.

СУСИЛУОТО Ахти

Песен за прабика. Стихотворение е фалшификация на живота. Превод Миглена Николчина и Ристо Койвисто. В сб. *Раненият ангел.* Нова финландска поезия. Съставител Ристо Койвисто. София. Изд. Лице. 1994, с. 53-54.

СУВИЛЕХТО Еро

Афоризми. Превод Нино Николов и Ристо Койвисто. В сб. *Раненият ангел.* Нова финландска поезия. Съставител Ристо Койвисто. София. Изд. Лице. 1994, с. 53-54.

СЪОДЕРГРАН Едит

Луната. Болни дни. Далечни страни. Денят захладява. Последният цвят на есента. Любов. Огледален кладенец. Превод Б. Зидарова. В сб. *Съвременна скандинавска поезия.* София. Изд. «Народна култура». 1971.

Условието. Звездите. Две богини. Болката . Бикът . Триумф да съществуваши. Слънцето. Страната, която не съществува. Стихотворения. Превод от шведски Антоанета Приматарова-Милчева и Блага Димитрова. София. *Панорама* 1983:6, с. 132-136.

Стихотворения. Превод от шведски Антоанета Приматарова-Милчева и Блага Димитрова. В сб. *Пръстенът на вечността.* Сборник стихове на Ана Ахматова. Габриела Мистрал и Едит Съодергран: *Кървящо слънце. Дърветата на мойто детство. Завръщане. Луната. Страната, която не съществува. Пристигане в Хадес. Анималистичен химн. Слънце. Решение. Устремът на светкавицата. Голямата градина. Звездата. Циганката. Видях едно дърво. Денят захладява: 1. Денят захладява на мръкване; 11. На любовта си алената роза хвърли ти; 111. Съзрях за пръв път своя повелител днес; 1V. Търсил цвете. Есенните дни. Аз. Виолетови здрачевини. Неспойни сънища. Копнежът на цветовете. Към четирите краища на света. Последното цвете на есента. Черно и бяло. Звездите. Две крайбрежни стихотворения; 1. Животът ми бе тъй гол; 11. Между сивите скали лежи. Блуждаещи облаци. Горско езеро. Звездна нощ. Слова. Из бездънните гори.*

Коте на щастието. Загадъчно море. Ниският бряг. Песента от планината. Вечер. Чуждите страни. Две богини. Душата ми. Любов. Огледалото на кладенеца. Красота. Сестрата на живота. Животът. Адът. Болката. Роза. Портрет. Нощна мадона. Опасни сънища. Невестата. Моето бъдеще. Болтни дни. Нищо. Един живот. Триумф да съществуваш. Здрач. Откритие. Дървото в гората. Пейзаж на залез слънце. Бикът. Реванш. Условието. Недейте събира скъпоценни камъни и злато. Лъжец ли съм. Моята лира. Орфей. Надежда. Първо искам да покоря Чимборасо. В Люлката на феите. Буря. Пеш трябва да преброя слънчевите системи. Чашата на горестта. На стъпалата на Хималая. Песен за океана. Статуята на красотата. Мъченикът. Дионисий. Часът на жертвоприношение. Скерцо. Плен. Мой живот, моя смърт, моя съдба. Мистерия. Толерантност. Враждебни звезди. Гъмжат звездите. Планетите. Блаженство. Тантал, чашата си напълни. Слънцето. Водопадът. Светкавица. Тялото на силния. Предчувствие. На изгрев слънце. Материализмът. Хамлет. Зюмбюлт; 1. Стоя тъй храбро, преизпълнена с очакване, честита...; 11. Израствам, зюмбюл от железнокорава земя.. София. Изд. «Народна култура». 1984, с. 219-231.

ТИЙХОНЕН Илпо

Мръсен ангел. Winter Dance. На гроба на роднината. Превод Миглена Николчина и Петър Кехайов. В сб. *Раненият ангел.* Нова финландска поезия. Съставител Ристо Койвисто. София. Изд. Лице. 1994, с. 66-69.

ТИКАНЕН Мерта

Само ще надзърна. Разказ. Превод от шведски Агнес Дряновска. В сб: *Полунощно слънце. 10 разказвачи от Север.* София. 1981, с. 179-194.

ТИКАНЕН Хенрик

Голямата награда. Превод от шведски Вера Ганчева. София. *Литературен фронт* 19.05.1966.

ТИРКОНЕН Синика

Сънят на смъртната жена. Превод А. Попова. В сб. *Тенекиените пеперуди.* Нови финландски разкази. Изд. Лице. София. 1996, с. 65-67.

ТУРКА Сирка

Едно бедно куче. Имало едно време един мъж. Студено е, ела с мене в един страничен път. Светът стоеше като жерав. Върни се, малка Шеба. Лежа на пода. Аз мисля, че съм поослабнала. Вали. Единствена вокализата на дъжда. Превод Георги Мицков и Кристина Сувилехто. В сб. *Раненият ангел.* Нова финландска поезия. Съставител Ристо Койвисто. София. Изд. Лице. 1994, с. 45-51.

ХАВИКО Паво

Покойници. Превод от фински Нино Николов. Подборка Модерни финландски поети. София. *Литературен форум.* 1994:12, с. 8.

Безснежно време. Превод от фински В. Тошков. В сб. *Финландски разкази.* София. Изд. «Народна култура». 1978, с. 132-151.

Не се завръщай. Одисей! Съст. и ред. Георги Вълчев. Превод от фински Марко Ганчев с подстрочници от Веселин Тошков. София. Изд. «Народна култура». 1979, с. 36-37.

Боровете в своята игра. Стихотворение. Превод от фински Стефан Вишанов. София. *Студенческа трибуна* 1968:36 (28.05.1968).

Сказание за Кулерво. Превод от фински Г. Вълчев. София. Сп. *Панорама.* 1991:3-4.

* * * (*Когато мисля върху някоя доктрина...*). Прев. от фински Марко Ганчев и Веселин Тошков. София. *АБВ* 1986:9, с. 8.

Втора пролет. Защото животът е кратък. За образа на черното. Дъждът е полегат. Откъде идва в нас. Дърветата и нощите се удължават. Краят на века е близок. Ти пристигащ и си отиваш. Това те е една философия. Превод Георги Мицков. В сб. *Раненият ангел*. Нова финландска поезия. Съставител Ристо Койвисто. София. Изд. Лице. 1994, с. 37-41.

ХАНПЯ. Пенти

Пъследно пътуване. Превод от фински Б. Парашкевов. В сб. *Финландски разкази*. София. Изд. «Народна култура». 1978, с. 68-75.

ХАРМАЙЯ Сайма

В пламъци. Превод от френски Г. Мицков. София. *Литературен фронт* 1973:16.

ХЕМЕЛИНЕН Хелви

Финландец. Превод от фински Нино Наколов. Подборка Модерни финландски поети. София. *Литературен форум* 1994:12, с. 8.

Финландец. Раждане. Белите нощи на Лапландия. Залязващото слънце. Превод от фински Нино Наколов и Ралица Петрунова. В сб. *Раненият ангел*. Нова финландска поезия. Съставител Ристо Койвисто. София. Изд. Лице. 1994, с. 5-11.

ХЕМЕР Ярл

Пред разцъфналото дърво. Страница от дневник. Превод Йордан Милев. В сб. *Съвременна скандинавска поезия*. София. Изд. «Народна култура». 1971.

ХУЛДЕН Еверт

Пролетна листовица. Стихотворение. Превод от руски. *Народна младеж* 1967:68.

ХУОВИНЕН Вейко

Хорска мътва. Роман. Превод от фински Тула Паркусярви и Иван Благоев. С предговор от Иван Благоев. София. Профиздат. 1990. 180 с.

ХЮРЮ Анти

Описание за едно пътуване с влак. Превод от фински Кр. Сувилехто. В сб. *Финландски разкази*. София. Изд. «Народна култура». 1978, с. 152-164.

От пътя той тръгна. Превод Р. Петрунова. В сб. *Тенекиените пеперуди*. Нови финландски разкази. Изд. Лице. София. 1996, с. 7-8.

ХЯРКЬОНЕН Ана-Леена

Силия Лайне. Превод А. Попова. В сб. *Тенекиените пеперуди*. Нови финландски разкази. Изд. Лице. София. 1996, с. 81-82.

ШКИФТЕСВИК Йони

Тенекиените пеперуди. Превод В. Атанасова. В сб. *Тенекиените пеперуди*. Нови финландски разкази. Изд. Лице. София. 1996, с. 39-45.

ШУЛЦ Солвейг фон.

Влюбените. Умирения. Превод Б. Зидарова. В сб. *Съвременна скандинавска поезия*. София. Изд. «Народна култура». 1971.

ЯНСОН Туве

Невидимото дете. Приказна повест. Превод от шведски Т. Джебарова. Ил. Туве Янсон. София. Изд. «Отечество». 1978. 160 с.

Омагьосаната зима. Повест за деца. Превод от шведски Т. Джебарова. Ил. Туве Янсон. Послесл. от Л. Рачева. София. Изд. «Отечество». 1985. 103 с.

Честна измама. Роман и разкази. Превод от шведски и подб. А. Приматарова-Милчева. София. Изд. «Народна култура». 1985. 288 с.

Главната роля. Разказ. Превод от немски В. Кюмюрджиева. София. *Отечествен фронт* 1983:11527 (10.01.1983).

Черно-бяло. Кукленска къща. Разкази. Превод от шведски А. Приматарова-Милчева. В сб. *Полунощно слънце*. София. 1981, с. 160-178.

Пиратски ром. Превод З. Калева. В сб. *Тенекиените пеперуди.* Нови финландски разкази. Изд. Лице. София. 1996, с. 75-80.

[Янсон Туве] Райкова Диана. Вълшебното знание или безкраен живот. Приказките на Туве Янсон. Деца, изкуство, книги. 1989:5, с. 29-32.

ЯРНЕФЕЛЪТ. Арвид.

Тя и аз. Превод от фински Кр. Сувилехто и Х. Юлинен. В сб. *Финландски разкази.* София. Изд. «Народна култура». 1978, с. 25 - 30.

Основные статьи и книги о Финляндии с 1945 по 2000 год

БАРЫМОВ Дончо

Сауна. Чудната лечебна баня с горещ сук въздух. (За финландска сауна.). София. Вестник-книга 1993: 1-2.

БЕЛЧЕВ Белчо.

Из историята на културните връзки между две страни (между български и финландски народ). София. Отечествен фронт 1971: 8447, с. 3.

БОЖКОВ Диньо

Съприкосновения с личности на духа и перото. Съст. предговор и бележки Лечев Дечко. София. Унив. изд. "Св. Климент Охридски". 2000. 226 с.+ 14 с. фото.

ВЪЛЧЕВ Георги

Приобщения. Литературни контакти и аналогии София Изд. «Народна просвета». 1971. 138 с.

Българистиката във Финландия. София. Българистика и българисти. 1981, с. 251-256.

От Хелзинки до Горни Дъбник. Записки на бойци от Финландски гвардейски батальон от времето на Освободителната война. София. Антени 1977, с. 3-5.

Прилики и приобщения между славянски, скандинавски и угрофински литератури. 11 скандинавско-български симпозиум. Кунгелв. 1993.

Финландски дневници и мемоари от 1877-1878 г. В сб. *Освобождение на България и литературата.* Сборник с изследвания. София. Изд. БАН. 1978, с. 369-386.

Естонците на Солженицын и финландците на България. София. Литературен форум 1994: 12, с. 8.

Финландците за нас и ние за тях. От края на XIX до края на XX в. Унив. изд-во "Св. Климент Охридски". София. 1999. 126 с.

Финландски записки за Освободителната война и за България. София. Антени 19.1.- 2.2. 1977.

Финландски дневници и мемоари от 1877-1878, или за Голямото начало на финландско-българската литературна взаимност. София. Литературна мисъл. 1977: 2, с. 117-131.

Финландската българистика. София. Антени 24.5.1978, с. 12-13.

Финландски дневници и мемоари от 1877-1878 (Генезис на финландско-български културни и литературни отношения). София. Изд. ОФ. 1978. 68 с.

Фински гробове на Балкана. Из писмата и дневниците на бойците от финландския гвардейски батальон в Освободителната война. София. Антени 11, 15 март 1978.

Човекът и морето на Севера. Предговор. В сб. *Северни морски повели*. Съст. и ред. Г. Вълчев. Дания, Исландия, Норвегия, Финландия, Швеция. Варна. Изд. Г. Бакалов. 1978, с. 5-6.

[Вълчев Георги] Борисова Силвия "Достойно ест" за непродажните. Интервю с Георги Вълчев. София. *Литературен форум* 1991: 3-6.

ГАНЧЕВ Марко

Духът на Хелзинки като материално чудо. Размисли по пътя към Европа. назад и в страни. (Пътепис). София. *Всяка неделя* 1991:17, с. 22-24.

ГАНЧЕВА Вера

Гласове от Севера (За финландска литература). София. АБВ 1986:9, с. 8.

Литературата на Севера в България – проникване, отразяване, представяне днес и в перспектива. III българско-сканд. симпозиум 20-26 1985. София Сп. *Българистични изследвания* 1991:59-69.

Идеята за близост и хармония. София. *Литературен фронт* 1986: 24.

Папрати и гладиоли. София. *Култура* 1992:41.

ГЕОРГИЕВ Николай

Пътят ни до Хелзинки. (Очерк за съвещанието в Европа 1975 г.). София. 1976. 144 с.

ГЕРГОВА Ани

Голямата книжевност на малка Финландия. София. АБВ 1990:12.

ГОЛЕМАНОВ Алеко

Среща с Финландия. София. Изд. Международна политика. 1967. 76 с.

ДОНЧЕВ Д. & РАШЕВ Н.

От Осло фиорд до Финская залив. София. 1968.

ДОНЧЕВ Николай

Културните ни връзки с Финландия. София. *Вечерни новини* 1967: 4557.

ДИМИТРОВ Димитър

Остави се на музиката да те води! За дискотеките в Финландия. София. В-к *Стандарт* януари 1993.

ДИМИТРОВА Татяна

Има какво да научим. София. *Антени* 1987:3.

ЖЕГЛОВ Иван

Песента сближава хората. 1-3. Хасково. *Хасковска трибуна* 1983:94, 96-97 с.4.

Специална страница за гостуване във Финландия. Хасково. *Възход* 1983:23, с.4.

Штрихи от нрави и порядки във Финландия. Хасково. *Възход* 1983:24, с. 4.

ЗЛАТЕВ Иван

Финландци в освобождението на България. София. *Български воин* 1997:94, с. 14-15.

ИВАНОВА Радост

Калевала и българският народен епос. София. *Български фолклор* 1985:3, с. 44-50.

Международен симпозиум "Калевала" и световните епоси. София. *Български фолклор* 1985:3, с. 112-114.

КАМБУРОВ Генчо

Трети фински батальон получи бойното си кръщение при село Горни Дъбник. София. *Земя* 1997: 225, с. 4.

КИРАНОВА Евгения

Суоми. С предговор от Асен Нейков. София. Изд. БЗНС. 1981, с. 131.

[КОЙВИСТО Risto]

Личева Амелия. От живота си стих ще направя. а от стиха – живот. София. *Литературен вестник* 31.8 - 15.8. 1994.

КОЛЕВ Светослав

Панорама на финландската литература. Читалище 1978: 3, с. 18-19.

КОЧЕВА Бистра.

Поглед към Финландия. В-к Кюстендил 17 - 23.12. 1992.

КУКОВ Н.

Рецензия за Suomi-Bulgaria-Suomi 1986. София. *Съпоставително езикознание* 1989:1, с. 109.

Лапландско-български успоредици (в народното творчество). София. Литературен фронт 1974: 20.

ЛЕЧЕВ Дечко

Бележки на издателя. В: Григорий Петров. В страната на белите лилии. Финландия. 11 изд. Превод от ръкописа и предговор от Д. Божков. С предговор от Дечко Лечев. Издателска къща "Ил. Р. Блъсаков". Шумен. 1992. Щастлив живот. Вместо предговор. В Божков Диньо. Съприкосновения с личности на духа и перото. Съст. предговор и бележки Дечко Лечев. Унив. изд. "Св. Климент Охридски". София. 2000, с. 5-7.

ЛИНДСТЕДТ Йоуко

Финландската българистика през 70-те години. Първи българо-скандинавски симпозиум 24-30 септември 1979 г. София. Унив. изд. "Кл. Охридски" Българистични изследвания. 1981, с. 316-317.

ЛЮБОМИРОВ Стефан

Обагрена от фолклора. Бележки за финландската литература. София. АБВ 1985:9, с. 1. 8.

НИКОЛОВ Нино

Човешката нежност може да бъде защитена. 150 г. от първото издание на финландски епос «Калевала». София. Литературен фронт 1985:33 (15.08.1985).

Калевала - спасена човешка нежност. Предговор към "Калевала" 1992.

Гусла от кост на щука. София. Литературен форум 1994 12, с. 8.

НИКОЛОВА Лиляна

Северни утрени. Пътеписни миниатюри. София. Вечерни новини 7.2.1983.

ПАРАШКЕВОВ Борис

"Птици" от българския юг. Анотация на Helakukkula. София. АБВ 1980: 24 (76).

ПЕТРОВ Григорий.

В страната на белите лилии. Суоми - Финландия. 11 изд. Превод от ръкописа и предговор от Д. Божков. С предговор от Дечко Лечев. Шумен. Издателска къща "Ил. Р. Блъсаков". 1992. 231 с.

ПЕТРУНОВА Радица

Скандинавският модел. Разговор с посланик Пекка Ойнонен. София. В-к 1000 дни 30.10.1991 г.

Поетика на дезангажементта. Превод от англ. Миглена Николчина. из Books from Finland. София. Литературен вестник 20-26.6. 1994.

ПОПОВА Адриана.

В Финландии мълчат на два езика. София. В-к Стандарт 12-13. 12. 1993.

Малочислените народ са като малките деца. София. Литературен форум 1993:4.

Финландия - между сауната и църквата. София. В-к Стандарт 03.20.1993.

ПОПОВА Стефка.

Земя на елени. Лапландия. Репортажи от Полярния кръг. София. Отечествен фронт 1983:11644, с. 6 (24.6.1983).

ПЯЙВЯРИНЕ Сари

Финландската литература. София. Орфей-Orfeus 1995 2, с. 81-83.

РУЖ Елена

Северни таланти. Преглед. София. Литературен фронт 1967:29.

СВЕТЛОМИРОВ Д. Ц.

Финляндия и делото на мира. София. Вечерни новини 1967:4781, с. 3.

СИБЕРГ Лилия.

Българистиката във Финландия. Превод от руски. София. Народна култура 1980:43, с. 8

Слалом покрай жалоните на комунизма. Превод от руски Рада Цонева. София. Литературен форум 1994:29.

СОКОЛОВА Зина

Голямото семейство. На книгоиздателите във Финландия. София. АБВ 1986:21.

СТАВРЕЕВ Пламен

Хелзинки - градът на езерта. София. Народна младеж 1986:144.

ТАХОВ Росен

Бандитите бесени публично през 1880 г. Финландец ликвидира организираната престъпност в България за 6 месеца. София. 24 часа 1995:27, с. 17.

ТОНЧЕВ Стоян

За мир сигурност и сътрудничество. Зем. знаме 1984: 16534.

ХЮРКЯНЕН Юкка

*"Някои наблюдения върху преводите на романа "Под игото" на финландски език".
София. Език и литература 1972 :3, с. 70-74.*

ЦАНЕВА Милена

Българската литература след освобождението (1878). В сб. Съвременна българска литература. Доклади. 12. Втори международни конгрес по българистика (23.5. - 3.6.1986). София. Изд. БАН. 1988, с. 15-24.

ЧЕРВЕНКОВ Страхил

Скандинавия - «спокойният» ъгъл на Европа. (Политически очерк). София. Партиздат. 1973. 95 с.

ЧИЛИНГИРОВ Стилиян.

Търговското образование в Финландия. София. Народно стопанство 1952 год. 8:15-17.

ЯНЕВА Дора

Среща на Севера сЮга. София. Пламък 1978:8, с. 220.

Болгарская литература¹, переведённая на финский язык и статьи о ней с 1910 по 2000 год

Сборники:

Suomen sotilas. Bulgarialle omistettu erikoisnumero Helsinki. 1938:5-7.

Helakukkula. *Bulgariaalaista lyhytproosaa*. Toim. K. Siraste. *Elämäkerralliset tiedot Irma Timonen ja K. Siraste*. Helsinki. Kansankulttuuri. 1980. 196 s.

Salamoita helvetistä. Bulgarialaisia runoja. Suomentanut T. Manelius. Kustannus Oy Littera. 1995. 69 s.

ALEKSANDROVA, Rada²

Heijastuksia. Suomentanut T. Manelius. *Bulgarian viesti* 1984:3, s. 7.

Sinä joka et ymmärtänyt. Join aurinkoa. Suomentanut T. Manelius. *Kulttuurivihkot* 1984:6, s. 48.

Mihin. Oikeastaan emme koskaan eronneet. Larissalle. Maaailma. Sinä. joka et ymmärtänyt. Kun olin 32-vuotias. Löytäkää pari tuntia ajatteluun. Vasilena. Balladi alastomasta totuudesta. Kirje. Vanha motiivi. Suomentanut T. Manelius. *Salamoita helvetistä*. Bulgarian runoja. Helsinki. 1995, s. 18-31.

Arvokkain hedelmä. Bulgarialainen kansansatu. Suomentanut H. Niklander. *Pioneeritorvi*. 1978.

APRILOV, Boris

Kuusi pingviinipoikasta. Kuunnelma. Suomentanut K. Siraste. Helsinki. 1977. 40 lehteä. Esitetty yleisradiossa 1978.

Varsa. Suomentanut P. Valtakari. Esitetty Radioteatterissa.

Papukaija ja perhonen. Kuunnelma. Suomentanut K. Siraste. 41 lehteä. Esitetty yleisradiossa Helsinki. 1980.

Kosketus. Syksyiset dyynit. Suomentanut U. Horstia. *Helakukkula*. Bulgariaalaista lyhytproosaa. Toim. K. Siraste. Helsinki. Kansankulttuuri. 1980, s. 96-106.

ASENOV, Veselin

Vedenpaisumuksen jälkeen. Suomentanut T. Manelius. Helsinki. *Bulgarian viesti* 1992:3, s. 6.

Tukalaa. Metastaasi. Suomentanut T. Manelius. Helsinki. *Bulgarian viesti* 1992:3, s. 6.

BAGRIANA, Elizaveta

Jälkeläinen. Suomentanut P. Valtakari. Helsinki. *Stotinka* 1981:2, s.6-7.

Minun lauluni. Suomentanut P. Valtakari. Helsinki. *Bulgarian viesti* 1992:2, s. 7.

Esiäitini jälkeläinen. Rakkaus. Viisaus. Suomentanut S. Okoye. Helsinki. *Bulgarian viesti* 1998:2, s. 13. 1998:3, s. 17.

[Bagrjana, Elizaveta] Okoye, Sirkku. Elizaveta Bagrjana (1893-1990). Helsinki. *Bulgarian viesti* 1998:2, s. 12.

¹ Нами включены в библиографию также известные нам радиопередачи.

² Транслитерация болгарских букв еще не совсем сложилась. Особенно это касается букв Ъ, Ч, и Щ. Например, имя Вълчев можно встретить в виде: Valčev, Vultšev, Valtšev, Valtjev и т.п. Мы даем форму VŮLČEV. Мы повсюду заменим буквы соответственно новым стандартам за исключением имен, которые имеют традиционное написание, как например: Vaptsarov, Tsanev и некоторые другие.

- [Bagrjana, Elizaveta] Siiberg, Liilia. Kääntämisentaito ("Потомката" 'Jälkeläinen' P. Valtakarin kääntämänä). Helsinki. Stotinka 1982:2, s. 6-7.
- BALKANSKI (pseud. Enastående), Dimitre
Violettikukan terä. Suomentanut T. Manelius. Helsinki. *Bulgarian viesti* 1984:3, s. 7.
- BERBEROV, Mihail
Traakialainen hauta. Suomentanut T. Manelius. Helsinki. *Näköpiiri* 1978:5, s. 32.
- BORISLAVOV, Ivan
Kamelikaravaani. Suomentanut T. Manelius. Helsinki. *Bulgarian viesti* 1990:4, s. 7.
- BOTEV, Hristo
Runot. (В сборнике: *Äidilleni. Veljelleni. Elegia. Ensimmäiselle rakastetulleni. Yhteisyys. Haidukit. Jäähyväisiksi. Taistelu. Salakihlatu neito. Naiselle. Muukalainen. Patriootti. Pyhän Yrjön Päivänä. Hadži Dimitór. Vasil Levsikin hirtttäminen. Minun rukoukseni. Tuuli synkän pilven kantaa. Kapakassa. Miksen ole? Epitafit 1-4.*) Suomentanut ja selityksillä varustanut T. Manelius. Helsinki. 1976, 79 s.
Runoja. Suomentanut H. Niklander. Esitetty yleisradiossa 1977.
Epitafi. Suomentanut T. Manelius. *Tiedottaja* 1975, s. 14.
Vasil Levsikin hirtttäminen. Suomentanut T. Manelius. *Me*. 1977: 2.
- BOŽILOV Božidar
Laulu skandinaavisista kielistä. Suomentanut T. Manelius. *Kansan Uutiset* 1977:187, s. 5.
Bulgariaalaista sotilashuumoria. Helsinki. *Suomen sotilas*. Bulgarialle omistettu erikoisnumero 1938:5-7, s. 151.
Bulgarian kansallishymni. Suomentanut V. J. Mansikka. Helsinki. *Suomen sotilas*. Bulgarialle omistettu erikoisnumero 1938:5-7, s. 80.
- D.U.
Vahingoittunut asetakki. Eräs kertomus serbialais-bulgarialaisen sodan ajoilta. Helsinki. *Suomen sotilas*. Bulgarialle omistettu erikoisnumero 1938:5-7, s. 146.
- DALČEV, Atanas
Vuonna 1944. Ikäneidot. Suomentanut T. Manelius. Helsinki. *Näköpiiri* 1978:5, s. 34-36.
Runoja. aforismeja. mietelmiä. Suomentanut T. Manelius. Helsinki. *Kursiivi*, 1984. 135 s.
Käki. Suomentanut T. Manelius. Helsinki. *Katsaus* 1978:2, s.31.
Rikkaruoho. Ihminen luotiin tomusta. Suomentanut T. Manelius. Helsinki. *Tiedonantaja*. 1984:93, s. 10.
[Dalčev, Atanas] Niklander, Hannu. Atanas Daltševin viisaat lauseet. Helsinki. *Kirjastolehti* 1985:3, s.111.
[Dalčev, Atanas] Niklander, Hannu. Klassiko, modernisti ja kokeilija. *Suomenmaa* 1984:4-5.
[Dalčev, Atanas] Repo, Taina. Tyyni runoilija Atanas Daltšev. Helsinki. *Tiedonantaja* 1984:93, s. 10.
- DAMIANOV, Damian
Minun pojalleni. Suomentanut T. Manelius. Helsinki. *Tiedottaja* 1975, s.14.
Shakkia itsensä kanssa. Suomentanut T. Manelius. Helsinki. *Suomen shakki* 1979:3.
- DEBELJANOV, Dimčo
Kaatunut. Rukous. Tahdon muista sinut sellaisena. Musta laulu. Suomentanut P. Valtakari. Helsinki. *Bulgarian viesti* 1992:2, s. 6-7.

DIMITROV, Georgi

Työväenluokan yhtenäisyys ja kansanrintama fašismia vastaan. Dimitrovin puheet kommunistisen internationaalien 7. kongressissa 1935. Sosialistinen opiskelijaliitto. Tampere. 1972. 168 s.

DIMITROVA, Blaga

Lapsi ja meri. Suomentanut S. Okoye. Helsinki. *Bulgarian viesti* 2001:4, s. 15.

DIMITROVA, Kristin

On lähinnä mukava. Suomentanut S. Okoye. Helsinki. *Bulgarian viesti* 2001:2, s. 16.

DIMOV, Dimo

Tupakka. Romaani meidän mieleemme. Suomentanut Jaana Lappo. Esitetty katkelmia yleisradiossa 1976.

DŽAGAROV, Georgi

Yleinen syyttäjä. Suomentanut T. Ylinen, sov. K. Siraste. Esitetty yleisradiossa 1973.

DZAR, N.

Haavoittunut vapaaehtoinen. Muistelmia Bulgarian vapaussodasta. Helsinki. *Suomen sotilas.* Bulgarialle omistettu erikoisnumero 1938:5-7, s. 134.

EIJA, Svetlana

Joko? Tokko?. Suomentanut T. Manelius. Helsinki. *Bulgarian viesti* 1992:3, s. 6.

ELENKOV, Lótčezar

Viimeinen "yö" Bukarestissa. Suomentanut T. Manelius. Helsinki. *Näköpiiri* 1978:5, s. 37.

Muhun saari. Suomentanut T. Manelius. Helsinki. *Kulttuurivihkot* 1984:6, s. 43.

ELIN PELIN (pseud.)

Vieras. Helsinki. *Suomen sotilas.* Bulgarialle omistettu erikoisnumero 1938:5-7, s. 131-132.

Keväinen viettelys. Suomentanut P. Valtakari. *Kuluttaja* 1963:27, s. 10-11.

Kolme ystäväitarta. Suomentanut P. Valtakari. *Kuluttaja* 1963:38, s. 13.

Toisessa maailmassa. Suomentanut J. Konkka. *Kuluttaja* 1962:39, s. 15.

Rakkautentunnustus. Suomentanut J. Konkka. *Kuluttaja* 1962:23, s. 29.

Kiusaus. Suomentanut J. Konkka. *Kuluttaja* 1964:12-13, s. 38-39.

Roskia vaihdetaan luumuihin. Suomentanut J. Konkka. *Kuluttaja* 1964:2.

Kirsipuuta. Kesä. Suomentanut P. Valtakari. *Kuluttaja* 1964:21-22, s. 29.

Öinen vieras. Suomentanut J. Konkka. *Kuluttaja* 1965:15-16, s. 15-16.

Helakukkula. Andreško. Suomentanut L. Bessonoff. *Helakukkula.* Bulgarialaista lyhytproosaa. Toim. K. Siraste. Helsinki. Kansankulttuuri. 1980, s. 19-32.

[ELIN PELIN] IVANOV, Dimitór. *Piiriviskaalin Joul.* Helsinki. Karisto. *Toinen hyvää yötä.* Toim. V. Hämeen-Anttila. 1935, s. 248-256.

GABE, Dora

Odota, aurinko!. Suomentanut S. Okoye. Helsinki. *Bulgarian viesti* 2001:3, s. 9.

Sanatta. Suomentanut S. Okoye. Helsinki. *Bulgarian viesti* 2001:2, s. 17.

GANČEV, Marko

Pariisissa syytetään kiristäjäitarta. Kukaties. Kateuden nerokkuus. Suomentanut T. Manelius. Helsinki. *Näköpiiri* 1980:6-7, s. 23.

Paperipulaa. Suomentanut T. Manelius. Helsinki. *Bulgarian viesti* 1984:3, s. 6.

GOLEV, Vladimir

Kuvastin. Vastamyrkky. Suomentanut T. Manelius. Helsinki. *Bulgarian viesti* 1990:4, s. 7.

GOSPODINOV, Georgi

Yksitoista määrittely-yrittystä. Teoreema. Libido. Yhdyntä. P-e-r-s-i-k-k-a. Maistunko hyvältä, rakas. ym. runoja. Suomentanut Risto Koivisto *Nuori voima* 1995:2, s. 47-48.

GULJAŠKI, Andrej

Rajalla tuulee. Suomentanut ranskan kielestä V. Kirstinä (psevd. Anja Laminen). Helsinki. Tammi. 1969, 218 s.

Žahov ja 07. Jännitysromaani. Suomentanut P. Valtakari. Helsinki. Tammi. 1967, 244 s.

HAITOV, Nikolaj

Juureton puu. Suomentanut P. Nousiainen, U. Hosia, L. Bessonoff, J. Lindstedt, B. Paraškevov, K. Siraste. *Helakukkula.* Bulgarianlaista lyhytproosaa. Toim. K. Siraste. Helsinki. Kansankulttuuri. 1980, s. 55-64.

Pojanpojanpoika. Suomentanut P. Nousiainen. *Helakukkula.* Bulgarianlaista lyhytproosaa. Toim. K. Siraste. Helsinki. Kansankulttuuri. 1980, s. 45-54.

Mies, joka rakensi teitä. Suomentanut P. Valtakari. Esitetty yleisradiossa 1975, 1978.

Koirat. Suomentanut P. Valtakari. Esitetty radioteatterissa. 1975, 1976.

Laiwa metsässä. Suomentanut Heljä-Talvikki Ahonen. Esitetty yleisradiossa 1967, 1973.

Viisisataa vuotta sissiliikettä vuorilla. Suomentanut A. Lavikkala. Esitetty yleisradiossa 1978.

HRISTOV, Boris

Isäni hautajaisista. Ikkuna. Suomentanut T. Manelius. Helsinki. *Kulttuurivihkot* 1984:6, s. 44-45.

Muistoja elämästä. Uiva ravintola. Pelkoa. Merkki taivaalta. Kristuksen ikäkausi. Murteetta. Alku. Ääni. Teatteria. Kutsumus. Kuollut. Rukous. Mestauslava. Päällekirjoitus. Golgata. Hevonen. Työtä. Muisto. Tapaus. Hautausmaa. Vastarintaa. Salaisuus. Spleen. Kaasus. Kielto. Atavismia. Viimeinen tuomio. Suomentanut T. Manelius. *Salamoita helvetistä.* Bulgarian runoja. Kustannus Oy Littera. 1995, s. 38-49.

I. V. L-n.

Laiyataistelu. Helsinki. *Suomen sotilas.* Bulgarianlaalle omistettu erikoisnumero 1938:5-7, s. 144.

ILKOV, Ani

Aisic! (huomioita toisesta idiotismista Bulgariassa). Suomentanut Risto Koivisto. *Nuori voima* 1995:2, s. 49.

JAVOROV, Peijo

Armenialaiset. Suomentanut P. Valtakari. Helsinki. *Bulgarian viesti* 1992:2, s. 6.

[Javorov, Peijo] Salvini, Luigi. Petko Javorov. Bulgarianlainen runoilija. Helsinki. *Valvoja-Aika* 1935, s. 210-212.

JOVKOV, Jordan

Albena. Переводчик не указан. Helsinki. *Uusi Suomi* 1937:294, s. 25.

Albena. Langalla. Suomentanut Eija Kondakov. *Helakukkula.* Bulgarianlaista lyhytproosaa. Toim. K. Siraste. Helsinki. Kansankulttuuri. 1980, s. 33-44.

Valkoinen eskadroona. Helsinki. *Suomen sotilas.* Bulgarianlaalle omistettu erikoisnumero 1938: 5-7, s. 129-130.

Valkoisen varpusen tarina. Suomentanut P. Valtakari.

Shibill. В сб. *Yhdeksäs Hyvää yötä.* Toim. V. Hämeen-Anttila. Helsinki. Karisto. 1942, s. 240-250.

[Jovkov, Jordan] Mikkola, J.J. Bulgarian suurin kirjailija Jordan Jovkov on kuollut. *Uusi Suomi* 1937:294, s. 24.

KALEFOV, Damjan

Kevät. Suomentanut P. Valtakari. Helsinki. *Kuluttaja* 1964:14-15, s. 14-15.

KARALIJČEV, Angel

Se meidän Peshomme. В сб. *Kahdeksas Hyvää yötä*. Toim. V. Hämeen-Anttila. Helsinki. Karisto. 1941, s. 308-312.

Kenraalin urotyö. Tuokiokuva maailmansodasta (Erään bulgarialaisen väepelin kertomus). Helsinki. *Suomen sotilas*. Bulgarialle omistettu erikoisnumero 1938:5-7, s. 128.

KONSTANTINOV, Georgi

Myöhästynyt vastaus. Suomentanut T. Manelius. Helsinki. *Tiedottaja* 1975, s. 14.

KÓNČEV, Nikolai

Valkea varis. Mtsheta. Nocturne. Suomentanut T. Manelius. Helsinki. *Näköpiiri* 1980:6-7, s. 23.

Seurallinen vertailu. Nokturno. Taide. Elämäsi. Jälkikirjoitus. Teksti ja raaka-käännös L. Siiberg. Suomentanut T. Laakso. *Keskisuomalainen* 29.5.1989.

Varpunen. Vimmaa. Todennus. Ajan maanmittari. Lähtö matkalle. Kylmää. Suomentanut T. Manelius. *Rahasodan kirkas pakkasyö*. Like. Helsinki. Hakapaino Oy. 2000, s. 97-105.

KORUDŽIEV, Dimitór

Ajatelka maailmaa. Suomentanut T. Manelius. Helsinki. *Bulgarian viesti* 1990:3. s. 5.

LAZAROV, Marin

Jotakin kuolee iltaisin. Punaisia dinosauruksia. Emigrantit. En kaskaan tajunnut. Sieluni on koira: Suomentanut T. Manelius. *Rahasodan kirkas pakkasyö*. Helsinki. Like. Hakapaino Oy. 2000, s. 81-88.

LEONIDOV, Rumen

Hirveän mieluisa. Suomentanut T. Manelius. Helsinki. *Bulgarian viesti* 1994:4, s. 6.

LEVČEV, Ljubomir

Haidukin yrtti. Pohjoinen. Balladi portaista. Suomentanut T. Manelius. Helsinki. *Hälläpyörä* 1979:4, s. 39-41.

Illuusio. Suomentanut T. Manelius. Helsinki. *Näköpiiri* 1978:5, s. 33.

Järjettömyys. Suomentanut T. Manelius. Helsinki. *Kulttuurivihkot* 1984:6, s. 45-46.

On sitten suloista. Suomentanut T. Manelius. Helsinki. *Bulgarian viesti* 1984:4, s. 3.

Satiirikon 89. Suomentanut T. Manelius. Helsinki. *Bulgarian viesti* 1994:4, s. 6.

Synnyinmaa. Suomentanut T. Manelius. Helsinki. *Bulgarian viesti* 1992:5, s. 5.

Hidasta marssia eli Jäähyoäiset avantgardelle. Suomentanut T. Manelius. *Rahasodan kirkas pakkasyö*. Helsinki. Like. Hakapaino Oy. 2000, s. 107-108.

Tähdet ovat minun. В сборнике: *Tähdet ovat minun. Uudenvuoden tervehdys*. Laulu Garcia Lorcalla. Karl Liebknechtin jäähyoäiset. Ainaiseksi Kremikootšilainen alku. Häälaulu. Tilanne. Paljonko maksaa lippu Kremikootšiin? Jatkonut runoelma. Pysähdyimme. Hautakirjoitus. Mutta ennen kuin vanhenen. Huomenna. Ja tässä... Hedelmiä. Minun äitini paratiisissa. Kun sähkö yhtäkkiä katkea. Salaista rakkautta. Observatorio. Sielu. Runoelma. Konjakin loputtua. Lausuntaa. Sanoja köydelle. Balladi väsyneistä naisista. Kapriisi No 2. Malja. Poseeraus No 13. Katot. Sofian asema ja hautausasema. P.S. alun sijasta. Totuus. Hemingwayn talossa. Bulevardi "Malecon". Virtuosi Carlos Molinan konsertti. Isä Negran kellot. Huuto Luis Corvalanille. Haava. Prologi. Oodi TU-134:lle. Unetonna. Synnyinmaa. Napapiiri. Epilogi. Keskustelu G. Dimitrovin kanssa. Kapriisi No 4. Kapriisi No 5. Kerro missä on ilo. Mutta älkämme puhuko tästä. Suomentanut T. Manelius Helsinki. Downtown. 1977.

[Levčev, Ljubomir] Kangasluoma, Tuukka. Mielikuvituksen pyörre. Arvostelu Ljubomir Levčevin *Tähdet ovat minun*. *Helsingin Sanomat* 1978.

[Levčev, Ljubomir] Sala, Kaarina. Retkiä runouden maailmankartalla. Arvosteluja mm. Ljubomir Levčevin Tähdet ovat minun - käännökseen. *Helsingin Sanomat* 19.2. 1978.

LILIEV, Nikolai

Hiljainen kevätsade. Suomentanut P. Valtakari. Helsinki. *Bulgarian viesti* 1992:2, s. 6.

MARANGOZOV, Cvetan

*** (Milloin. jos ei nyt!). Suomentanut T. Manelius Helsinki. *Bulgarian viesti* 1993:4, s. 3.

Milloin. jos ei nyt. Veli, pelkoni on kadonnut kyllä. Ystävyys – pettövyys. Kuulen koiran. Näyttely. Muusa. Painava on jokin käsi olkapäällä. Viimeinen ele. Geeni. Primavista. Homo sapiens. Onnea. Suomentanut T. Manelius. *Salamoita helvetistä*. Bulgarian runoja. Helsinki. Kustannus Oy Littera. 1995, s. 58-69.

MATEV, Pavel

Kuolleille sankareille. Tule. Suomentanut Eija Kondakov. Esitetty Yleisradiossa 1976.

MIHAILOVA, Liljana

Solisti. Muurahaiset. Suomentanut Riitta Koivisto. *Helakukkula* Bulgarianlaista lyhytproosaa. Toim. K. Siraste. Helsinki. Kansankulttuuri. 1980, s. 137-157.

MILEV, Geo

Syyskuu ja muita runoja. В сборнике: *Oi sade. oi sade. Päiväkirja. Balladi kirjasta As Duuri. Valitus. Doiransko-järven luona. Invalideja. Usko. Marseljeesi. Rakkaus. Kuolema. Toukokuu. Meidän Miisu. Ruuanlaittajatar. Juhlapäivänä*. Suomentanut T. Manelius. Toim. Ilkka Ahmavaara. Helsinki. 1975. 68 s.

Mietelauseet. Toim. T. Manelius. Esitetty yleisradiossa 1976.

MILEV, Jordan

Runo kreikkalaisesta Ahtopolin rannikolla uponneesta laivasta. Suomentanut T. Manelius. Helsinki. *Bulgarian viesti* 1984:4, s. 6.

NIKOLOV, Nino

Mietelauseet. Toim. T. Manelius. Esitetty yleisradiossa 1976.

Velikotórnovolainen kivi kirjoitus. Maailma on kuin Janus. Eräälle kollegalle. Kun olisi pitänyt. Kolmas avenue. Amerikka. Piiritetty. Herääminen. Jatkoa. Jälleensyntymä. Isänmaa. Ihanne. Selkeyttä. Koiran hammas. Juhlaa. Kosmonautti. Luoja. Läheisyyttä. Suomentanut T. Manelius. *Salamoita helvetistä*. Bulgarian runoja. Kustannus Oy Littera. 1995, s. 6-17.

[Nino Nikolov] Risto Koivisto. Suomalaista nykyryiikkaa Bulgariassa. YLE I 28.3.1995

NIKOLČINA, Miglena

Runo. Kolme runoa. Suomentanut T. Manelius Helsinki. *Bulgarian viesti* 1994:4, s. 6. *Ikkuna. kirja ja auringon läikkä. Opin pohtimaan tunnetta. Kyynelten takaa tulee kyky nähdä. Rakastava. Tiedän, kuolemani on mies. Ken kaipaisi kultaisten lehtien alla. Hän on syntymättömien kukkien taituri. Puron uni*. Suomentanut T. Manelius. *Salamoita helvetistä*. Bulgarian runoja. Kustannus Oy Littera. 1995, s. 50-56.

ÓGLEN, Dimitór

Toinen. Suomentanut T. Manelius. Helsinki. *Bulgarian viesti* 1992:3, s. 6.

PANEV, Nečko

Urho. Helsinki. *Suomen sotilas*. Bulgarianlelle omistettu erikoisnumero 1938:5-7, s. 133-134.

PAVLOV, Pavel

Meren puhdistus. Sijoitus. Rukous työttömien maanmiesteni ahdistuksessa. Sielun ekologia. Suomentanut T. Manelius. Helsinki. *Bulgarian viesti* 1992:3, s. 6.

PAVLOVA, Svetla

Naisen tulee. Suomentanut T. Manelius. Helsinki. *Bulgarian viesti* 1992:3, s. 6.

[PENEV, Penjo]

Valtakari Pertti. Penjo Penev. Helsinki. *Kansan Uutiset* 1966.

PENČEV, Boiko

Museoesinenro 444730 kommentti Logogonia. Museoesinenro 005857 kommentti Bakkhuksen juhlat Kithirassa. Museoesinenro 304666 kommentti Sympatia. Luukkaan apokryfi. Eroottinen topografia. Suomentanut Risto Koivisto. Helsinki. *Nuori voima* 1995:2, s. 44-46.

PETKOVA, Vanja

Tiistai. Suomentanut T. Manelius. Helsinki. *Näköpiiri* 1978:5, s. 36.

Toivomus. Toinen rakkaus. Suomentanut T. Manelius. Helsinki. *Kulttuurivihkot* 1984:6, s. 47-48.

PETROV, Ivailo

Ullakkokamarin ylioppilas. Suomentanut J. Konkka. Helsinki. *Kuluttaja* 1965:48, s. 21.

POPOFF, Haralan

Kristuksen tähden. Kolmetoista vuotta elävänä marttyyrinä Bulgarian vankiloissa. Suomentanut Tuula Koistinen. Helsinki. Kuva ja sana [1972]. 158 s.

POPSTOJANOV, Rumen

Aamu. Päivä. Yö (Russe). Ei aikaa pysähdy hautaamaan meitä. Suomentanut T. Manelius. *Rahasodan kirkas pakkasyö.* Like. Hakapaino Oy. Helsinki. 2000, s. 89-95.

RADEVSKI, Hristo

Hautani. Paheista vaarallisin. Suomentanut P. Valtakari. Helsinki. *Bulgarian viesti* 1992:2.

RADIČKOV, Jordan

Me varpusenpojat. Suomentanut K. Siraste. Helsinki. Tammi. 1976. 118 s.

Riehakka. Suomentanut K. Siraste. Esitetty yleisradiossa 1978.

Tammikuu. Suomentanut K. Siraste. Esitetty Tampereen työvänteatterissa 1980.

Villi Siperia. Suomentanut Kyllikki Villa. Helsinki. Tammi. 1977. 306 s.

Vuoret tulivat lähelle. Suomentanut A. Lavikala. Helsinki. Tammi. 1981. 176 s.

Leipä. Kivet. Miloiko. Suomentanut Irma Timonen. *Helakukkula.* Bulgaria-laista lyhytproosaa. Toim. K. Siraste. Helsinki. Kansankulttuuri. 1980, 107-136.

[Radičkov. Jordan]. Kihlström, Lasse. Vielä saadaan jyvistä sato. Haastattelu. Helsinki. *Tiedonantaja* 11.3.1980.

RAKOVSKI, Vutjo

Lauantaina viinikorjuussa. Veistos. Suomentanut T. Manelius. Helsinki. *Näköpiiri* 1978:5, s. 37.

Mietelauseet. Toim. T. Manelius. Esitetty yleisradiossa 1976.

RALIN, Radoi

Vähän poetiikkaa. Suomentanut T. Manelius. Helsinki. *Näköpiiri* 1978:5, s. 31.

Neorealistenten elegia. Novellin alku. Suomentanut T. Manelius. Helsinki. *Kulttuurivihkot* 1984:6, s. 46-47.

Vuoden 1941:n loppu. Epigrammeja: Lajin kriisi. Lahjoja ja luonnetta. Edellytys. Päätelmä. Suomentanut T. Manelius. Helsinki. *Bulgarian viesti* 1992:3, s.4.

[Ralin, Radoi] Manelius, Tarmo. Radoi Ralin. Lyyrikko ja satiirikko. Helsinki. *Bulgarian viesti* 1992:3, s. 4.

RAZCVETNIKOV, Asen

Kedon väreilyjä. Suomentanut T. Manelius. Helsinki. *Näköpiiri* 1978:5, s. 35.

Rohkea teko. Muistelmia maailmansodasta. Helsinki. *Suomen sotilas*. Bulgarialle omistettu erikoisnumero 1938:5-7, s. 132.

SEVOV, Koljo

Triptyykki vallankumouksesta. Suomentanut T. Manelius. Helsinki. *Näköpiiri* 1978:5, s. 35.

Myöhästynyt romanssi. Suomentanut T. Manelius. Helsinki. *Kääntäjä* 6.8.1984, s. 3.

[SLAVEIKOV, Penčo]

Jensen, Alfred. En bulgarisk skald Helsinki. *Finsk Tidskrift* 1913:75, s. 73-87.

SLAVEIKOV, Petko

Eivät yksinään. Suomentanut P. Valtakari. Helsinki. *Bulgarian viesti* 1992:2, s. 6.

SLAVJANSKI, Pavel

Monologi giljotiinin terän edessä. Suomentanut T. Manelius. Helsinki. *Bulgarian viesti* 1994:1, s. 4.

SMIRNENSKI, Hristo

Nuorukainen. Suomentanut H. Niklander. Helsinki. *Bulgarian viesti* 1984:3, s. 7.

STANIŠEV, Króstjo

Tietoisuus. Suomentanut T. Manelius. Helsinki. *Näköpiiri* 1978:5, s. 36.

STRATIEV, Stanislav

Lampaanvillatakki. Suomentanut P. Nousiainen, U. Hortsia, L. Bessonoff, R. Koivisto, I. Timonen. Toim. K. Siraste. Esitetty Tampereen työväen-teatterissa 1981 ja Mustikkamaan kesäteatterissa 1982.

TOŠKOV, Mihail

[Kuvateokset] Esittely ja suomennos T. Manelius. Helsinki. *Bulgarian viesti* 1990:3, s. 4.

Ivan Slavoville. Suomentanut T. Manelius. *Bulgarian viesti* 1990:3, s. 4.

TSANEV, Ivan

Välihenkäilyjä: keskustelutilaisuuden päättäjäiset. *Juliste. O mores!*. Suomentanut T. Manelius. Helsinki. *Bulgarian viesti* 1990:3, s. 4.

USIN, Kerim

Babahak. Suomentanut P. Valtakari. Helsinki. *Bulgarian viesti* 1992:2, s. 7.

UZUNOV, VÓlko

Yksinäisyyttä. Tunteikkaasti. Suomentanut T. Manelius. Helsinki. *Bulgarian viesti* 1993:3, s. 3.

VAPTSAROV, Nikola

Ennen kuolema. Suomentanut H. Niklander. Helsinki. *Bulgarian viesti* 1984:3, s. 6.

Usko. Suomentanut H. Niklander. Helsinki. *Kansan uutiset* 1979.

Nyt ei ole runouden aika. Suomentanut A. Turtiainen. Helsinki. *Kansan Uutiset* 1950 ja H. Niklander. Helsinki. *Tiedonantaja* 1979.

[Vaptsarov, Nikola] *Vammelvuo, Anja*. Nikola Vaptsarov. Helsinki. *Työkansan sanomat* 1952.

VASILEV, Rosen

Mietelauseet. Toim. T. Manelius. Esitetty yleisradiossa 1974, 1976.

VAZOV, Ivan

Ikeen alla - kertomus Bulgarian sortokaudelta. Ivan Vazofin mukaan. Helsinki. Työväen Sanomalehtien OY. 1910.

Ikeen alla. Romaani bulgarialaisten vapaustaistelun ajasta. Suomentanut Tyyni Leisio. Helsinki. Kustannusosakeyhtiö Kirja. 1913.

Vapaus ja rakkaus. 2. painos. Suomentanut Tyyni Leisio. Helsinki. Kustannus-osakeyhtiö Kirja. 1917.

Kuinko Valko kävi sotaa. Tositapaus bulgarialais-serbialaisesta sodasta. *Helsingin Sanomat* 1913:202, s. 12-13.

Joko? Suomentanut P. Nousiainen. *Helakukkula*. Bulgarialaista lyhytproosaa. Toim. K. Siraste. Helsinki. Kansankulttuuri. 1980, s. 11-18.

VELČEV, Peter

Yritän viidessä lyhyessä säkeessä. Huolen, typeryyksien ja ivojen. Elämä ei ole enää minussa. Runous ravisteli minua. Vahvaa laulua, murheellista. Lapsi leikkii hiekassa. Runoilijat raivaavat tien. Muinaisten pääkaupunkien rauniot. Kun muistelen isääni. Monia taiteita hallitsin. Pahojen vihamiesten piinaamana. Sielussa kiehuu katkeruus. Kuin suuri välitunti. Kun kiihkeät hiljaisuuden tyyntyvät. Suomentanut T. Manelius. *Salamoita helvetistä*. Bulgarian runoja. Helsinki. Kustannus Oy Littera. 1995, s. 32-37.

VELIČKOV, Georgi

Tuhkimosatu. Kilpailevat kaupungit. Suomentanut T. Vilkama. *Helakukkula*. Bulgarialaista lyhytproosaa. Toim. K. Siraste. Helsinki. Kansankulttuuri. 1980, 158-177.

VELIČKOV, Mihail

Niin kauan kuin olemme elossa. Suomentanut L. Bessonoff ja K. Siraste. *Helakukkula*. Bulgarialaista lyhytproosaa. Toim. K. Siraste. Helsinki. Kansankulttuuri. 1980.

VEŽINOV, Pavel

Raja. Suomentanut A. Olkinuora ja K. Siraste. Gummerus. Jyväskylä. 1983. 155 s. *Viulupoika.* Suomentanut A. Olkinuora. *Helakukkula*. Bulgarialaista lyhytproosaa. Toim. K. Siraste. Helsinki. Kansankulttuuri. 1980. 65-95.

Volco Bankovin sankariteko. Muistelmia maailmansodasta. Helsinki. *Suomen sotilas*. Bulgarialle omistettu erikoisnumero 1938:5-7, s. 145.

VÓLČEV, Georgi.

Kaksi näkökulmaa eurooppalaisten kansojen kirjallisuuteen. Suomentanut Matti Palm. *Keskisuomalainen*. 1998.

[Vólčev, Georgi] Manelius, Tarmo. Georgi Vólčev - kirjallisuutemme pioneeri Bulgariassa. Helsinki. *Kääntäjä* 6.8.1984, s. 4.

ŽELEV, Željko

Fašismi perestroikan päivinä. Katkelma esipuheesta teokseen *Totalitaristinen valtio*. Suomentanut Eero Suvilehto. *Pohjoistuuli* 1990:4, s. 6-9.

Статъи и книги о България с 1906 по 2000 год

Aliupseerikoulutuksesta Bulgariassa. Helsinki. *Suomen sotilas*. Bulgarialle omistettu erikoisnumero 1938:5-7, s. 115-116.

ANTTILA, Terhi

Lukemista bulgarialaisille lapsille. Helsinki. *Kirjasto* 1989:9, s. 344-345.

AULA, Jorma

Bulgaria sopii suomalaiselle. Rovaniemi. *Matkalehti: loma & liikematkailun* erikoislehti. 2000: 4, s. 6-11.

Balkan 2000. Näkökulmia ja taustoja Kaakkois-Euroopan nykytilanteelle. Turun yliopisto.

- Balkanin retki.* Kirj. Aulis Haapala, Kari Juutilainen, Mika Jämiä, Antero Rautio, Markku Rimpiläinen, Tutta Runeberg, Tuula Ström, Ulla Turunen, Simopekka Virkkula. Julk. Matkailun edistämiskeskus. Bulgarian valtion matkailutoimisto. 1985, 93 s.
- Bulgaria: rikkaan perinnön maa.* Bulgarian matkailu ja lepoyhdistys. [19--?] 26 c.
- Bulgaria info 2000.* Helsinki. Suomi-Bulgaria seura.
- Bulgaria-seura toiminut Turussa jo 40 vuotta.* Suomen Turku. Turku-seura 1997:4, s. 10.
- Bulgarialaisia kunniamerkkejä Turkin sodan veteraaneille.* Helsinki. Suomen sotilas. Bulgarialle omistettu erikoisnumero 1938:5-7, s. 104.
- Bulgarialaisten sotilaiden harrastuksia palveluksen ulkopuolella.* Helsinki. Suomen sotilas. Bulgarialle omistettu erikoisnumero 1938:5-7, s. 121-122.
- Bulgarian ikoniaarteita esillä Iisalmen Evakkokeskuksessa.* Joensuu. Aamun koitto. Suomen ortodoksisen kirkkokunnan äänenkannattaja ja ortodoksisten kotien hengellinen lehti. Pyhän Sergein ja Hermanin veljeskunta. 1998:12-13, s. 20-21.
- Bulgarian kansantaide.* Bulgarian matkailu ja lepoyhdistys. [19--?] s. 28.
- Bulgarian kansantaiteen- ja taideteollisuusnäyttelyn avajaiset eilen.* Helsinki. Uusi Suomi 1937: 319, s. 8.
- Bulgarian kansantaiteen kotiteollisuusnäyttely.* Kirj. T. V. Helsinki. Uusi Suomi 1937:322, s. 23.
- Bulgarian kansantaiteen näyttely.* Kirj. Riitta. Helsinki *Helsingin sanomat*. 1937:319, s. 8.
- Bulgarian kasvat.* Luonto, historia, hallinto, talous, sivistys. Bulgaria matkailumaana. Toim. Balkantourist. Helsinki. Tammi. 1964, 111 s., 2. painos 1975.
- Bulgarian kirjallisuus.* Slaavilaisten kirjallisuuksien kultainen kirja. (M maailman kirjallisuuden kultainen kirja). Toim. V. K. Trast. Porvoo. 1936, s. 901-905.
- Bulgarian luostarit.* Bulgarian matkailu ja lepoyhdistys. [19--?] c. 38.
- Bulgarian magazine.* Visuaalisen vimman vuosialbumi. Helsinki. Tom Bulgaria. 2001.
- Bulgarian näkymiä.* Suomen kaarti vapaussodassa. Toim. Suomi-Bulgarian seura. Helsinki. 1957. 32 s.
- Bulgarian puolustuslaitos ennen ja nyt.* Helsinki. Suomen sotilas Bulgarialle omistettu erikoisnumero 1938:5-7, s. 97-100.
- Bulgarian seura tiedottaa.* Suomi-Bulgaria seura. [1995].
- Bulgarian tutkimusretki 1991.* Студентска практика в България 1991. Helsingin yliopiston maantieteen laitoksen tutkimusretkiraportteja 22. Toim. Vesa Kanninen. Yliopistopaino. 1991, 53 s.
- Bulgarian viesti.* Suomi-Bulgaria-seuran tiedotuslehti. Helsinki. 1980-.
- FLORIN, Sider
Käännöksen teknologia. Bulgarian kääntäjäliitto. Helsinki. *Kääntäjä* 06.08.1984, s. 3-4.
- FOGELBERG, Paul
Kuka oli Alexander Järnefelt? Helsinki. *Terra* 1989, 101:2, s. 185.
- EHRNROOTH, Magnus
Casimir Ehrnrooth. Kolmen Aleksanterin – kahden tsaarin ja yhden ruhtinaan – uskollinen palvelija. Keuruu. 1967. 2. tark. painos. Suomentanut Yrjö Soini. Helsinki. Suomen tiedeseura. 2002. 475 s.
- ESKOLA, Katarina
Kulttuuritalojen ja erikoiskirjastojen Bulgaria. Helsinki. *Kirjastolehti* 1984:10, s. 494-496.
- Ethnic minorities.* Three articles on the Macedonians in Bulgaria. Kashubes in Poland and the Lapps in Finland. Ed. Erkki Asp. University of Turku. 1993.
- HAAPALA, Aulis
 Bulgariaan: siellä kävi Suomen Kaartikin. *Et-lehti (Elämäntaito)* 1985:1, s. 40-47.

HEIKKILÄ, Martti

Slaavia värisytti. Bulgarianlainen kansanlauluyhtiö Suomen vierailulla. *Uusi kansanmusiikki* 1992:4, s. 8.

[Helakukkula] Niklander, Hannu. Bulgarian tarinat. Arvostelu Helakukkulasta. Helsingin sanomat 25.7.1980.

[Helakukkula] Suvilehto, Eero. Portinavaus bulgariolaiseen lyhytproosaan. Arvostelu Helakukkulasta. *Parnasso* 1981:2, s. 125.

HIISIVAARA, Tapio

"Tuhattonpa verran poikia läksi..." Suomen kaarti Balkanin sodassa 1877-1878. Porvoo. WSOY. 1968. 230 s.

HOLSTI, Rudolf

Приветствие към България. Helsinki. *Suomen sotilas*. Bulgarialle omistettu erikoisnumero 1938:5-7, s. 73-74.

Housework time in Bulgaria and Finland. Leena M. Kirjavainen... [et al.]. *Studies Statistics Finland* 1992:193. 132 s.

HUHTALA, P

Suomen valkoinen kaarti. Lyhyt esitys Suomen Kaartin (henkivartioväen 3. Suomen tarkk'ampuja pataljoonan) ja Suomen valkoisen kaartin historiasta. Helsinki. Otava. 190 s.

HYRKKÄNEN, Jukka

Bulgariolaisen sanojen ja nimien translitterointiongelmia. Helsinki. *Virittäjä* 1975:79, s. 411-417.

INHA, I. K.

Balkanin niemimaa. Osa 1. Yleiskatsaus: Rumania, Serbia, Bulgaria, Montenegro, Tonava. Mukailen kirjoittanut I.K. Inha. Helsinki. Kansanvalistusseuran toimituksia 139. *Maantieteellisiä kuvaelmia* 31. 1906, 40 s.

JERNVALL, J.

Suomen Kaarti Gornij-Dubniakin tappelussa. Helsinki. *Suomen sotilas*. Bulgarialle omistettu erikoisnumero 1938:5-7, s. 135-143.

Johannes Rilalaisen bulgariolainen elämäkerta. Osat 1-8. Joensuu. *Aamun koitto* Suomen ortodoksisen kirkkokunnan äänenkannattaja ja ortodoksisen kotien hengellinen lehti. 2001.

JYRKÄNKALLIO, Paul

Valkeiden liljojen maa. Helsinki. *Uusi Suomi*. 1951:48.

KAILA, Viljo

Turun Bulgaria seura 40-vuotias: 1957-1997. Turun Bulgaria seura. 1997.

KALLIO, Kyösti

Приветствие от г. президента на Финландия към България. Helsinki. *Suomen sotilas*. Bulgarialle omistettu erikoisnumero 1938:5-7, s. 71-72.

KANERVA, Pekka

Bulgarian kehittyvät markkinat – osa uudistuvaa Itä-Eurooppaa. Selvitys liiketoimintaolosuhteista. Suomen ulkomaankauppaliitto. Helsinki. 1996.

KANEV, Dinyo

Venäjän armeijan topografiakunnan suorittama kartoitustyö Bulgariassa Balkanin sodan aikana vuosina 1877-78. Suomentanut Bantsho Guev. Helsinki. *Terra* 1989, (101):2, s. 181-185.

- KANKAMO, Ritva
Vanha suosikkiteos antaa turkkilaisille oudon kuvan Suomesta. Suomalainen ei juo ja puhuukin kuiskaamalla. Helsinki. *Uusi Suomi* 1977:334.
- KARPPINEN, Seija
Kansanpuku kulttuurituotteena. Bulgarianlainen kansanpuku kulttuurihistoriallisessa ja funktionaalis-semioottisessa tarkastelussa. Helsingin yliopisto. 1993.
- KINNUNEN, Anja
Bulgaria. Lomailijan opas. Espoo. Fenix-kustannus. 2002. 176 s.
- KIURU-KITAIGORODSKI, Sisko
Suomi-Bulgaria-seura 30 vuotta. Helsinki. Suomi-Bulgaria-seura. 1982. 16 s.
- KOIVISTO, Risto
Suomen rooli muistetaan. Helsinki. *Bulgarian Viesti* 1993:3. s. 4.
Suomalaista nykyryiikkaa Bulgariassa. YLE I 28.3.1995.
Tehdään käännöksiä. harjoitellaan kääntämistä. *Suomeksi maailmalla*.
Kirjoituksia Suomen kielen ja kulttuurin opettamisesta. Toim. Jyrki Kalliokoski ja Kirsti Siitonen. Castrenianum 44. Helsinki. 1993.
Leipää ja kirjoitusta. Bulgarianlaisesta nykyrunoudesta. *Nuori voima* 1995:2, s. 41-43.
[Koivisto, Risto] Annamari Haimi. Suomalaista nykyrunoutta Bulgarian markkinoille. *Kouvolan sanomat* 31.8.1994, s. 13.
[Koivisto, Risto] Maija Aalto. Bulgarianlaiset nuoret etsivät menestyksen avainta opiskelusta. Suomen kielikin kiinnosta. *Kansan tahto* 17.2.1994.
- KONDAKOV, Eija
Bulgaria - ruusujen maa. Helsinki. Kansankulttuuri. 1983. 199 s.
- KOVANEN, Anneli
Bulgarian historiasta. Helsinki. *Bulgarian viesti* 1990:3-4, s. 6-7 ja s. 6.
- KUUSINEN, Kalle
Bulgaria - Balkanin sydän. Helsinki. *Suomen sotilas*. Bulgarianille omistettu erikoisnumero 1938:5-7, s. 78-80.
- KYLÄVAARA, Keijo
Balkanin santaa. Hämeenlinna. Kirjayhtymä. 1978. 147 s.
- L. W.
Suomen kaarti muistetaan Bulgariassa. *Polttopiste* 1981:10, s. 6.
- LAINEN, Ensio
Bulgaria-seura toivoo kiinteämpää toimintaa ystävyyskaupungeillekin. Turku-seura. *Suomen Turku*. 1999:2, s. 30.
- LAITILA, Teuvo
Soldier, structure and the other. Social relations and cultural categorisation in the memoirs of Finnish guardsmen taking part in the Russo-Turkish war 1877-1878. Helsingin yliopisto 2001. Diss.
- LAPPALAINEN, Tuomo
Itä-Euroopan maiden ystävyysseurat etsivät rooliaan muuttuvassa Euroopassa: ystävyyttä yli mullistusten. Helsinki. *Suomen kuvalehti* 1990:2, s. 32-35
- LINDSTEDT, Jouko
Bulgarian and Macedonian Studies in Finland. <http://www.slav.Helsinki.fi/balkan/finnbulg.html>
- LINKO, Maarja
Kulttuurin tutkimuksen symposiumissa Sofiassa. Suomalais-bulgarialainen tutkijataapaaminen 25-26.5.1987. *Kulttuuritutkimus* 4 (1987):2, s. 32-34.
Maantieteellisiä kuvaelmia. Vihko XXXI. Balkanin niemimaa. *Bulgaria*. 1906, s. 28-33.

MAJURI

Kuinka bulgarialaisia upseereita koulutetaan. Helsinki. *Suomen sotilas.* Bulgarialle omistettu erikoisnumero 1938:5-7, s. 113-114.

MANELIUS, Tarmo

Bulgarian kirjallisuutta kaivataan suomeksi. Helsinki. *Bulgarian viesti* 1984:3, s. 6.

Lukemattomat runoilijat ja sanan uudet rajoitukset. Helsinki. *Bulgarian viesti* 1994:4, s. 6.

Bulgarialaisia runoja. Helsinki. *Kulttuurivihkot* 1984:6, s. 42.

Bulgarian runouden klassikot muodissa. Tietoja runoilijoista. Helsinki. *Bulgarian viesti* 1992:2, s. 6.

Poimintoja Bulgarian kirjallisuuslehdistä. Helsinki. *Bulgarian viesti* 1990:3, s. 5. 1990:4, s. 6.

Syvä usko ihmisyyteen ja isänmaahan. Helsinki. *Näköpiiri* 1978:5, s. 31-37.

Varnalaista runoutta. Helsinki. *Bulgarian viesti* 1992:3, s. 6.

[Manelius, Tarmo]. Rajoja löytyy sekä runoudesta että valtioiden välistä. Haastattelu Tampere. *Kaakkoisseutu* 13.6.1997.

[Manelius, Tarmo]. Koskelainen, Jukka. Asenne kohdallaan, kieli kellumassa. Arvosteltu teos *Salamoita helvetistä.* Bulgarialaisia runoja. Suomentanut T. Manelius. Kustannus Oy Littera. 1995. 69 s. *Motmot.* Elävien runoilijoiden klubin vuosikirja. WSOY. 1994, s. 163-164.

MANSIKKA, V. J.

Bulgaria. Lyhyt yleiskatsaus. Helsinki. Bulgarian näyttelytoimikunta. 1937, 32 s.

Bulgaria. Jylhien vuorten. uhkeitten ruusulaaksojen ja ahkerasti ahertavan kansan maa. Helsinki. *Suomen sotilas.* Bulgarialle omistettu erikoisnumero 1938:5-7, s. 89-92.

Bulgarian sivistyselämällä on tuhatvuotiset perinteet. Helsinki. *Suomen sotilas.* Bulgarialle omistettu erikoisnumero 1938:5-7, s. 101-103.

Matkan varrelta Bulgariassa. Bulgarian kaupunkoja, matkailupaikkoja ja luonnonnähtävyyksiä. Helsinki. *Suomen sotilas.* Bulgarialle omistettu erikoisnumero 1938:5-7, s. 109-112.

Piirteitä Bulgarian historiasta. Helsinki. *Suomen sotilas.* Bulgarialle omistettu erikoisnumero 1938:5-7, s. 93-95.

MARTTINEN, Markku.

Bulgarian ongelma: mitä voi tehdä tyhjällä mausoleumilla. Helsinki. Suomen matkatoimisto. *Check-in.* Suomen matkatoimiston asiakaslehti. 1991:3, s. 90-93.

MIKKOLA, J. J.

Bulgarian kirjallisuus. Yleinen kirjallisuuden historia, osa 4. Slaavilaisten kansain kirjallisuus. Helsinki. 1905, s. 391-402.

Muutamia tietoja kenraali Casimir Ehrnrothin toiminnasta Bulgarian hallitusmiehenä. Helsinki. *Historiallinen arkisto* 44, s. 490-497.

Kun Turkin sulttaani tunnusti Suomen itsenäisyyden. Vapaussodan kertomuksia. Muistelmia ja kokemuksia. Helsinki. *Sanatar* 1934, s. 234-238.

Miten bulgarialaiset ansaitsevat jokapäiväisen leipänsä. Helsinki. *Suomen sotilas.* Bulgarialle omistettu erikoisnumero 1938:5-7, s. 108.

Muinainen Trakia, Kulta- ja hopea-aarteita Bulgariasta 5000 eKr. – 300 jKr. temaattiset johdannot kirjoittanut Elka Penkova. [Teksti on myös ruotsiksi ja englanniksi]. Helsinki. Amos Andersenin taidemuseo. 2000. 188 s. *Amos Andersonin taidemuseon julkaisuja.* Uusi sarja. 30.

Musta-harmaa-valkoinen. 30.8.1997-19.10.1997. Keravan taidemuseo. Luettelo näyttelystä. Suomentanut Aune Laaksonen. Keravan taide- ja kulttuuriyhdistys. 1997.

MYYRÄ, Marketta

Jänevit. Tehtäviä Bulgariassa. Gummerus. Jyväskylä. 2001. 236 s.

NISKANEN, Ville

Suomalainen kenraali Bulgarian hallintomiehenä. Helsinki. *Kuluttaja* 1964:41, s. 14-15.

NUORTO, Olli

Balkania autossa ja auton alla & tarina autosta, kolmesta nuorukaisesta ja "Laveasta tiestä". Helsinki. Otava. 1930.

NURMINEN, Kimmo

Pieni Bulgaria - iso urheilumaa. Huippuluokan valmennus luo huippuluokan urheilijoita. Haastateltavana professori Angel Spassov. *Urheilulehti* 1986:40, s. 8.

OJALA, Anneli

Valkoilijojenmaan alkuperäisen käsikirjoituksen jäljillä. Helsinki. *Bulgarian viesti* 2001:2, s. 8-11.

OSSA, Mikko.

Vanhan Bulgarian uniikki kohde. Turku. *Keräilyuutiset* 1998:1, s. 54.

Osuustoiminta tienä hyvinvointiin Bulgarian maaseudulla. Suomi-Bulgaria seura. Helsinki. [1959].

Paljon on kärsitty vilua ja nälkää Balkanin vuorilla taistellessa...". Matkakuvia Bulgariasta. Helsinki. *Suomen sotilas.* Bulgarialle omistettu erikoisnumero 1938:5-7, s. 105-107.

POROILA, Heikki

Huomioita slaavilaisten kielten erikoiskirjaimista ja kyrillisten kirjaimistojen translitteroinnista. Suomen musiikkikirjastoyhdistys. Helsinki. *Intervalli* 2001:4, s. 35-38.

R. T.

Suomalaiset taistelemassa Bulgarian vapauden puolesta. Pikapiirtoja ent. Suomen Kaartin osanotosta Turkin sotaan vv. 1877-78. Helsinki. *Suomen sotilas.* Bulgarialle omistettu erikoisnumero 1938:5-7, s. 123-127.

RASIMUS, Suvi

Sosiaaliturvajärjestelmät. Bulgarian tasavalta. Kansainvälinen talousoikeuden instituutti. Helsinki. 2001, 14 s.

Romania ja Bulgaria [Heijastuskuva] Interbook. AV-osasto. Helsinki. [1982].

RUOKANEN, Tapani.

Bulgaria kehittyä rauhallisesti. Helsinki. *Suomen kuvalehti* 1982:9, s. 41-43.

RUTANEN, Reijo

Balkanin kuninkaalliset valmiina palvelukseen. Helsinki. *Suomen kuvalehti* 1997:20, s. 58-64.

Ruusujen ja satavuotiaitten maa. Kirj. Riitta. *Helsingin Sanomat* 1937:317, s. 8.

SALOKORPI, Sinikka

Bulgaria. Matkaopas. Helsinki. Tammi. 1985. 101 s.

Bulgaria. Matkaopas. 2 p. Helsinki. Tammi. 1986. 120 s.

Bulgaria. Helsinki. Ajatus. 2000.

Bulgaria ABC kuvat S. Salokorpi ja Rumiana Tchapanova. Helsinki. Alko *Etiketti* 2000:1, s. 4-6.

Bulgarien-abc. Bilder S. Salokorpi och Rumiana Tchapanova. Helsingfors. Alko *Etiketten* 2000:1, s. 4-6.

Koprištitsa. Museokaupunki Bulgariassa. Helsinki. *Kotiliesi* 1983:2, s. 26-27, 29.

Rila on Bulgarian pyhäkkö. Helsinki. *Matkailumaailma* 1979:5, s. 10-11.

Tänä kesänä Bulgariassa. Helsinki. *Matkailumaailma.* 1980:1, s. 10-11.

SALONEN, Tapani

Balkanin suomalaisten muisto ei unohdu. Helsinki. *Bulgarian viesti* 2001:2, s. 5-7.

SIIBERG, Liilia

Suomalais-bulgarialaisia kulttuurisuhteita sadan vuoden ajalta. Helsinki. *Bulgarian viesti* 1981:2, s. 11. ja 1990:2, s. 3.

Henkilöiden kontakteista kulttuurisuhteiksi. Suomen ja Bulgarian kulttuuri- ja kirjallisuussuhteiden alkuvaiheita. Jyväskylä. *Kulttuuritutkimus* 1989:3, s. 30-32.

SILTANEN, Pekka

Liljanvalkoinen Suomi – utopia. Kaleva 1978:199.

ŠIŠKOFF (SCHISCHKOFF), G.

Kuningas Boris III ja hänen kansansa. Helsinki. *Suomen sotilas.* Bulgarialle omistettu erikoisnumero 1938:5-7, s. 81-83.

Sodasta kärsineiden huolto on Bulgariassa järjestetty kerrassaan esimerkillisellä tavalla. Helsinki. *Suomen sotilas.* Bulgarialle omistettu erikoisnumero 1938:5-7, s. 117-120.

Suomi-Bulgaria seura. Turun osasto 30 vuotta 1957-1987. 1987.

SUONINEN, Annika

Väli-Euroopan maiden kulttuuri. Puolittain peruuntunut suomalais-bulgarialainen seminaari Jyväskylässä 24-5-1989. *Kulttuuritutkimus* 1989:2, s. 29-32.

SUVILEHTO, Eero

Dimitór Dimovin Tytyn murroksen romaanina Bulgarian kirjallisuudessa. Jyväskylän yliopiston kirjallisuuden laitos, 1. 1992. 164 s.

Dimitór Dimovin Tupakka ristiriitojen romaanina. Bulgarian kriisin horjutetut kuvat. Jyväskylä Studies of the arts, 47. 1995. 241 s. Diss.

Fragmentteja suomalais-bulgariaalaisten kontaktien historiasta. Snellman-Instituutti. *Tiedote* 1988:1, s 3-6.

SUVILEHTO, Ilkko

Bulgaria Balkanin eteläisessä kolmiossa: muutos. *Balkan 2000. Näkökulmia ja taustoja Kaakkois-Euroopan nykytilanteelle.* Turun yliopisto 2000, s. 139-161.

TAKALA, Anna-Liisa

Munkkeja ja matkailijoita. Rilan luostari Bulgariassa. Helsinki. *Uusi nainen* 1983:12, s. 25-27.

TALAS, Lemmikki

Kuningatar Joanna. Helsinki. *Suomen sotilas.* Bulgarialle omistettu erikoisnumero 1938:5-7, s. 84.

TALAS, Onni

Muistelmia. Itsenäisyysenaattorina ja lähettiläänä kymmenessä maassa. Porvoo-Helsinki. WSOY. 1960, s. 262-280.

TAPIO, Simo U.

Autolla Suomesta Mustalle merelle. Bulgaria. Nykymatkailun polttopisteitä 6. Porvoo. Helsinki. WS. 1968, s. 135-148.

Tervehdys Turkin sodan suomalaisille sotavanhuksille. Helsinki. *Suomen sotilas.* Bulgarialle omistettu erikoisnumero 1938:5-7, s. 75-77.

TYNKKYNEN, P.J.

Murhemuistelma. 2 000 kilometr. pitkä ja 300 kilometr. laaja hirvuinen maanjäristys mikä tuhosi Bukarestin. Romanian pääkaupungin ja vaurioitti 10 muuta kaupunkia: ihmisiä sai surmansa yli 10 000: maanjäristyksen tuhoa myös Neuvostoliitossa 100 eri paikassa ja Bulgarian valtiossa eri paikoin. Tekijä. Turku. 1940.

ULJAS, Kaija

Bulgariassa viinikin on täynnä tarinaa. Helsinki. Alko. *Etiketti* 2000:1, s. 7-9.

VAHTER, Tyyni

Maailma on pieni. Bulgaria-näyttely Helsingissä. Kotiliesi 1938, s. 20-21.

VALJAKKA, Eeva

Bulgarian kansanperinne voimissaan. Maan tärkein kansallisen kulttuurin katselmus jo 7. kerran Koprivshitsassa. Huhmari. Uusi kansanmusiikki 1995:4, s. 48-49.

VALTAKARI, Pertti

Bulgaria juhlii tänään Kyrillosta ja Methodiosta. Helsinki. *Kansan Uutiset* 24.5.1966.

Bulgaria-laista arkkitehtuuria vuosisatojen varrelta. Helsinki. *Kansan Uutiset* 1966.

VANHANEN, Tatu

Bulgarian poliittiset olot. Bulgaria info 2000. Helsinki. Suomi-Bulgaria seura. 2000, s. 8-17.

VARIS, Venla

Humanitaarinen apu on nyt myös Bulgariassa tarpeen. Helsinki. *Suomen hammaslääkärilehti* 1991: 11, s. 759-760.

[Veličkova, Lilia] Lilia Veličkova - kääntäjän muotokuva. Helsinki. *Kääntäjä* 1983:39, s. 3.

VUORIO, Matti

Suomalainen Bulgarian kaitsijana. Helsinki. Savon prikaatin ja Savon kaartin killan lehti. *Porrassalmi* 1981:2, s. 35-37, 44.

VÄÄNÄNEN, Kalle

Bulgarian maa ja kansa. Virsenin, Jensenin, Falkeneggin y.m. teoksia suomeksi mukaili K.V. Jyväskylä. Gummerus. 1913. 100 s.

YLINEN, Teuvo

Bulgaria, kultahietikon maa. Helsinki. Kansankulttuuri. 1968, 48 s.

Bulgaria, kultahietikon maa. 2. p. Helsinki. Kansankulttuuri. 1971, 53 s.

Bulgaria, kultahietikon maa. 3. täyd. p. Helsinki. Kansankulttuuri. 1975, 84 s.

Bulgaria, kultahietikon maa. 4. täyd. p. Helsinki. Kansankulttuuri. 1978, 107 s.

Словари

Bulgarialais-suomalainen sanakirja. Boris Paraškevov & Jukka Hyrkkänen. 1. p. 1978.

2. tark. p., ja 3. p. 1984.

Lomalla puhumme bulgariaa. Bulgarian kansantasavallan matkailutoimisto [1973]. 22 s.

Matkailusanasto suomi-bulgaria. Bulgarian valtion matkailutoimisto. [1990].

Suomi-bulgaria-suomi taskusanakirja. Laatinut Irma Timonen. Porvoo. WSOY. 1986. 706 s.

Suomalais-bulgarialainen sanakirja. Helsinki. Sofia. Balkantourist. [1964].

Suomalais-bulgarialainen sanakirja. Laatinut Vera Ivanova Taipale & Kalervo Karhu. Helsinki. Yliopistopaino. 1989.

Suomalais-bulgarialainen sanakirja: puhutteko suomea? govorite li po bólgarski? Balkantourist. Helsinki. [1980].

Ulkomaankaupan käyttösanasto: venäjä-englanti-saksa-ranska-espanja-albania-bulgaria-puola-romania-tsekki-unkari. Laatinut Alfred Kolehmainen. Porvoo. WSOY. 1978. 200 s.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ¹

- Аалтонен Вяйнё (Aaltonen Väinö, 1914-1946), финский скульптор 135
- Агрикола Микаель (Agricola Mikael, ок. 1508 или 1510-1557), глава Реформации в Финляндии, издал первый букварь на финском языке в 1542, перевел Новый Завет в 1548 41, 109
- Адья Эндре (Ady Endre, 1877-1919), венгерский поэт 91
- Акароглу Тюркер, переводчик Г.С.Петрова на турецкий язык 140-141
- Аксаков Иван Сергеевич (1823-1886), русский общественный деятель, славянофил 157
- Александр I (1777-1825), российский император 1801-1825 43-44
- Александр II (1818-1881), российский император 1855-1881 46, 60, 65, 130, 136
- Алкио Сантери (Alkio Santeri, настоящая фамилия Frilander, 1862-1930), финский писатель, общественный деятель 56, 98, 210
- Андрейчин Стефан (1872-1934), редактор болгарского журнала "Възраждане" 100
- Анкерия Сантери (Ankeria Santeri род. 1922), финский литератор 16, 73
- Апостол (-ов) Алексей (1866-1927), уроженец Болгарии, капельмейстер в финской армии 67-68
- Априлов Васил (1789-1847), болгарский просветитель, организатор первой светской школы в Габрово 1835 38, 123, 125
- Армфельт Густав Мориц (Armfelt Gustaf Mauritz, 1758-1814), финский политический деятель 44
- Ахо Юхани (Aho Juhani, настоящая фамилия Brofeldt, 1861-1921), финский писатель 57, 99, 101, 108, 200, 210-211
- Бабеv Димитр (1880-1945), болгарский писатель, редактор журнала "Листопад" 16
- Балабанов Марко (1837-1921), болгарский общественный деятель, участник церковно-национального движения 60
- Баратынский Евгений Абрамович (1800-1844), русский поэт 154-155, 160
- Баттенберг Александр (Battenberg Alexander, 1857-1913), немецкий принц, князь Болгарии 1879-1886 60, 64-65
- Батюшков Константин Николаевич (1787-1855), русский поэт 154, 155
- Белинский Виссарион Григорьевич (1811-1848), русский литературный критик 21
- Берон Петр (1795-1871), болгарский просветитель, опубликовал первый букварь в 1824 37
- Бестужев-Марлинский Александр Александрович (1797-1837), русский писатель, критик 154, 155
- Бисмарк Герберт (Bismark Herbert, род.1849), немецкий государственный деятель 65
- Бисмарк Отто фон Шёнхаузен (Bismarck Schönhausen, 1815-1918), первый рейсканцлер германской империи 1871-1910 48, 60, 61
- Благоев Димитр (1856-1924), болгарский деятель революционно-освободительного движения в России и Болгарии 40, 100
- Блок Александр Александрович (1880-1921), русский поэт 159, 160

¹ Составила Лариса Вольфович.

- Бобриков Н. И. (1839-1924), русский генерал, губернатор Финляндии 1918-1924, убит Эугеном Шауманом 39, 48-49
- Бобчев Стефан Савов (1853-1940), общественный деятель, славянофил, основал журнал "Българска сбирка", председатель Славянского общества в Болгарии 99
- Богданов А., болгарский журналист, редактор журнала "Училище" 194
- Богомил (нач. X века), болгарский поп, основатель секты богомилства 35
- Богоров Иван, борец за освобождение Болгарии 38
- Божков Димитр (Диньо, 1876-1946), болгарский феннофил, переводчик и популяризатор творчества Г. С. Петрова, редактор газет, журналов, в частности "Духовна пробуда" 14, 17, 25, 100, 110, 132-134, 136, 137, 140, 143, 145-148, 151, 161-165, 167, 176, 183, 188, 191, 197, 200, 204-206, 209, 211
- Борис I (умер 2.5.907), болгарский князь 852-889, в 864 г. ввёл христианство 34, 85
- Борис III (1914-1943), царь Болгарии 1918-1943 65, 67
- Ботев Христо (1848-1876), борец за освобождение Болгарии, поэт, после покорения восстания 1873 издатель газеты "Нова България" и "Знаме" 59, 83, 86, 88, 91, 125, 192, 194
- Боюклиев Диньо, болгарский феннофил, переводчик болгарской литературы на венгерский язык 14, 132-134, 140, 194, 195, 197
- Брусянин В. (1867-1919), русский писатель, толстовец 102, 160
- Брюсов Валерий Яковлевич (1873-1924), русский поэт 105, 159, 160
- Вайганд Густав (Veigand Gustav), немецкий болгарист 83, 206
- Вазов Иван (1850-1921), болгарский писатель и общественный деятель 24, 39, 49, 57, 83, 86-89, 90-92, 106, 108, 194, 211
- Вакарельский Христо Томов (род.1916), болгарский этнограф 79-80
- Валтари Мика (Valtari Mika, 1928-1979), финский писатель 125
- Валтакари Пертти (Valtakari Pertti, род.1935), переводчик болгарской литературы на финский язык 57, 93, 123-125
- Вапцаров Данчо Ив., болгарский толстовец 101
- Вапцаров Никола (1929-1942), болгарский поэт 40, 125
- Вахтер Тьюни (Vahter Tuuni, род.1886), финский этнограф 80
- Венелин Юрий Хуца (1802-1839), русский писатель 37
- Викстрём Эмиль (Vikström Emil, 1864-1942), финский скульптор 166
- Вилкуна Кустаа (Vilkuna Kustaa, 1922-2000), финский этнограф 80
- Вильянен Лаури (Viljanen Lauri, 1920-2004), финский поэт, литературовед 118,
- Витухновская Марина (род. 1954) финская исследовательница 17, 147
- Вуолийоки Хелла (Wuolijoki Hella, 1886-1954), финская писательница 212
- Вылчев Георги (род.1926), болгарский учёный, компаративист 15, 17, 19, 20, 57, 61 62, 79, 115, 125, 126, 182, 210
- Галлен-Каллела Аксели (Gallen-Kallela Akseli, 1865-1931), финский живописец 110, 113
- Гамсун Кнут (Hamsun Knut, настоящая фамилия Pedersen, 1859-1952), норвежский писатель 57, 118
- Ганди Мохандас Карамчанд (Mahatma Gandhi, 1869-1948), индийский философ, борец за освобождение Индии путём мирного противостояния 101
- Гачев Георгий Д.(род.1929), русский литературовед 21, 35, 98, 192, 194
- Гехард Ганнес (Gebhard Hannes, 1864-1933), финский деятель кооперативного движения 13, 71-74, 131, 206, 209
- Гейне Генрих (Heine Henrik, 1797-1856), немецкий поэт и публицист 90, 108

- Генрик (Henrik, ок.1156 год смерти), епископ английского происхождения, принёс христианство на запад Финляндии 40
- Георгиев Веселин (род.1918), болгарский поэт 40
- Георгиев Стоян, болгарский публицист 104
- Геров Найден (1823-1920), болгарский писатель, одессит 38
- Гёте Вольфганг Иоганн (Goethe Johann Wolfgang von, 1749-1832), немецкий писатель, мыслитель и естествоиспытатель 56, 97, 105, 120
- Големанов Алеко, болгарский писатель 14, 17, 18, 182, 184, 187-191, 192, 212
- Горбунов-Посадов Иван Иванович (1864-1940), русский писатель, издатель, толстовец 102,104
- Горький Максим (настоящее имя А. М. Пешков, 1868-1936), русский писатель 105, 159, 160
- Грот Яков Карлович (1812-1913), русский филолог, преподаватель Гельсингфорского университета, феннофил 82, 108, 158, 160
- Гунчев Гунчо , болгарский географ, автор статей о Финляндии 14, 110, 111, 113, 135, 182, 183, 185, 184, 191, 197, 204
- Густав III (1746-1792), король Швеции с 1771 43
- Густав IV Адольф (1778-1837), король Швеции 1792-1809 43
- Гюго Виктор (Hugo Victor, 1802-1885), французский писатель 56, 97, 101
- Гюдолев Борис, болгарский толстовец 104, 105
- Даль Владимир Иванович (1801-1872), русский писатель, лексикограф, этнограф 153
- Дебелянов Димчо (1887-1916), болгарский поэт 92
- Деникин Антон Иванович (1872-1947), главнокомандующий Добро-вольческой (белой) армией, с 1920 эмигрант 145, 147
- Державин Гавриил Романович (1743-1816), русский поэт 156
- Диккенс Чарльз (Dickens Charles, 1812-1870), английский писатель 56
- Дмитриев Иван Иванович (1760-1837), русский поэт 156
- Доде Альфонс (Daudet Alphonse, 1840-1917), французский писатель 97
- Дондуков-Корсаков Алексей Михайлович (1820-1913), Верховный русский комиссар в Болгарии 1878-1879 63
- Досев Христо (1886-1919), болгарский толстовец 74, 100, 101, 102
- Достоевский Фёдор Михайлович (1821-1881), русский писатель 101, 175
- Драгоев Петр, болгарский журналист 116, 118, 186, 200-1100
- Дринов Марин Стоянов (1838-1926), болгарский историк, политический деятель 37, 66
- Друмев Васил (1841-1921), болгарский писатель, политический деятель 39, 93
- Екатерина II Алексеевна (1729-1796), российская императрица с 1762 43, 155
- Елизавета Петровна (1709-1761/62), российская императрица с 1741 43, 184
- Елин Пелин (настоящее имя Димитр Иванов Стоянов, 1877-1949), болгарский писатель 92, 93, 105, 123, 134, 211, 212
- Желев Н., болгарский поэт, толстовец 101, 105
- Жендов Александр Стефанов (1921-1953), болгарский художник 118
- Златарский Васил (1866-1935), болгарский историк, автор книги "История на българската държава през средните векове" 16, 70-71, 72
- Золя Эмиль (Zola Emile, 1840-1922), французский писатель 97
- Иван Рильский св. (X век), основатель Рильского монастыря 35, 126
- Ибсен Генрик (Ibsen Henrik, 1828-1926), норвежский драматург 57

- Иоанн Сергиев Кронштадский св. (1829-1928), русский православный священник 147, 148
- Йенсен Альфред (Jensen Alfred, 1859-1921), шведский славист, переводчик славянской литературы на шведский язык 77, 83, 89, 90, 92, 206
- Йовков Йордан (настоящая фамилия Стефанов, 1880-1937), болгарский писатель 92, 92, 93, 123, 211, 212
- Иречек Константин (Jireček Konstantin, 1854-1918), чешский славист, историк, общественный деятель 60, 64, 66, 83, 130
- Калефов Дамян, болгарский писатель 212
- Калима Эйно (Kalima Eino, 1882-1972), финский культурный деятель, руководитель Национального театра 80
- Калима Яло (Kalima Jalo, 1884-1952), финский славист 69, 80, 82
- Кампанелла Томмазо (Campanella Tommaso, 1568-1639), итальянский философ, поэт, политический деятель 139
- Канев Д., болгарский географ, основатель общества болгаро-финской дружбы в 1938 г. 67
- Каравелов Любен (1834-1879), болгарский общественный деятель, писатель, философ 59, 86, 108, 192
- Каравелов Петко (1843-1923), болгарский политик 65, 194
- Караджич (Караџић) Вук (1787-1864), сербский филолог, историк, фольклорист 89
- Каралийчев Ангел Иванов (1922-1972), болгарский писатель 92, 93, 212
- Карванен Пекка (Karvanen Pekka, переводчик Г.С. Петрова на финский язык 141
- Кассирер Эрнст (Cassirer Ernst, 1874-1945), немецкий философ 173
- Квантен Эмиль (Quanten Eemil, род. 1827), финский поэт, писавший на шведском языке 109
- Кекконен Урхо Калева (Kekkonen Urho Kaleva, 1920-2006), президент Финляндии 1956-2001 17
- Кемал Мустафа (назван отцом турков Ataturk, 1881-1938), генерал, первый президент Турецкой республики 1923-1938 40, 136, 141
- Керенский Александр Фёдорович (1881-1970), русский политический деятель, председатель Временного правительства России, в эмиграции с 1917 50.51,
- Киви Алексис (Kivi Aleksis, настоящая фамилия Stenvall, 1834-1872), финский писатель 19, 99, 135, 200
- Кивимяки Тойво (Kivimäki Toivo, 1886-1948), финский политический деятель 132
- Кипарский Валентин (Kiparsky Valentin, 1924-2003), финский славист, академик 69, 151-154, 157-158, 160
- Кирилл св.(827-869), архимандрит, славянский просветитель, создатель первой славянской азбуки 34, 85
- Кирков Георги (1867-1919), основоположник пролетарской литературы в Болгарии 40
- Кирчева Елена, болгарская переводчица 115, 116, 212
- Климент Охридский св.(840-916), болгарский просветитель, один из основоположников древней болгарской литературы 34, 132
- Койвисто Рийтта (Koivisto Riitta, род.1948), переводчица болгарской литературы на финский язык 125, 125
- Койвисто Ристо (Koivisto Risto, род. 1955) переводчик болгарской литературы на финский язык 19, 79
- Коллар Ян (Kollár Jan, 1793-1852), чехословацкий поэт и переводчик 89
- Кондаков Эйя (Kondakov Eija), опубликовала статьи и брошюру о Болгарии 14, 18, 26, 27, 59, 179, 211
- Конкка Юхани (Konkka Juhani, 1924-1970), финский писатель и переводчик 93, 123
- Константинов Алеко (1863-1917), болгарский писатель 168, 193

Коншин Николай Михайлович (1793-1859), русский писатель, педагог 155

Короленко Владимир Галактионович (1853-1921), русский писатель и публицист 101

Коскинен Ирjö, также известен под именем Ирjö-Коскинен (Koskinen Yrjö), настоящая фамилия Forsman, 1854-1917), финский историк, политик и общественный деятель, фенноман 48, 54, 149

Краничев Д. болгарский журналист, редактор газеты "Зора" 185

Красновская Зинаида Ивановна, вторая жена Г.С.Петрова (не состояла в браке), 148

Крачковский Игнатий Юлианович (1883-1951), русский востоковед, один из основоположников арабистики 75

Крейчи Карел (Krejić Karel, 1925-1979), чешский литературовед и компаративист 32, 175

Крун Юлиус (Krohn Julius, 1835-1888), финский писатель, фольклорист 62

Кув Куйо Марков (1929-2001), болгарский учёный, славист 74

Куприн Александр Иванович (1870-1938), русский писатель 101, 159, 160

Куусинен Калле Юхо Петтер (Kuusinen Kalle Juho Petter, 1889-2000), бизнесмен, болгарский консул в Финляндии 1936-1942 78, 79, 182

Кырчевский Хаджи, болгарский писатель 37

Лавиккала Ассер (Lavikkala Asser, род.1935), перевел болгарскую литературу на финский язык 125

Ларни Мартти (Larni Martti род.1929), финский писатель 213

Леандер Адольф (Leander Adolf, 1833-1919), финский военный дирижёр 67

Левский Васил (1837-1873), борец за освобождение Болгарии 59, 87

Лейно Эйно (Lönnbohm Eino, 1878-1926), финский поэт 192

Ленрот Элиас (Lönnrot Elias, 1802-1884), финский фольклорист, воссоздал эпос «Калевала» 112, 208

Лесков Николай Семёнович (1831-1915), русский писатель 144

Лечев Дечко (род.1943), болгарский историк, опубликовал 12 издание книги Г.С.Петрова «В страната на белите лилии. Финландия» в 2002 17, 160

Лилиев Николай (1885-1940), болгарский поэт 56, 90

Линдстедт Йоуко (Lindstedt Jouko, род.1955), финский учёный, болгарист, языковед 17, 19, 78, 81, 82

Линдфорс Аксели (Lindfors Akseli), участник войны 1877-8 178-179

Линна Вяйно (Linna Väinö род.1920) финский писатель 170

Люлинский Людмил, болгарский критик 118

Ляннемаа Йорма (Lännemaa Jorma), финский переводчик 142

Макдональд Рамсей (Macdonald Ramsay, 1866-1937), английский политик, лейборист 139

Макферсон Джеймс (Macpherson James, 1736-1796), шотландский писатель 154

Малмстен Георг (Malmsten Georg, 1922-2001), финский певец, дирижёр, композитор 68

Манелиус Тармо (Manelius Tarmo, род.1929), поэт, переводчик болгарской поэзии на финский язык 15, 19, 57, 125-126

Маннергейм Карл Густав (Mannerheim Carl Gustaf, 1867-1954), регент Финляндии 1918-1919, президент 1944-1946, фельдмаршал с 1933 47, 50

Мансикка Вильо (Mansikka Viljo, 1884-1947), финский славист, фольклорист 18, 80-82, 182

Маринов Иван (умер 1935), болгарский переводчик 97, 106

Матсон Алекс (Matson Alex, 1888-1972), переводчик финской литературы на английский язык 121

- Метерлинк Морис (Maeterlinck Moris, 1862-1949), бельгийский драматург, поэт 105, 118
- Мефодий св. (815-885), славянский просветитель, один из создателей первой славянской азбуки 34, 85
- Миккола Иосиф Юлиус (Mikkola Jooseppi Julius, 1866-1946), финский языковед-славист 13, 15, 16, 19, 64-71, 73-76, 78, 80, 82, 84-87, 92, 101, 131-133, 206
- Миладиновы Димитр (1810-1862) и Константин (1830-1862), братья, деятели болгарского национального Возрождения, просветители, фольклористы 88
- Милев Гео (настоящее имя Георги Касабов, 1915-1925), болгарский поэт, публицист 56, 192
- Милетич (Милетић) Любомир Георгиев (1863-1937), сербский филолог, славист 96
- Милле Жан Франсуа (Millet Jean François, 1814-1875), французский художник 110
- Минков Светослав (1922-1946), болгарский писатель 114-117, 131, 194
- Минчев Михаил, болгарский адвокат, член общества болгаро-финской дружбы 163
- Михайловский Стоян Николов (1856-1927), болгарский писатель-сатирик 90
- Мицкевич Адам (Mickiewicz Adam, 1798-1855), польский поэт, общественный деятель 90
- Младенов Стефан Стоянов (1880-1943), болгарский учёный, языковед 73
- Монтень Мишель де (Montaigne Michel, 1533-1592), французский философ 153
- Монтескьё Шарль (Montesquieu Charles, 1689-1755), французский просветитель, философ 153
- Мурху Рае (Murhu Rae Aurli Anton, род.1916), финский библиотекарь 141
- Мюгге Теодор (Mügge Theodor, 1802-1861), немецкий писатель 207
- Мякинен Эйно (Mäkinen Eino, 1928-2007), финский режиссёр 81
- Наживин Иван Ф., русский писатель, толстовец 101, 104
- Наполеон I Бонапарт (Napoléon Bonaparte, 1769-1821), французский император 1804-1814 43
- Немирович-Данченко Василий Иванович (1848-1936), русский писатель 145
- Ненов, Н. болгарский учёный, переводчик, феннофил 163
- Неофит Бозвели (1785-1848), болгарский руководитель церковно-национального движения 37-38
- Неофит Рильский (Никола п.Петров Бенин, 1793-1881), болгарский просветитель, учитель ново-болгарского языка 37
- Ниеминен Эйно (Nieminen Eino, 1911-1949), финский славист 77, 82
- Никландер Ханну (Niklander Hannu, род.1951), переводчик болгарской литературы на финский язык 125-126
- Николай I (1796-1855), российский император 1825-1855 38, 45, 157
- Николай II (1868-1918), последний российский император 1914-1917 49, 51, 65, 136,
- Николов Нино Якимов (род.1933), переводчик финского эпоса "Калевала" на болгарский язык 81, 110, 113, 184
- Ницше Фридрих (Nietzsche Friedrich, 1844-1920), немецкий философ -90
- Нурижан Жорж, болгарский ученый 71, 78, 134, 137, 139, 141-142, 145, 148, 196
- Огнянович Константин, болгарский литератор 37
- Одоевский Владимир Фёдорович (1803(4)-1869), русский писатель, критик 160
- Павел I (1754-1801), российский император 1796-1801 155
- Паисий Хилендарский св. (1722-1798), идеолог болгарского освободительного движения, просветитель 35-36

- Панев Нерчо, болгарский писатель 93
Парашкевов Борис (род.1938), болгарский языковед, переводчик финской литературы на болгарский язык 57, 79, 125
- Пеев Христо, болгарский писатель 74
- Пере Жан-Луи (Perret Jean-Louis, 1915-1948), швейцарский филолог, преподаватель французского языка, переводчик с финского языка 78, 116-117
- Песонен Пекка (Pesonen Pekka, род.1947), финский учёный, русист, литературовед 17, 82
- Петёфи Шандор (Petöfi Šandor, 1823-1849), венгерский поэт 90, 91
- Петров Григорий Спиридонович (1868-1925), русский православный священник, религиозный мыслитель 14, 17, 25, 27, 45, 108, 132, 133, 135-148, 151, 158-168, 176, 183, 186, 188, 191, 195-200, 204-207, 209, 211
- Петров Ивайло (род.1923), болгарский писатель 212
- Пеуранен Ерки (Peuranen Erkki, род.1939), финский учёный, русист, литературовед 19, 152
- Пётр I Великий (1672-1725), русский царь с 1682 (правил с 1689), первый российский император с 1721 43, 152
- Плетнев Пётр Александрович (1792-1865/66), русский поэт, критик, феннофил 151, 158
- Погодин Михаил Петрович (1800-1875), русский историк, писатель 197
- Полянов Димитр (настоящая фамилия Попов, 1876-1953), болгарский поэт 40
Поступаев Фёдор, русский писатель, толстовец 102
- Прус Болеслав (Prus Bolesław, настоящее имя Александр Гловацкий, Głowacki, 1847-1912), польский писатель 101
- Пруст Марсель (Proust Marsel, 1871-1922), французский писатель 118
- Пушкин Александр Сергеевич (1799-1837), русский поэт и писатель 56, 89, 90, 119, 154, 200
- Пшибышевский Станислав (Przybyszewski Stanisław, 1868-1927), польский писатель 91
- Пяйвяринне Сари (Päivärinne Sari), преподавательница финского языка в Софийском университете 19, 79
- Пяйвяринта Пиетари (Päivärinta Pietari, 1827-1913), финский писатель 13, 15, 25, 57, 94-98, 120, 131, 200, 205, 210, 211
- Радичков Ёрдан (род. 1929) болгарский писатель 126-127
- Разцветников Асен (1917-1951), болгарский поэт 56
- Раич Ёван (Rajuh, 1726-1801), сербский историк 86
- Райнов Николай (1889-1954), болгарский писатель 75
- Рангелов Владимир, болгарский издатель детской литературы 109
- Раск Расмус (Rask Rasmus, 1787-1832), датский языковед 110
- Репин Илья Ефимович (1844-1930), русский живописец 142
- Рерих Николай Константинович (1874-1947), русский живописец и философ 76
- Риссанен Юхо (Rissanen Juho, 1873-1950), финский художник 109-110
- Ромен Жюль (Romaines Jules, 1885-1972), французский писатель 118
- Рунеберг Ёхан Людвиг (Runeberg Johan Ludvig, 1804-1877), финский поэт, писавший на шведском языке 24, 47, 53, 88, 107-109, 178
- Рунеберг Фредерика (Runeberg Fredrikka, 1807-1879), жена финского поэта Рунеберга 47
- Саарикоски Пентти (Saarikoski Pentti, 1937-2003), финский поэт 56
- Салминен Салли (Salminen Sally, 1926-1976), финская писательница 74, 77, 108, 212
- Салокорпи Синикка (Salokorpi Sinikka), автор статей и брошюр о Болгарии 14, 18, 27, 58, 122, 178, 179, 183, 212, 211

- Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович (1826-1889), русский писатель-сатирик 160
- Сальвини Луиджи (Salvini Luigi, 1911-1957), итальянский славист, переводчик 78, 90-92
- Свинхувуд Пер Эвинд (Svinhufvud Pehr Evind, 1861-1944) первый премьер-министр Финляндии 1917-1918, президент 1931-1937 50
- Свифт Джонатан (Swift Jonathan, 1667-1745), английский писатель, политический деятель 56
- Сетяля Емиль Нестор (Setälä Eemil Nestor, 1864-1935), финский языковед и политик 69, 75
- Сетеля Хелми (Setälä Helmi, ур. Krohn, 1871-1947), финская писательница 108, 210
- Сибелиус Ян (Sibelius Jean, 1865-1957), финский композитор 104, 113, 121
- Сигнеус Фредрик (Cygneus Fredrik, 1807-1881), финский литературовед, поэт, культурный деятель 47, 109
- Силланпя Франс Эмиль (Sillanpää Frans Eemil, 1888-1944), финский писатель, лауреат Нобелевской премии 19, 26, 76-77, 114-118, 119, 121, 188, 198-200, 205, 211
- Симеон II - болгарский царь 1943-1946, затем в изгнании, премьер-министр Болгарии с 2001 85
- Сирасте Кирсти (Siraste Kirsti, род.1939), переводчица, в частности, болгарской литературы на финский язык 57, 125, 125
- Сирен Юхан (Sirén Johan, 1889-1941), финский архитектор 80
- Скороходова Мария, жена болгарского толстовца Данчо Вапцарова 101
- Славейков Пенчо (1866-1912), болгарский поэт (сын Петко Славейкова) 39, 83, 89-92
- Славейков Петко (1827-1915), болгарский поэт, общественный деятель, председатель Народного Собрания Болгарии 1880 38, 56, 65, 86, 90, 108
- Смирненский Христо (настоящая фамилия Измирлиев, 1918-1923), болгарский поэт 40, 125
- Снельман Юхан Вильгельм (Snellmann Johan Vilhelm, 1806-1881), финский государственный деятель 45-46, 54, 61, 72, 137-138, 140, 149, 168, 191, 199
- Сойни Тууликки (Soini Tuulikki), финская писательница, переводчица 135, 142
- Сокерова Ирина, болгарская переводчица 77, 115-118
- Соловьев Владимир Сергеевич (1853-1920), русский философ, поэт, публицист 159, 160
- Софокл (ок.496-406 до н.э.), древнегреческий поэт-драматург 90
- Софроний Врачанский св. (1739-1814), болгарский просветитель 35-37
- Сперанский Михаил Михайлович (1772-1839), русский государственный деятель 44
- Спренгпортен Йёран Магнус (Sprengporten Göran Magnus, 1740-1819), шведский офицер, сторонник присоединения Финляндии к России 43-44, 149
- Стамбулов Стефан (1854-1915), болгарский политический и общественный деятель 86
- Стенбекк Ларс (Stenbäck Lars, 1811-1870), финский просветитель 109
- Стоилов Шопов Георгий (1879-1933), болгарский толстовец 100
- Стоянов Парашкев (умер 2006), основатель студенческого общества болгаро-финской дружбы в 1938 г. 163
- Стриндберг Август (Strindberg August, 1849-1912), шведский писатель 57, 105, 118
- Сувилехто Эеро (Suvilehto Eero, род.1947), финский поэт, переводчик с болгарского языка 19, 57, 63-64, 66, 79, 125, 136
- Тагор Рабиндранат (Thakur Rabindranath, 1861-1941), индийский писатель, общественный деятель 101

- Талас Онни (Talas Onni до 1919 г. Gratschoff, 1877-1958), финский посол в Болгарии 1934-1940 14, 26, 27, 58, 131, 132, 141, 169, 178-183, 193
- Талвио Майла (Talvio Maila псевдоним, ур. Winter, замужем за Mikkola, 1871-1951), финская писательница 16, 55, 69, 73, 75-77, 108, 132, 212
- Таркиайнен Вильо (Tarkiainen Viljo, 1879-1951), финский литературовед 105, 107
- Тимонен Ирма (Timonen Irma, род.1948), переводчица болгарской литературы на финский язык, исследовательница 125, 125
- Тихменева-Пеуранен Татьяна Сергеевна (род.1942), филолог, исследовательница 19, 152
- Тодорова Елена, преподаватель болгарского языка 79, 126
- Тодоров Петко Йорданов (1879-1916), болгарский писатель 40, 90
- Толстой Лев Николаевич (1828-1910), русский писатель 24, 56, 99-106, 120, 139, 144, 145, 162, 175
- Томсен Вильгельм Людвиг (Thomsen Vilhelm Ludvig, 1842-1927), датский компаративист 69
- Топелиус Цакариас (Topelius Zacharias, 1818-1918), финский писатель, писавший на шведском языке 47, 53, 57, 108, 109
- Торо Генри Дейвид (Thoreau Henry David, 1817-1862), американский писатель, мыслитель, непротивленец 102
- Тошков Веселин (род.1951), болгарский переводчик 57, 87-88
- Тургенев Иван Сергеевич (1818-1883), русский писатель 101, 105
- Туулио Тюуни (Tuulio Tuuni, 1912-2001), финская писательница, переводчица, литературовед 79
- Фердинанд I Кобургский (Сакс-Кобург-Гота, 1861-1948) болгарский князь с 1887, царь Болгарии 1928-1918 60, 65
- Фортунатов Филипп Фёдорович (1848-1914), русский языковед 69
- Фотинов Константин, болгарский публицист 38
- Фридрих Карл Гессенский (Friedrich Karl, 1868-1940), претендент на монарха Финляндии после её независимости 1917 49
- Хаавикко Пааво (Haavikko Paavo, род. 1931), финский поэт 19
- Халтсонен А. (Haltsonen A.), переводчик Г.С Петрова на финский язык 16, 141-144, 147, 169
- Халтсонен Суло (Haltsonen Sulo, 1923-1973), финский библиограф, славист 81
- Ханнула Ууно (Hannula Uno, 1911-1943), финский политик 132
- Хвостова Александра (1768-1853), русская писательница 153
- Хирьяков А., русский писатель, толстовец 102, 142, 144
- Хомяков А. (1804-1860), русский славянофил 157
- Хюрккянен Юкка (Hyrkkänen Jukka, род.1942), финский славист 88, 125
- Хямеен-Антила Вяйнё (Hämeen-Anttila Väinö, 1878-1942), финский издатель, журналист 93-95
- Цанев Иван (род.1841), болгарский писатель, переводчик Юхани Ахо и Арвида Ярнефельта 22, 99, 101-104, 107, 131
- Цанков Драган (1830-1913), болгарский политик 60, 65
- Цонев Беньо (1863-1926), болгарский языковед, переводчик Пиетари Пяйвяринта 94-98, 131
- Цорн Андерс (Zorn Anders, 1860-1920), шведский живописец и график 109-110
- Черноризец Храбр (X век), болгарский монах, один из создателей славянской азбуки 34
- Чертков Владимир Григорьевич (1854-1936), русский общественный деятель, издатель, друг Л.Н.Толстого 99, 100, 104
- Чехов Антон Павлович (1860-1924), русский писатель 97, 101

- Чилингиоров Стилиян (1881-1943), болгарский писатель, феннофил 108
- Чинтулов Добри (1822-1886), болгарский поэт 38-39
- Шаляпин Фёдор Иванович (1873-1938), русский певец 139
- Шамрай Татиана, преподаватель болгарского языка 79, 126
- Шауман Эуген (Schumann Eugen, 1875-1924), активист движения за независимость Финляндии, убийца Н.И. Бобрикова 39, 49
- Шекспир Уильям (Shakespeare William, 1564-1616), английский драматург и поэт 56
- Шелли Мэри (Shelley Mary, 1797-1851), английская писательница 90
- Сеханова Ольга, болгарская художница, жена Георгия Шишкова 79, 81
- Шилдт Рунар (Schildt Runar, 1888-1925), финский писатель, писавший на шведском языке 74, 77, 108, 212
- Шиллер Иоганн Фридрих (Schiller Friedrich von, 1759-1805), немецкий поэт и драматург 108
- Шишков Георги, работник болгарского посольства в Финляндии 81, 134
- Шишманов Адександр (род.1889), болгарский филолог, переводчик М. Талвио, С. Салминен и Р. Шилдта 74-77, 108, 212
- Шишманов Димитр (1889-1945), министр иностранных дел Болгарии 77
- Шишманов Иван (1862-1928), учёный, болгарский культурный и общественный деятель 77, 96, 145
- Шишманова Мария, жена Александра Шишманова 75-77
- Шмид Кристоф (Schmidt, 1768-1854), немецкий писатель 120
- Эрик Святой (Eerik IX Pyhä, XII век), шведский король 40
- Эрнрот Казимир (Ehrnrooth Casimir, 1833-1913), финский генерал-лейтенант, политический деятель 13, 47, 60-61, 64-67, 130, 206, 210
- Юлинен Теуво (Ylinen Teuvo, род.1936), переводчик болгарской литературы на финский язык, автор статей и брошюр о Болгарии 14, 18, 26, 27, 57-58, 122, 125, 180-181, 212,
- Юркянкаллио Пауль (Jyrkänkallio Pauli, до 1944 г. Schmidt, род. 1922), финский посол в Турции и Болгарии 1949-1972 14, 136, 141, 169, 196
- Юслениус Даниэль (Juslenius Daniel, 1676-1752), епископ, фенноман 42
- Яворов Петко (настоящая фамилия Крачолов, 1877-1914), болгарский поэт 22, 40, 56, 78, 91-92
- Ягерхорн Ян (Jägerhorn Jan, 1757-1825), финский политик, сторонник присоединения Финляндии к России 43
- Якобсон Петер (Jakobson Peter, 1854-1919), эстонский поэт 62
- Янчулев В., болгарский деятель кооперативного движения 72-73, 131
- Ярнефельт Август Александр (Järnefelt August Alexander, 1833-1916), финский генерал, картограф 67
- Ярнефельт Арвид (Järnefeldt Arvid, 1861-1932), финский писатель, писавший на шведском языке 13, 16, 24, 25, 29, 56-57, 67, 75, 99-107, 120, 130, 131, 200, 205, 206, 210, 211
- Ярнефельт Армас (Järnefelt Armas, 1869-1958), финский дирижёр и композитор 102
- Ярнефельт Ееро (Järnefelt Eero, 1863-1937), финский художник 102, 113